

Эрнест Хемингуэй

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

СМЕРТЬ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Смерть после полудня
Эрнест Миллер Хемингуэй

Аннотация
Эрнест Хемингуэй. Смерть после полудня
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Библиографическое замечание
Пояснительный словарь кое-каких терминов и фраз, используемых в корриде

Аннотация

Книга, которую называют лучшим произведением о корриде, написанным не испанцем.

Коррида… Смертельно опасная игра человека с быком, одновременно грандиозное, яркое шоу, жестокий спорт и загадочный ритуал, корни которого затеряны в глубокой древности.

Каждый год посмотреть корриду и проникнуться ее духом, духом истинной Испании, съезжаются миллионы туристов со всего мира.

Но что же такое коррида? Какова ее история и законы?

Об этом рассказано в одной из самых ярких книг Хемингуэя — писателя, страстно любившего искусство боя быков…

До этого момента на русском языке печатались только фрагменты. Книга впервые издается полностью, включая богатый фотоматериал с комментариями автора!

Эрнест Хемингуэй
Смерть после полудня

Представленная здесь книга, «Смерть после полудня», не претендует ни на историческую непогрешимость, ни на полноту. Она предназначена скорее как введение в современную испанскую корриду, пытаясь объяснить это зрелище с эмоциональной и практической точек зрения. Она была написана оттого, что не имелось иной книги — что на английском, что на испанском, — которая бы решала эту задачу. У афисьонадо-экспертов автор просит снисхождения за свои технические объяснения. Принимая во внимание, что о манере исполнения одного-единственного суэрте можно составить целый фолиант из противоречивых суждений, нет ничего удивительного, что многие не согласятся с чужим личным мнением.

Э. Х.

Глава первая

Мне казалось, что на самом первом в моей жизни бое быков я буду перепуган, а может, и шокирован чуть ли не до рвоты тем, что случится с лошадьми. Большинство авторов книг и статей о корриде преподносили бой быков как безрассудное и жестокое дело. И даже те, кто находил похвальные слова — мол, это демонстрация мастерства и подлинный спектакль, — все равно сожалели о вовлечении лошадей. Гибель лошадей на арене считалась обычаем, который невозможно оправдать. Думаю, с современной, то бишь христианской точки зрения, бой быков в принципе не имеет права на существование; в нем слишком много жестокости, постоянно присутствует опасность, как вызываемая сознательно, так и непредсказуемая, и всегда есть смерть. Так что мне нет смысла обелять корриду, я лишь добросовестно расскажу о тех вещах, которые постиг на личном опыте. Для этого я должен быть честным до конца или хотя бы приложить к этому усилия, а если кто-то из читателей решит, дескать, вся эта писанина свидетельствует о душевной черствости и толстокожести автора, мне

останется лишь согласиться. Но выступать в роли подобного судьи имеет право только тот, кто сам видел описанные здесь вещи и доподлинно знает, какой была его собственная реакция на них.

Помнится, как-то раз, беседуя о бое быков, Гертруда Стайн обмолвилась, что восхищается Хоселито, и показала фотографии, сделанные в Валенсии. Она сидела в первом ряду деревянных сидений барреры по соседству с Алисой Токлас, а Хоселито со своим братом Эль Галло стояли внизу, на арене. Я тогда только что прибыл с Ближнего Востока, где греки, покидая Смирну, размозжили ноги своим вьючным животным, после чего утопили их на мелководье у самой пристани; хорошо помню, как я заявил тогда, что терпеть не могу бой быков как раз из-за злосчастных лошадей. В ту пору я уже пробовал писать и успел наткнуться на величайшую сложность из всех: надо знать, что ты испытываешь по-настоящему — в противоположность тем эмоциям, которых от тебя ждут или которые тебе прививали. Мало того, надо еще суметь изложить то, что случилось в действительности; какими они были, те вещи, что вызвали в тебе эти чувства. Когда работаешь газетным хроникером, то рассказывая, что и как произошло, с помощью тех

или иных стилистических приемов делишься своими эмоциями, — чему, кстати, способствует сам факт, что ты пишешь на злобу дня: он то и придает окраску любым текущим событиям. Однако та самая цепь действий и фактов, рождающая данную эмоцию, которая останется верной через год, через десятилетие — или, если повезет и если ты сумеешь изложить ее достаточно чисто и верно, то и навсегда, — так вот, эта подлинная суть от меня ускользала, и я из кожи лез вон, чтобы ее ухватить. Теперь, когда войны позади, единственное место, где можно видеть жизнь и смерть, вернее сказать, смерть насильственную, это арена для боя быков, и я страстно желал попасть в Испанию, где смог бы изучить сей феномен подробнее. Я учился писать на простейших вещах, а насильственная смерть как раз и есть одна из самых незамысловатых и основополагающих вещей. В ней нет замутненности, свойственной смерти по болезни или по так называемым естественным причинам; нет запутанного вороха эмоций, которые вызывает смерть друга или того, кто стяжал твою любовь или ненависть. Мне довелось прочесть множество книг, где автор тужился живописать смерть, но выходило смазано, и я решил, что либо автор

никогда не видел смерть четко и ясно, либо не присутствовал ровно в этот роковой миг: физически или психологически зажмурился, как бывает, когда ребенок на твоих глазах вот-вот угодит под поезд, а ты ничем не можешь ему помочь. Думаю, в такой ситуации позволительно, пожалуй, оправдать человека, что он зажмурился, коль скоро все, что он сможет передать, есть простой факт, мол, паровоз через мгновение переедет ребенка, и описание собственно гибели окажется антиклимаксом. Вот почему авторам удавалось передать лишь то, что предшествовало наезду. Зато в случае расстрела или казни через повешение все не так, и если эти до крайности простые вещи надо запечатлеть навсегда, как, к примеру, попытался сделать Гойя в Los Desastres de la Guerra, с закрытыми глазами ничего бы не вышло.

Я кое-что видел в таком жанре, кое-что простое и запоминающееся, однако ни прямое участие в событиях, ни, в ряде других случаев, изложение их на бумаге сразу по окончании и, стало быть, обнаружение вещей, которые требовалось зафиксировать незамедлительно, все же не дали мне возможность изучить их, как, к примеру, мог бы поступить кто-то, исследуя смерть родного отца

или, скажем, повешение человека, с которым он не был знаком и о смерти которого ему не требовалось писать сразу же, чтобы поспеть к первому выпуску послеобеденной газеты.

Вот почему я поехал в Испанию — чтобы увидеть бой быков и попытаться об этом написать. Мне представлялось, что коррида — занятие незамысловатое, варварское и жестокое, и что от него я буду не в восторге, но, по крайней мере, увижу нечто недвусмысленно активное, нечто, дающее ощущение жизни и смерти, ради которого я так старался. Недвусмысленно активное я обнаружил, однако бой быков был настолько далек от незатейливости и настолько мне понравился, что превзошел своей сложностью мои тогдашние способности к сочинительству; если позабыть про четыре коротеньких наброска, я за пять лет ничего об этом и не написал. Хотя лучше бы я подождал лет десять. С другой стороны, просиди я подольше, вероятно, вообще ничего не получилось бы, потому что есть у человека такая склонность: когда ты по-настоящему начинаешь чему-то учиться, то не хочешь об этом писать; наоборот, тебя тянет продолжать осваивать новое, причем постоянно, и, если только ты не эгоист (чему, разумеется, мы и обязаны таким

количеством книжек), ты никогда не сможешь воскликнуть: ну вот, теперь-то я все знаю, пора бы об этом написать. Уж конечно, я такого не говорю; с каждым новым годом я все больше понимаю, что есть чему учиться, но ведь мне известны кое-какие вещи, которые могут быть интересны прямо сейчас, к тому же я могу надолго отойти от боя быков, и, стало быть, отчего бы не написать об этом нынче? И вообще, англоязычная книжка про бой быков может быть полезна, а уж серьезный трактат на столь безнравственную тему и подавно не лишен ценности.

Кстати, о нравственности. До сих пор я полагал, что нравственно то, что вызывает у тебя положительный отклик, а безнравственное, соответственно, вызывает отклик отрицательный. Так вот, если судить с позиции этих критериев (которые я, между прочим, и не отстаиваю), для меня бой быков — вещь высоконравственная, потому что я прекрасно себя чувствую, пока он идет. В эти минуты я ощущаю жизнь и смерть, бренность и бессмертие, ну а когда все заканчивается, я чувствую себя опечаленным, но в целом опять-таки вполне замечательно. И еще: меня не задевает судьба лошадей. Не в том смысле, что мне вообще все равно, а именно в те минуты. Я

сам был поражен этим наблюдением, потому что не переношу зрелища упавшей на улице лошади. Меня сразу тянет ее спасать; я не раз кидался разбрасывать тяжелые вьюки, расстегивать упряжь, уворачиваясь при этом от подкованных копыт, и буду повторять то же самое, пока в мокрую и стылую погоду на городских улицах будут валяться лошади. Однако происходящее с лошадьми на арене для боя быков не вызывает у меня ни ужаса, ни омерзения. Я много раз ходил на эти зрелища в компании как мужчин, так и женщин, видел реакцию окружающих на смерть, на вспоротое рогами лошадиное брюхо; так вот: их реакция совершенно непредсказуема. Женщины, которые, как мне казалось, с удовольствием понаблюдают за боем быков, исключая выпускание кишок лошадям, сидели как ни в чем не бывало. То есть ни чуточки: предмет их неодобрения, нечто страшное и отвратительное не вызывало у них ни омерзения, ни страха. Совсем. Зато другим людям, причем обоих полов, становилось прямо-таки дурно. Позже я приведу конкретные примеры, а пока хотелось бы просто отметить, что не было никакой разницы, или границы, скажем, в уровне воспитанности, цивилизованности или житейского опыта, которая

позволила бы сказать: вот эти будут огорошены, а вот эти — нет.

Из личных наблюдений могу засвидетельствовать, что есть две группы людей: одни, если пользоваться языком психологии, идентифицируют себя с животными, иными словами, ставят себя на их место, в то время как другие идентифицируют себя с людьми. Причем те, кто идентифицируют себя с животным — и здесь речь идет о едва ли не профессиональных любителях собачек и прочих созданий, — способны на большую жестокость по отношению к человеку в сравнении с теми, кто с меньшей готовностью принимает позицию зверя. Очевидно, по этому вопросу между людьми есть коренная разница взглядов, хотя тот, кто не идентифицирует себя с животным и в принципе не отличается особой любовью к ним, вполне может быть привязан к какой-то конкретной собаке, кошке или, к примеру, лошади. Но такую привязанность они будут формировать на основе определенного качества этого животного или в силу некой ассоциации, а вовсе не потому, что это зверь и, стало быть, заслуживает любви. Что касается меня лично, я испытывал глубокую привязанность к трем кошкам и, кажется, четырем собакам, а также всего

лишь двум лошадям, тем самым, которых купил, седлал или запрягал для своих прогулок. Что же касается лошадей, которыми я интересовался на скачках, то к ним я испытывал глубокое восхищение, а уж когда сам ставил на них деньги, то едва ли не любовь. В моей памяти остались Фрегат, Истребитель (честное слово, в него я прямо-таки втюрился), Шпинат, Царь, Герой-XII, Мастер Боб и полукровка по прозвищу Ункас, тоже стиплер, как и двое предыдущих. Всеми этими животными я искренне восхищался, но вот насколько глубина моей любви была связана с размером поставленных сумм, я не знаю. Когда Ункас, победивший в классическом Отвильском стипл-чейзе при ставках десять к одному и выше, мчался к финишу вместе с моими деньгами, то я любил его глубокой любовью. Однако спросите меня, что в конечном итоге сталось с этим животным, о котором мы с Эваном Шипманом говорили чуть ли не рыдая — уж так нам нравился сей благородный скакун, — то я отвечу: понятия не имею.[1] Зато я отлично знаю, что не влюблен в

[1] Примечания: 1

Прочитав этот пассаж, мистер Шипман любезно уведомил, что Ункас сломал ногу и сейчас мистер Виктор Эмануэль приспособил его в качестве упряжной клячи. Что меня совершенно не трогает. *(Прим. автора.)*

собак просто оттого, что они собаки, в лошадей — оттого, что они лошади, или в кошек — потому что они кошки.

Вопрос «почему смерть лошади на арене не цепляет за душу», а если точнее, не цепляет за душу кое-кого из людей, довольно сложен. Фундаментальная причина, похоже, в том, что гибель лошади комична, а быка — трагична. Дело в том, что в бое быков лошадь — персонаж комический. Такова удивительная правда. Чем несуразнее выглядит лошадь (при условии, что у нее достаточно высокий круп и она достаточно прочно стоит на ногах, чтобы пикадор мог орудовать своей vara, то есть пикой), тем больше она привносит комизма. Вполне естественно, если вас охватит ужас и отвращение при виде этих пародий на лошадь, не говоря уже об их судьбе, однако заранее такую реакцию предсказать нельзя, если только вы сами себя на нее не настроите. Эти лошади как бы даже и не лошади; в каком-то смысле они сродни птицам — неуклюжим птицам вроде марабу или зобатых аистов. Когда бык подхватывает такую лошадь на свой загривок и над ареной болтаются ее тощие нош с шишками копыт, уныло обвисает шея, за рог цепляется измочаленное брюхо, то это, конечно, не смешно

— но, клянусь вам, и не трагично. Весь трагизм сосредоточен в быке и в человеке. Кульминация карьеры этой лошади состоялась вне аренды и намного раньше, а именно, когда ее приобрели для корриды. По какой-то причине подобный конец кажется вполне закономерным для такого животного, и когда трупы лошадей накрывают парусиной, торчащие из-под нее длинные нога, шеи, деформированные головы, да и сама ткань, напоминающая сложенные крылья, делают этих лошадей как никогда похожими на птиц. Ни дать ни взять дохлый пеликан. Живой пеликан интересен, он забавен, вызывает симпатию, хотя и награждает вшами, стоит его погладить; а вот дохлый пеликан выглядит по-дурацки.

Я пишу это не в оправдание боя быков, а чтобы подать его как единое целое, и для этого придется признать ряд вещей, которые защитник корриды упомянет мельком, а то и вовсе постарается обойти стороной. То комическое, что происходит с лошадьми, не есть смерть. В смерти нет комизма. Она придает мимолетную величественность даже самым смехотворным персонажам, хотя стоит смерти состояться, как от величественности не остается и следа. Дело в том, что кровавые события на арене порой принимают нелепый,

чуть ли не карикатурный характер. Разумеется, по нашим меркам, нет ничего смешного в том, что животному выпускают кишки; но если это животное ведет себя не трагически, иными словами, величественно, а напротив, одеревенело, как нескладная старая дева, галопирует по арене, таща за собой нечто противоположное облакам славы, это столь же комично, как если бы вместо окровавленных внутренностей тянулись сардельки, крашеные бинты и прочий вздор, наподобие того, что показывают братья Фрателлини в своих клоунадах. Если комично одно, то столь же комично и другое; смех рождается из одного и того же принципа. Я это видел: бегущих людей и лошадей со вспоротыми животами; видел, как исчезает величавость под брызгами, ошметками и вывалившейся требухой из самых сокровенных ценностей, когда трагедия становится форменной буффонадой. Я видел их, выпотрошенных — вот, пожалуй, наихудшее слово, — в те мгновения, когда, в силу обстоятельств, это выглядело ужасно смешно. Такие вещи полагается осуждать, и как раз из-за этого-то осуждения до сих пор не удалось объяснить, в чем же суть боя быков.

Сейчас вышеупомянутые кровавые обычаи уже не практикуются в Испании, потому что в период

правления де Риверы было решено защитить лошадям брюхо посредством своеобразных стеганых тюфячков, «дабы избежать сих безобразных картин, которые столь претят чужеземцам и туристам», если пользоваться формулировками правительственного указа. Да, эти попонки позволили «избежать безобразных картин» и существенно снизили лошадиную смертность на арене, но ничего не сделали для уменьшения испытываемой ими боли. Зато весьма пострадала зрелищность, о чем у нас еще пойдет речь; к тому же эти меры стали первым шагом к полному запрету боя быков. Коррида в Испании — своего рода социальный институт; он возник и существует отнюдь не ради чужеземцев и туристов, а напротив, вопреки им, так что любые шаги, призванные заручиться их одобрением, направлены на подавление этого обычая.

Строки, где обсуждается реакция человека на судьбу лошадей в корриде, появились здесь вовсе не оттого, что автор хочет рассказывать о самом себе и собственных впечатлениях под тем предлогом, что они-де важны в силу личной принадлежности; они лишь подчеркивают тот факт, что реакция мгновенна и непредсказуема. Я не стал безразличен к судьбе лошадей из-за

огрубления чувств, неоднократно побывав свидетелем такого зрелища. И дело не в том, что до эмоций сложнее достучаться, когда тема становится очень знакомой. Я все равно принимаю происходящее с лошадьми близко к сердцу, как в самый первый раз. Наверное, можно заявить, что я очерствел, наблюдая за войной или работая журналистом, но это не объясняет, отчего точно такую же реакцию испытывают люди, которые никогда не видели войну, не переживали — физически и буквально — какой бы то ни было ужас или не работали хотя бы в утреннем листке.

Думаю, что вся эта трагедия — бой быков — настолько заорганизована и подчиняется такой строгой дисциплине, что любой человек, который эту трагедию ощущает, не способен вычленить второстепенную лошадиную трагикомедию, чтобы прочувствовать ее на уровне эмоций. Если кому-то удается ощутить смысл корриды, когда он ничего о ней не знает, а лишь видит, что она длится и в какой-то момент заканчивается, то лошадиные перипетии для него не более чем случайный эпизод. Если человек не ощущает трагедию, то естественно ожидать, что эмоциональный отклик у него будут вызывать самые яркие происшествия. Будь он человеколюбив

или животнолюбив (ну и словечко!), столь же естественно, что у него не возникнет ощущения трагедии, а лишь реакция по человеколюбивым или, соответственно, животнолюбивым соображениям, причем самым большим страдальцем является лошадь. Если такой человек идентифицирует себя с животным, то станет испытывать подлинные муки, не исключено даже, посильнее лошадиных. Тот, кто уже получал рану, знает: настоящая боль приходит не раньше, чем через полчаса, причем тяжесть раны и вызванная ею боль не прямо пропорциональны. Боль в брюшной полости возникает много позже, с началом газообразования и развитием перитонита; зато вытянутая жила или сломанная кость принимаются болеть тут же, да еще дико. Однако подобные вещи либо вовсе неизвестны, либо игнорируются человеком, который идентифицирует себя с животным, и он будет мучиться искренне и тяжело лишь от этой стороны боя быков, в то время как увечье, полученное скакуном в ходе стипл-чейза, вызовет у него не страдания, а лишь сожаление.

В общем и целом получается, что афисьонадо, или ревностный поклонник боя быков, это человек, который обладает чувством трагедии и ритуальности корриды в такой степени, что ее

второстепенные стороны важны лишь постольку, поскольку соотносятся с единым целым. Либо ты обладаешь этим чувством, либо нет; все равно что — и я не ставлю здесь знака равенства — все равно что иметь или не иметь музыкальный слух. Если у слушателя нет музыкального слуха, то весь симфонический концерт может свестись для него к движениям «пильщика» на контрабасе; точно так же в памяти зрителя корриды может остаться лишь внешняя гротескность пикадора. Движения контрабасиста гротескны, а извлекаемые звуки, сами по себе, зачастую вовсе бессмысленны. Если бы слушатель симфонического концерта проявил свое человеколюбие в той же степени, как и при бое быков, он, наверное, нашел бы столь же изрядный простор для борьбы за повышение заработной платы и уровня жизни контрабасистов, что и при облегчении участи несчастных лошадок. Будучи, однако, человеком культурным (вправе же мы сделать такое допущение?) и полагая, что симфонические оркестры в принципе вещь хорошая и принимать их следует в совокупности, он, наверное, не будет испытывать на концертах ничего, кроме удовольствия и одобрения. Он не воспринимает контрабас отдельно от всего оркестра и не замечает, что на нем, вообще-

то, играет некий человек.

Как и в любом искусстве, чем больше в нем разбираешься, тем выше наслаждение, однако люди, даже впервые попавшие на бой быков, с ходу понимают, интересен он им или нет, — но только в том случае, если отправляются на корриду с непредвзятым мнением и переживают эмоции искренне, а не по указке. А может выйти и так, что бой быков будет им совершенно безразличен, и не важно, удался он или нет; здесь любые объяснения бессмысленны, и заметна лишь очевидная аморальность всего мероприятия, как оно бывает, когда люди отказываются получить удовольствие от вина лишь потому, что считают это предосудительным.

Сравнение с выпивкой отнюдь не притянуто за уши. Культура потребления вина стоит в ряду наиболее значительных достижений цивилизации, естественных и доведенных до совершенства; вино, пожалуй, дает более широкий простор для наслаждения и ценительства, чем любое иное чисто сенсуальное удовольствие, доступное за деньги. Вина можно изучать, а личные вкусовые пупырышки — обучать, причем целую жизнь: вкус рафинируется, становится более взыскательным, и ты непрерывно полу-

чаешь больше радости от вина, хотя твои почки слабеют, суставы пальцев на руках и ногах распухают и деревенеют, и вот, наконец, ровно в тот период, когда ты научился любить вино самой пылкой любовью, врачи тебя от него отлучают на веки вечные. Так глаз, который, по сути, являясь изначально лишь здоровым инструментом, с течением времени становится способен передавать в мозг все более и более приятные картины благодаря приобретенным знаниям или навыкам различать увиденное, — хотя сам уже не столь крепок. У любого из нас тем или иным образом изнашивается организм, и мы все умрем; так вот, я скорее соглашусь иметь вкус, который позволит в полной мере насладиться бутылочкой «шато марго» или «шато о-брион» (хотя излишества, на которые я пускался, приобретая столь тонкий вкус, довели печень до состояния, при котором мне уже нельзя пить «ришбур», «кортом» или «шамбертен»), нежели обладать луженными кишочками моей молодости, когда все красные вина — кроме портвейна — были под стать горькому пиву, а выпивка представляла собой процесс поглощения чего угодно, зато в таком количестве, что море стало по колено. Тут фокус, разумеется, в том, чтобы не потерять право на

вино раз и навсегда; все равно что — продолжая аналогию с глазом — избежать слепоты. Похоже, однако, что во всем этом присутствует изрядная доля случайного везения, и, как ни тужись, никто не сможет избежать смерти или, к примеру, заранее сказать, какой орган твоего тела чего и сколько выдержит, пока сам это не проверишь на практике.

Наверное, кому-то покажется, что мы изрядно отклонились от темы боя быков, но я вот что хочу сказать: чем больше знаешь о винах, чем рафинированней твой вкус, тем больше шансов на то, что ты будешь извлекать из вина бесконечное наслаждение; точно так же может расти удовольствие и от корриды, пока она не станет главнейшей мелкой страстишкой в твоей жизни. Вместе с тем человек, выпивающий — не как знаток и ценитель, а именно что выпивающий — стакан вина впервые в жизни, будет знать, нравится это ему или нет, идет ли на пользу, даже если ему неинтересно разбираться во вкусе вина или он вообще лишен такой способности.

Большинство поначалу предпочитает десертные вина, скажем, сотерны из Грава или Барсака, а также игристое, в частности, не слишком сухое шампанское или игристое бургундское благодаря

их живописному оформлению, в то время как на более позднем этапе все вышеперечисленное, вероятно, захочется поменять на легкие, но изысканные и полновкусовые винтажи гран крю из Медока, хотя это вино может оказаться в простецкой бутылке без этикетки, пыли или паутины, словом, ничего живописного, лишь безыскусственная гармоничность и легкость вкуса на твоем языке, прохлада во рту, а затем приходит тепло. Так же и в корриде: все начинается с живописности пасео — красочность, сценичность, театральность фаролов и молинет; матадор кладет руку на бычью морду, гладит рога; словом, разыгрывается вся та бесцельная и романтическая чепуха, которую так обожает зритель. Публика рада видеть, что лошади защищены, не надо огорчаться неудобоваримыми картинами, и все эти сцены вызывают рукоплескания. Наконец, когда зритель — благодаря неоднократному опыту — становится заправским ценителем, он начинает требовать искренности и эмоций: подлинных, а не вызванных хитрыми уловками; всегда в цене классика, а также чистота исполнения суэрте. Зритель уже не хочет подслащенности, напротив, предпочитает лошадей без защитных рогожек, чтобы видеть

все раны. И чтобы была смерть, а не мучения, на которые теперь обречена лошадь, в то время как слабонервного пожалели. И подобно самому первому глотку вина, ты сразу поймешь, нравится ли тебе такое или нет. В корриде имеются формы на любой вкус, и если она тебе не понравилась, в смысле, целиком, без копания в деталях, то, стадо быть, она не для тебя. Понятное дело, ценителям корриды было бы приятно, если бы те, кому она не по душе, не устраивали бы против нее крестовых походов, не давали бы денег на ее запрет на том основании, что коррида-де их оскорбляет или не доставляет удовольствия. Однако на такое надеяться глупо; любая вещь, способная вызывать страстную любовь, может вызвать не менее страстную ненависть.

Скорее всего первый в жизни человека бой быков окажется неудачен с артистической точки зрения, раз уж замечательными должны быть и матадоры, и быки; сочетание из матадора-артиста и плохого быка не дает интересного боя, так как матадор, умеющий произвести самое яркое впечатление, не станет проделывать виртуозные вещи с быком, который не атакует в лоб. Вот и получается, что если бык неудачен, если в нем видна лишь свирепость, а не великолепие, то на

него нельзя положиться, он сдержан или непредсказуем; лучше, когда с такими быками имеют дело многоопытные, бесхитростные и отлично знающие свое ремесло матадоры, но никак не артисты. Такие матадоры и с трудным животным дадут зрелище надлежащее, а раз от быка исходит дополнительная опасность, для преодоления которой требуются дополнительное мастерство и смелость, чтобы достойно подготовить быка и убить его, такой бой интересен даже полнейшему новичку. Зато если умелый, отважный и сведущий матадор столкнется с настоящим торо браво, то есть храбрым боевым быком, тем самым, который нападает в лоб, который откликается на все поддразнивания и вызовы, который лишь раззадоривается от боли и обладает тем техническим качеством боевого порыва, кое испанцы именуют словом «благородство», в то время как матадор всего лишь храбр и бесхитростен, не владеет волшебством гибкого запястья и зрением художника, которые в сочетании с истинно боевым быком и породили скульптурную пластику современной корриды, то этот матадор садится в лужу: он обеспечивает пусть честное, но ничем не примечательное зрелище и все ниже катится по лестнице коммерческого рейтинга, в то время

как в толпе из работяг, получающих, скажем, не больше тысячи песет за год, раздается, причем совершенно искренне: «Эх, я бы и сотню монет выложил, лишь бы поглазеть на Каганчо с этим быком!» Каганчо — цыган, подвержен приступам трусости, в нем совершенно отсутствует бесхитростность, он нарушает все заповеди матадора, как писаные, так и неписаные, однако стоит ему заполучить быка, в котором он уверен (а такую уверенность он испытывает крайне редко), как он начинает проделывать с ним вещи, свойственные всем матадорам, но невиданным доселе образом. Порой Каганчо стоит совершенно неподвижно, будто вросшее в землю дерево, держится с надменностью и грациозностью, которые так свойственны цыганам; плащ развернут во всю ширину, и он перекидывает его перед бычьей мордой словно яхтенный парус — до того медленно, что искусство боя быков, которое не является искусством академическим лишь потому, что оно не перманентно, в заносчивой медлительности вероник, затягивающихся будто на целые минуты, становится перманентным. Вот вам образчик цветистого бумагомарательства наихудшего свойства, — и все же без него не обойтись, когда надо передать ощущение, а у того, кто никогда

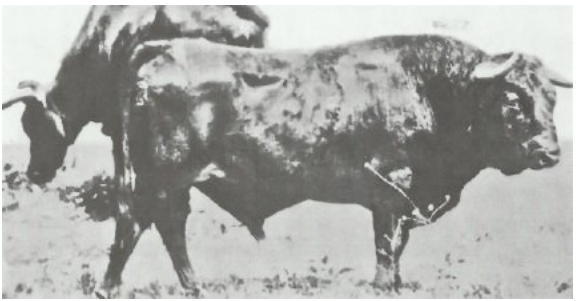
этого не лицезрел, простая констатация не вызовет переживаний. Читатель, видевший корриду, волен пропустить эти вычурные пассажи и сразу перейти к фактам, которые куда сложнее вычленить и сформулировать. А факт заключается в том, что цыган Каганчо порой способен своими волшебными запястьями исполнить традиционные движения настолько вкрадчиво, что они так же отличаются от традиционной корриды, как замедленная киносъемка — от съемки обычной, будто ныряльщик научился управлять скоростью полета, и вот он продлевает свой прыжок «ласточкой», который быстротечен и резок в жизни, хотя на снимках напоминает планирование; он и впрямь превращает его в долгое скольжение на манер тех прыжков и скачков, что мы порой проделываем во сне. К другим матадорам, чьи запястья обладают или обладали этой же способностью, относятся Хуан Бельмонте, а также Энрике Торрес и Феликс Родригес; они периодически демонстрируют подобное волшебство с плащом.

Зрителю, впервые идущему на бой быков, не стоит рассчитывать на сочетание идеального быка и матадора, который к нему идеально подходит. Такое случается разве что раз двадцать

за сезон во всей Испании, и шансы попасть на подобное зрелище невелики. Новичок к тому же будет настолько оглушен — визуально, я имею в виду — множеством вещей, что не сможет все это воспринять глазами, и та коррида, равной которой, может статься, ему уже никогда не доведется увидеть, покажется вполне заурядным событием. Если есть хоть какая-то надежда, что человеку в принципе понравится бой быков, то в самый первый раз лучше всего сходить па средненькое представление, скажем, с парочкой великолепных быков и четверкой заурядных, чтобы более выпукло подчеркнуть разницу между ними. Пусть там будут три матадора без завышенных гонораров, чтобы любые виртуозные штуки выглядели сложными, без напускной легкости; место лучше бы выбрать не слишком близко к арене, чтобы видеть все сразу, а не переключаться постоянно то на быка и лошадь, то на человека и быка, то на быка и человека — а еще нужен солнечный денек. Без солнца никуда. Теория, практика и собственно зрелище корриды — все это было выстроено из расчета на солнце, и если оно не сияет над ареной, считай, треть боя пропала. Испанцы говорят: «El sol es el mejor torero». Солнце — лучший тореро, и без солнца

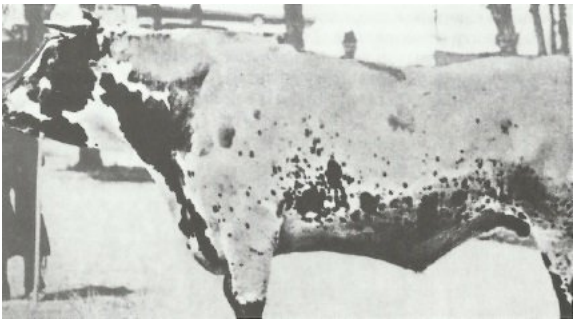
лучшего тореро нет. Он словно человек без тени.

ПЛЕМЕННОЙ БЫК



К двадцати двум годам рога потрескались и расщепились; глаза обленились, а вес «переехал» вперед, подальше от того места, что породило для арены восемьсот двадцать сыновей, так что круп в итоге стал легким как у теленка, зато все остальное превратилось в настоящий монумент.

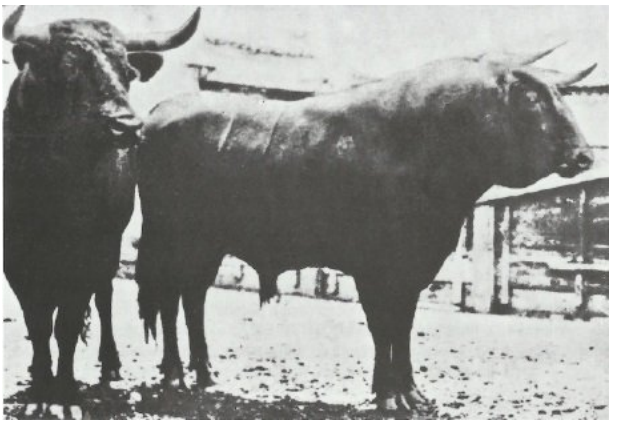
ВОЛ



А вот здесь мы видим вола, выращенного ради мяса и трудовых повинностей, хотя, если судить по его морде, он мог бы стать президентом, кабы начал свою карьеру в несколько иной сфере. От боевого быка он отличается не только этим, но и общей формой тела; копыта мощные и широкие, хвост толстый, шерсть напоминает скорее лен, а не шелк; весьма рослый в холке, к тому же отсутствует тот мускульный пласт, что покрывает загривок боевого быка от рогов до лопаток. Вол может всю свою жизнь усердно работать, а может быть забит на мясо в самом начале своего трудового пути, но ему никогда не дадут убить лошадь. Впрочем, ему это вовсе ни к

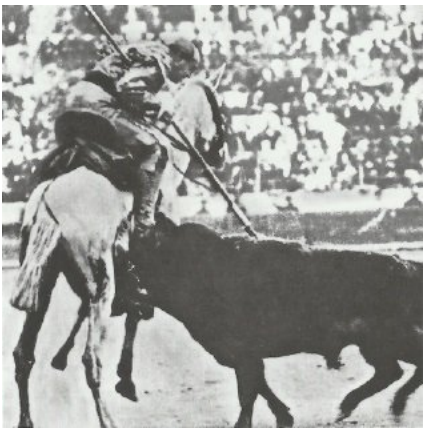
чему. Итак, да здравствует вол, столь полезный и дружелюбный современник человека.

ДВА БОЕВЫХ БЫКА



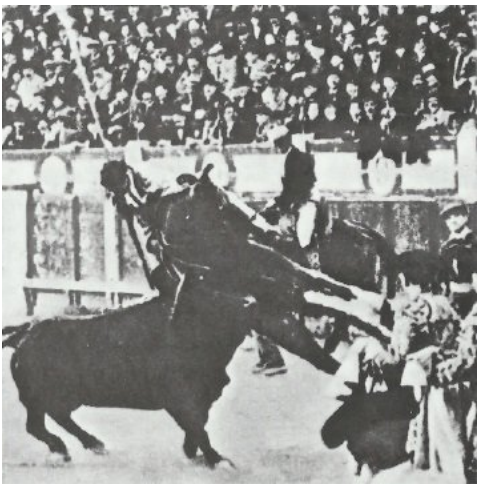
Когда бык чем-то раздражен, мускульный пласт на его шее вздыбливается. Этими мышцами он подбрасывает в воздух свою жертву, и когда его голова посажена так высоко, как на снимке, человек не может перегнуться через рога для удара шпагой. Для правильного закалывания необходимо эти мышцы утомить, и коррида как раз в этом и заключается: человек своими действиями утомляет быку шейные мышцы,

чтобы затем вонзить шпагу спереди, причем не где-нибудь, а в загривок между лопатками.



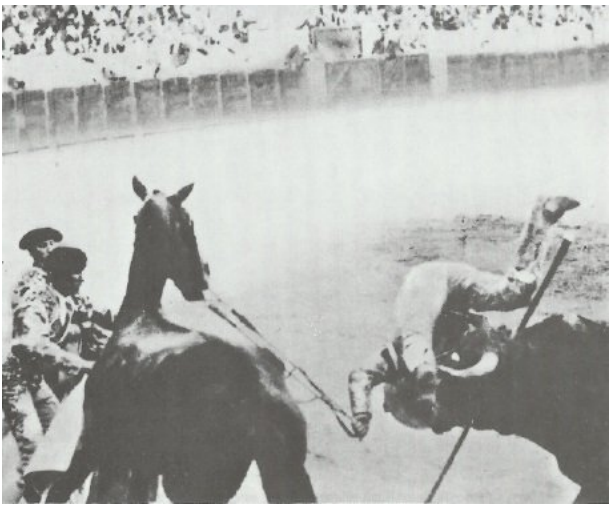
Сурито из Кордовы, один из величайших пикадоров в истории, колет копьем чуть позади идеальной точки, а чтобы удар вышел надежней, он позволил быку всадить свой рог. Стиль *иттящий, исполнение циничное, ну а лошадь, которая вскоре издохнет (стоит лишь приглядеться внимательней, как это сразу становится ясно) не паникует, потому что всадник шенкелями дает понять, что все идет как надо. Лошади, кстати, в своем большинстве поставляются из Соединенных Штатов, где их закупают на*

рынках Сент-Луиса и Чикаго пять долларов за голову, а то и дешевле, и через Ньюпорт-Ньюс пароходами отгружают в Испанию. Этот бык несколько трусоват, иначе Сурито не швырнул бы в него шляпой (она лежит на песке), чтобы спровоцировать нападение. Возможно, смещение точки укола назад как раз и объясняется тем, что он заранее знает, что атак будет немного.



Венено, погибший на мадридской арене, колет торо браво, наваливаясь всем телом на пику; матадоры (стоящие справа) следят, где и как

упадет этот пикадор и куда повернет затем бык, поскольку им придется отвлечь и увести его с помощью плащей.



Вот что бывает, когда лопается седельная подпруга и пикадор валится прямиком на рога. Чиквело, тот матадор, чье лицо наполовину скрыто за чужим беретом, выглядит несколько запоздалым, но фотография — дело хитрое, и тот факт, что с пикадора еще не слетела шляпа, говорит о том, что он буквально миг назад оказался у быка на рогах, которые, кстати, на

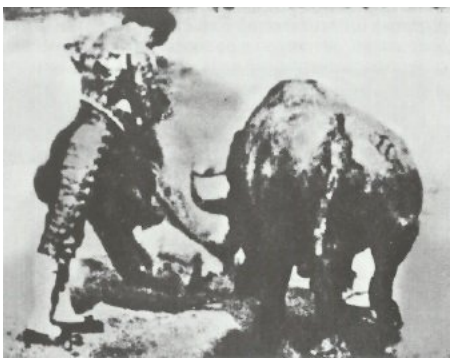
удивление коротки. Мы видим, что в тело угодил лишь кончик правого рога. Второго матадора зовут Хуан Анло, он же Насьональ II, и все шансы за то, что он сделает китэ, хотя если после подбрасывания пикадор свалится с рога и бык увидит перед собой лошадь, именно она и станет мишенью.

Здесь все хором бегут делать китэ, даже Эль Галло, крайний слева, чья физиономия выражает все краски предельного неудовольствия. Бык так распалился, что даже забыл про свои рога и бьет

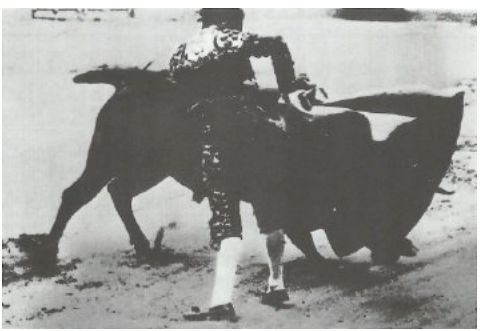
тореро просто мордой.

Вероника в исполнении Хуана Бельмонте. Отведя быка от упавшего пикадора, он делает пасс плащом.

Вероника вправо в исполнении Хитанильо де Триана. Это второй пасс в связке вероник.



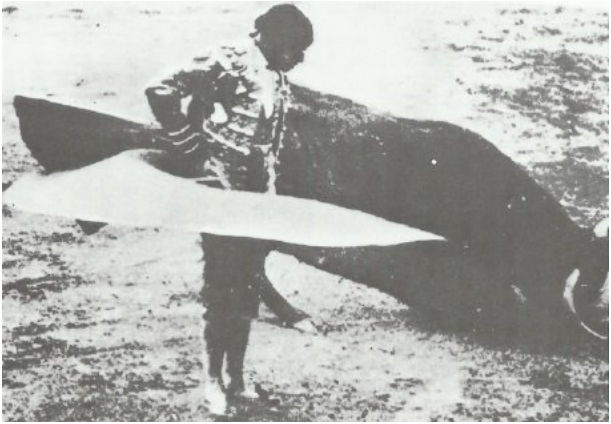
Вероника влево в исполнении Энрике Торреса. Это третий пасс в связке вероник, а три матадора, представленные на снимках (если зачесть сюда Феликса Родригеса), являются самыми лучшими артистами с плащами из всех, кого знавала арена. У Бельмонте недостает вкрадчивости и чуть хромает низкий, медленный разворот, свойственный остальной троице, но именно он разработал оригинальный стиль, который те подхватили и усовершенствовали.



Собрать плащ ближе к себе в конце связки вероник, чтобы закрутить быка, словно обматываясь поясным ремнем, правая нога выставлена и чуть согнута (эту позу потом будут копировать, но, так и не смогут идеально повторить, пока не появится еще один гений, умеющий столь же

нещадно скручивать собственное тело) — такова медиавероника Хуана Бельмонте. Этот пасс завершает связку и служит для «стопорения» быка в одной точке, после чего человек вальяжно удаляется.

Хуан Бельмонте



Скульптурные пассы плащом в исполнении Каганчо. Завершив связку вероник реболерой, он так сильно крутанул быка, что тот завалился на колени.

Гаонера в исполнении автора, Родолфо Гаоны.

Глава вторая

Бой быков не является спортом в англосаксонском смысле этого слова; иначе говоря, это не состязание равных и даже не потуга на него в рамках соперничества быка и человека. Скорее, это трагедия о гибели быка, которая разыгрывается — более или менее артистично — быком и человеком, и где для человека присутствует опасность, но уж для животного в любом случае все кончается смертью. Матадор способен управлять степенью этой опасности по мере отдаления или приближения к рогам. Если знать и соблюдать правила пешего боя на ограниченной арене, сформулированные годами практики, то человек получает возможность выполнять определенные действия с быком, не попадая ему на рога; матадор, таким образом, при сближении дистанции все больше и больше зависит от реакции и глазомера. Эта потенциальная опасность, которую человек создает по собственной воле, может привести к гарантированному ранению, если из-за невежества, медлительности, бездеятельности, слепого безрассудства или секундной робости нарушить любое из фундаментальных

правил исполнения того или иного суэрте. Все, что делает человек на арене, именуется словом «суэрте». Им очень удобно пользоваться в силу его краткости. Дословно оно означает «действие», но в английском присутствует коннотация с театральным действием, что и ведет к известной расплывчатости.

Люди, впервые побывавшие на корриде, восклицают: «Ну до чего эти быки тупые! Они вечно охотятся не за матадором, а за его за тряпкой!»

Бык охотится за перкалем плаща или алой саржей мулеты лишь в том случае, когда его к этому побуждает человек, причем ткань удерживается так, чтобы бык различал только ее, а не матадора. Вот и получается, что если новичок хочет по-настоящему разобраться в бое быков, ему следует посещать novilladas, или учебные корриды. Там бычки далеко не всегда бегают за красной тряпочкой, а все потому, что молодые тореро лишь набираются опыта, на себе примеряют правила и не всегда помнят, а то и не знают нужные приемы, как зафиксировать внимание быка на приманке, а не на собственной персоне. Одно дело зазубрить правила в принципе, и совсем другое — вспоминать их по мере необходимости, когда остаешься один на один с яростным животным; так что вся-

кий, кому неинтересно судить о манере, которой был побежден бык, а хочется поглазеть лишь на то, как человек летает тряпичной куклой, обливаясь кровью, пусть побывает сначала на новильяде, а уж только затем на corrida de toros, или церемониальном бое быков. И вообще, если интересуетесь техникой, лучше сходить сначала на новильяду, потому что качество внедрения теоретических знаний на практике — уж извините за казенность формулировки — ярче всего проявляется как раз в неудачах. Зритель новильяды может воочию наблюдать ошибки тореро — и чем за них расплачиваются. Он также узнает кое-что о том, в какой степени подготовленность — или необученность — влияет на храбрость.

Помнится, как-то раз, в самый разгар лета, мы сходили в Мадриде на новильяду. День стоял воскресный и до того знойный, что всякий, кто мог себе это позволить, уже покинул столицу, променяв ее на пляжи северного побережья. Из-за жары начало корриды перенесли па шесть вечера; в программу входило убийство шести быков руками трех стажирующихся тореро. Места нам достались в первом ряду, сразу за деревянной загородкой, и когда на арену вылетел первый бык, стало ясно, что Доминго Эрнандорена, корена-

стый, толстопятый и неуклюжий баск в костюме с чужого плеча, либо сядет в калошу, либо его поднимут на рога; об этом ярко свидетельствовали побелевшее лицо и нервозность тореро-новичка. Он никак не мог совладать с ногами; хотел стоять неподвижно и «вести» быка медленными пассами рук, но при всякой атаке судорожно дергался в сторону. Было видно, что ноги все решали за хозяина. Когда тот пытался замереть точеной статуэткой, ступни тут же впадали в озноб, и Доминго отъезжал от опасности, что вызывало крайнее оживление зрителей. Толпа злорадствовала, понимая, что точно так же поведут себя их собственные ноги при виде нападающего быка; и, как водится, они злились на всякого, кто отважился сунуться на арену, делал там деньги, кто обладал точно такими же физическими недостатками, которые не давали им, зрителям, огребать деньгу лопатой — как о том ходили слухи. Два других матадора, в свою очередь, выделывали всяческие выкрутасы с плащом, и на их фоне Эрнандорена со своими корчами проигрывал еще заметнее. Он совершенно утратил контроль за нервами. Когда бандерильи уже сидели в холке и настало время выходить с красной мулетой и шпагой, чтобы подготовить быка к закланию и

наконец прикончить, толпа, до сих пор иронически аплодисментами встречавшая любые нервозные движения Доминго, решила, что их ждет нечто особо забавное. Он стоял как раз под нами, когда забирал у помощников мулету со шпагой и полоскал рот водой, и я видел, как играют у него желваки на скулах. Бедолага так и не смог довериться ногам, чтобы они неспешно доставили его к животному. Он знал, что есть лишь один способ не сойти с места на арене. И вот Доминго бегом кинулся к быку, а метрах в десяти рухнул, зарываясь обоими коленями в песок. В этой позе его уже никто не стал бы высмеивать. Он развернул красное полотнище шпагой и судорожно подался вперед на одном колене. Бык глядел на мужчину, на треугольник красной материи; уши торчком, глаза навыкате. Доминго на коленях одолел еще с метр и потряс тряпкой. Бык задрал хвост, уронил голову, ринулся в атаку. Стоило ему достичь мужчины, как гот с колен взметнулся вверх, разворачиваясь в воздухе будто переметная сума, разбросав ноги как попало — и оказался за земле. Бык на него покосился, отвлекся на широкий, тряский плащ другого тореро, кинулся туда, и Доминго распрямился, не смахивая песок с бледной физиономии и разгля-

дывая свою шпагу с мулетой. Тут я и заметил, что плотный, грязно-серый шелк его взятых напрокат бриджей начисто вспорот от бедра чуть ли не до колена и из разреза выглядывает бедренная кость. Он тоже это увидел, чрезвычайно изумился и зажал рану ладонью. Народ посыпался через загородку, чтобы бегом доставить его в лазарет. Доминго допустил техническую ошибку: не удержал красное полотнище мулеты между собой и быком вплоть до начала атаки. В тот миг, когда опущенная голова быка коснется ткани — это называется «момент юрисдикции», — надо откинуть торс назад и, кончиком шпаги по-прежнему удерживая ткань развернутой, обнести мулету полукругом перед собой, чтобы бык, преследуя красную ткань, пронесся мимо.

Тем вечером в таверне я не услышал ни словечка сочувствия в его адрес. Он был безграмотен, вял и совершенно не в форме. Зачем он так рвался в матадоры? Чего ради повалился на колени? А потому что трус, говорили кругом. Колени для трусливых. Но если он трус, почему настаивал на такой профессии? Его неподконтрольная нервозность не вызывала сострадания, потому что он был актером и получал за это плату. Чем бегать от быка, куда лучше пускать таким

кровь. Напороться на рога — это достойно; ему бы посочувствовали, кабы он попался в один из своих судорожных отскоков, которые хоть и вызывали издевку, но — здесь все сходились — были вызваны недостаточной практикой; а падать на колени! Это уж форменное безобразие! Потому что из-за страха перед быком сложнее всего управлять как раз ногами и ждать; вот почему любые потуги на самоконтроль достойны уважения, хотя народ над ними и глумился: уж очень это выглядело потешно. Но когда он упал на оба колена, не владея техникой боя из такого положения — техникой, которой владеет Марсиаль Лаланда, истинный «профессор» среди всех ныне живущих тореро; техникой, которая и делает эту позицию достойной, — то тем самым Доминго Эрнандорена открыто признал собственную нервозность. Вести себя нервически не зазорно; зазорно лишь эго признавать. Когда матадор падает перед быком на оба колена вследствие нехватки техники и тем самым признает неспособность управлять своими ногами, толпа испытывает к нему сочувствия не больше, чем к самоубийце.

Для меня лично, коль скоро я не тореро, к тому же весьма интересуюсь самоубийствами, эта

проблема носила чисто описательный характер, и, периодически пробуждаясь той ночью, я все пытался понять, чего же не хватает в моих воспоминаниях, что же в действительности случилось на моих глазах. И, припомнив все обстоятельства, я наконец ухватил ответ. Когда Доминго поднялся — физиономия бледная, перепачканная, шелк бриджей распорот от пояса до колена, — я на фоне грязи его штанов и подштанников увидел чистую-пречистую, невыносимо чистую белизну бедренной кости. Вот что было важно.

Кроме того, помимо изучения техники и последствий ее нехватки, на новильядах есть шанс познакомиться с тем, как поступают с дефектными быками, потому что животных, не годящихся для церемониальной корриды, убивают в учебных боях. У почти всех быков в ходе боя выявляются те или иные недостатки, на которые матадор вынужден делать поправку, однако на новильядах эти изъяны, к примеру, по зрению, во много раз очевиднее с самого начала, так что легко понять, как и в какой степени они компенсируются и каковы результаты ошибок такого процесса.

Церемониальная коррида — это трагедия, а не спорт, и бык гибнет наверняка. Если матадору не

удается его убить за отведенные четверть часа, животное выводят с арены под шумные приветствия, чтобы лишний раз опозорить неудачника, после чего, как гласит закон, бык должен быть умерщвлен на скотном дворе. Сам matador de toros, или профессиональный тореро, тоже может погибнуть, но лишь при шансах один к сотне, если только он не малоопытен, невежественен, потерял форму или слишком стар и неповоротлив. Поднимать накал схватки матадор должен в пределах, обеспечивающих его собственную безопасность. Другими словами, ему зачтется в плюс, если он проведет некий известный ему прием в крайне рискованной, но все же геометрически допустимой манере. И напротив, зачтется в минус, если он пойдет на риск из-за невежества, презрения к основополагающим правилам, физической или психической медлительности или слепого безрассудства.

Матадор должен одержать верх за счет знаний и техники. Когда это сделано с изяществом, зрелище просто бесподобное. Физическая сила почти не играет роли, исключая собственно миг убийства. Однажды у пятидесятилетнего «Эль Галло», Рафаэля Гомеса, старшего брата Хосе Гомеса по прозвищу Галлито, то есть Петушок, последнего

представителя знаменитой цыганской династии матадоров, поинтересовались, какими упражнениями он ухитряется поддерживать силу для такого ремесла.

— Сила? — переспросил Эль Галло. — На кой черт она мне нужна? Бык с полтонны весом. Прикажете упражняться, чтобы мериться с ними силенками? Если быку нужна сила, пусть он и тренируется.

Если бы быкам позволяли набираться опыта, как это делают тореро, если бы быков, продержавшихся пятнадцатиминутку на арене, не убивали потом за кулисами, а напротив, вновь выпускали на бой, то они перемололи бы всех матадоров до единого. Коррида на том и основана, что это первая встреча дикого животного и пешего человека. Вот фундаментальная предпосылка современного боя быков, а именно, что бык впервые попадает на арену. Во дни оны разрешалось неоднократно использовать одного и того же быка, и в результате столько положили народу, что 20 ноября 1567 года Пий Пятый издал папскую буллу, отлучавшую от церкви любого властителя, который допускает в своих землях корриду, и запрещавшую хоронить по христианскому обычаю тех, кто погиб на арене. Впрочем,

несмотря на эдикт, коррида в Испании продолжалась, и церковь в конечном итоге смирилась с этим обычаем, — при условии, что бык появится на арене один-единственный раз.

Вы, наверное, уже готовы решить, что, если бы быкам позволяли выходить на бой неоднократно, это превратило бы корриду в подлинный спорт. Что ж, я видел, как сражаются такие быки — да, в нарушение закона — в заштатных городках, на рыночных площадях, которые превращают в импровизированные арены, огородив их по периметру телегами. Такие бои называются capeas, и они нелегальны, если быки используются вновь. Тореро-стажеры, у которых нет финансовой поддержки, приобретают свой первый опыт именно на capeas. Это — спорт, дикий и примитивный, причем, по большей части, воистину любительский. Боюсь, однако, что из-за серьезного риска смерти он никогда не приживется в Америке и Англии, где спортсмены-любители увлекаются играми. Я не имею в виду игру со смертью, где нас пленяет ее близость и шанс уклониться. В играх пленяет победа, а уклонение от смерти мы подменяем уклонением от поражения. Вырисовывается симпатичный символизм, но надо

иметь cojones[2] повнушительней, когда одним из принципиальных участников игры становится смерть. На капеях бык погибает редко. Провинциальные городишки зачастую слишком бедны, чтобы позволить себе гибель быка, да и никто из начинающих тореро не может купить шпагу, в противном случае они бы и не проходили свои университеты на капеях. Зато у богатого спортсмена здесь хороший шанс, коль скоро он может оплатить и быка, и личную шпагу.

Механика психического развития быка, однако, не позволяет добиться великолепного зрелища от быка-ветерана. После первого нападения он замирает на месте и повторяет атаку лишь в том случае, если уверен, что поймает на рога мужчину или мальчишку, который дразнится плащом. Если на площади целая толпа, бык выбирает себе одного человека и гоняется за ним, пока не подбросит в воздух, и не важно, на какие финты, уклонения или уловки пускается при этом облюбованная жертва. Если кончики рогов затуплены, то довольно забавно наблюдать за такими догонялками и подбрасываниями. Силком к быку никого не затаскивают, хотя, ра-

[2] Примечания: 2
Тестикулы / яйца *(исп.)*

зумеется, те, кому не очень туда хочется, идут, лишь чтобы показать свою храбрость. Вышедшие на площадь переживают крайнее возбуждение; это один из критериев подлинно любительского спорта: игрок должен получать эмоций больше, чем зритель (а как только плата за зрелище становится прибыльной при условии, что и зрителю нравится, в спорте появляются зачатки профессионализма), и малейшее свидетельство невозмутимости или самообладания немедленно вызывает аплодисменты. Но когда рога остры, от такого зрелища становится не по себе. Мужчины и мальчишки пробуют имитировать работу с плащом, пользуясь мешковиной, рубашками и старыми плащами точно так же, как и в случае затупленных рогов; единственное отличие — это то, что с рогов они наверняка слетят с такими ранами, которые будут не по зубам местному хирургу. Один из быков-фаворитов на валенсийских капеях погубил за пять лет шестнадцать мужчин и мальчишек, а изранил свыше шести десятков. Участниками капей порой становятся начинающие профессионалы, желающие набраться опыта забесплатно, но в основном это любители, кого влечет чисто спортивный азарт, возбуждение, ну и ретроспективное удовольствие: приятно будет

вспомнить собственное презрение к смерти, продемонстрированное знойным деньком на площади родного города. Многие участвуют из гордыни, в надежде обрести храбрость. Многие выясняют, что храбрости в них ни на грош, но они хотя бы там побывали. Проку им от этого никакого, если не считать внутреннего удовлетворения: мол, я был на арене с быком; такая вещь навсегда врезается в память. Странное чувство: видеть, как на тебя несется разъяренное животное, вполне осознанно стремящееся тебя прикончить; чудище не сводит с тебя глаз, и с каждым мигом все ближе становится тот опущенный рог, на который оно хочет тебя насадить. Эмоции при этом возникают весьма острые, и всегда отыщутся те, кто примет участие в капее из гордости, дабы вспомнить потом свои попытки опробовать тот или иной прием корриды с настоящим быком, хотя в тот миг удовольствия бывает мало. Порой быка убивают, если у городка есть деньги или если народ выходит из-под контроля; все разом набрасываются на него с ножами, кинжалами, мясницкими тесаками и булыжниками; кто-то виснет у быка между рогами и подскакивает вверх-вниз; целая команда обязательно ухватит его за хвост; словом, навалится настоящая

свора из рубщиков и заколыщиков, пока бык не закачается и не рухнет. Всякое любительское или групповое убийство — вещь предельно варварская, грязная, хотя и возбуждающая; здесь до ритуала церемониальной корриды очень далеко.

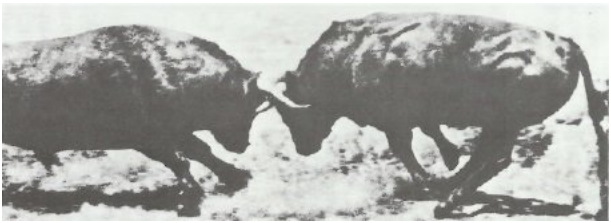
Того быка, который погубил шестнадцать и ранил шестьдесят человек, убили весьма нетрадиционным образом. Одной из его жертв оказался цыганенок лет четырнадцати. Брат и сестра парнишки решили отомстить, затеяв прикончить быка, скажем, когда он будет сидеть в своей клетке после очередной капеи. Дело трудное, так как за столь ценным животным тщательно присматривали. Они ходили за ним по пятам целых два года; ничего не предпринимали, просто появлялись на всех представлениях. Когда капеи вновь запретили — а их то и дело запрещают, раз за разом, особыми правительственными указами, — владелец быка решил сдать его на мясо где-то в Валенсии, тем более что и возраст подходил. Цыгане пришли на эту бойню, и молодой человек испросил разрешения умертвить быка, объяснив, что тот убил его брата. Начал он с того, что выковырял быку оба глаза, пока тот находился в своей клетке, после чего старательно

наплевал в пустые глазницы и, перерубив наконец шейный позвонок кинжалом (правда, не без трудностей), отрезал быку тестикулы. Разведя костер на обочине пыльной дороги, брат и сестра насадили бычьи гонады на прутики и, поджарив, съели их. После чего развернулись к скотобойне спиной и покинули город.

БЫКИ НА СКОТНОМ ДВОРЕ

Пять сыновей племенного быка по кличке Диано.

СХВАТКА БЫКОВ НА ВЫПАСЕ В КОЛЬМЕНАРЕ



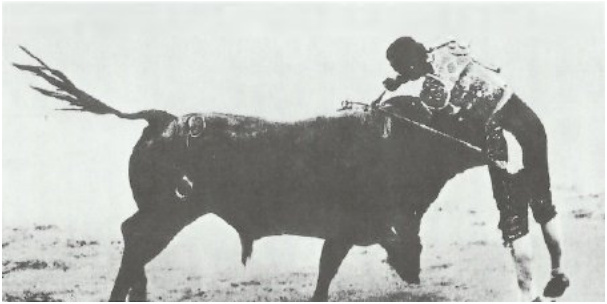
Висенте Баррера в момент пасе де печо. Этот снимок и тот, что ниже, иллюстрирует основы эмоционального отклика в корриде. У зрителя захватывает дух, до чего близко матадор

позволяет быку пролететь мимо его тела, а длительность этого чувства зависит от степени замедленности при исполнении приема.

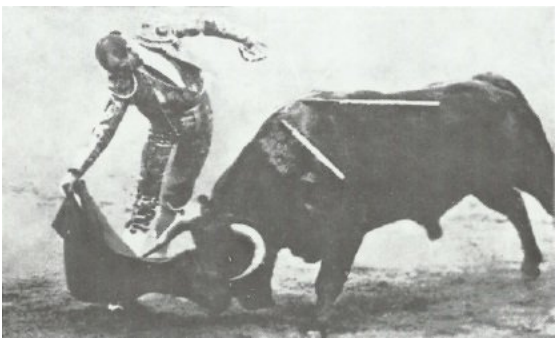
Висенте Баррера при исполнении того же пасса, что и на снимке выше, только на сей раз, вместо того, чтобы позволить рогу пролететь впритык к груди, он опасливо отступил на шаг, так что после устранения риска человек и бык образуют уже не единую группу, а скорее две разрозненные фигуры, не связанные ни эмоциями, ни скульптурной пластикой. Позиция, артистически вполне корректная, становится смехотворной, так как лишена внутреннего достоинства: ей не достает ни чувства опасности, ни массивности, которую привносит бык.

Изящество и несуразность на арене, иллюстрируемые одним и тем же пассом, аюдадо пор альто, в исполнении Каганчо и (снимок ниже) Никанора Вильялты.

Никанор Вильялта при исполнении пасса, который провел Каганчо на предыдущем снимке. Вообще-то, это далеко не вся неуклюжесть, на которую способен Вильялта, зато снимок дает отличное представление о его типичной манере богомола.



Вильялта убивает, хотя и в стиле, который до него не демонстрировал ни один цыган; было бы нечестно показывать, до чего нелепо он выглядит со своими расставленными ногами, не дав заодно увидеть, как он вытягивается вслед за шпагой...



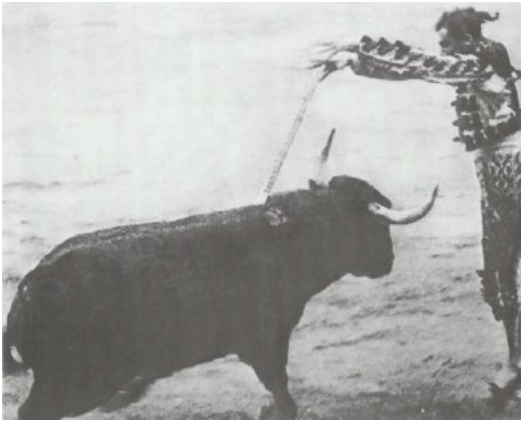
...в то время как с собранными ступнями он умеет выполнять вот такие вещи; бык проно-

сится вплотную к его ногам, и на твоих глазах матадор проворачивается вместе с ним, причем в настолько тесном контакте, что кровь с бычьей шкуры забрызгивает Вильялте живот. Подобные выходки в большой цене у публики, и на них способен лишь Никанор.

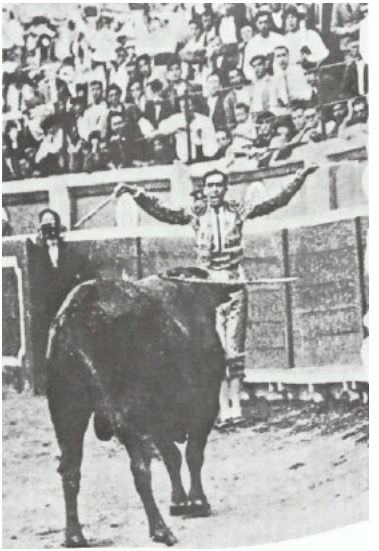
Здесь он тоже проворачивается, и если потом у него на животе не окажется следов крови, можно смело требовать свои денежки назад.

МАНУЭЛЬ ГАРСИЯ «МАЭРА»

За год до гибели.



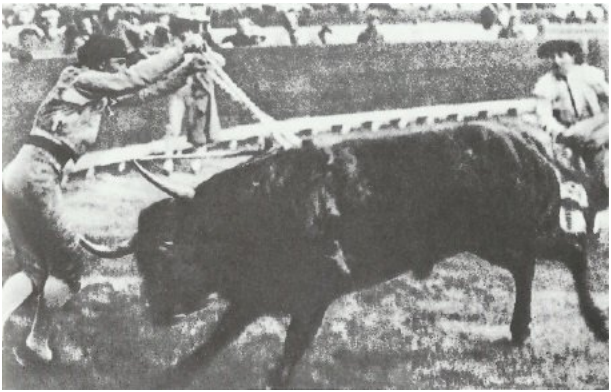
Маэра с парой бандерилий. Обратите внимание, как у него вскинуты руки и до чего выпрямлено все тело. Чем прямее и жестче спина и чем выше руки, тем ближе рога к человеку.



Маэра дразнит быка перед вонзанием второй пары бандерилий (прием выполняется четыре раза общим счетом) в Памплоне в 1924-м; его местоположение настолько опасно, что после второй пары публика принялась кричать «Нет! нет! нет!», умоляя его не идти на столь чудовищный риск. А он блестяще вонзил все четыре пары, провел гениальную фаэну и убил быка в стиле, который хоть в учебник вставляй. Причем за ночь до этого он и глаза не сомкнул, а в семь утра

принимал участие в любительском бою.

Маэра в характерном «праворуком» пасе, выполняемом приемом пасе де печо.



Игнасио Санчес Мехьяс, единственный соперник Маэры в роли бандерильеро из опасных позиций, вонзает пару, подпуская быка настолько близко, что рог раздирает золотую вышивку на правой брючине.

Игнасио Санчес Мехьяс мошенничает при работе с бандерильями: пока тореро вонзает дротики, быка отвлекают взмахами плащей. Следует отметить, однако, до чего плотную группу образуют бандерильи.

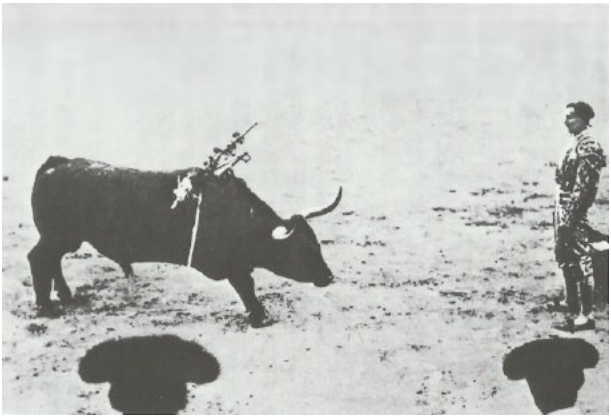
Начало фаэны. Луис Фрег при исполнении пасе де ла муэрте в Мадриде.

И чем эта фаэна закончилась. Луис Фрег с ранением грудной клетки в больнице. Обратите внимание на шрам в его левой подмышечной впадине и расплетенные волосы, которые он носит косичкой: некогда эта была отличительная черта касты тореро.

Рафаэль Гомес-и-Ортега по прозвищу Эль Галло, у входа на мадридскую арену в компании своего младшего брата Хосе, прозванного Хоселито или Галлито. Снимок сделан в начале матадорской карьеры Хоселито. Эль Галло слева, рядом с ним Хоселито. Четвертый слева Энрике Беренгуэр Бланквет», доверенный бандерильеро Хоселито.

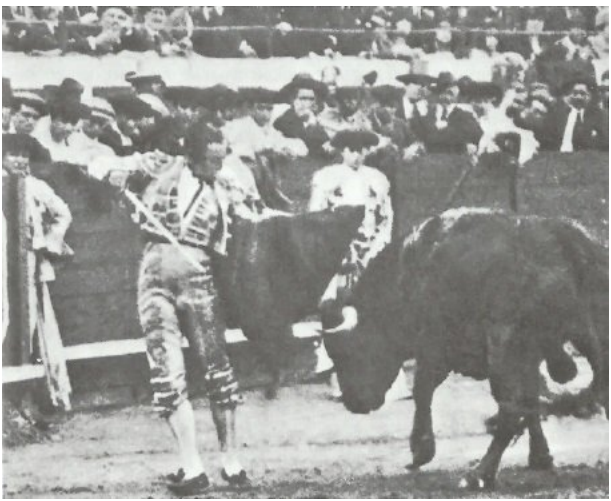
Матадор справа Пако Мадрид из Малаги.

Хоселито исполняет пасе натураль в начале своей карьеры. Обратите внимание, как он без чрезмерных извиваний, в совершенно естественной манере, без кривляний или очковтирательства пропускает рог вблизи своего тела, разворачивая быка за счет проноса ткани, удерживаемой перед правым, наиболее удаленным от человека глазом животного.



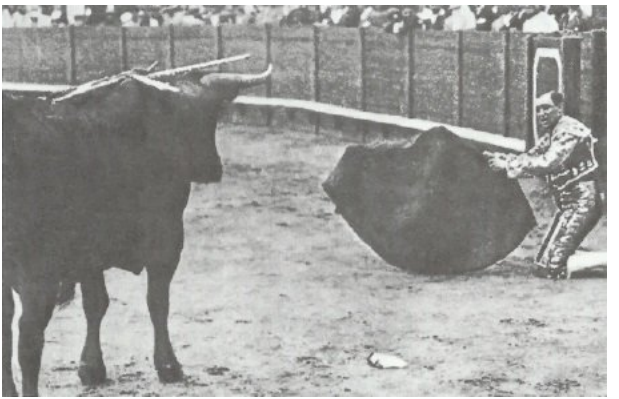
Восемнадцатилетний Хоселито смотрит на мшурского быка, которого он только что убил: пошатнувшись, тот через секунду опрокинется на спину, вскинув все четыре ноги в воздух.

Хоселито работает с трудным быком, провоцируя атаку выставленной ногой; затем мулетой поворачивает быка на сто восемьдесят с очень узким радиусом разворота, чтобы утомить животное.



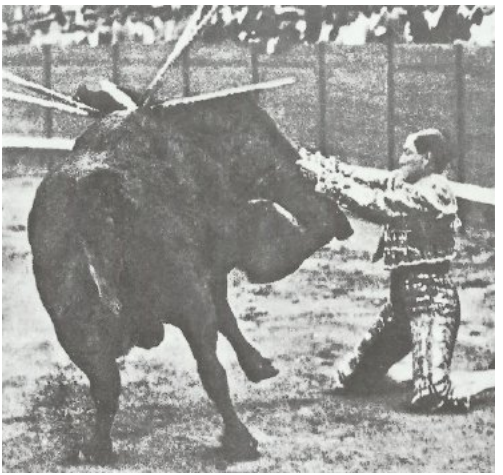
Хоселито в начале своей карьеры, работает в близком контакте, утверждая господство над животным на основе точного расчета. Он знает, в какой степени каждое движение ткани скажется на положении быка, он контролирует его поведение шаг за шагом, предчувствует момент

начала следующей атаки. Его ум и выверенность движений при столь близком контакте производят впечатление, что тореро способен запросто справиться с любым быком. Зато Бланквет, стоящий возле укрытия-бурладеро, разбирается в быках не меньше Хоселито, и из всей толпы народа он один-единственный, кто выглядит встревоженным.



Хоселито в последнюю весну своей жизни, располневший и потерявший форму после зимнего сезона в перуанской столице, дразнит неуверенного быка. Бык не хочет нападать, и Хоселито, не желающий подниматься, признавая тем самым, что идея принять атаку в коленопре-

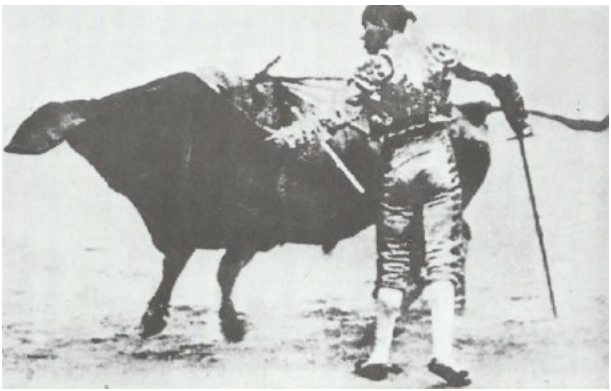
клоненной позиции оказалась неудачной, только что швырнул в быка носовым платком, лишь бы раззадорить.



Бык решается атаковать (мы еще видим носовой и маток), и Хоселито ведет его мулетой, так и не оторвав колен от земли и даже не откинув туловище, точно рассчитав угол, под которым будет нападать животное.

Хоселито шажок за шажком вытаскивает быка из кверенсии возле барреры; он даже разговаривает с ним, держит мулету ближе к правому, более отдаленному от человека глазу животного, тряся тканью хлесткими подергиваниями запястьем; подставляя собственное тело, чтобы бык обрел уверенность, что не промахнется при атаке, при этом постоянно привлекает внимание животного именно к мулете и контролируя позыв к атаке движениями запястья. С храбрым быком работать легко, если человек тоже храбр и технически грамотен; самых больших навыков требует как раз трусливый и неуверенный бык, так как такие животные нападают с той же

прытью, что и быки храбрые, но момент атаки совершенно непредсказуем.



Таковы натурали в исполнении Хоселито и

Бельмонте; лакмусовая бумажка их искусства. Хоселито (верхний снимок), в отличной форме, он полностью здоров, держится естественно, его физические данные и опыт позволяют блестяще контролировать быка мулетой. Бельмонте (нижний снимок) естественен в том, что не скручивается штопором, но быка принимает под более опасным углом, подчеркивая как риск, так и сам факт установления господства; при этом его движения исполнены той зловещей грациозности, которой не обладает Хоселито.

ХОСЕЛИТО МЕРТВ

ХУАН БЕЛЬМОНТЕ

ПОСЛЕДНЕЕ
ВЫСТУПЛЕНИЕ ХУАНА БЕЛЬМОНТЕ

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ЧИКВЕЛО

Глава третья

В современном церемониальном бое быков, или corrida de toros, обычно участвуют шесть быков, которых убивают три человека. На каждого по два быка. По закону, быкам должно быть от четырех до пяти лет, физические недостатки не допускаются, средства вооружения — рога — острые. Животных перед боем осматривает муниципальный ветеринар. Ему предписано отбраковывать слишком молодых или недостаточно «вооруженных» бычков, да и вообще всех тех, у кого что-то не так со зрением или рогами, заметны болезненные симптомы или телесные недостатки, например, хромота.

Люди, которые их убивают, именуются матадорами, а какие именно быки им достаются, решает жребий. Па каждого матадора работает команда-квадрилья из пяти-шести человек, исполняющих его приказы; их труд он оплачивает из собственного кармана. Трое из этих людей, которые ассистируют ему пешими, подают плащи и по его отмашке втыкают бандерильи (трехфутовые дротики с гарпунным наконечником), которые называются пеонами или бандерильеро.

Остальные двое, которые работают на арене верхом, называются пикадорами.

В самой Испании слово тореадор не в ходу. Это устаревший термин, и относился он к тем аристократам, которые до появления профессиональной корриды убивали быков из спортивного интереса, к тому же верхом. Любой, кто участвует в бое быков за деньги, будь то матадор, бандерильеро или пикадор, именуется тореро. Тот, кто убивает быка копьем, сидя в седле чистокровной и специально обученной лошади, называется рехонеадор или кабальеро de maca. На испанском бой быков называется коррида де торос, дословно, «бег быков». Арена именуется пласа де торос.

Утром в день боя представители каждого матадора, как правило, их старшие или облеченные наибольшим доверием бандерильеро, встречаются на скотном дворе арены, где уже расквартированы быки, предназначенные для вечернего зрелища. Они осматривают животных, сопоставляют их размеры, вес, высоту в холке, длину, ширину захвата и остроту рогов, а также состояние шкуры. Последний из перечисленных показателей вполне надежно позволяет оценить общее физическое состояние и, в какой-то степени, боевитость. Признаков, дающих

возможность точно определить боевитость, не существует, в то время как симптомов возможной трусости имеется немало. Доверенные бандерильеро расспрашивают скаткка-вакьеро, который сопровождал животных во время их доставки с фермы (и который, пока они находятся в его ведении, называется майораль), о качествах и норове каждого быка. По итогам обсуждения животные делятся на три лота по два быка; при этом в каждом лоте желательно иметь по одному хорошему и одному плохому быку — хорошему и плохому с точки зрения тореро. Хороший бык не слишком велик, не слишком силен, не слишком рогат, не слишком рослый в холке; самое главное, чтобы у него было хорошее зрение, хороший отклик на цвет и движение, он должен быть боевитым и атаковать в лоб. Плохой бык, опять-таки с точки зрения тореро, слишком большой, слишком старый, слишком мощный, со слишком широко расставленными рогами; плохим быком прежде всего считается такой, кто не реагирует на цвет или движение, кому недостает отваги, или его свирепость быстро угасает, так что тореро не может сказать, как и когда тот бросится в атаку. Представители — по большей части коротышки в кепках, еще небри-

тые с утра, со всевозможными акцентами, но с одинаково жестким взглядом — спорят и совещаются. У номера двадцать рога шире, чем у сорок второго, зато сорок агорой весит на две арробы (полсотни фунтов) больше шестнадцатого. Сорок шестой ростом с кафедральный собор; если его окликнуть, он вскидывает морду от кормушки, а у восемнадцатого шкура в крапинку, и он может оказаться робким как вол. Когда, после долгих пререканий, лоты определены и номера быков, проставленные у них на пашине, записаны на трех бумажках для самокруток, бумажки скатывают и бросают в кепку. Крапчатого труса поставили в пару с черным быком среднего веса, обладателем лоснящейся шкуры и не слишком длинных рогов. Ходячий кафедральный собор оказался в компании с номером шестнадцать, который хоть и невелик (его едва пропустил ветеринар) и не обладает яркими характеристиками, воплощает собой идеал полубыка, то есть животного, которое выглядит как бык-мечта, но без его развитой мускулатуры и знаний, как пользоваться рогами. Широченные и острые, как шило, рога двадцатого скомпенсированы скромностью габаритов сорок второго, которому своей миниатюрностью уступает лишь номер

шестнадцать. Мужчина, кому доверена кепка, трясет ее, каждый представитель запускает туда смуглую руку и вытягивает плотно скрученную папиросную бумажку. Листочки разворачивают, зачитывают вслух, порой бросают последний взгляд на вытянутую парочку и, отправившись в гостиницу, сообщают матадору, кого именно тот должен убить.

В каком порядке сражаться с быками, решать матадору. Он может взять худшего на затравку, надеясь при этом реабилитироваться за счет второго быка, если поначалу дела пойдут неважно. Или, выступая последним по счету, он может поставить лучшего быка в начало, поскольку знает, что когда к шестому животному наступят сумерки и зрителей потянет разойтись, ему простят быстрое, незатейливое убийство, если бык окажется трудным.

Матадоры убивают своих быков в порядке старшинства, которое определяется по дате посвящения в матадоры де торос на мадридской Пласа. Раньше, если матадор получал настолько серьезную рану, что не мог вернуться к бою, его быки переходили к самому старшему из остальных матадоров; сейчас их делят между обоими оставшимися.

Обычно бой быков назначают на пять или половину шестого вечера. В тридцать минут пополудни происходит апартадо. Это разводка отобранных быков по индивидуальным загонам-чикеро, где они дожидаются своего выхода на арену в уже установленном порядке. Вопреки утверждениям кое-каких путеводителей по Испании, быков вовсе не лишают корма и воды, да и не заставляют несколько дней кряду томиться в темноте. В сумраке чикеро животные содержатся не более четырех часов. После вывода со скотного двора их не кормят лишь потому, что и боксеру перед схваткой не дают утяжелять себя пищей, а что касается тесноватых и полутемных загонов, то это делается для упрощения их вывода на арену, и, кроме того, чтобы они в такой обстановке отдохнули и успокоились.

Обычно на апартадо присутствуют сами матадоры, их друзья и представители, администрация арены, сотрудники органов власти и незначительное число обычных зрителей. Чаще всего матадор именно в ходе апартадо знакомится с быками, которых ему предстоит убить через несколько часов. В большинстве случаев численность зрителей удерживается ценой пригласительных билетов, но пять песет. Причина

в том, что администрация не хочет, чтобы зрители «заводили» быков своими выкриками, не то те возьмутся разносить двери, загородки, а то и вовсе бросаться друг на друга. Подобные беспорядки на скотном дворе могут закончиться сломанными рогами или даже увечьями, так что администрации придется менять быков за собственный счет, а это обходится в пару сотен долларов за животное. Многие ценители и зеваки убеждены, что способны разговаривать с быками ничуть не хуже, а то и лучше тореро-профессионалов. Стоя в безопасности за высокой загородкой или стеной скотного двора, они пытаются привлечь к себе внимание, подражая гортанным «гху! гху! гху!», которыми пользуются пастухи и тореро. Если бык в загоне вскидывает громадную голову, увенчанную мощными заостренными рогами, если мышцы загривка и лопаток, спокойно лежавшие тяжелыми пластами, вдруг начинают ходить волнами под черным, заволошенным глянцем шкуры, если ноздри раздуваются и он принимается дергать головой, поводя рогами и отыскивая глазами источник звука, то любитель бычьего говора считает, что добился удачи. А вот когда бык ринется в атаку по направлению к этому зрителю, вопьется рогами в доску, то здесь

и вовсе триумф. Чтобы ограничить успехи и не допустить триумфов, администрация распродает билеты по пять песет, исходя из теории, что любому, кто способен заплатить пятерку, чтобы увидеть, как сортируют быков, чувство личного достоинства не позволит окликать животных до начала боя.

Гарантировать такой результат невозможно, и в ряде мест, где корриды устраивают не чаще раза в год, зрители готовы выложить пятерку за апартадо, лишь бы поупражняться в говорении на бычьем языке. Но пять монет снижают интенсивность, в общем-то, трезвой речи. На пьянчужек быки обращают мало внимания. Уж сколько раз я был свидетелем пьяных выкриков, но никогда не видел, чтобы бык на это отреагировал. Пятипесетная атмосфера достоинства в таких городах, как Памплона, где на лошадиных ярмарках за эту же сумму можно дважды получить выпивку и целый обед, служит залогом благоговейной тишины на апартадо. Как в церкви. В Памплоне только очень богатые и гордые платят по пять песет, чтобы поглазеть на развод быков по загонам. Впрочем, в других местах обстановка может быть совсем иной. Никогда не видел, чтобы она совпала в разных городах. После сортировки

быков все отправляются в кабачок.

Собственно бой происходит на песчаной арене за красной деревянной оградой высотой чуть более четырех футов. Эта ограда именуется баррера. За ней расположен узкий кольцевидный проход, который отделяет арену от первого ряда зрительских мест. Этот проход называется кальехон. В нем стоят ассистенты матадора с кувшинами, обтирочными губками, стопками мулет и шпагами в тяжелых кожаных чехлах; с ними соседствуют рабочие арены, разносчики пива и шипучки, продавцы замороженных фруктов, чьи сетчатые упаковки плавают в цинковых ведрах со льдом и водой; лотошники с присоленным миндалем, арахисом и выпечкой в плоских корзинках. Там же стоят свободные в данный момент тореро и дежурит полиция в штатском, готовая в любой момент перехватить любителей, вздумавших выскочить на арену. На несъемных, защищенных оградой сиденьях размещаются врачи, рядом плотники для срочного ремонта барреры, а также представители органов власти. На некоторых аренах фотографам разрешено перемещаться по кальехону; в других городах они обязаны делать снимки только с отведенных для прессы мест.

Зрительские места не прикрыты навесом, за

исключением лож (палькос) и первой галереи (града). От галереи сиденья спускаются к арене амфитеатром из кольцеобразных рядов. Эти ряды пронумерованных сидений называются тендидос. Два ближайших к арене ряда именуются, соответственно, баррера и контрабаррера. Третий по счету ряд известен под названием делантерас де тендидо. Для целей нумерации весь амфитеатр поделен па секторы: тендидос 1, 2, 3 и так дальше вплоть до 11 и 12 в зависимости от размера арены.

Отправляясь на корриду впервые, лучше всего выпирать места согласно собственному темпераменту. Из ложи или первого ряда крытой галереи доступны далеко не все нюансы звуков, запахов и тех признаков, которые говорят об опасности, однако отсюда лучше виден бой в целом, то есть как спектакль; и если коррида удалась, велики шансы, что здесь ты получишь больше удовольствия. А вот если бой неудачный, другими словами, в нем нет артистизма, лучше бы оказаться поближе: уж коли не получится восторгаться зрелищем в целом, можно хотя бы познакомиться с его отдельными деталями, этими «отчего» да «почему». Ложи и галерея предназначены скорее для тех, кто не хочет расстраиваться от чрезмерной

близости к кое-каким вещам; и для тех, кто хочет видеть бой быков как постановочный спектакль, ярмарочную инсценировку; а также для экспертов, которые умеют различать детали даже на приличном расстоянии, но при этом должны сидеть высоко, чтобы в любой момент иметь обзор любой точки и тем самым судить о бое в целом.

Места на баррере — идеальный выбор, если хочется видеть и слышать все, что творится, и быть к быку настолько близко, чтобы смотреть на него чуть ли не глазами тореро. Здесь действо до того рядом и в нем так много деталей, что всегда интересен даже такой бой, от которого потянет ко сну в ложах или на балконе. Именно с барреры можно увидеть и научиться по достоинству оценивать опасность. Мало того, здесь ничто не мешает зобе следить за ареной. Если не считать переднего ряда на галерее и в ложах, то, кроме барреры, между тобой и ареной не будет людей лишь в том случае, если ты оказался на местах, именуемых собрепуертас. Это сиденья, устроенные над входами в зрительские сектора. Они расположены примерно на половине высоты амфитеатра, отсюда открывается удачный вид на арену; билет стоит в два раза дешевле, чем на барреру или в первый ряд галерей или лож, хотя

места отменные.

Западные стены отбрасывают тень, и те трибуны, которые находятся в этой тени на момент начала боя, именуются сомбра. Трибуны, которые на начало боя были на солнце, но потом окажутся в тени, называются солисомбра. Стоимость места определяется его расположением и наличием тени. Дешевле всего билеты на самые верхние места крытых трибун на вечном солнцепеке. Они известны под именем анданидас дель соль, и в солнечный день там царит что-то невообразимое, особенно в таких, городах, как Валенсия, где температура может достигать 104 градусов по Фаренгейту[3] в тени; с другой стороны, места на солнечной половине (соль) неплохи в пасмурную или промозглую погоду.

Если идешь на корриду впервые, да к тому же в одиночку, когда не у кого спросить совета, садиться лучше в передний ряд галереи (делантера де града) или собрепуертас. Если туда не удается попасть, всегда есть билеты в ложу. Это наиболее дорогие места, расположены дальше всего от арены, зато с них открывается отличная панорама боя. Если идешь в компании знатока и хочешь

---

[3] Примечания: 3
40 °C.

чему-то научиться, особо не волнуясь при этом за чрезмерно натуралистичные детали, то идеально взять билет на барреру. Не получается? — тогда на контрабарреру; ну и третий наилучший выбор — это собрепуертас.

Для женщин такой совет: если тянет посмотреть корриду, но боязно, как это зрелище на вас скажется, при самом первом посещении не надо садиться ближе галереи. Возможно, бой понравится, когда видишь его как спектакль, в то время как на более близком расстоянии удовольствие может пропасть.

Если денег в достатке и хочется не то что посмотреть Пой, а просто побывать на нем и в любом случае — хоть понравилось, хоть не понравилось — уйти после первого быка, то сделайте доброе дело: купите билет на барреру, чтобы кто-то не столь богатый мог быстренько перескочить на ваше дорогущее место, когда вы отправитесь восвояси вместе со своими предубеждениями.

Некогда все так и происходило в Сан-Себастьяне. Из-за хитроумных схем перепродажи билетов, из-за того, что администрация в первую очередь делала ставку на любопытствующих богачей из Биаррица и с Баскского побережья, билеты на барреру стоили от сотни песет за место

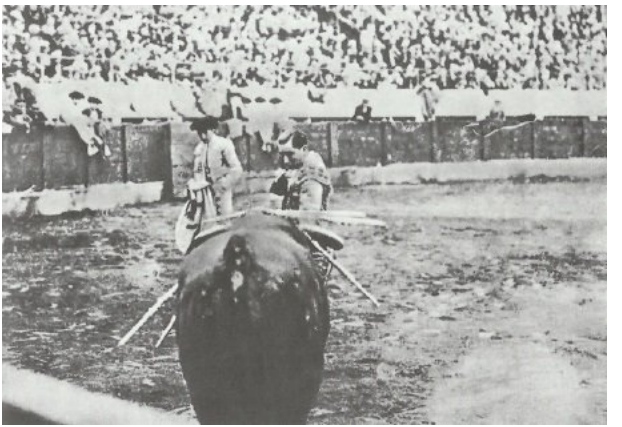
и выше. На такие деньги можно неделю жить и столоваться в мадридском пансионе, четыре раза сходить и Прадо, купить неплохие места на солнечной стороне на парочку коррид, посидеть после боя с вечерней газетой и пивом и креветками в Пасахэ-де-Альварес близ улицы Виктории, да к тому же фланировать в начищенных штиблетах. И тем не менее, купив любое место в радиусе нырка от сан-себастьянской барреры, ты мог быть уверен, что плюхнешься на сиденье в сотню песет, когда граждане, считавшие своей моральной обязанностью покинуть арену после первого быка, поднимались на выход: упитанные, «черепокостяшные» и «опоросяченные», пляжно-загорелые, упакованные во фланелевые костюмы, прикрытые панамами, в ботинках на каучуковом ходу. Сколько раз я видел таких — уходящих, — в то время как их спутниц тянуло остаться. Да, они побывали на бое быков, но ведь после первого заклания назначена встреча в казино. Если человек не уходит и ему нравится, стало быть, с таким типом что-то не так. Уж не извращенец ли? Ну а с ними-то все в порядке. Они уходили всегда. Вернее, пока коррида не стала считаться благопристойной. В девятьсот тридцать первом я не заметил ни одного тако-

го случая, и сейчас, похоже, славным денькам бесплатных мест на баррере в Сан-Себастьяне пришел конец.

ЧИКВЕЛО

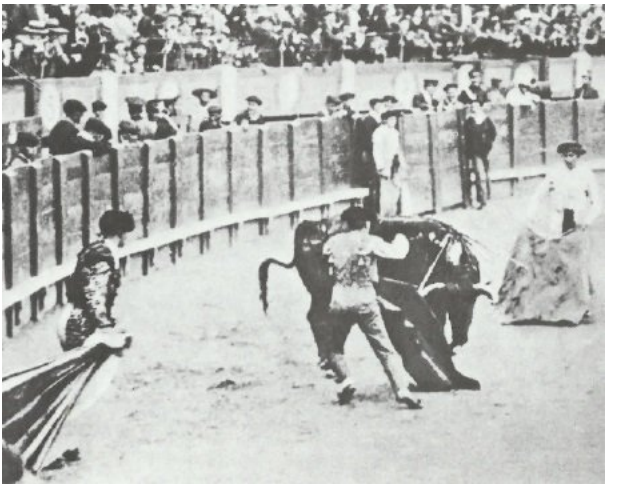
…который вытворял вот такое…

ЧИКВЕЛО



…который ненавидел убийство…

ЧИКВЕЛО



...работавший на грани катастрофы...

...БОЯВШИЙСЯ ВОТ ЭТОГО...

Вскрытие корнады в медпункте мадридской арены.

...БОЯВШИЙСЯ ВОТ ЭТОГО...

Валенсия II «Чато», с корнадой в правом бедре.

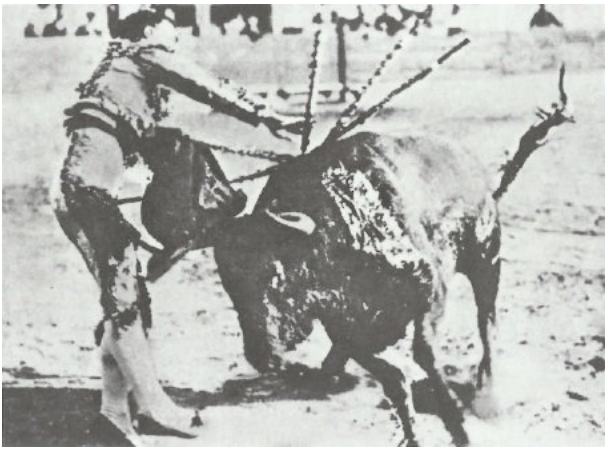
...И ЭТОГО...

Гибель Мануэля Гранеро на мадридской арене.

...И ЭТОГО...

Тело Гранеро в больнице. Из всей толпы лишь двое думают о нем. Остальных прежде всего волнует, как они будут выглядеть на этом снимке.

...И ЭТОГО...

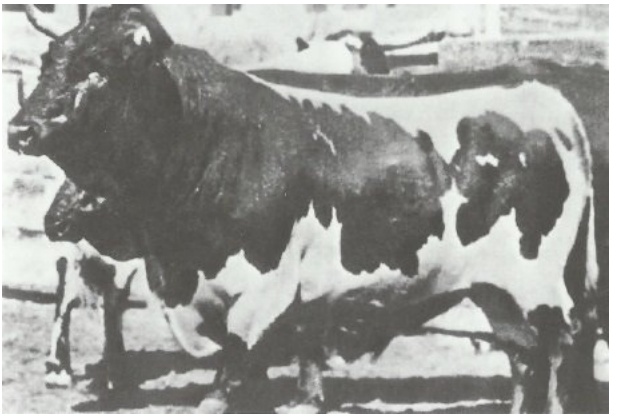


Гибель Висенте Пастора в Бургосе. Бык до него добрался ровно в тот миг, когда шпага была уже всажена — из-за неожиданного порыва ветра, который отбросил мулету на человека.

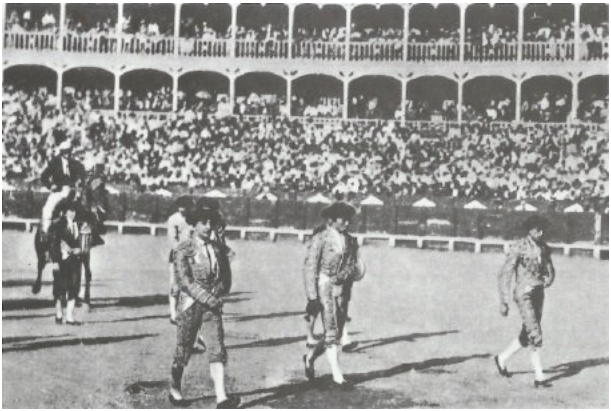
...И ЭТОГО...

После корнады. Варелито в больнице.

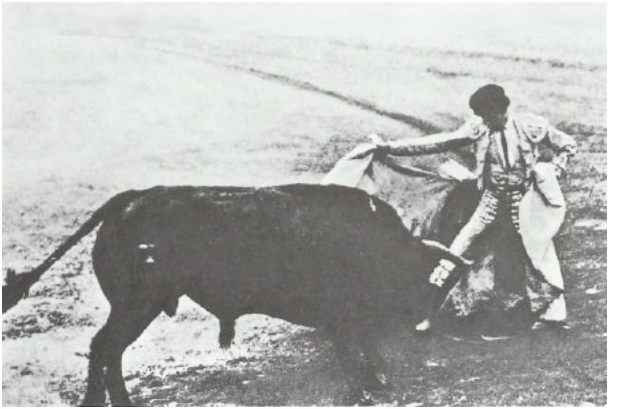
...И ВОТ ЭТИХ КРАСАВЦЕВ...



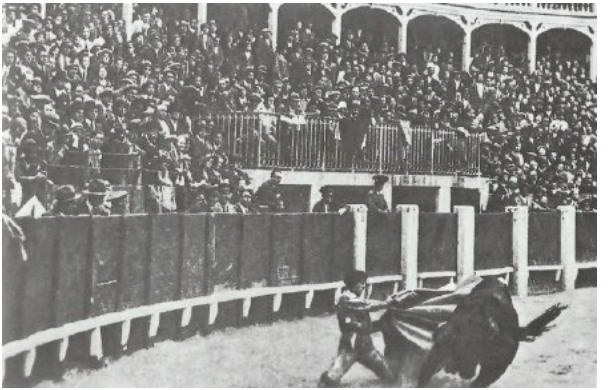
Бык, который живым покинул мадридскую арену в 1923-м, когда с ним не смог справиться ни Висенте Мартинес, ни, вслед за ним, и сам Чиквело.



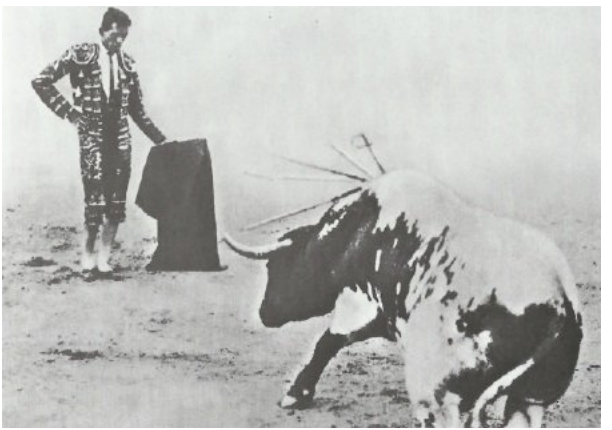
Они пришли ему на смену. Маноло Бьенвенида, Доминго Ортега и Марсиаль Лаланда на пасео в Аранхуэсе. На момент этого снимка Ортега был еще малоизвестным новильеро и выполнял функции собресальентэ, то есть дублера, для остальных двоих.



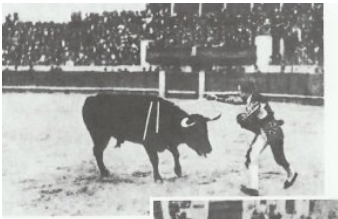
Марсиаль Лаланда выполняет китэ де марипоса, или «бабочку», перемещаясь спиной вперед при плавной работе плащом. Прием требует отточенной техники и великолепного знания быков, в противном случае нечего и стараться.



Марсиаль Лаланда в камбио де родильяс встречает быка, только что вырвавшегося на арену из ториля.

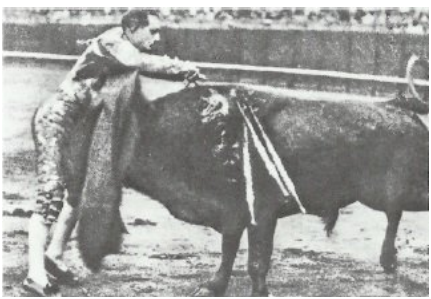


Марсиаль Лаланда, самый техничный и универсальный из всех нынешних матадоров, наблюдает, как оседает бык после эстокады.

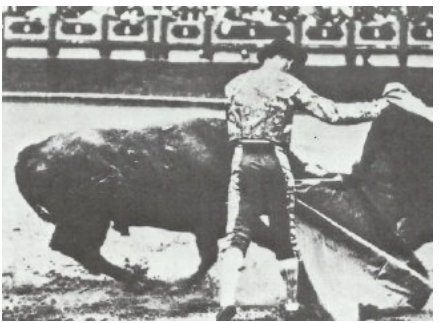


Вот как из-за собственной трусости убивает высокооплачиваемый Каганчо, хотя любители-наваррцы то же самое вытворяют забесплатно потехи ради.

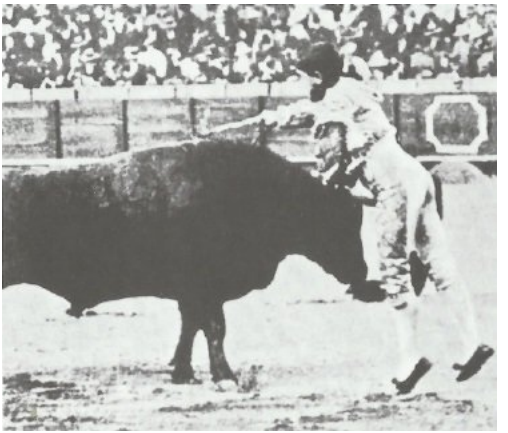
ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ БОЙ В ПАМПЛОНЕ



Сидни Франклин в момент закалывания в день своего севильского дебюта; на нижнем снимке он же проводит веронику на кадисской арене.

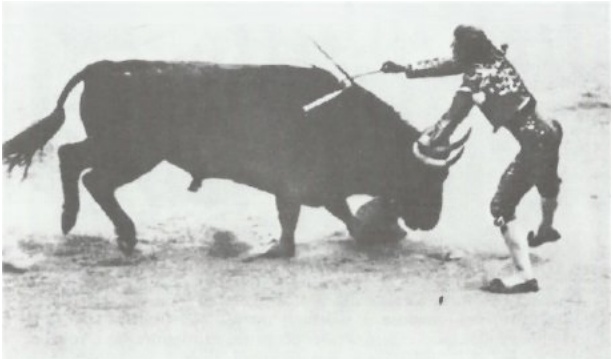


КАК НАДО — И КАК НЕ НАДО УБИВАТЬ



Здесь Варелито сокращает дистанцию, перегибаясь через рог; голова быка опущена, левая рука тореро в положении «крест», направляя животное вслед за мулетой; шпага вонзена, и бык по инерции проскакивает мимо уже мертвый.

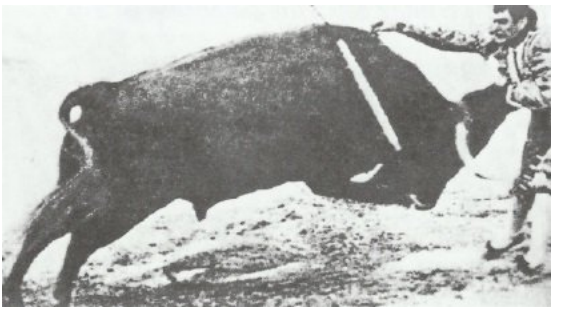
Ну а здесь Маноло Бьенвенида разрывает дистанцию, даже не успев ее сократить. Он закалывает быка на ходу, и близко не подставив свое тело под возможный удар рогом.



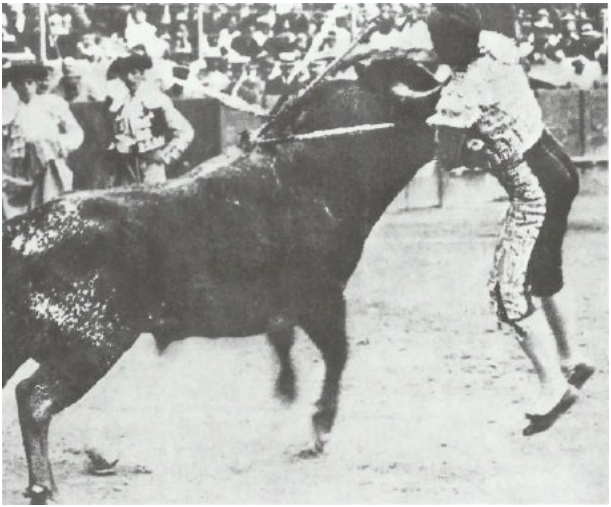
Так убивает Сурито: взгляните, как все тело человека открыто рогам; шпага входит пядь за пядью, передние ноги быка уже подгибаются.

А вот так убивает Луис Фрег: шпага вошла так,

что рука прямо-таки уперлась в холку; направление взгляда быка контролируется взмахом ткани на черенке мулеты.



Убийство в исполнении Эль Эспартеро: бык аж взметнулся в воздух обеими передними ногами; обратите внимание, как тореро выполнил «крест» левой рукой.



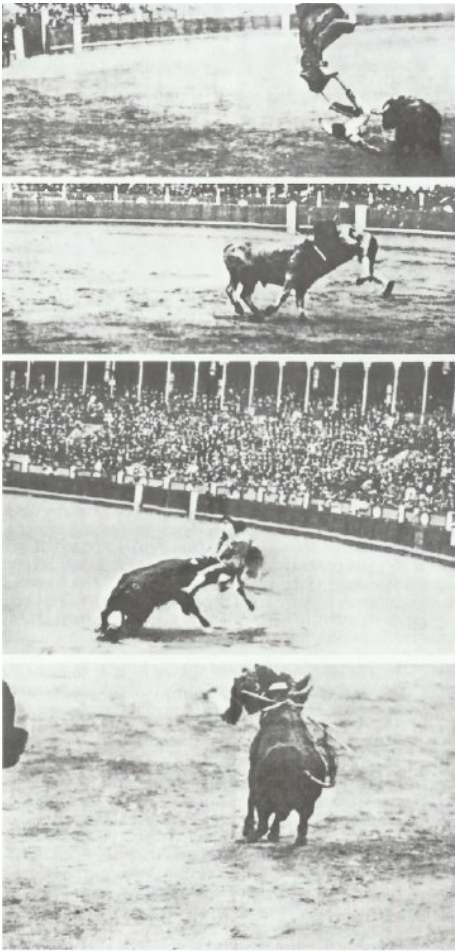
Вот что бывает, когда бык вскидывает голову от мулеты в момент вонзания шпаги. Правый рог вздернул Варелито, угодив тому в шею. Никто не может быть уверен, что при сокращении дистанции бык вдруг не поднимет голову, когда человек наклонился над рогами, и неважно, до чего умело тореро работает с мулетой. Именно в этот миг бык получает шанс поквитаться, и если человек избегает такого риска, то его называют мясником, коль скоро не происходит убийства по всем правилам.

Этот снимок иллюстрирует движение: Феликс Родригес в пасе натураль со стремительно атакующим быком.

Хотя этот снимок тоже иллюстрирует движение, он в первую очередь поучителен: вот так пикадор может испортить быка, вонзив ему пику в ребра, а не в мясистый загривок.

А здесь чуть ли не фарс вместо трагедии: Эль Галло и его знаменитое «тебе, о друг, посвящаю сего быка, последнего в моей матадорской жизни». Вся эта история изложена в тексте.

Бык-полукровка, убитый под Мадридом на капее, то есть в любительском бою. Перед смертью, впрочем, он сумел исхитриться и сделать свой рог мокрым.



Четыре типа инцидентов, которые Эль Галло столь тщательно избегал па протяжении своей тридцатилетней карьеры в ранге полного матадора.

И наконец, Эль Галло после одной из серий изящных формальных композиций, которые составляют собой наиболее счастливую часть его жизни на арене. Бык — как оно и положено — мертв. Человек — как оно и положено — жив, да еще готов улыбнуться.

Любительский бой столь же хаотичен, что и народный бунт, и любые его последствия

непредсказуемы, погибнуть могут как быки, так и люди; все зависит от игры случая и настроения толпы. Церемониальный бой — это коммерческий спектакль, выстроенный вокруг спланированной и организованной смерти быка, в чем, собственно, и заключается его цель. Гибель лошадей лишь побочный эффект. Люди гибнут вследствие случайности, а если речь идет о матадорах, это происходит редко. Впрочем, все до единого получают ранения; многие из них тяжелые, причем травмы происходят очень часто. Однако в идеальной корриде человек не должен получить и царапины, при этом все шесть быков умерщвляются в ритуальной и упорядоченной манере людьми, которые сознательно идут на максимально возможный риск, позволяющий — с учетом их навыков и знаний — добиться полного триумфа без каких-либо потерь. Можно честно признать, что в идеальной корриде, кроме быков, могут погибнуть и лошади, так как быки обладают огромной силой и способны добраться до коня даже у крайне искусного и ответственного пикадора — а они далеко не все такие. Однако гибель лошадей на арене есть неизбежное побочное следствие и оно никому не доставляет удовольствие, если не считать

быка, который извлекает из этого высшее наслаждение. Единственная практическая польза от смерти лошади заключается в том, что она дает зрителю объективное представление о степени риска, которому постоянно подвергается тореро; она служит напоминанием, что зрелище, которое благодаря мастерству участников публика воспринимает как нечто само собой разумеющееся, в действительности является одним из наиболее опасных занятий. Не правы те писатели, кто сообщает о рукоплесканиях, которыми публика якобы встречает смерть лошадей на арене. Нет, публика аплодирует силе и храбрости быка, который убил этих лошадей, что само по себе есть вещь побочная и, в глазах зрителя, несущественная. Писатель смотрит на лошадь, в то время как публика смотрит на быка. Именно недопонимание того, в чем же состоит точка зрения публики, и не позволило объяснить сущность корриды не-испанцам.

Глава четвертая

Для полнейшего новичка нет боя лучше, чем новильяда, а лучшие новильяды можно увидеть только в Мадриде. Их сезон обычно начинается в середине марта, устраиваются они по воскресеньям и, как правило, четвергам вплоть до Пасхи, когда стартуют главные бои, то есть корриды. Итак, после Пасхи в Мадриде открывается первый абонементный сезон протяженностью в семь боев. На всю серию продаются абонементные книжки, а лучшие места всегда зарезервированы чуть ли не на несколько лет вперед. Идеально усесться на баррере посредине сомбры, то есть в тени, напротив того места, где матадоры вешают свои плащи на красную деревянную ограду. Там же стоят свободные в данную минуту тореро; именно сюда подводят быка, когда начинается работа с мулетой; сюда же возвращаются матадоры, чтобы смыть кровь после убийства. Заполучить сюда билет — все равно что оказаться в углу боксерского ринга во время боя или на скамейке запасных игроков на бейсбольном или футбольном матче: здесь можно видеть и слышать все.

Нечего и рассчитывать, что удастся купить

билет на одно из таких сидений как в первый, так и второй мадридский абоно, то есть абонементный сезон, однако это возможно для новильяд, которые проводятся, как я уже говорил, каждое воскресенье и, зачастую, четверг. Новильяды устраиваются не только до начала, но и во время, а также по окончании сезона больших боев. Когда покупаешь место на барреру, надо поинтересоваться, мол, куда кладут матадорские плащи — «¿Adonde se ponen los capoles?», — после чего попросить билет как можно ближе. В провинции кассир может наврать и, наоборот, сбагрить наихудшее место, однако есть шансы, что он продаст самое лучшее, увидев иностранца, который не только хочет отменное место, но и знает, где оно расположено. Больше всего таких врунов мне встречалось в Галисии, где вообще, если честно, трудно вести любые дела, зато лучше всего со мной обходились в Мадриде и — вы не поверите! — в Валенсии. Почти в любом городе Испании имеется абонементная касса, а также контора перекупщиков, или ревента. Эти маклеры выкупают у администрации арены все или почти все нераспроданные места, после чего перепродают их с двадцатипроцентной накруткой. Администрация любит иметь с ними дело, потому что

удается гарантированно сбыть все билеты, пусть барышники и выкупают их со скидкой. Если не все места раскуплены, то убытки несет ревента, а не пласа де торос, — хотя обычно администрация все равно ухитряется терять кругленькие суммы тем или иным образом. Вам, скорее всего, придется обращаться как раз в контору перекупщиков, потому что надо жить в том городе, чтобы успеть на открытие абонементной продажи; мало того, у прежних владельцев есть преимущественное право обновлять свои абонементы; продажа может проходить за две-три недели до боя, к тому же в каком-то малодоступном месте, которое открыто, скажем, только с четырех до пяти часов пополудни.

Если вы живете в том городе и твердо решили сходить на бой быков, покупайте билет немедленно. Отнюдь не исключено, что в мадридских газетах вообще ничего не появится о предстоящем бое, за исключением крошечного объявленьица под заголовком Plaza de Toms de Madrid в разделе зрелищ (Espectáculos). В испанских газетах не принято заранее писать про бои быков, кроме разве что в провинции. Однако в любой точке страны можно видеть цветные рекламные афиши, где указывается число бы-

ков, имена тех, кто их убьет, название бычьей фермы, состав квадрилий, а также дата и место проведения боя. Обычно дается и прейскурант на различные места. Приобретая билеты в ревенте, добавьте к цене двадцать процентов.

Если хочется увидеть бой быков именно в Испании, то в столице они проводятся каждое воскресенье с середины марта по середину ноября, хотя многое зависит и от погоды. Зимой коррид практически не бывает, за очень редким исключением Барселоны, Малаги и Валенсии. Первая церемониальная коррида года проходит в валенсийском Кастельон-де-ла-Плана в конце февраля или начале марта в период местных празднеств Ла-Магдалена, а вот последний бой года обычно имеет место в Валенсии, Жероне или Ондаре в первой половине ноября; впрочем, в плохую погоду ноябрьские бои не устраиваются. Что касается Мехико, то здесь корриды происходят каждое воскресенье, начиная с октября по апрель включительно. Новильяды проводятся весной и летом. В других уголках Мексики даты начала и окончания сезона боев разнятся. Возвращаясь к Испании, в нестоличных городах дни коррид строго не определены (за исключением Барселоны, где они проводятся почти столь же

регулярно, что и в Мадриде), хотя в общем и целом они приурочены к национальным религиозным праздникам, местным ярмаркам-фериям, которые обычно устраиваются в день святого-покровителя города. В приложении к этой книге я привел календарный перечень крупнейших ферий Испании, Мексики, а также Южной и Центральной Америки, когда проводят корриды. Вы не поверите, до чего легко упустить шанс попасть на бой быков за двух- и даже трехнедельное пребывание в Испании, но благодаря вышеупомянутому календарю любой сможет побывать на корриде, если окажется в нужном городе в фиксированную дату, — если, опять-таки, позволит дождь. А уже после первого посещения вы сами поймете, захочется ли видеть такое вновь.

Помимо мадридских новильяд и двух абоно, отменный шанс увидеть серию боев ранней весной дает севильская ферия, где корриды устраивают по меньшей мере четыре дня подряд. Конкретно эта ферия выпадает после Пасхи. Окажетесь в Севилье на пасхальные праздники, спросите у любого, когда начинается ферия, — или разыщите рекламную афишу — картель. Если находитесь в Мадриде перед Пасхой, загляните в любое кафе в районе Пуэрта-дель-Соль или же в любой

кабачок по правую руку на Пласа-де-Каналехас, когда спускаетесь по Кальe-де-Сан-Херонимо от Пуэрта-дель-Соль в сторону Прадо: там на стене вы увидите афишу с датой севильской ферии. А если дело происходит летом, в тех же кафе вы найдете афиши про корриды на фериях таких городов, как Памплона, Валенсия, Бильбао, Саламанка, Вальядолид, Куэнка, Малага, Мурсия и многих других.

В Христово воскресенье всегда устраиваются бои в Мадриде, Севилье, Барселоне, Мурсии, Сарагосе, а новильяды — в Гранаде, Бильбао, Вальядолиде и многих иных местах. В понедельник после Пасхи обязательно проводится коррида в Мадриде. Ежегодно 29 апреля можно видеть бой на ярмарке в Херес-де-ла-Фронтера. Вообще, этот городок стоит того, чтобы там побывать и без корриды; здесь родина хереса и всего прочего, что из него делают. Вас проведут по винным погребам, где можно перепробовать разные сорта вин и бренди, — но лучше не в день корриды. В Бильбао будет два боя первого, второго либо третьего мая в зависимости от того, на какую из этих дат выпадает воскресенье. Вот удачная возможность посмотреть корриду, если вы остановились на Пасху, скажем, в Биаррице или Сен-Жан-де-Люзе.

В Бильбао ведет отличная дорога из любого места на Баскском побережье. Это богатый и неказистый шахтерский город, где жара не уступает Сент-Луису — хоть американскому, хоть сенегальскому, — и где обожают быков и терпеть не могут матадоров. Если кто-то из тореро все же заинтересует местных жителей, они примутся покупать для него все более крупных быков, пока наконец с ним не случится катастрофа либо психическая, либо физическая. И тогда бильбаоский афисьонадо воскликнет: «Ну, убедились? Все они трусы и мошенники. Стоит подыскать бычка в теле, как он сразу ставит их на место». Если хотите узнать, что такое действительно крупный бык, насколько громадными могут быть его рога, каким взглядом он окидывает зрителей, какой злой может быть толпа и до чего она способна довести матадора — езжайте в Бильбао. В мае, правда, быки не такие огромные, как в середине августа, когда открывается ярмарочный сезон из семи коррид, зато в мае не так жарко. А если вы не возражаете против зноя — и я говорю здесь про дикую, удушливую, прямо-таки свинцово-цинковую жару, — если хотите увидеть колоссальных, до изумления статных быков, тогда августовская ферия в Бильбао для вас самое место. Единствен-

ная другая майская ферия с тремя корридами и более проводится в Кордове; впрочем, 16 мая всегда устраивается бой в Талавере-де-ла-Рейна, 20-го — в Ронде, а 30-го — в Аранхуэсе.

Из Мадрида в Севилью автомобилисты могут добраться двумя путями. Один ведет через Аранхуэс, Вальдепеньяс и Кордову и называется андалусийским большаком, а другой, проходящий через Талаверу-де-ла-Рейна, Трухильо и Мериду, именуется эстремадурским шоссе. Окажетесь в столице в мае, езжайте на юг по Эстремадуре и 16-го числа увидите бой в Талавере-де-ла-Рейна. Дорога отличная, без выбоин, слегка холмистая. Талавера — замечательное местечко в ярмарочный сезон, а быки (практически всегда с местной фермы, где в хозяйках вдовствующая сеньора Ортега) крупноватые, свирепые, трудные для работы и опасные. Именно здесь 16 мая 1920 года погиб Хосе Гомес-и-Ортега по прозвищу Галлито или Хоселито, пожалуй, виднейший матадор всех времен. Вообще-то знаменитость к быкам вдовы Ортега пришла как раз из-за этой трагедии; так как они не дают великолепного боя в силу своих габаритов и опасности, нынче их убивают матадоры не самого высокого полета.

От Мадрида до Аранхуэса лишь сорок семь

километров по покатому как биллиардный стол шоссе. Деревья-великаны и пышные сады стоят вдоль речной стремнины в оправе из бурых равнин и холмов. Тамошние аллеи не уступают растительному фону полотен Веласкеса, и тридцатого мая, если есть деньги, туда можно податься за рулем собственного автомобиля или же приобрести железнодорожный билет третьего класса в оба конца со скидкой; в крайнем случае добраться на автобусе (есть такой, рейсовый, ходит от улицы Виктории напротив Пасахэ-де-Альварес). Покинув прокаленную солнцем пустынную местность, вдруг попадаешь под сень деревьев, видишь голоруких смуглянок с корзинами свежей клубники на гладкой, прохладной глине; а ягоды такие, что не обхватишь большим и указательным пальцами — чуть влажные, холодненькие, лежат себе на зеленых листьях в корзинках из ивняка. И молодки, и старухи продают эту клубнику, а еще связки чудеснейшей спаржи — стебли толщиной с большой палец — ватагам пассажиров с мадридских и толедских поездов, рейсовых автобусов, не забывая про автомобилистов. Можешь перекусить у ларьков, где жарят стейки и цыплят на углях, а за пять песет тебе в горло вольют хоть все вино Вальде-

пеньяса. Поваляйся в теньке, а хочешь — броди да глазей по сторонам, пока не наступит час корриды. Где искать прочие достопримечательности, подскажет Бедекер.

Арена для боя быков находится в дальнем конце раскаленной пыльной улицы, что тянется под солнечным зноем из прохладной лесной тени городских кварталов; профессиональные калеки, вдохновители омерзения и жалости, что кочуют по испанским городам и весям вслед за ярмарками, выстраиваются вдоль этой дороги, помахивая култышками, тыча прохожим под нос свои язвы, выпячивая чудовищные уродства и держа кепки в зубах, когда их больше нечем держать, так что на бой быков тебя, можно сказать, гонят через строй уродов. Город от центра до окраины — это Веласкес, а потом вплоть до арены идет неразбавленный Гойя. Собственно арена была здесь еще до Гойи. Симпатичное строение в стиле старой пласа де трос в Ронде; там можно усесться в тени на баррере, попивать вино и заедать его клубникой, повернувшись спиной к песку, следя за тем, как молоденькие сеньориты из Толедо и прочих уголков Кастилии заполняют ложи, как вывешивают на перильца свои шали, рассаживаются и, беспрерывно обмахиваясь веерами,

улыбаются и щебечут с милой стыдливостью провинциальных красавиц, отлично сознающих, что сейчас их разглядывают сотни глаз. Для зрителя этот ритуал не менее важен, чем сам бой быков. Близорукие могут носить с собой бинокль, хоть оперный, хоть полевой. Рекомендуется уделить внимание всем ложам без исключения. Удачный бинокль пойдет только на пользу. Он разнесет по щепочкам образ кое-каких умопомрачительных раскрасавиц, которые появляются в белоснежном облаке кружевных мантилий, с высокими шиньонами, изумительным цветом лица и в чудесных шалях, — в то время как сквозь оптику ты увидишь золотые коронки и припудренную мукой смугловатость той матроны, что, возможно, попалась тебе на глаза прошлой ночью в несколько ином месте, а вот сейчас пришла, чтобы лишний раз прорекламировать свое заведение. С другой стороны, в одной из лож, где ты бы ничего не разобрал без бинокля, можно найти истинную жемчужину. Как часто залетный гость готов процедить, мол, прославленная красота испанок чушь полнейшая, а все потому, что он видит лишь мучную толстую кость танцовщиц фламенко да жестких, как гвозди, дам из борделей. В испанских домах терпимости заработок

невысок, и шлюхам приходится слишком много работать, чтобы еще сохранять свежесть. Не ищите красавиц на театральных подмостках, в публичных домах или там, где распевают canta honda.[4] Куда правильней высматривать их во время вечернего променада, когда можно усесться в кафе или на уличной веранде и дать всем девицам городка самим продефилировать мимо; это длится целый час, да и пройдутся они не раз и не два, из одного конца квартала в другой, по три-четыре подружки в ряд. Или же берите бинокль, повнимательней изучайте ложи на бое быков. Вместе с тем невежливо использовать мощную оптику на сеньоритах, сидящих не в ложе; точно так же косые взгляды вызывают те, кто пользуется биноклем непосредственно с арены: в ряде мест ценителям девичьей красоты разрешается фланировать по арене до начала боя и собираться в толпы напротив особенно удачных находок. Пялиться на женщин в бинокль с арены — верный признак зеваки в худшем смысле этого слова; для него разглядывание важнее действия. Однако бинокль в руках владельца места на баррере — вещь полностью законная; мало того, это на-

[4] Примечания: 4

Вернее, кантехондо: андалусийское горловое пение, ответвление фламенко.

стоящий комплимент, средство общения и чуть ли не рекомендательное письмо. Не сыскать на свете лучшего метода заочного знакомства, чем социально приемлемое, искреннее восхищение; а восхищение — и если на то пошло, возможный отклик — с определенного расстояния нельзя передать и уловить лучше, чем посредством внушительного ипподромного бинокля. Даже если вы вообще не смотрите на девушек, оптика поможет понаблюдать за убийством последнего быка, если уже смеркается, а заклание происходит на противоположном краю арены.

Аранхуэс неплохо подойдет для самой первой корриды в жизни, во всяком случае лучше, чем Мадрид, особенно когда надо посмотреть только один бой, потому что здесь есть и живописность, и яркие цвета, которые так нужны, когда пребываешь еще на стадии ценителя спектакля. Позднее захочется, чтобы и публика не подкачала (хорошие быки и матадоры — это само собой), а удачная публика вовсе не та, которую видишь на однодневной фиесте, куда женщины приходят разнаряженные, где всякий хлещет вино в свое удовольствие и бесхитростно веселится; не подойдет и пьяная, танцующая толпа, гоняющая быков по улицам своей родной Памплоны; точно

так же не годятся местечковые патриоты-валенсийцы, обожествляющие матадоров. Нет, удачная публика — это Мадрид; да не в дни боев-бенефисов с их вычурным убранством, помпезностью и завышенными ценами; нужна серьезная публика абонементных сезонов, которая разбирается в боях, быках и тореро, которая умеет отделять доброе от дурного, фальшь от искренности — словом, нужен тот зритель, ради которого матадор и выкладывается. Живописность хороша, когда ты юн. Или слегка подшофе, когда все кажется настоящим. Или инфантилен; или с тобой девчонка, которая никогда не видела корриду; или, наконец, когда без помпезности жить не можешь. Но если ты действительно намерен что-то понять про бой быков или хотя бы раз ощущал, как сильно это тебя цепляет, рано или поздно ты обязательно съездишь в Мадрид.

Есть только один город лучше Аранхуэса, если хочешь увидеть лишь единственный бой, и это — Ронда. Вот куда надо попасть, если ты выбрал Испанию для своего медового месяца. Там куда ни кинешь взгляд, всюду Сплошная романтика; в здешней гостинице настолько уютно, все ненавязчиво и к месту, и стол до того удачен, да еще освежающий ветерок по ночам веет, современ-

ные удобства в номерах (а про романтические пейзажи я уже упоминал?), что если твой медовый месяц — или побег с чужой женой — не удался, можете оба смело отчаливать в Париж и там обзаводиться новыми приятелями. Каждый по отдельности. Словом, в Ронде есть все, что надо для поездок такого рода: романтический фон, который виден даже изнутри гостиницы, красивейшие недолгие прогулки, доброе вино, морские деликатесы, отличные гостевые номера, практически полное безделье, два местных художника, которые охотно продадут тебе акварели (помещенные в рамочку, они станут симпатичными сувенирами); и вообще, несмотря на всю вышеперечисленную атрибутику, это замечательное место. Ронда выстроена в долине, окруженной горами; сама долина прорезана ущельем, которое делит поселение как бы на два разных города и заканчивается высоченным обрывом к реке, откуда открывается панорама лежащей у подножия равнины с пыльными змейками из-под копыт мулов, что бредут по обочинам шоссе. Здешние места были заселены выходцами из Кордовы и андалусийского севера после изгнания мавров, так что и бой быков, и сама ярмарка, которая открывается 20 мая, чествуют победу

Фердинанда с Изабеллой. Ронда была одной из колыбелей современной корриды. Здесь родился Педро Ромеро, один из первых и величайших матадоров-профессионалов; если же говорить о нашем времени, то это родина Ниньо де ла Пальма: он блестяще начал, однако после первой же серьезной раны приобрел такую трусливость, под стать которой разве что его способность избегать риска на арене. Рондовская пласа де торос была построена ближе к концу восемнадцатого столетия. Деревянная, она расположена на краю обрыва, так что после боя, когда быки освежеваны, разделаны и их мясо телегами отправлено на рынок, убитых лошадей сбрасывают в пропасть. В такие дни стервятники, что с раннего утра кружили над городом и ареной, устраивают себе пиршества на камнях под обрывом.

Есть еще одна майская ферия с целой серией боев, хотя проводят ее отнюдь не всегда, так что ждать приходится порой до июня, и это Кордова. Кордова славится своей провинциальной ярмаркой, к тому же май — лучшее время для поездки из-за жары, которая наступает летом. В Испании есть три города, куда приходит зной с большой буквы: Бильбао, Кордова и Севилья. Я имею в виду не просто температуру: вообразите

себе тяжелые, лишенные воздуха ночи, когда невозможно спать; ночи, которые жарче белого дня; когда некуда бежать в поисках прохлады; воистину сенегальская жарища, и даже в кафе не отсидишься, разве что ранним утром; когда так душно, что после обеда можно лишь пластом валяться и номере, где царит сумрак от зашторенного балкона, и ждать нужного часа, чтобы отправиться на бой быков.

Валенсия, если верить термометру, бывает еще жарче, особенно в те дни, когда дует африканский ветер, но вечером можно всегда вскочить в автобус или трамвай, что идет в порт Грао, и там выкупаться на общественном пляже или, если жарко настолько, что даже плавать тяжело, просто зависни в воде, едва пошевеливаясь, да наблюдай себе за огнями и темными яхтенными силуэтами, забегаловками и кабинками для переодевания. Здесь же, в Валенсии, в самую жаркую пору можно питаться прямо на пляже, в открытых павильончиках: за песету-другую тебе принесут пива с креветками и паэлью с рисом, помидорами, сладким перцем, шафраном и отменной морской живностью. А еще туда добавляют улиток, раков, мелкую рыбешку, крошечные миноги — и все это хозяйство пузырится

и томится в глубоких сковородах оранжево-желтыми горками. За две песеты тебя угостят паэльей с бутылкой местного вина, и босоногая детвора будет резвиться на пляже, над головой тростниковая крыша павильончика, прохладный песок под твоими ногами, а в море рыбаки отдыхают после дневного зноя в своих черных фелюгах с треугольными парусами; если придешь поплавать завтрашним утром, те же лодки ты увидишь уже на песке, куда их вытаскивают шестерки быков. Три такие пляжные харчевни носят имя Гранеро в честь величайшего тореро за всю историю Валенсии, который погиб на мадридской арене в 1922 году. Мануэль Гранеро, проведший девяносто четыре боя годом ранее, оставил после себя лишь долги; все заработанные им полмиллиона песет ушли на рекламу, обработку общественного мнения, подачки газетным щелкоперам и в карманы паразитов. Ему было двадцать, когда его подкинул верагуанский бык, а потом еще разок, притиснул к основанию деревянной барреры и уже не оставлял в покое, пока под ударом рога череп не треснул, как глиняный горшок с цветами. Красивый юноша, который до четырнадцати лет учился на скрипача, а потом, до семнадцати — на тореро, после чего убивал

быков, пока ему не исполнилось двадцать. Валенсийцы его боготворили. Сейчас в городе торгуют печеньем «гранеро», и в трех местах на местном пляже стоят соперничающие забегаловки с его именем. Следующим по счету любимцем горожан стал некто Чавес: набриолиненный, широкомордый владелец двойного подбородка и огромного пуза, которое он выпячивал, едва рога проносились мимо. Чтобы, значит, опасность была зримей. Валенсийцы — народ, как я уже шпорил, боготворящий матадоров, — некоторое время сходили по Чавесу с ума. Помимо брюха и замечательной самоуверенности, он обладал парой гаргантюанских ягодиц, которые отключивал всякий раз, когда втягивал живот, и все, что он делал, было преисполнено великого стиля. Нам пришлось наблюдать за ним на протяжении целой ферии. Если не ошибаюсь, в пяти боях, а ведь даже однократное лицезрение Чавеса — вещь нелегкая для неподготовленного человека. Так вот, как раз в последнем бою, когда он собирался ткнуть здоровенного миурского быка в шею, этот миура шею свою возьми да вытяни. Да подцепи Чавеса под мышку. Тот повисел там немного, после чего прокрутился на роге, показав полный оборот вместе со своим пузом. Немало утекло

времени, пока не высохли слезы и подлечились порванные мышцы руки; сейчас он до того благоразумен, что даже не выпячивает живот вслед пролетевшему быку. Нынче валенсийцы его невзлюбили: теперь у них есть два новых идола. Я видел его где-то год назад; он был уже не столь откормлен, как в прежние времена и, даже стоя в тени, тут же вспотел, едва на песке показался бык. Впрочем, ему есть чем утешиться. В местечке Грао, портовом квартале Валенсии, откуда Чавес родом, в его честь назван общественный памятник. Мемориал, если угодно. Он чугунный и стоит на том углу, где трамвай сворачивает к пляжу. В Америке его назвали бы немудрено, попростецки — «муниципальный писсуар», — зато здесь круглая чугунная стена украшена белой надписью: El Urinario Chaves.

Глава пятая

Что плохо в испанской корриде весной, так это дожди. Вымокнуть можно где угодно, особенно в мае и июне, и вот почему я предпочитаю летние месяцы. Бывает, что дождь зарядит и летом, однако ни разу в Испании я не видел в июле и августе снега, хотя август 1929-го выдался снежным на кое-каких горных курортах Арагона; а в Мадриде как-то раз снег выпал 15 мая, и было до того зябко, что бой быков отменили. Помнится, в тот год я поехал в Испанию, рассчитывая на теплую весну, но весь день напролет наш поезд тянулся по местности голой и стылой, как ноябрьская пустошь. Я едва узнавал ландшафт, знакомый по летней поре, и когда прибыл на мадридский вокзал, за его окнами кружил снег. Пальто захватить я не удосужился, вот и торчал в номере, работая над рукописью в постели, или же отсиживался в ближайшем кафе, попивая кофе и домекский бренди. Три дня подряд из-за холода нельзя было гулять, а потом пришла чудная весенняя погода. Мадрид — город горный с горным климатом. Над ним высокое безоблачное испанское небо, в сравнении с которым небо итальянское выглядит

сентиментальным; воздух такой, что организм радуется, когда его вдыхаешь. Жара и холод там наступают быстро и столь же быстро ретируются. Одной бессонной июльской ночью мне довелось видеть, как попрошайки жгут газеты на улице, сгрудившись вокруг огня, чтобы согреться. Две ночи спустя от жары нельзя было заснуть вплоть до рассвета, когда приходит прохлада.

Мадридцы любят свою погоду и гордятся ее непостоянством. В каком ином крупном городе можно найти такие капризы? Когда они интересуются у тебя в кафе, дескать, как спалось, сеньор? — а ты им отвечаешь, из-за духоты глаза-де сомкнул лишь под утро, тебе заявят, что как раз в это время и полагается спать. Перед первыми лучами рассвета всегда свежеет, и в этот-то час следует отправляться на боковую. Не важно, до чего жаркой была ночь: прохлада приходит всегда. Замечательный климат, если, конечно, ты не против его непредсказуемости. Душными ночами можно отправиться в парк Ла-Бомбилья, посидеть там, выпить сидру, потанцевать, а потом побродить под лиственным пологом длинных аллей, где туман поднимается от речушки: здесь всегда прохладно. Промозглыми ночами можно перед сном выпить хересового

бренди. Отправляться спать в Мадриде вечером — признак чудачества. О встречах с друзьями договариваются так: «после полуночи в кафе». Ни в каком другом городе, где мне довелось побывать — исключая Константинополь и период союзнической оккупации, — не принято в меньшей степени пользоваться постелью для сна. Возможно, (то объясняется теорией, что ты бодрствуешь, пока не придет та самая, предрассветная свежесть. Впрочем, в Константинополе мы всегда тратили прохладное время на поездку к Босфору, встречать восход. Замечательное дело. Мальчишкой — на рыбалке ли, на охоте — и во время войны ты встречаешь восход довольно регулярно; йогом я что-то не припомню, чтобы доводилось видеть восход после окончания войны, вплоть до моего появления в Константинополе. Там встреча восхода была традицией. Словно ты что-то кому-то доказываешь, бродя вдоль Босфора и наблюдая за выплывающим из-за горизонта солнцем. Все твои занятия при этом получают завершающий удар кистью. Однако со временем и на расстоянии подобные вещи забываются. В 1928 году, на республиканском съезде в Канзас-сити, я решил наведаться за город, к своим двоюродным братьям; пока ехал, раздумывал, не слишком ли

поздний час, — и тут заметил чудовищное зарево. Не хуже той ночи, когда горели склады чикагской скотобойни, и хоть я понимал, что мало чем сумею подсобить, все же решил туда свернуть. Когда машина выехала на вершину соседнего холма, стало ясно, в чем дело. Это был восход.

Идеальная погода для поездки в Испанию и знакомства с корридой, да еще в разгар сезона — это сентябрь. Единственный минус: в этом месяце бои не столь уж хороши. Лучшие быки выходят на арену в мае и июне; они неплохи в июле и начале августа, зато к сентябрю пастбища успевают выгореть, а быки потерять вес и форму — если, конечно, их не откармливали зерном, отчего животное становится тучным, гладким и лоснящимся, а еще очень яростным в первые несколько минут, но столь же непригодным к бою, как и боксер, которого держали на картошке с пивом. С другой стороны, в сентябре матадоры работают чуть ли не ежедневно; у них так много контрактов и возможностей обогатиться за короткий срок, что они крайне неохотно идут на риск: ведь вместо денег можно заработать рану. Это правило, впрочем, работает не всегда, особенно в случае активного соперничества между двумя матадорами, которые будут готовы

идти до конца, но в том-то и дело, что многие бои теряют в качестве из-за некондиционных быков и тех тореро, которые либо не долечились, лишь бы не потерять контракты, либо предельно измотаны после тяжелого сезона боев. Сентябрь может оказаться изумительным месяцем, если на сцене появились новые матадоры, едва успевшие пройти т. н. альтернативу, то есть посвящение, и поэтому в свой первый профессиональный сезон хотят выложиться, чтобы сделать себе имя и заручиться контрактами на будущий год. При желании — и наличии скоростного автомобиля — в сентябре испанские корриды можно видеть хоть каждый день. Я гарантирую, что одни лишь эти разъезды измотают до предела и без сражений с быками, что позволяет хотя бы примерно оценить те физические нагрузки, которым подвергается тореро в конце сезона, заполненного сплошными перемещениями по стране.

Конечно, нет такого закона, который заставлял бы их сражаться столь часто. Это они делают из-за денег, и зрителю, который заплатил свои кровные, чтобы на них посмотреть, мало дела до того, что тореро выбился из сил, стараясь выполнить массу контрактов, и уже не способен показать высший класс. Зато когда ты сам проделаешь

этот же путь, останавливаясь в тех же гостиницах, сложно не принять точку зрения матадора. Оно, конечно, верно, с какой стороны ни возьми, тореро не имеет права подписывать контракт, требующий, чтобы он садился в машину сразу после боя — плащи с мулетами сложены в корзинки и веревками приторочены к багажнику, футляры для шпаг вместе с чемоданами горкой навалены на крыше, вся квадрилья набилась в салон так, что не шевельнуться, хотя машина немаленькая, со здоровенной фарой на переднем капоте, — чтобы преодолеть, скажем, полтысячи миль за ночь, да еще полдня трястись сквозь жарищу и пылищу, прибыть наконец в нужный городок, едва успеть смыть грязь и выйти на бой. На арене тореро будет усталым и выдохнувшимся, и ты его понимаешь, потому как сам проделал тот же путь, а еще ты понимаешь, что дали б ему хорошенько выспаться, на другой день он был бы совершенно иным, — но зритель, заплативший, чтобы увидеть его именно сегодня, не прощает, даже если и понимает. Он клеит ярлык — «сквалыжник!» — и если у тореро не получается показать класс с отличным быком, выжать из него все, что можно, зритель считает, что его обжулили — и при этом совершенно прав.

Есть еще одна причина, отчего самую первую и последнюю в жизни корриду надо смотреть в Мадриде: здесь весенние бои не совпадают с сезоном ярмарок-ферий, и тореро находятся на пике формы; они хотят показать такой триумф, который принесет им контракты для множества ферий и, если только они не провели утомительную зиму в Мексике с ее двойным сезоном боев, последующей вялостью и неряшливостью от работы с менее крупными и не столь опасными мексиканскими быками, их форма должна быть идеальной. Как бы то ни было, Мадрид — чудное место. Не думаю, чтобы он хоть кому-то всерьез понравился с первого раза. В нем и в помине нет той живописности, какую ты ждешь от Испании. Он скорее просто современный — ни тебе национальных нарядов, ни кордовских шляп (кроме как на голове ряженых шутов), ни кастаньет, даже тошнотворных приманок вроде фальшивых цыганских пещер в Гранаде, и тех нет. Ни единой забегаловки с местным колоритом для туристов. И все же, когда ты узнаешь Мадрид ближе, это самый испанский из всех городов, самый лучший для жизни, здесь утонченнейший народ, месяц за месяцем изумительной погоды, и в то время как прочие крупные города замечательно отра-

жают характер своего региона, они всего лишь и есть андалусийские, каталонские, баскские, арагонские: провинциальные. Только в Мадриде получаешь самую суть.

Суть — если, конечно, она неподдельная — может находиться в простецкой бутылке, и вычурные этикетки тут излишни; в Мадриде ни к чему национальные костюмы; не важно, что за здание строят, пусть оно и напоминает Буэнос-Айрес, когда ты видишь его на фоне тамошнего неба, то знаешь: это Мадрид. Да если б в нем не было ничего, кроме Прадо, и то стоило бы проводить здесь с месяц каждой весной (в смысле, когда деньжат хватает на месяц житья в европейской столице). Но когда тебе доступен и Прадо, и сезон корриды одновременно, да еще есть Эль Эскориал менее чем в паре часов к северу, и Толедо на юге, отличная дорога до Авилы и отличная дорога до Сеговии, откуда рукой подать до Ла-Гранха, то — забудем на минутку споры о бессмертии — становится обидно при мысли, что когда-то придется умереть и больше этого не видеть.

Прадо — поистине воплощение Мадрида. Со стороны в нем живописности не больше, чем в здании любой средней школы Америки. Полотна развешаны настолько бесхитростно, настолько

доступны взгляду, настолько хорошо освещены, без единой попытки (кроме веласкесовских фрейлин-подростков) затеатрализовать или «еще выгодней» подать тот или иной шедевр, что турист, подсматривающий в красную или синюю книжицу своего путеводителя, — мол, а где тут у нас самые знаменитые картины? — испытает досаду. Краски до того хорошо сохранились в сухом горном воздухе, компоновка экспозиции до того проста и легка для восприятия, что посетители чувствуют себя обманутыми. Я видел их недоумение. Великие картины? Быть не может! краски еще слишком свежие, все отлично видно. Висят, как в модерновом арт-салоне, под наилучшими углами, лишь бы купили. Не-ет, тут что-то не так, как пить дать, не без подвоха. Вот итальянские музеи деньги за билеты отрабатывают сполна: для начала нужную картину днем с огнем не сыщешь, а потом на ней ничего не разглядишь. И вот почему туристам кажется, что они приобщились к великому искусству. Для великого искусства нужны монументальные рамы, а еще, для пущей надежности, либо красный плюш, либо плохой свет. Можно подумать, что турист узнает про кое-какие вещи только из порнографической литературы; поэтому его

следует знакомить с соблазнительными женщинами, лишь когда те раздеты, незадрапированы, к тому же немы и лежат на самой простецкой из кроватей. Пожалуй, такому туристу захочется иметь книжку-подсказку или, по меньшей мере, горстку намеков или указаний. Вот, наверное, одна из причин, отчего на свете так много книжек про Испанию. На одного искреннего любителя Испании найдется дюжина, кто предпочитает о ней читать. Франция продается лучше, чем книги о ней.

Самые толстые книги об Испании обычно принадлежат перу немцев, которые приезжают туда на порядочный срок и уже никогда не возвращаются. А вот я бы сказал, что если тебе надо написать об Испании книгу, то это следует делать как можно быстрее после первой же поездки, потому что неоднократные визиты лишь затушуют свежие впечатления и затруднят выводы. Кроме того, такие книги — «разок увидел, все понял» — куда более самоуверенны и должны лучше продаваться. Скажем, книги Ричарда Форда никогда не обладали незатейливым мистицизмом «Девственной Испании». Автор упомянутой книги однажды опубликовал статью в ныне покойном журнальчике «S4N», где объяснил свой метод

сочинительства. Любой литературовед-историк, желающий разъяснений по поводу тех или иных феноменов нашей литературы, может обратиться к подшивкам этого журнала. Мой личный экземпляр в Париже, не то бы и привел точную цитату, но в общем и целом там излагалось, как сей автор нагишом лежал ночной порой в кровати, а бог ему надиктовывал под запись; как он «экстатически пребывал в контакте со вселенским погружением и недвижностью»; как он, благодаря любезности господней, находился «везде и всегда». Курсив его, а может, и Всевышнего. Статья об этом умалчивает. В результате возник неизбежный мистицизм человека, который до того косноязычен, что не может толком высказаться, да к тому же дело усложнено новомодным псевдонаучным жаргоном. Пока автор недолго жил в Испании, господь прислал ему кое-что изумительное про эту страну, дабы подготовить к описанию ее души, однако вышла по большей части чушь. К слову, о моем личном, пусть и запоздалом, вкладе в псевдонаучную область: вот, что я называю писательской эрекцией. Широко известно — а может, и нет, это уж как вам нравится, — так вот, широко известно, что вследствие некоего прилива крови или что-то в этом духе,

деревья, к примеру, выглядят по-разному для тех, кто находится в этом надутом состоянии, и для всех прочих. Все предметы смотрятся по-другому. Они несколько увеличены, более таинственны и слегка смазаны. Попробуйте сами. Далее, в Америке было, а может, и до сих пор имеется течение в литературе, чьи приверженцы (к такому умозаключению пришел старый мудрый психиатр, великий доктор Хемингштейн) взялись консервировать эти приливы, чтобы сделать все предметы мистическими за счет известной зрительной деформации вследствие такой отечности. Нынче эта писательская школа отжила свое — или, по крайней мере, отживает, — но пока существовала, была любопытным механическим экспериментом, полным симпатичных фаллических образов, зарисованных в стиле сентиментальных валентинок; она смогла бы дать больше, кабы зрение ее авторов было чуточку поинтереснее и более развито в менее надутом состоянии.

Интересно, на что стала бы похожа книга вроде «Девственной Испании», если бы ее написали после нескольких приемов того пользительного средства, от которого у человека открываются глаза? А может, так оно и было? Может, мы псев-

доученые субчики, кругом не правы? Впрочем, венским, вовнутрь устремленным буркалам, что сверкают из-под кустистых бровей старого доктора Хемингштейна, сего мастера дедуктивной логики, представляется, что кабы мозги оказались достаточно прочищенными упомянутым средством, ту книгу вообще не стали бы писать.

И вот что еще, на заметку. Когда человек пишет достаточно внятно, фальшь видна любому. Когда он напускает мистического туману, стремясь избегать высказываний по существу, — что в корне отличается от нарушения так называемых правил синтаксиса или грамматики для достижения эффекта, которого по-иному не добьешься, — уходит больше времени, чтобы раскусить в авторе фальшивку, причем другие писатели, пораженные, в силу необходимости, тем же недугом, будут его превозносить и целях собственной защиты. Не надо путать подлинный мистицизм с писательским дилетантством, которое стремится создать ореол таинственности там, где все как на ладони; все эти потуги от вынужденного вранья, лишь бы скрыть нехватку знаний или неспособность ясно излагать. Мистицизм предполагает тайну, и тайн на свете немало; но некомпетентность к ним не относится; и витийствующая журналистика не

станет литературой, если и нее впрыснуть поддельной эпичности. Вот это тоже надо помнить: все плохие писатели влюблены в эпос.

Глава шестая

Отправиться для начала на мадридскую корриду хорошо еще потому, что там перед боем разрешают побродить по арене.[5] Ворота на скотный двор и патио де кабальос держат открытыми, так что можно видеть цепочку лошадей у стены и пикадоров, прибывающих верхом. Сначала рабочие арены в красных ливреях (их называют моносабиос) сами садятся в седло, чтобы доставить этих лошадей к гостинице, где расквартировались пикадоры, дабы те, разнаряженные, в белой блузе с двумя узенькими ленточками черного галстука-самовяза, в парчовом жакете, с широким кушаком на поясе, в шляпе-котелке с помпоном на боку, в штанах из толстой черной кожи, под которой прячутся стальные поножи на правой голени, могли верхом отправиться по улочкам, а затем и по Арагонскому шоссе к арене. Порой моносабио садится сзади, а порой на запасную лошадь, которую привел с собой; в

[5] Примечания: 5

Уже запретили правительственным постановлением. Хотя можно посетить patio de caballos (дословно, «лошадиный двор») и другие вспомогательные службы. *(Прим, автора.)*

толчее экипажей, телег, такси и легковых автомобилей эти немногочисленные всадники служат рекламой боя быков, а еще они заранее утомляют лошадей и избавляют матадора от необходимости выделять пикадорам место в своей машине или коляске. Добираться до арены лучше всего на одном из тех омнибусов, что ходят от площади Пуэрта-дель-соль. Можно сесть наверху и оттуда следить за происходящим; скажем, если присмотреться к потоку машин, не исключено, что удастся заметить ту, где полно тореро в ярких костюмах. Разглядеть, правда, получится лишь их черные береты, обтянутые золототканой или серебристой парчой плечи да лица. Если в машине несколько человек в серебристых или темных жакетах, но лишь один сидит в золотом, и если — пока все прочие смеются, дымят и отпускают шуточки — его лицо неподвижно, он-то и есть матадор, а остальные — его квадрилья. Поездка к арене — худшая часть дня для матадора. Утром бой еще далеко впереди. После обеда до него тоже пока далеко, потом, в ожидании автомобиля или экипажа, голова занята переодеванием. Но стоит ему усесться в машину или коляску, как это будет означать, что до боя рукой подать, и тут уж ничего не попишешь, только и остается, что томиться

мыслями и терпеть тесноту всю дорогу до арены. А теснота оттого, что верх торерского жакета утолщенный и тяжелый, так что матадор еле помещается в салоне со своими бандерильеро, когда на них всех боевая униформа. Есть, правда, такие, кто по дороге улыбаются и приветствуют друзей, но по большей части матадоры сидят с окаменевшими лицами. Сожительствуя изо дня в день со смертью, матадор становится очень отстраненным, причем степень этой отстраненности служит, разумеется, мерилом живости его же воображения, так что в день каждого боя и под самый конец сезона голова матадора настолько занята чем-то отстраненным, что еще немного, и это нечто удастся разглядеть. В его мыслях поселилась смерть, а человек не может иметь с ней дело каждодневно без того, чтобы не остался видимый след. Бандерильеро и пикадоры иные. Для них опасность относительна. Они лишь исполняют приказы; их ответственность ограничена; и они не убивают. На них не давит великая тяжесть перед боем. Следует отметить, впрочем, что если хочешь увидеть канонический пример, как выглядит человек, охваченный наихудшими предчувствиями, приглядись к вечно неунывающему и беспечному пикадору после

того, как тот побывал на скотном дворе или апартадо и обнаружил там крупных и сильных быков. Умей я рисовать, то изобразил бы сценку в кабачке во время ярмарки: вот за столом, поджидая обеда, уселись бандерильеро и просматривают газеты, пока чистильщик сапог старательно наводит глянец, вот куда-то спешит половой, а вот возвращаются два пикадора, один рослый, смуглый, чернобровый балагур и весельчак, второй худенький, седой, опрятный, горбоносый коротышка, — и оба придавлены абсолютной безысходностью и унынием.

— Qué tal? — спрашивает кто-то из бандерильеро.

— Son grandes, — отвечает один из пикадоров.

— Grandes?

— Muy grandes![6]

Тут добавить нечего. Бандерильеро знают все, что сейчас у пикадора на уме. Если матадор поступится самолюбием и забудет про собственную честь, ему, возможно, удастся прикончить большого быка с такой же легкостью, что и бычка-малолетку. Ведь шейные артерии у них в одном и том же месте, добраться туда шпагой

---

[6] Примечания: 6

«Ну как? — Большие. — Большие? — Очень большие!» *(исп.)*

столь же просто. Что касается любого из бандерильеро, для него шанс угодить на рога не увеличивается даже при огромном быке. А вот пикадор в смятении. После того как бык перевалит за определенный возраст и вес, его встреча с лошадью будет означать, что та гарантированно окажется в воздухе и, может статься, рухнет на арену, подминая всадника, или, скажем, пикадор отлетит к баррере, а лошадь на него приземлится; а если он слишком отважно подастся вперед, чтобы посильнее уколоть быка, всем телом налегая на пику-вару, при столкновении пикадор может свалиться с лошади прямо быку под ноги — и будет вынужден там лежать, пока бык целит в него своим рогом, если только матадор не придет на выручку. Если бык и впрямь громадный, пикадор будет сваливаться при каждом ударе по лошади, и он это отлично знает, так что его опасения — «большие быки! очень большие!» — будут посильнее дурных предчувствий любого матадора, если тот, конечно, не трус. У матадора всегда есть возможность что-то сделать, надо только не распускать нервы. Пусть пот катится градом, но даже с самым трудным быком можно совладать. А вот пикадор загнан в угол. Ему остается лишь отказаться от традиционной взятки,

которую предлагает лошадиный маклер за согласие взять коня-недомерка, и, напротив, настоять на крепком, сильном экземпляре, чей рост позволит пикадору возвышаться над быком с самого начала, нанести ему один, но хороший удар — а дальше просто уповать на лучшее.

К моменту, когда матадор появится на пятачке патио де кабальос, час его наимрачнейших дум будет уже позади. Окружающая толпа сметет прочь одиночество поездки в компании людей, которые знают его слишком хорошо; толпа возвращает матадора к роли. Тореро отважны.

Хотя и не все. Наверное, это покажется странным, ведь только смельчак пойдет на быка, однако в определенных, довольно особых случаях — природные способности и обучение с ранних лет на вполне неопасных телятах — матадоры получались из людей, которых не назовешь прирожденными храбрецами. Таких, правда, насчитывается лишь трое. Позднее я расскажу о каждом из них, это самое удивительное явление на арене; но типичный тореро весьма отважный человек, раз уж наиболее распространенным мерилом отваги служит способность временно закрыть глаза на возможные последствия. Более высокая степень отваги, которая возникает с

наступлением пьянящего возбуждения, есть способность откровенно начхать на последствия; не просто игнорировать, а прямо-таки презирать их. Почти всякий тореро отважен, и все же едва ли не поголовно они испытывают страх перед боем.

Толпа начинает расходиться, покидает патио де кабальос, и тореро выстраиваются в боевой порядок: впереди троица матадоров ровной шеренгой, за ними бандерильеро и пикадоры. Зрители освобождают арену. Ты занимаешь свое место, а если к тому же оказался на баррере, покупаешь подушечку у торговцев, которые снуют внизу, садишься на нее и, упираясь коленками в деревянный щит, глядишь через арену на ворота лошадиного дворика, который ты только что оставил трем матадорам: вон они, стоят в проеме, солнце играет на золоте их костюмов, все прочие тореро, что пешие, что верховые, сгрудились за их спинами. И тут ты вдруг замечаешь, что народ отчего-то задрал голову к какой-то ложе. А, эль президенте пожаловал! Верховный распорядитель корриды садится и машет платочком. Если он не припозднился, то толпа рукоплещет; в противном случае его ждет буря освистываний и обидных выкриков. Поет горн, и на песок выезжают два всадника в костюмах времен Филиппа

Второго.

Это альгвазилы, другими словами, представители президента, который воплощает собой всю власть на арене; именно через них он отдает свои распоряжения. Альгвазилы галопом пересекают песчаный круг, почтительно скидывают шляпы, кланяются своему начальнику и, получив, надо полагать, разрешающий сигнал, галопом же возвращаются на прежнее место. Звучит музыка, из ворот лошадиного дворика появляется процессия тореро. Это пасео, или парадное шествие квадрилий. Матадоры — трое, если шесть быков, и четверо, если быков восемь — выступают единой шеренгой, парадные плащи свернуты и висят через левую руку, правая слегка на отлете, свободно покачивается; походка чуть развинченная, подбородок вздернут, взгляд прикован к президентской ложе. За каждым матадором цепочкой по одному тянется его квадрилья из бандерильеро и пикадоров в порядке старшинства. Они пересекают песок колонной по трое или четверо. Оказавшись напротив ложи президента, матадоры отвешивают ему низкий поклон, снимая черный берет, именуемый монтера, поклон серьезный или небрежный, в зависимости от стажа работы или степени цинизма. В начале ка-

рьеры все они столь же яростные приверженцы церемоний, как и мальчишки, прислуживающие в алтаре во время праздничной мессы, причем некоторые остаются такими навсегда. Другие своим цинизмом не уступают владельцам ночных клубов. Традиционалисты чаще гибнут. Циники самые компанейские. Однако лучший из лучших — это циник, который еще почтителен или уже стал таковым; а еще бывает, что бывший почитатель традиций превращается в столь жуткого циника, что вновь прикипает к церемониям. Примером последней стадии такой эволюции служит Хуан Бельмонте.

Поклонившись президенту, матадоры вновь надевают береты, нахлобучивая их поплотнее, и отправляются к ограде. Парадная колонна разбивается, когда матадоры, поприветствовав публику, передают свои тяжелые, золототканые, усыпанные самоцветами парадные плащи в руки друзей или почитателей, чтобы те развесили их на ограде, защищающей передние зрительские места; иногда ведающий шпагами ассистент относит плащ непосредственно кому-то из зрителей, как правило, певцу, танцовщице, врачу-шарлатану, авиатору, актеру кинематографа, политику или прочей знаменитости-однодневке,

которая оказалась в одной из лож. Совсем юные или отъявленно циничные матадоры передают плащи агентам-устроителям коррид из других городов, когда те навещают Мадрид, или же газетным критикам. Самое правильное, когда матадор поручает свой плащ заботе друзей. Впрочем, лучше бы не удостаиваться такой чести. Что и говорить, это приятный комплимент, когда у тореро день сложился и все прошло отлично. А если он сядет в лужу? Видимая преданность матадору, который — то ли по невезенью, то ли из-за неудачного быка или, скажем, происшествия, лишившего уверенности, или вследствие расшатанных нервов после ранения и потери формы — покрывает себя позором и доводит публику до такого негодования, что вынужден покидать арену под защитой полиции, опустив голову под градом кожаных подушечек, бросает тень и на тебя самого, когда ассистент-шпажист воровато пробирается к тебе за плащом. Или, скажем, ассистент уже видит приближение катастрофы и, не дожидаясь последнего быка, заранее спешит за плащом, который был принят с такой гордостью, хотя теперь выяснилось, что он обтягивал опозоренные плечи. И вот этот яркий плащ бегом несут через всю арену, летят подуш-

ки, а полиция гоняется за кое-кем из зрителей повспыльчивей, которые кинулись с кулаками на твоего матадора.

Бандерильеро тоже поручают свои плащи друзьям, чтобы те в них покрасовались, но эта честь чисто формальная, коль скоро их плащи смотрятся по-королевски лишь на расстоянии, зачастую поношены, неоднократно пропитаны потом и подбиты все той же вечной полосатой тканью, что, кажется, идет на подкладку жилетов по всему миру, к тому же сами бандерильеро относятся к этому обычаю с иронией.

Когда парадные плащи наконец розданы или развешены, тореро разбирают с ограды заранее заготовленные боевые плащи, в то время как рабочие арены разравнивают песок, взрыхленный процессией верховых пикадоров, упряжных мулов для вытаскивания бычьих и конских трупов, а также копытами альгвазилских лошадей. Меж тем двое оставшихся матадоров (если бой «шестибыковый») вместе со своими квадрильями перемещаются в кальехон, то есть узкий проход между красными ограждениями барреры и передним зрительским рядом. Матадор, поджидающий своего быка, берет себе один из боевых плащей из плотного перкаля. Обычно тот

розовый снаружи, внутри желтый, с широкой жесткой каймой, просторный и длинный, так что, вздумай матадор в него закутаться, подол прикроет колени. Матадор встает за одной из тех небольших дощатых кабинок, что выстроены на арене возле барреры и которые, с одной стороны, достаточно широки, чтобы там укрылось два человека, а другой — достаточно узки, чтобы за них можно было быстро заскакивать; а альгвазилы подъезжают к президентской ложе за ключом к красной двери ториля, того загона, где стоит и ждет бык. Президент швыряет ключ, и если кто-то из альгвазилов сумеет поймать его своей шляпой с пером, публика рукоплещет. Не получится — свистит. Впрочем, зритель воспринимает этот ритуал не очень серьезно. Упавший на песок ключ подбирает кто-то из рабочих арены, отдает его альгвазилам, те галопом пересекают арену, дают ключ привратнику ториля, мчатся обратно, салютуют президенту и скачут на выход, после чего рабочие вновь заглаживают следы копыт на песке. К моменту, когда разравнивание закончено, арена совершенно пуста, если не считать матадора за кабинкой-укрытием, или бурладеро, и двух бандерильеро на противоположных сторонах арены, плотно вжавшихся в ограду.

Воцаряется мертвая тишина, все глядят на красные дощатые ворота. Президент подает сигнал платком, звучит горн, и суровый, седовласый, широкоплечий старик — зовут его Габриэль — в костюме опереточного тореадора (купленном для него на народные деньги, по подписке) отмыкает ворота ториля и, натужно распахнув их, убегает, открывая взгляду коридор с низким потолком.

Глава седьмая

А вот здесь корриду надо видеть. Даже если бы я решил ее описать, вы бы все равно стали свидетелем чего-то иного, потому как и тореро и быки всегда разные, а если бы я взялся перечислять возможные варианты, то глава получилась бы бесконечно длинной. Существует два вида путеводителей; одни читаются до, вторые — после; так вот те, что читаются после события, наполовину непонятны до него. Как и с любой книгой о горных лыжах, половых сношениях, перепелиной охоте или любом ином предприятии, которое невозможно в полном объеме отразить на бумаге или, по меньшей мере, сделать это одновременно для нескольким версий, читатель добирается наконец до места, где автор вынужден ему заявить: уйди и не возвращайся, пока сам не встанешь на горные лыжи, посовокупляешься, подстрелишь перепелку-куропатку или побываешь на бое быков, чтобы понимать, о чем у нас пойдет речь. Так что с этого момента будем считать, что читатель уже видел корриду.

— А-а, вы ходили на бой быков? И как?

— Омерзительно. Невыносимо.

— Хорошо-хорошо, мы увольняем вас с положительной аттестацией, но денег не вернем… Ну а вы? Вам понравилось?

— Ужас какой-то.

— В смысле?

— Я же говорю: чистый ужас, безобразие, тьфу!

— Ладно. Вот вам тоже положительная характеристика, можете идти… Так, а у вас какие впечатления?

— Скукотища.

— Гм. Шли бы вы отсюда… Что же получается, никому не понравилось? Совсем-совсем никому?

Молчание.

— Сэр, вам понравилось?

— Нет.

— А вам, сударыня?

— Решительно нет.

Пожилая дама в глубине зала: А, что он говорит? О чем спрашивает тот молодой человек?

Кто-то из соседей: Он интересуется, кому из нас понравилась коррида.

Пожилая дама: О, а мне показалось, он ищет тех, кто сам хочет стать матадором.

— А вы, сударыня? Вам понравился бой быков?

Пожилая дама: Очень.

— Чем конкретно?

Пожилая дама: Как быки сбивают лошадей.

— А почему?

Пожилая дама: Уютное ощущение.

— Да вы загадка, сударыня! Здесь вам друзей не найти. Отправимся лучше в кафе «Форнос», где сможем в свое удовольствие поговорить о таких вещах.

Пожилая дама: Как вам угодно, сударь, но там должно быть чисто и прилично.

— Сударыня, на всем полуострове нет места приличнее.

Пожилая дама: А мы увидим тореро?

— Их там не протолкнуться.

Пожилая дама: В таком случае идемте.

«Форнос» — кафе, куда ходят лишь те, кто связан с миром корриды. Ну и проститутки. Здесь накурено, снуют озабоченные официанты, звенят стаканы… словом, сидишь себе в шумном одиночестве большого заведения. Хотите, поболтаем о бое быков, а пожилая дама может разглядывать тореро. Эти найдутся за каждым столиком, на любой вкус и цвет, и все прочие в «Форносе» тем или иным образом живут за их счет. Акулу редко сопровождают более четырех ремор, то бишь рыб-прилипал, зато вокруг тореро, когда он в фаворе и делает деньги, таких увиваются

десятки. Пожилой даме неинтересно говорить про корриду. Бой быков ей понравился; сейчас она смотрит на тореро и никогда, даже с самыми близкими друзьями, не обсуждает понравившиеся ей вещи. Мы же ведем свою беседу оттого, что есть кое-какие особенности, которые, по вашим словам, вы недопоняли.

Когда вышел бык, вы обратили внимание, что один из бандерильеро пробежал перед ним, зигзагом волоча за собой плащ, и что бык свернул следом, пытаясь рогом поддеть ткань? Так вот, тореро всегда с этого начинают, чтобы узнать, какой рог ведущий, т. е. боевой. Матадор из-за кабинки следит за поведением быка, подмечая, в равной ли мере тот охотится за плащом обоими рогами: это позволяет понять, видит ли бык одинаково хорошо правым и левым глазом и каким именно рогом предпочитает поддевать цель. При этом становится ясно, атакует ли он строго по прямой или склонен срезать углы. Мужчина, который после пробных пробежек быка вышел вперед и, развернув плащ обеими руками перед носом животного, замирает на месте как вкопанный, принимая на себя атаку, медленно ведет плащ чуть ли не на кончиках рогов, да так, что те проносятся совсем близко от его тела,

словно бык подчиняется движению матерчатых складок, повторяет это вновь и вновь, когда бык разворачивается и опять атакует; пять раз общим счетом, и вдруг завершает проворотом, на миг подставив под удар спину, со взмахом плаща, который будто припечатывает быка к месту — так вот, этот мужчина и есть матадор, а каждый выполненный им пасс называется вероника, причем самый последний, останавливающий, именуется медиавероника. Эти пассы были созданы с той целью, чтобы матадор смог продемонстрировать свое мастерство, искусство владения плащом, степень превосходства над быком и способность останавливать его в строго конкретном месте перед тем, как на арене появятся лошади. А вероникой они названы оттого, что когда святая Вероника обтирала лицо Господу нашему Иисусу Христу, убрус свой она держала за оба верхних уголка, точь-в-точь как матадор — или, во всяком случае, ее так рисуют. Медиавероника, которая останавливает быка в конце серии пассов, является разновидностью рекортэ. Рекортэ — дословно, «подрубка» — это любой пасс плащом, который, вынуждая быка повернуть на дистанции менее длины корпуса, резко его останавливает или заставляет сменить

направление атаки на противоположное.

Бандерильеро не имеет права держать свой плащ обеими руками при первом появлении быка. Плащ, удерживаемый одной рукой, волочится по песку, и бык следует за поворотами плавно, без резких бросков. Это происходит оттого, что за вытянутым во всю длину плащом легче следить и проще понимать, куда бандерильеро сворачивает. А если развернуть ткань обеими руками, ее можно мгновенно «выдернуть» из поля зрения быка, и тот сразу остановится; мало того, бык при этом настолько круто может повернуть шею, что в буквальном смысле вывихнет себе позвонок, другими словами, покалечится и потеряет годность для последующего боя. Лишь матадору разрешено оперировать плащом обеими руками в начальной стадии схватки. Строго говоря, бандерильеро, которых также называют пеонами, имеют право обеими руками взяться за плащ лишь в исключительных случаях, а именно, когда бык отказывается сойти с места. Впрочем, весь процесс развития — или упадка? — корриды привел к тому, что упор в большей степени делается на стиль исполнения различных пассов, а вовсе не на их результат, так что нынче бандерильеро выполняют много той подготовительной

работы, которой в былые времена занимался только матадор. Матадоры, не владеющие прочными навыками и глубокими познаниями, в том числе техническими, а обладающие лишь пластикой или артистизмом, при возникновении малейшей трудности с быком поручают его заботам опытного бандерильеро, а уж тот своим плащом выполняет подготовительную работу от начала до конца: изматывает быка, утверждает господство человека, словом, совершает все, кроме собственно убийства.

Наверное, это звучит довольно глупо: довести боевого быка чуть ли не до смерти при помощи какой-то тряпочки. Понятное дело, убить плащом его не удастся, зато можно повредить хребет, заставить вывихнуть ногу и в целом покалечить животное за счет его же вспыльчивости, вынуждая вновь и вновь бросаться в бессмысленную атаку, всякий раз «подрубая» его на вершине запала: вот как можно довести быка до изнеможения, превратить его в инвалида, лишить стремительности и почти всех запасов природных сил. Говорят же рыбаки о смерти на крючке. Форель порой гибнет, саму себя изматывая. Сома подтаскивают к борту лодки полным сил и желания сражаться — а он гибнет, так же как и лосось,

и форель, и тропический тарпон. Заставь рыбу достаточно долго воевать с лесой и удилищем, и ты ее прикончишь.

Потому и был введен запрет для бандерильеро работать с быком, удерживая плащ в обеих руках. По идее, всю подготовку к убийству и сам финальный акт полагается осуществлять матадору. Что касается пикадоров, то они замедляют быка, вынуждают его менять ритм атак и опускать голову. Бандерильеро вступают в дело в начале схватки: гоняют быка, быстро вонзают бандерильи ему в холку, причем так, чтобы нивелировать все дефекты работы рогами, если они имели место, но ни в коем случае не обессиливая животное, чтобы оно попало в руки матадора практически в целости и сохранности, а уж тот обязан с помощью мулеты скорректировать любую асимметрию атаки, поместить животное в позицию для убийства и убить — спереди, заставив склонить голову перед алой саржей мулеты и вонзив шпагу между лопатками.

По мере развития и упадка корриды был утрачен упор на правильность формы убийства, что некогда представляло собой саму суть боя; первостепенная важность теперь уделяется работе с плащом, бандерильями и мулетой. Эти атрибуты

перестали быть лишь средствами, превратились в самоцель, отчего коррида как выиграла, так и понесла потери.

В старое время быки были по большей части крупнее, нежели сейчас, свирепее, хитрее, тяжелее и старше.

Теперь их в угоду матадорам специально выводят поменьше размерами, да и на бой отправляют в возрасте от трех с половиной до четырех с половиной лет, а не от четырех с половиной до пяти, как раньше. Прежде чем стать лицензированным матадором, тореро в течение шести, а то и двенадцати лет набирались опыта в качестве бандерильеро и новильеро. То были зрелые мужчины, знавшие быков от и до, видавшие такие экземпляры, чья физическая сила, мощь, умение пользоваться рогами, своенравие и опасность в целом были на пике. Весь бой подводил к одной-единственной точке кульминации: конечному удару шпаги, подлинной стычке человека и зверя, той вещи, которую испанцы именуют la hora de verdad, «момент истины», и каждое движение на арене служило для подготовки быка к убийству. С такими быками не было нужды искусственно нагнетать градус эмоций, орудуя плащом так, чтобы животное пронеслось как можно ближе.

Плащ применялся для изматывания быка и для защиты пикадоров, а пассы, если судить с нынешних позиций, вызывали эмоции в силу размера, веса и свирепости животного, той опасности, которой подвергался матадор, а вовсе не формой или замедленностью их исполнения. Зрителя возбуждал сам факт, что человек устраивает пассы перед быком, вообще находится с ним на одной арене, да еще и утверждает свое превосходство; вот что вызывало эмоции, а не та, как принято сейчас, математическая близость рогов к телу, да чтоб еще при этом стоять как вкопанному. Современная коррида появилась на свет именно благодаря современному быку-«декаденту». И вообще, это искусство является декадентским во всех отношениях, и, подобно большинству упадочных форм, момент его наибольшего расцвета является вершиной гнилости, что мы сейчас и имеем.

Невозможно изо дня в день сражаться с быками, если они всамделишные боевые быки — то есть если они громадны, сильны, свирепы и быстры, умеют орудовать рогами и находятся на пике физической формы, — пользуясь той техникой, которая укоренилась в современной корриде, начиная с Хуана Бельмонте. Она слишком опас-

на. Технику изобрел Бельмонте. Он был гений, сумевший сломать правила боя; его приемы (а все те действия, которые человек совершает с быком на арене, передаются в испанском одним-единственным глаголом тореар) считались доселе попросту невыполнимыми. Но стоило ему разок их показать, как всем тореро пришлось превращаться в подражателей, коль скоро нельзя давать обратный ход, когда у зрителя появились новые ощущения. Гиганту Хоселито (Бельмонте тщедушен), обладателю атлетического тела, цыганской грациозности, интуиции и благоприобретенных знаний о быках, Хоселито, кому все в корриде давалось играючи, кто жил корридой, кто, казалось, был вылеплен, рожден — если не сказать специально выведен, как порода, — чтобы стать великим матадором, даже ему пришлось осваивать приемы Бельмонте! И это Хоселито, наследник великих тореро, а может, и величайший из всех! Он был вынужден учиться «тореарить» по-бельмонтовски. А Бельмонте все это устроил оттого, что ему недоставало роста и физической силы, из-за слабых коленок. Гений и великий актер, он не принимал на веру ни единого правила. Бельмонтовская метода не была унаследована, она не явилась результатом

поступательного развития; это была революция. Хоселито освоил ее, и в годы соперничества, когда каждый из них проводил около сотни боев в год, любил говаривать: «Утверждают, дескать, Бельмонте работает вплотную к быку. Внешне — да. Но по сути ничего подобного. Это я работаю вплотную. Только у меня техника естественней, и вот почему она смотрится не такой близкой».

Короче говоря, декадентский, невозможный, чуть ли не извращенный стиль Бельмонте прижился и развился в здоровое, интуитивно-гениальное великолепие Хоселито и его семилетнее соперничество с Хуаном Бельмонте, в золотой век корриды, хотя искусство боя быков уже катилось под уклон.

Быков нарочно выводили менее крупными, не такими свирепыми, с рогами покороче и чуть ли не пообходительней при атаке как раз потому, что Хоселито и Бельмонте могли проделывать с ними вещи поизящнее. И тот, и другой умели показать класс с любым быком, никакой зверь не мог заставить их выглядеть беспомощными, но с быками поменьше да попроще они гарантированно демонстрировали чудеса, до которых публика столь охоча. Крупные животные были несложным противником для Хоселито, в отли-

чие от Бельмонте. Для Хоселито все быки были простыми, вот ему и приходилось изобретать трудности на собственную голову. Соперничеству пришел конец 16 мая 1920 года, когда Хоселито погиб на арене. Бельмонте выступал еще год, затем покинул профессию, и коррида осталась с новым декадентским стилем, почти невозможной техникой, быками-недомерками, ну а что до тореро, то из них уцелели только плохие: закосневшие упрямцы, неспособные выучиться новым штукам и, стало быть, уже не доставлявшие удовольствие зрителю, да молодая поросль, упадочная, жалкая и болезненная, не прошедшая школу подмастерьев, без способностей, отважной брутальности и гениальности Хоселито, а заодно и без малейшего намека на волшебно-нездоровую загадочность Бельмонте.

Пожилая дама: Я не увидела ничего упадочного или гнилого в том зрелище, что мы сегодня наблюдали.

— Да и я не увидел, сударыня, потому что сегодня из матадоров выступали Никанор Вильялта, арагонский телеграфный столб-храбрец; Луис Фуентес Бехарано, доблестный и уважаемый трудяга, профсоюзная гордость; и Диего Маскарян, он же «Фортуна», смелый подручный мясника

из Бильбао.

Пожилая дама: Все они показались мне героическими и мужественными. В чем же, сударь, их упадочность?

— Сударыня, они и вправду мужественны хоть куда… правда, голос у Вильялты чуток писклявый… А упадочность, о которой я упоминал, относится не к ним, а ко всему искусству вследствие чрезмерного раздувания отдельных его аспектов.

Пожилая дама: Вас, сударь, сложно понять.

— Я объясню позднее, хотя словом «упадочность» и впрямь трудно пользоваться, коль скоро оно превратилось в ярлык, который критики обожают цеплять к любой вещи за пределами их моральных концепций или разумения.

Пожилая дама: Я полагала, что под упадочничеством понимают разложение, как, например, среди судейских.

— Сударыня, все наши слова поизносились от небрежного употребления, но глубинная суть ваших сентенций безупречна.

Пожилая дама: С вашего позволения, сударь, меня мало интересует обсуждение слов. Разве мы пришли сюда не ради того, чтобы узнать что-то новое о быках и тех, кто с ними воюет?

— Наведите писателя на тему слов, и он пойдет вещать без передышки, пока вы не измучаетесь желанием, чтобы он показал больше мастерства в их использовании, а не в чтении проповедей на тему их значимости.

Пожилая дама: В таком случае, отчего бы вам не остановиться?

— Вам не доводилось слышать о покойном Раймоне Радиге?

Пожилая дама: Боюсь, что нет.

— Это был юный француз-писатель, который умел строить карьеру не только перьевой ручкой, но и собственным карандашиком, буде позволено так выразиться.

Пожилая дама: То есть…

— Не в буквальном, конечно, смысле.

Пожилая дама: Вы хотите сказать, он…

— Именно. Пока Радиге был жив, он частенько утомлялся от жеманности, восторженности и капризности своего литературного доброго гения Жана Кокто и коротал ночи в гостинице неподалеку от Люксембургского сада в компании двух сестричек, в ту пору подвизавшихся натурщицами. Добрый гений был изрядно раздосадован сим обстоятельством и заклеймил его упадничеством, а про покойника сказал так — с горечью,

хотя не без гордости: «Bébé est vicíense — il aime les femmes».[7] Так что, сударыня, надо поаккуратнее орудовать этим словечком, раз не все понимают его одинаково.

Пожилая дама: Оно мне сразу не понравилось.

— В таком случае предлагаю вернуться к быкам.

Пожилая дама: С удовольствием, сударь. Но что же все-таки приключилось с Радиге?

— Он подцепил тифозную лихорадку, плескаясь в Сене, и помер.

Пожилая дама: Бедняжка.

— И не говорите.

[7] Примечания: 7

«Малыш испорчен: любит женщин». Интересно отметить, что фр. слово vicieux («порочный, развратный, с изъяном») употреблено в женском роде.

Глава восьмая

После смерти Хоселито и ухода Бельмонте корриде пришлось худо. Доселе на арене царили две великие личности, которые в рамках своего искусства — а мы, разумеется, помним, что оно не перманентно и, стало быть, неакадемично, — были сопоставимы с Веласкесом и Гойей, а если брать литературу, то с Сервантесом и Лопе де Вегой (хотя лично мне де Вега неинтересен, он все же обладает репутацией, уместной для проведения подобных параллелей); так вот, с их уходом английская литература словно потеряла Шекспира, а Марло бросил перо, так что поле осталось в распоряжении Рональда Фербенка, который очень неплохо писал о чем-то своем, но, скажем так, весьма специфически. Валенсиец Мануэль Гранеро был тем тореро, на кого la afición, болельщики, возлагали свои величайшие надежды. Один из той троицы, кого покровители и деньги возвели в ранг матадора посредством наилучшего механического натаскивания на фермах под Саламанкой, где можно было тренироваться на телятах. В жилах Гранеро не текло ни капли матадорской крови, родители мечтали вырастить

из него скрипача, однако родной дядя Мануэля был тщеславен, а в юноше обнаружился природный талант, чему способствовала недюжинная смелость, и он стал лучшим из всей троицы. Двух других звали Мануэль Хименес по прозвищу Чиквело и Хуан Луис де ла Роза. Уже в юности они были идеально подготовленными тореро в миниатюре; все трое обладали безупречным бельмонтовским стилем, великолепно исполняли любые приемы и слыли за вундеркиндов от корриды. Гранеро был самым крепеньким, здоровеньким и храбрым, а погиб в Мадриде и тоже в мае, как Хоселито, только два года спустя.

Чиквело было пять лет от роду, когда его отец, матадор с тем же именем и прозвищем, умер от чахотки. Воспитателем-кормильцем, наставником, а впоследствии персональным импресарио стал его дядя Зокато, который принадлежал к старой школе бандерильеро, обладал хорошей деловой хваткой и склонностью изрядно заложить за воротник. Сам Чиквело отличался невысоким ростом и нездоровой полнотой, имел скошенный подбородок и болезненный цвет лица, кисти рук у него были маленькими, а ресницы — по-девичьи длинными. Учившийся в Севилье, а затем на ранчо в окрестностях Саламанки, Чиквело был

самым совершенным, идеальным воплощением матадора в миниатюре — как фарфоровая статуэтка. После гибели Хоселито и Гранеро, после ухода Бельмонте именно он солировал на сцене. Еще, правда, имелся Хуан Луис де ла Роза, который, в свою очередь, сам был копией Чиквело, если не считать дяди и телосложения. Кто-то, не родственник, дал денег на его обучение, и он стал еще одним замечательно изготовленным образчиком продукции. В ту же пору на арене выступал и Марсиаль Лаланда, который разбирался в быках благодаря тому, что сам вырос среди них (его отец работал управляющим на ферме герцога Верагуанского), и ему прочили титул правопреемника Хоселито. Все, что в ту пору в нем было от наследства Хоселито, — это знание быков и своеобычная манера двигаться, когда он дразнил их перед уколами бандерилий. В те дни я часто видел его, и он всегда выглядел очень техничным, все делал как бы по науке, хотя не отличался силой и держался равнодушно. Казалось, коррида не приносит ему удовольствия, он не извлекает из нее эмоций, а уж тем более восторга, зато в нем живет — пусть тщательно подавляемый, но все же наводящий тоску — страх. Унылый, апатичный тореро, техничный и чрезвычайно грамотный;

на одно блестящее выступление приходилась дюжина посредственных и неувлекательных. Он, Чиквело и де ла Роза бились с быками так, словно их к этому приговорили, а вовсе не оттого, что сами избрали такой путь. Думаю, никто из них так и не забыл гибель Хоселито и Гранеро. В роковой для Гранеро день с ним на арене был Марсиаль, на которого затем обрушились незаслуженные упреки, мол, не сумел вовремя отвлечь быка. Горечь обиды сказалась на нем очень сильно.

В ту же эпоху гремели еще два имени: братья Анло из Арагона. Старший Рикардо (оба, кстати, по прозвищу Насьональ) был среднего роста, кряжистый, настоящий монумент неподкупности и отваги, воплощение ничем не примечательного, но классического стиля. Младший Хуан (он же Насьональ II) был высокий, тонкогубый и косой. Угловатый и очень смелый, он изумлял несуразностью стиля.

Викториано Роже, «Валенсия II», сын бандерильеро и уроженец Мадрида, учился у собственного отца; у него тоже был старший брат, из которого не получилось матадора. Мальчишка-тореро того же розлива, что и Чиквело со товарищи, красиво управлялся с плащом, на мадридской арене держался дерзко, вспыльчиво и отважно слов-

но боевой бык, зато в других городах распускал нервишки, полагая, что провалы в провинции не задевают его чести, коль скоро блестящий успех в столице служит как бы иммунитетом. Подобная вера во всемогущество мадридского реноме характерна для тех тореро, которые кормятся своей профессией, но никогда не занимают в ней доминирующих высот.

Хулиан Саинс, «Салери II», вполне состоявшийся тореро и великолепный бандерильеро, в один из сезонов соперничал с Хоселито, но в итоге превратился в ходячий лозунг «Осмотрительность и безопасность прежде всего»; Диего Маскарян («Фортуна»), мужественный, туповатый, замечательный убийца, только старой закваски; а еще мексиканец Луис Фрег, низенький, бурый обладатель смоляных волос, как у индейца, в возрасте под сорок, неуклюжий, чьи мышцы на ногах напоминают узловатые корни дуба, все в шрамах от наказаний за неповоротливость, косолапость и слепую отвагу; ну и горстка прочих ветеранов да охапка неудачников — вот и все, что осталось в первые годы после ухода двух великих личностей.

Фрег, Фортуна и старший из Насьоналей не радовали глаз, потому что новый стиль сделал

их манеру боя старомодной, к тому же исчезли крупные быки, те самые, которые в сочетании с отважным, знающим человеком на арене и воплощали в себе суть корриды. Чиквело был чудесен, пока не угодил на рог в первый раз. После этого, стоило быку хоть в чем-то оказаться трудным, Чиквело превращался в законченного труса и показывал весь свой репертуар лишь в том случае, когда ему попадался бык-простак, который и не думал пускаться на хитрости, а можно сказать, катался мимо Чиквело туда-сюда как поставленный на рельсы. В промежутке между зрелищностью его выступлений с механически совершенным быком, которого он поджидал весь сезон напролет, и сделанной порой на живом нерве, но добросовестно-техничной работой с трудным быком выпадали демонстрации такой бесстыднейшей трусости, равной которой днем с огнем не сыщешь. Де ла Роза был ранен раз, перепугался навечно и быстро сошел с орбиты. Как тореро он был весьма одарен, но еще больший талант проявил кое в чем другом; он до сих пор выходит на арену в Южной Америке и, сочетая оба своих дарования, живет припеваючи.

Валенсия II начинал каждый сезон задорно как боевой петушок и работал близко к быкам.

Потом один из быков мотнул головой пободрее, поймал Валенсию на рог, вздернул и отправил в больницу; а когда этот тореро поправился, то утратил смелость вплоть до следующего сезона.

Были и другие. Одного звали Хитанильо, «Цыганенок». Несмотря на прозвище, к цыганам он не имел никакого отношения, разве что в юности работал конюхом на одно из цыганских семейств. Это был низенький и дерзкий храбрец, по крайней мере, в Мадриде. Что до провинции, то, подобно всем дешевым матадорам, он уповал на свою мадридскую репутацию. Хитанильо принадлежал к тем тореро, которые готовы на что угодно, чуть ли не едят быков сырыми. При этом все выполнял нескладно, зато любил щегольнуть, например, когда бык уставал или замирал на минутку на месте, Хитанильо мог повернуться к нему спиной — это на расстоянии в локоть от рогов! — и встать на колени, расточая улыбки толпе. Едва ли не каждый сезон получал тяжелое ранение и в конечном итоге заработал инвалидность на всю жизнь, когда потерял половину легкого.

В городке Сория какой-то местный эскулап хватил Насьоналя II по голове бутылкой, не сойдясь с ним в мнении по поводу одного из боев.

Насьональ, игравший в той корриде лишь роль зрителя, пытался оправдать поведение матадора, кому достался трудный бык. Полиция арестовала Насьоналя (нападавшего не тронула), и Насьональ, перемазанный красной пылью Сории, с размозженным черепом, всю ночь провалялся в участке, умирая от кровоизлияния в мозг, пока окружающие, приняв бедолагу за пьянчужку, пытались привести его в чувство. Ничего не вышло. Так коррида потеряла Хуана Анло, одного из действительно отважных матадоров.

Годом раньше погиб еще один, да еще подававший самые большие надежды. Звали его Мануэль Гарсия, «Маэра». Еще мальчишкой он был знаком с Хуаном Бельмонте в его бытность поденным рабочим в севильском предместье Триана, и тот на собственные деньги отправил Мануэля в школу тореро, где учили бою на молоденьких телятах. Хуан вместе с Маэрой и местным парнем по имени Варелито мечтали овладеть искусством плаща, и порой эта троица устраивала ночные вылазки: толкая перед собой бревно с керосиновой лампой и стопкой плащей, они вплавь преодолевали реку, а затем, голые и мокрые, перелезали через забор скотного двора в соседней Табладе, чтобы разбудить и раззадорить

взрослого боевого быка. Пока Маэра держал лампу, Бельмонте отрабатывал на том пассы. Когда Бельмонте стал матадором, Маэра — высокий, смуглый, узкобедрый, со впалыми глазами и сизым подбородком даже после тщательного бритья, дерзкий, сутулый и серьезный, — последовал за ним в качестве бандерильеро. Он великолепно играл свою роль, и за годы совместной работы, проводя под сотню боев за сезон, имея дело со всевозможными быками, он узнал их как никто, не уступая даже Хоселито. Бельмонте никогда не работал с бандерильями, потому что плохо бегал. А вот Хоселито почти всегда лично втыкал бандерильи в своих быков, так что Маэра и был тем козырем, которым Бельмонте крыл Хоселито в их соперничестве. Как бандерильеро, Маэра ничем не уступал Хоселито, и Бельмонте сознательно заставлял своего ассистента носить самый нескладный, плохо сидящий костюм, — чтобы Маэра как можно больше напоминал пеона, чтобы зритель не замечал его уникальных личных качеств, чтобы он, Бельмонте, выглядел тем матадором, у которого даже простой бандерильеро может запросто помериться силами с Хоселито. В последний год карьеры своего начальника Маэра попросил поднять ему жалованье до трехсот

песет за бой вместо прежних двухсот пятидесяти. Бельмонте отказался, хотя в ту пору получал по десять тысяч за выход на арену. «Ладно, — сказал ему Маэра. — Тогда я сам стану матадором и покажу тебе, как это делается». «Не смеши людей», — презрительно бросил Бельмонте. «Нет, это над тобой люди будут смеяться, когда я доведу дело до конца», — ответил ему Маэра.

Став матадором, Маэра поначалу спотыкался на ошибках, выдававших в нем типичного пеона, к примеру, он слишком много двигался (матадорам вообще не пристало бегать), с плащом работал неизящно. Он был одарен и техничен, но сыроват с мулетой; убивал не без вывертов, зато с первого раза. С другой стороны, быков он знал как облупленных, обладал бесстрашием до того непритворным, что играючи делал вещи, в которых сумел разобраться, а разбирался он во всем. А еще он был очень гордым. Самым гордым из виденных мною людей.

За два года он исправил все свои огрехи с плащом, выучился отменно управляться с мулетой; он всегда был одним из самых утонченных, эмоциональных и состоявшихся мастеров по втыканию пары бандерилий, а стал одним из лучших, доставляющих наибольшее удовольствие

матадоров, которых мне когда-либо довелось наблюдать. Он был таким смелым, что заставлял краснеть робких стилистов, а сам бой быков был для Маэры столь важен, что в последний год жизни одно его появление на песке вытаскивало корриду из застойного болота, где первенствовали нежелание выкладываться, жажда скорейшей наживы и пассивное ожидание «механического быка». Когда выходил Маэра, на арене вновь царили достоинство и страсть. Его имя означало, что вечер удастся хотя бы на треть, с двумя быками, а заодно всякий раз, когда ему приходилось вмешиваться в бои с оставшейся четверкой. Если бык не шел навстречу, он этого не выпячивал, не просил у публики терпения и сочувствия, а сам шел к быку: дерзко, по-хозяйски, напрочь презирая опасность. Он неизменно давал зрителю эмоции и, наконец отшлифовав стиль, превратился в артиста. Однако в последний сезон было уже видно, что человек стоит на краю могилы. Его пожирала скоротечная чахотка, и врачи предвещали смерть к концу года. Его дважды ранило, но он не обращал на это внимания. Как-то раз, в четверг, Маэра получил пятидюймовую рану под мышкой, а в воскресенье я уже видел его в бою. Рану перевязывали до и после схватки, я сам был

этому свидетелем, однако он, как я и сказал, не обращал на это внимания. Болело, должно быть, жутко — рана рваная, нанесена обломавшимся рогом, и прошло всего-то два дня, — а он плевать хотел на мучения. Вел себя, словно боли не было вовсе. Руку не берег, не прятал, не избегал ее поднимать; просто-напросто ее игнорировал. Боль уже не могла до него добраться, он слишком далеко ушел. Никогда я не видел человека, который был бы столь жаден до отпущенного времени, как Маэра в тот сезон.

В следующий раз я увидел его в Барселоне, и в том бою он был ранен в шею. Ему наложили восемь стежков, а уже на следующий день, с забинтованной шеей, он сражался вновь. Голову было не повернуть, и Маэра находился в бешенстве. В бешенстве на невозможность что-либо с этим поделать, а заодно на тот факт, что выступать приходится с повязкой, торчащей поверх воротника.

Юный матадор обязан соблюдать все тонкости этикета и, если хочет заручиться уважением, не имеет права садиться за один стол со своей квадрильей. Он столуется отдельно, дабы сохранить разрыв в статусе между хозяином и слугами, которые на него работают. А вот Маэра всегда сидел

с ними за одним столом, они всегда путешествовали вместе, порой устраивались на ночлег в общем номере переполненной ярмарочной гостиницы, и я никогда не видел, чтобы квадрилья с таким уважением относилась к своему матадору, как к Маэре.

Его беспокоили запястья, как раз та часть тела, которая чрезвычайно важна для тореро. Как у хорошего стрелка указательный палец приучен едва заметно менять нажим на спусковой крючок, приближаясь к моменту выстрела, точно так же и тореро своими запястьями добивается утонченности в искусстве работы с плащом и мулетой. Вся пластика мулеты сосредоточена в запястьях; именно хлестким запястьем вонзают бандерильи, и запястьем — только на сей раз жестким — матадор убивает, сжимая в ладони налитый свинцом и обтянутый замшей эфес своей шпаги. Однажды Маэра наносил завершающий удар в загривок атакующего быка, весь подавшись плечом вперед, вслед за шпагой, которая пришлась острием в хребет, между лопатками. От сильного нажима под неудачным углом, да еще в движении, шпага на миг согнулась — и взметнулась в воздух как пружина, выворачивая лучезапястный сустав. Маэра поднял шпагу

левой рукой, отнес ее к баррере, левой же рукой извлек новую шпагу из кожаного чехла, который подал ему ассистент.

— А запястье? — спросил тот.

— Да пошло оно ****, — ответил Маэра.

Он направился к быку, окоротил его двумя пассами, проведя тканью перед мокрым носом и тут же ее отдернув, отчего бык двинулся вслед за мулетой и наконец принял нужную позицию. С мулетой в левой руке и шпагой в правой, Маэра встал боком, «обрисовался» и нанес удар. Вновь угодил в кость, вновь напряг силы, вновь спружинила шпага. Только на этот раз он не пошел за новой. Подобрал оружие правой рукой, и я увидел, что его лицо стало мокрым от боли. Красным полотнищем загнал быка в позицию, взглянул вдоль клинка, ударил. Ударил так, словно хотел пробить каменную стену, весом, ростом и всем, что в нем было, навалился на шпагу, и та попала в кость, согнулась — не очень сильно, потому что на этот раз его запястье дрогнуло — спружинила и вывалилась из руки. Он потянулся за шпагой, но запястье отказывалось работать, и клинок вновь выпал. Маэра вскинул правую руку, ударил запястьем по сомкнутому левому кулаку, затем поднял шпагу левой рукой, перехватил ее правой,

на этот раз удержал, и можно было видеть, как по его лицу струится пот. Второй матадор сунулся было отвести Маэру к врачу, но тот отшатнулся, разразившись бранью:

— Не лезь! Пошли все к такой-то матери!

Еще дважды Маэра предпринимал попытку, всякий раз попадая в кость. Здесь следует напомнить, что в любой момент он без особого риска или боли мог всадить шпагу в шею быку, мог проткнуть ему легкое, полоснуть по яремной вене и тем самым гарантированно прикончить. Но его честь требовала, чтобы он убил быка между лопатками, как мужчина, нависая над выставленным рогом, наваливаясь на клинок телом. В шестой раз повторил удар, и сталь вошла между позвонками. Рог едва не пропорол ему брюшину, когда он подался вперед. Затем Маэра выпрямился и замер, высокий, со впавшими глазами, мокрый от пота, с прилипшей ко лбу челкой, взглядом следя за тем, как бык шатается, теряет опору и валится на бок. Маэра выдернул шпагу правой рукой, чтобы, как я полагаю, наказать ее, затем переложил оружие в левую и, неся клинок острием вниз, направился к баррере. Его ярость испарилась. Правое запястье отекло. Он думал о чем-то еще. Идти на перевязку отказался.

Кто-то спросил его насчет запястья. Маэра вскинул руку и, разглядывая ее, презрительно усмехнулся.

— Слушай, тебе в больницу надо, — сказал один из бандерильеро. — Полежать там, подлечиться.

Матадор перевел на него взгляд. Его не заботило запястье. Он думал о быке.

— Да он бетонный, — сказал Маэра. — Забетонированный сукин сын.

Зимой того же года Маэра скончался в Севилье, с трубкой в каждом легком, захлебнувшись пневмонией, которая пришла его прикончить по стопам туберкулеза. В бреду он скатывался на пол и там, под койкой, сражался со смертью, погибая в муках. Мне думается, в свой последний год он надеялся на смерть в бою, но не позволил себе пойти на обман, сыграв в поддавки. Он бы вам понравился, сударыня. Era muy hombre.[8]

Пожилая дама: Но отчего Бельмонте отказался поднять ему жалованье?

— Сударыня, эта удивительная вещь характерна для Испании. Когда речь заходит о деньгах, из всех ведомых мне финансовых предприятий самым грязным является коррида. Рейтинг тореро

---

[8] Примечания: 8
«Настоящий был мужик» *(исп.)*

определяется размером его гонорара. Однако в Испании бытует мнение, что чем меньше платишь подчиненным, тем ты круче как мужик, чем сильнее ты низводишь их к положению рабов, тем мужественней выглядишь в собственных глазах. Это особенно верно в случае матадоров, прорвавшихся из грязи в князи. Они приветливы, щедры, обходительны и умеют угодить всякому, кто выше их по социальной лестнице, но с теми, кто на них работает, обращаются не лучше погонялы на плантациях.

Пожилая дама: Они все такие?

— Практически все. Да и нетрудно оправдать желание матадора уберечь заработанные деньги от паразитирующих льстецов в его окружении. В целом, я бы сказал, что нет на свете человека злее, чем матадор, когда дело заходит о жалованье подчиненных.

— Пожилая дама: Получается, ваш друг Маэра был злющим скрягой?

— Нет. Он был щедрым, жизнерадостным, гордым, ранимым и грубоватым на язык, любил и умел хмелеть. Никогда не заискивал перед интеллектуалами, равно как не стремился сделать богатую партию в браке. Ему нравилось убивать быков, и он жил страстно, ярко, хотя последние

полгода очень тосковал от горечи. Знал, что болен туберкулезом, при этом ничуть о себе не заботился; не имея страха перед смертью, предпочел сгореть, но не из бравады, а по сознательному выбору. Занимался обучением младшего брата, прочил ему карьеру великого матадора. Однако младший брат, также снедаемый легочной хворью, оказался трусом. Мы все были очень разочарованы.

Глава девятая

Разумеется, если сходить на бой и не встретить там ни одного матадора-декадента, рассуждения по поводу упадка корриды окажутся излишними. Но каким бы ни было начальное представление об облике истинного матадора, если на первом в жизни бое быков ты увидишь упитанного коротышку с длинными ресницами, чрезвычайно гибкими кистями рук и страхом перед быками, потребуется объяснение. Ведь именно так Чиквело выглядит сегодня, через десять лет после первого феноменального выхода на арену. С ним до сих пор заключают контракты, потому что люди надеются, что его бык, тот самый, идеальный, которого он так давно ждет, вдруг выскочит из ворот торил я, и тогда Чиквело развернет во всей красе репертуар чистейших связок из вероник, которые дадут фору самому Бельмонте. Можно раз двадцать ходить на Чиквело в сезон и ни разу не увидеть полного зрелища, но уж если он в ударе, то просто бесподобен.

Из прочих, кто после Хоселито и Бельмонте подавлял своим именем и надеждами, хотя и не безусловным успехом, выделяется Марсиаль

Лаланда: мастер техники, надежный, опытный, знающий, истинный тореро. Он в силах справиться со всеми быками, с любым из них покачать умелую, стоящую работу. Он уверен в себе и спокоен. За девятилетнюю карьеру успел созреть и приобрести стойкость, начал получать удовольствие от этой работы, а вовсе не страх. Более универсального и технически грамотного тореро не сыскать во всей Испании.

Валенсия II по своим возможностям и ограничениям нее такой же, каким был в самом начале, если забыть о том, что он растолстел, приобрел осмотрительность и плохо зашитую рану в уголке глаза, которая настолько изуродовала лицо, что он утратил былой задор. Его работа с плащом безупречна, он умеет показать пару-другую трюков с мулетой, но они всего лишь трюки, которые по большей части служат для защиты. В Мадриде, если сумеет собраться, то выкладывается по полной, ну а в провинции циничен, как и прежде. Его матадорская карьера почти на излете.

Есть еще два матадора, о которых я пока молчал, потому что они не вписываются в общий пейзаж упадочнической корриды, а представляют собой частные случаи.

Они оставались бы такими же в любую эпоху.

Эти двоих зовут Никанор Вильялта и Ниньо де ла Пальма. Но сначала я должен объяснить, почему вообще надо уделять столько внимания частным явлениям. Хотя индивидуалы интересны, сударыня, не они делают погоду. В нашем случае, однако, все наоборот: разложение корриды как раз и привело к тому, что тон начали задавать индивидуалы. Допустим, кто-то сходил на бой быков. Ты его спрашиваешь: как звали матадоров? Если человек запомнил имена, становится в точности ясно, что это был за бой. Потому что прямо сейчас кое-какие тореро умеют делать только определенные вещи. Превратились в таких же специалистов, как врачи. В свое время, бывало, сходишь к доктору, и он тебя вылечит или хотя бы попытается. Точно так же в свое время люди ходили на бои, где матадоры были матадорами; они прошли настоящую школу подмастерьев, узнали корриду изнутри, научились в полной мере задействовать свои способности в работе с плащом, мулетой, бандерильями, — и они убивали. Нет смысла описывать здесь степень той специализации, которую достигли врачи, или говорить о самых отталкивающих и смехотворных аспектах этого явления, поскольку мы все рано или поздно с ними сталкиваемся, но человек,

отправляющийся на бой быков, и не подозревает, что эта зараза — в смысле, специализация — захватила и корриду, что теперь есть матадоры, которые хороши с плащом и бесполезны во всем остальном. А зритель-то, может статься, и не разбирается в тонкостях вероник с плащом, эти движения ему в новинку, кажутся странными, вот он и решает, что все прочие действия этого конкретного матадора выражают собой сущность корриды, — и он берется о ней судить, хотя в реальности это лишь жалкая пародия на то, как надо сражаться с быками.

Чего не хватает современной корриде, так это универсального матадора, который был бы еще и артистом, чтобы спасти ее от засилья спецов, тех тореро, которые умеют делать что-то одно, причем в высшей степени замечательно, но для этого им требуется особый, чуть ли не сделанный по заказу бык: вот когда они смогут довести свое искусство до высочайшей точки, а порой и вовсе показать хотя бы что-то искусное. Чего корриде не хватает, так это бога, который изгнал бы всех полубожков. Однако ожидание мессии — дело долгое, и фальшивых пророков пруд пруди. Библия умалчивает, сколько было фальшивых пророков до Господа нашего Иисуса Христа, зато

история корриды последнего десятилетия ими кишмя кишит. Именно потому, что иногда видишь фальшивых пророков в действии, важно о них знать. Нельзя понять, видел ли ты настоящую корриду, пока не узнаешь, настоящими ли были быки и матадоры.

К примеру, вы видели Никанора Вильялту. Если это случилось в Мадриде, вам могло показаться, что он великолепен, что вам досталось изумительное зрелище, а все потому, что в Мадриде он держит ступни вместе, работая с плащом и мулетой, и это лишает его гротескности, к тому же в Мадриде он убивает доблестно. Вильялта странный случай. Его шея раза в три длиннее, чем у обычного человека. Ростом метр восемьдесят, и из них львиную долю занимают ноги и шея.

Сравнивать его с жирафом тоже нельзя, потому что у жирафа шея выглядит естественно. А у Вильялты она словно растет у тебя на глазах. Как резиновая лента, только обратно не стягивается. С хлопком. А жаль. Так вот, когда человек с такой шеей держит ноги вместе, он смотрится вполне нормально; если, держа ступни вместе, он перегибается назад в поясе и наклоняет шею к быку, возникает определенный визуальный эффект, который пусть не эстетичен, но в нем хотя бы

нет гротеска, зато стоит ему расставить ноги циркулем и вытянуть свои длинные руки, никакая отвага не компенсирует отчаянную смехотворность. Как-то вечером в Сан-Себастьяне, когда мы прогуливались вдоль Ла-Кончи, Вильялта говорил про свою шею на арагонском диалекте, чуть ли не детском языке, проклиная ее и жалуясь нам, что вынужден все время сосредотачиваться, все время помнить, что нельзя быть гротескным. Он изобрел своего рода гироскопический прием работы с мулетой, делая свои ненатуральные натурали, удерживая ступни вместе, с гигантской мулетой (в развернутом виде она с успехом заменила бы простыню в номере респектабельной гостиницы) в правой руке, ткань расправлена кончиком шпаги, — и вот он медленно проворачивается вместе с быком. Никто не работает с быком ближе, никто не проводит его на столь малой дистанции от себя, как Вильялта, мастер коловращения. А вот с плащом он не столь хорош — слишком быстр, слишком резок; убивая, сокращает дистанцию в один прием и сопровождает шпагу всем телом, но зачастую вместо того, чтобы опустить левую руку, позволяя быку за ней последовать и тем самым подставить жизненно важную точку между лопатками, Вильялта ослеп-

ляет его алым крылом мулеты и полагается на свой рост, чтобы перегнуться над рогами и точно, глубоко всадить шпагу. С другой стороны, порой он убивает совершенно правильно и согласно канону. В последнее время его заключительные удары стали чуть ли не классическими, к тому же с уверенным постоянством. Все, за что ни возьмется, он делает отважно и чрезвычайно самобытно, так что если видишь Никанора Вильялту, то это тоже не коррида. Однако на него имеет смысл сходить в Мадриде, где он выдает все, на что способен, и если там ему достанется бык, который позволит удерживать ноги вместе — а из шести быков только один такой, — удастся увидеть нечто странное, крайне эмоциональное и, слава богу, уникальное.

Когда смотришь на Ниньо де ла Пальма, все шансы за то, что перед тобой трусость в своей наименее привлекательной форме: с жирным огузком, преждевременно облысевшая из-за чрезмерного увлечения бриолином и досрочно впавшая в старческий маразм. Из всех юных тореро, что появились за десятилетие после первого ухода Бельмонте, как раз из-за Ниньо коррида пережила больше всего обманутых надежд и разочарований. Он начал карьеру в Малаге и

держал бой на арене лишь двадцать один раз, в отличие от восьми- или даже десятилетнего ученичества у тореро старой закалки, прежде чем его объявили матадором. История знает двух великих тореро, которые стали полными матадорами в шестнадцать лет, а именно, Костильярес и Хоселито, и оттого, что они вроде как напрочь пропустили обучение и нашли «царский путь в науке», многих мальчишек слишком рано и с катастрофическими последствиями продвинули вперед. Ниньо де ла Пальма тому замечательный пример. Единственные случаи, когда была оправдана ранняя альтернатива, связаны с теми тореро, которые еще подростками несколько лет подряд сражались с быками и были выходцами из матадорских семейств, а значит, имели наставников в лице отца или братьев, их советами восполняя нехватку опыта. И даже в таких случаях успех приходил только к супергениям. Я говорю про супергениев, потому что гениален каждый матадор. Невозможно выучиться на полного матадора, как невозможно выучиться на бейсболиста высшей лиги, или оперного певца, или профессионального боксера-чемпиона. Можно научиться играть в бейсбол, боксировать или петь, но если у тебя нет определенных гениаль-

ных задатков, ты не сможешь зарабатывать на жизнь бейсболом, боксом или пением в опере. В корриде помимо этой гениальной жилки — без которой вообще никуда — дело усложняется тем, что дополнительно требуется отчаянная смелость пойти на риск ранения, а уж тем более гибели, который становится особенно зримым как раз после твоей первый раны. Каэтано Ордоньес, он же Ниньо де ла Пальма, произведенный из новильеро в матадоры весной после серии блистательных боев в Севилье, Малаге и Мадриде, в свой первый профессиональный сезон казался чуть ли не мессией, явившимся для спасения корриды.

Я уже пробовал описать его внешность и парочку боев в одной из книг. Я присутствовал в день его первого мадридского выступления в качестве матадора, а еще я видел его в Валенсии, в тот год, когда он соперничал с Хуаном Бельмонте после возвращения того на арену; тогда де ла Пальма провел две фаэны, настолько красивые и чудесные, что я помню их пасс за пассом даже сегодня. С плащом он воплощал собой саму искренность и чистоту стиля, убивал неплохо, хотя, исключая случаи везенья, не был отличным закольщиком. Да, несколько раз он убивал в стиле ресибьендо,

«получая» быка на шпагу в старой манере, и был великолепен с мулетой. Грегорио Коррочано, критик-корридовед из влиятельной мадридской газеты «Эй. Би. Си.», так выразился о нем: «Es de Ronda y se llama Cayetano». Он из Ронды, родины боя быков, и зовут его Каэтано, именем великого тореро, Каэтано Санса, величайшего стилиста старого времени. Эта фраза разошлась по всей Испании. В свободном переводе да через много-много лет ее можно было бы передать так: дескать, опять из Атланты явилось миру гольфа замечательное юное дарование по имени Бобби Джонс. Каэтано Ордоньес выглядел как тореро, вел себя как тореро и в течение одного сезона был тореро. Я видел все его лучшие бои, да и вообще большинство его выступлений. В конце того сезона он получил тяжелую, болезненную рану в бедро, совсем близко от артерии.

И кончился де ла Пальма. В следующем году он по числу контрактов побивал любого иного матадора, а подписаны они были благодаря его первому великолепному сезону, но действия Каэтано на арене были цепочкой катастроф. Он едва смел взглянуть на быка. Перед завершающим ударом на него самого было больно смотреть: уж так он боялся. Весь тот год де ла Пальма потратил на

убийства с наименьшей опасностью, перебегая атакующему быку дорогу, погружая шпагу в шею, пробивая легкие — лишь бы оказаться подальше от рогов. За всю историю корриды не было сезона позорнее. А все потому, что рана, та самая первая, похитила все его мужество. Больше оно к нему не возвращалось. Де ла Пальма обладал слишком резвым воображением. В последующем он несколько раз брал себя в руки на мадридской арене, и газетная шумиха по-прежнему приносила ему контракты. Мадридскую прессу читают по всей стране, и о столичном триумфе тореро узнает весь полуостров, а вот слава о триумфе в провинциях не расходится дальше соседей, а в Мадриде от этого и вовсе отмахиваются, потому что импресарио всегда объявляют о грандиозном успехе по телефону или телеграфу, хотя на самом деле разъяренная публика едва не линчевала матадора. Впрочем, возвращаясь к де ла Пальма, упомянутые редкие зрелища были не более чем отчаянным поступком труса.

Отметим, что отчаянный поступок труса чрезвычайно ценится в психологических романах, и он всегда в чести у тех, кто его совершает, но публике, которая из сезона в сезон платит, чтобы посмотреть на тореро, на это плевать. Порой

матадор отправляется в церковь в своей боевой униформе, чтобы помолиться перед боем, и, со струящимся под мышками потом, выпрашивает эмбесту, другими словами, чтобы бык атаковал в лоб, по прямой, и следовал за тканью как привязанный: «О, преблагая богородице дево! да ниспошли мне быка с эмбестой, яко волиши, дево владычице богородице, воеже днесь прикоснусь к быку оному в Мадриде, в день безветренный»; он сулит нечто ценное, а то и паломничество, вымаливает удачу, пока самого тошнит от перепуга, а под вечер такой бык, может статься, и впрямь на него выскочит; и вот матадор с перекошенным от наигранной храбрости лицом силится, подчас чуть ли не успешно, подражать изящной небрежности безупречной фаэны. Покажи это в Мадриде один разок в год, где-нибудь весной, и вот у тебя уже достаточно контрактов, чтобы оставаться в игре. Однако увидишь эту пантомиму, считай, повезло, а потом ходи на этого же матадора хоть два десятка раз, ничего подобного и близко не будет.

Размышляя обо всем этом, надо занимать точку зрения либо матадора, либо зрителя. Вся путаница из-за смерти.

Коррида — единственный вид искусства, где артисту грозит гибель и где уровень гениально-

сти выступления отдан на откуп личной чести тореро. В Испании честь более чем реальна. Эта вещь именуется словом пундонор — одновременно честь, неподкупность, смелость, чувство собственного достоинства и гордость. Гордость есть самая основательная характеристика этого племени, и умение не показывать испуг является делом пундонора. Стоит продемонстрировать свой страх — по-настоящему, чтоб и тени сомнения не осталось, — как честь испаряется, и тогда тореро может выдать исключительно циничное зрелище, приправляя свои усилия искусственной пикантностью, создавая для себя опасность лишь в том случае, когда есть финансовая необходимость исправить реноме и разжиться контрактами. Никто не ждет от тореро, чтобы тот вечно был в ударе, он должен всего лишь выкладываться. Ему простят неудачную работу, если попадется стервозный бык, народ не возражает против невезучих дней, но он попросту обязан выдать все, что в нем есть, какой бы бык ни попался. А стоит чести исчезнуть, и ты уже не знаешь, будет ли он стараться или вообще ничего не предпримет, кроме формального отправления своих обязанностей, прикончив быка с максимально возможной безопасностью, серостью и непоря-

дочностью. Утратив честь, тореро просто следует своим контрактам, питая отвращение к публике, перед которой сражается, и повторяя себе, что у них нет права издеваться и его освистывать, коли именно он глядит смерти в лицо, пока зритель преспокойно расселся в полной безопасности; он говорит себе, что способен показать отличную работу в любую минуту, стоит лишь захотеть. А потом приходит год, когда он вдруг обнаруживает, что не в состоянии отработать по полной даже с хорошим быком, и уже на следующий год такой матадор, как правило, сходит с дистанции. Потому что испанец обязан иметь пундонор, так что когда его уже не подпитывает эта своеобразная — как кодекс воровской чести — вера, мол, «да ежели захочу, горы сворочу!», он уходит из профессии и этим же решением обретает личное достоинство в собственных глазах. Испанская честь — отнюдь не моя фантазия, которой я хочу вас заразить подобно тому, как писатели на самом полуострове сеют разные теории по поводу народ а, населяющего Иберию. Честь для испанца, каким бы жуликом он ни был, столько же осязаема, что и вода, вино или оливковое масло. Есть честь среди карманников, есть честь среди потаскушек. Просто критерии разные.

Честь тореро нужна корриде не меньше, чем хорошие быки, и как раз оттого, что найдется с полдюжины матадоров, в том числе с величайшим талантом, которые обладают ею в минимальной степени; это обстоятельство вызвано слишком ранней и чрезмерно напряженной карьерой с последующим превращением в циника, а порой развитием перманентного страха из-за полученных ран — что не следует путать с временной потерей самообладания после пролития крови. Так вот, говорю я, именно по этой причине можно нарваться на безобразные бои, которые ничего общего не имеют с изъянами и скверной обученностью тореро.

— Ах, я вижу, вы в недоумении, сударыня! В чем бы вы хотели разъяснений?

Пожилая дама: Я обратила внимание, что когда бык бьет по лошади, из нее выплескивается облачко какой-то пыли. Как вы можете это объяснить, молодой человек?

— Сударыня, эта пыль представляет собой опилки, которые были засыпаны в брюхо лошади рукой сострадательного ветеринара, дабы восполнить потерю прочих органов.

Пожилая дама: Благодарю вас, сударь. Теперь мне все ясно. Но ведь лошадь не может перма-

нентно заменить те органы опилками?

— Это лишь временная мера, сударыня, и, признаться, никто от нее не в восторге.

Пожилая дама: Все же я нахожу ее опрятной, если, конечно, опилки чистые и свежие.

— О сударыня, история не знает опилок чище и свежее тех, что набивают брюхо лошадям мадридской арены.

Пожилая дама: Весьма рада это слышать. Скажите, а кто тот джентльмен с сигарой, и что за яствами он лакомится?

— Это, сударыня, Домингин, удачливый организатор боев, матадор в отставке и личный импресарио Доминго Ортеги, а вкушает он креветки.

Пожилая дама: Давайте и мы их закажем, если вас не затруднит, и отведаем. У него лицо славного малого.

— Верно подмечено, только не ссужайте ему денег. Здешние креветки высшего сорта, хотя через улицу они куда крупнее, да и называются лангостинос. Официант, три порции гамбас!

Пожилая дама: Позвольте, как вы их назвали?

— Гамбас.

Пожилая дама: Если не ошибаюсь, по-итальянски слово гамба значит «конечность».

Автор: Неподалеку отсюда есть итальянский ресторанчик, буде вам захочется там отужинать.

Пожилая дама: Он популярен среди тореро?

Автор: Ни в коем случае, сударыня. В нем не продохнуть от политиканов, которые превращаются в парламентариев, если замечают на себе чужие взгляды.

Пожилая дама: В таком случае давайте поужинаем где-то еще. А где столуются матадоры?

Автор: В скромных меблированных номерах.

Пожилая дама: Вам знаком хотя бы один из них?

Автор: Безусловно.

Пожилая дама: Я бы хотела узнать их ближе.

Автор: Скромные меблированные номера?

Пожилая дама: Нет, сударь. Матадоров.

Автор: Но сударыня, многие из них насквозь изъедены кое-какими хворями!

Пожилая дама: Извольте рассказать подробнее об этих хворях, чтобы я сама вынесла суждение. Они поражены свинкой?

Автор: Ни-ни, сударыня, жертвой свинки пало лишь малое их количество.

Пожилая дама: У меня была свинка, и я ее не страшусь. Что же до иных недугов, они редки и причудливы?

Автор: Нет, они встречаются повсеместно. Позднее мы обсудим их подробнее.

Пожилая дама: Но скажите, пока не ушли: был ли этот Маэра самым храбрым тореро из всех, кого вы знаете?

Автор: Да, сударыня, потому что был самым умным из всех прирожденных храбрецов. Проще быть тупым смельчаком, нежели исключительно сообразительным и отважным. Марсиалю Лаланду в смелости не откажешь, однако его смелость целиком обязана уму, она благоприобретенная. Игнасио Санчес Мехьяс, женившийся на сестре Хоселито, превосходный, пусть и скучноватый бандерильеро, был очень отважен, но эту отвагу он набрасывал на себя чуть ли не как штукатурку мастерком. Он словно то и дело норовил щегольнуть волосатостью груди или устройством куда более интимных частей своего тела. Смелость в корриде служит не для этого. По идее, она встает на пути страха, не дает тореро помешать исполнению выбранных элементов. А вовсе не для того, чтобы дубасить ею зрителя.

Пожилая дама: Покамест меня никто не дубасил своей смелостью.

Автор: Сударыня, сходите на Санчеса Мартинеса, и вис отшелушит на обе корки.

Пожилая дама: Когда это можно сделать?

Автор: Нынче он на пенсии, однако если разорится, вновь полезет на арену.

Пожилая дама: Похоже, вы его недолюбливаете.

Автор: Я отдаю должное его смелости, навыкам обращения с бандерильями и нахальству, но он мне неинтересен — ни как матадор, ни как бандерильеро, ни как человек. А посему в этой книге я уделяю ему немного места.

Пожилая дама: Вам не кажется, что вы чересчур пристрастны?

Автор: Сударыня, вы редко встретите более пристрастного человека, нежели ваш покорный слуга, который, кстати, как никто заверяет себя в непредвзятости собственного мнения. Уж не оттого ли, что в глубине души, том самом месте, которое побуждает нас к действию, жизненный опыт взращивает предубеждение, в то время как остальная душа в нас открыта, позволяя судить да рядить?

Пожилая дама: Я не знаю, сударь.

Автор: Как и я, сударыня, так что мы оба, чего доброго, несем чешую.

Пожилая дама: Что за диковинный оборот! Я не встречала его в пору моей юности.

Автор: Сударыня, ныне так принято выражаться для обозначении вздорности в абстрактной беседе или, если на то пошло, любой склонности к сверхметафизичности дискурса.

Пожилая дама: Боюсь, мне придется заучивать правила пользования сей терминологией.

Глава десятая

Бой с каждым из быков состоит из трех актов, и по-испански они называются los tres tercios de la lidia, дословно «три трети боя». Акт первый, то есть первый терсьо, в котором бык бросается на пикадоров, именуется la suerte de varas, или «испытание пиками». Слово suerte занимает важное место в испанском языке. По свидетельству словаря, оно означает вот что: Suerte, ж.р., случай, случайность, жребий, рок, удача, счастье, везенье, происшествие; состояние, условие, судьба, участь, вид, сорт; род, манера, способ, образ действий, искусный прием; трюк, номер, ловкость рук, а также участок площади, выделенный межевыми знаками. Так что перевод суэрте словом «испытание» или «маневр» весьма условен, как, впрочем, и любой перевод с испанского.

Действия пикадоров на арене и та работа, которую ведет матадор, кому вменено в обязанность защищать их своим плащом после спешивания, образуют собой содержание первого акта корриды.

Когда президент подаст сигнал об окончании этого акта и протрубит рожок, пикадоры покида-

ют арену; начинается акт второй. После первого акта на арене нет лошадей, если не считать убитых, которых накрывают Презентом. Первый акт есть акт с плащами, пиками и лошадьми. В нем бык получает наибольшую возможность продемонстрировать свою свирепость или трусость.

Акт второй выстроен вокруг бандерилий. Это палки длиной короче ярда, а если точнее, то семидесяти сантиметров, со стальным гарпунообразным наконечником длиной четыре сантиметра. Их полагается вонзать парами в горбовидную мышцу на холке быка. Бандерильи нужны, чтобы завершить начатую пикадорами работу по утомлению быка и изменению посадки его головы. Обычно вонзают четыре пары бандерилий. Если это делается руками бандерильеро, или пеонами, то такая операция, прежде всего, должна выполняться быстро и из правильной позиции. Если же этим занимается сам матадор, он может позволить себе более обстоятельную подготовку под музыкальный аккомпанемент. Это самая живописная часть боя, именно она больше всего влечет к себе зрителя-новичка. Миссия бандерильеро заключается не только в том, чтобы уколами ослабить шейные мускулы и тем самым заставить быка опустить голову,

но и убрать возможную склонность бодаться преимущественно вправо или влево, вонзая бандерильи в ту же половину шеи. Весь этот акт не должен растягиваться за пределы пяти минут. В противном случае бык стервенеет, а сам бой утрачивает нужный ритм; если же бык опасен и непредсказуем, у него появляется слишком много возможностей отомстить и атаковать кого угодно; такой бык развивает в себе склонность охотиться на человека — или «тюк», как его зовут испанцы, — за тканью, когда матадор выходит на последний акт со шпагой и мулетой.

Президент меняет акт после вонзания трех, самое большее, четырех пар бандерилий. Третьим и последним отделением является смерть. Третий терсьо состоит из трех частей. Вначале следуют бриндис, или приветствия, президенту, матадор посвящает быка ему или кому-то другому, после чего идет работа с мулетой. Мулета представляет собой алую ткань из саржи, которая висит на палке с острым шипом на одном конце и рукояткой на другом. Ткань насаживается так, чтобы свисать складками, и крепится возле рукояти барашковым винтом. В дословном переводе слово мулета означает «костыль», но в корриде оно относится к этой палке с алой саржей, которой

матадор должен усмирить быка, подготовить его к убийству и, наконец, взяв мулету в левую руку, заставить быка опустить голову, после чего заколоть его ударом шпаги между лопатками.

Таковы три акта «бычьей» трагедии. Первый терсьо, лошадиный, дает понять, в чем состоят следующие два; если на то пошло, именно он делает их возможными. В первом акте бык выходит на арену с полным запасом сил, он уверен в себе, быстр, свиреп; настоящий конкистадор. Все его победы в первом акте. В конце первого акта он как бы торжествует. Расчистил арену от всадников, владеет ею единолично. Во втором акте над ним глумится невооруженный человек, бык получает чрезвычайно болезненные уколы бандерилий и теряет самоуверенность, его слепая ярость испаряется, и он сосредотачивает всю свою ненависть на индивидуальном объекте. В третьем акте ему противостоит человек-одиночка, который без посторонней помощи должен утвердить над ним свое превосходство с помощью тряпочки на палке — и затем убить: спереди, перегнувшись над правым рогом, погрузив шпагу в загривочную дугу между лопатками.

Когда я только начинал ходить на бои быков, единственная часть, которая мне не нравилась,

была терсьо с бандерильями. Они производили в быке ошеломляюще резкое изменение. После вонзания бандерилий бык превращался в совершенно другого зверя, и я негодовал, видя потерю той дикости и свободолюбия, которые он приносил с собой на арену; тех самых качеств, которые достигают точки своего ярчайшего проявления при встрече с пикадорами. Но когда в ход пущены бандерильи, с быком покончено. Они — его приговор. Первый акт — это суд, второй акт — вынесение приговора, третий — казнь. Впоследствии, когда я узнал, насколько опаснее становится бык, уходящий в глухую оборону, как — после уколов бандерилий, которые его отрезвили и заставили поумерить быстроту ног, — он начинает целиться каждым ударом рога, подобно охотнику, который тщательно целится в какую-то конкретную птицу, а не палит по всей стае и мажет; и наконец, когда я узнал вещи, которые можно с ним вытворять будто с театральным реквизитом, когда он правильно замедлен, однако еще сохранил смелость и силу, мое восхищение быком не развеялось, а вот сочувствия к нему я испытываю не больше, чем к холсту, на котором написана картина, или к мрамору, который обтесывает скульптор.

Если не считать работ Бранкузи, я не знаю ни одной современной скульптуры, которая хоть в чем-то была бы равна пластике современного боя быков. Но коррида — искусство столь же не перманентное, как пение и танец, против которых предостерегал Леонардо; когда исполнитель исчезает, это искусство остается лишь в памяти тех, кто его видел, и умирает вместе с ними. Разглядывание фотографий или чтение описаний только убивают воспоминание о нем. Будь такое искусство перманентным, оно стало бы одним из главенствующих, однако оно недолговечно и прекращает существование вместе со своим создателем, в то время как искусство академическое невозможно даже оценить, пока хорошенько не закопают несущественную физическую гниль того, кто его сотворил. Это искусство имеет дело со смертью, и смерть стирает его с доски. Но оно никогда не утрачивается навсегда, поскольку во всех искусствах любые логические усовершенствования и открытия совершаются кем-то еще; и вот почему ничто в действительности не пропадает навечно, кроме самого человека. Было бы очень приятно сознавать, что если бы со смертью художника вдруг куда-то исчезали все его полотна, находки, к примеру, сделанные

Сезанном, вовсе не сгинули бы, а были взяты на вооружение его подражателями. Ага, так они нас и послушались.

Предположим, полотна какого-то художника исчезают вместе с ним, а книжки писателя автоматически уничтожаются при его смерти и существуют лишь в памяти тех, кто их прочел. Именно это и происходит в корриде. Искусство, метод, практические усовершенствования, какие-то открытия — все это остается; но индивидуум, чьи действия их создали, тот, кто послужил лакмусовой бумажкой, первоисточником, исчезает, и пока не появится другой, столь же великий индивидуум, эти вещи, которые имитируются подражанием в отсутствие первоисточника, вскоре деформируются, ослабляются и теряют какую-либо связь с оригиналом. Искусство создается лишь индивидуумом. Индивидуум — это все, что у тебя было, есть и будет, и любые школы служат только для сортировки своих членов по масштабам неудач. Когда появляется великий художник, он использует все, что в его искусстве было открыто или известно до него, вынося вердикт — принимаем или бракуем — за время столь короткое, что знание, кажется, родилось вместе с ним; то, что заурядный человек осва-

ивает всю жизнь, великий мастер схватывает мгновенно, после чего преодолевает границы доселе известного или сделанного и создает что-то свое. Однако порой между великими проходит слишком долгое время, и те, кто знавал великих предшественников, редко признают величие за новыми именами. Они хотят былого, причем в том виде, каким оно осталось в их памяти. А вот другие — современники — признают пришествие новых великих мастеров благодаря их способности удивительно быстро все ухватывать, и, наконец, вслед за ними решаются последовать и те, кто помнит стародавнее. Им простительна подобная медлительность, потому что за период ожидания они видели столь многих ложных гениев, что развившаяся подозрительность не позволяет довериться даже собственным чувствам; только воспоминаниям. Память, конечно, никогда не правдива.

Когда зритель заполучит себе великого тореро, он скорее потеряет его вследствие болезни, нежели из-за гибели на арене. Ни один из тех двух воистину великих, кто появился после ухода Бельмонте, не сумел продержаться полную карьеру. Одного забрал туберкулез, второго превратил в развалину сифилис. Вот вам два

матадорских профзаболевания. Тореро начинает бой на солнцепеке, зачастую до того жутком, что небогатый зритель с радостью отдал бы, кажется, раза в три больше за билет, лишь бы сидеть в тени. На матадоре тяжелый, золототканый жилет, вынуждающий потеть на солнце, как на боксерской тренировке со скакалкой. Объятый жарой, без возможности встать под душ или обтереться спиртовым лосьоном, чтобы стянулись поры, стоит матадор под неторопливо спускающимся солнцем, пока тень амфитеатра наползает на песок. Он стоит сравнительно неподвижно, но готов прийти на помощь, пока его коллеги убивают своих последних быков. В конце лета и начале осени на высоких плоскогорьях Испании зачастую бывает так холодно, что к концу корриды в таких городках тянет надеть пальто, хотя в начале зрелища рискуешь получить солнечный удар, если сидишь с непокрытой головой. Испания — страна горная, добрая ее часть прямо-таки африканская, так что осенью и в конце лета на закате быстро холодает, и холод наносит смертельный удар по любому, кто вынужден стоять мокрым от пота, не в состоянии даже обтереться досуха. Боксеры принимают все меры, чтобы не простудиться в разгоряченном виде, а вот у

тореро такой возможности нет. Одного этого хватит, чтобы объяснить уровень заболеваемости туберкулезом, даже не учитывая измотанность от ночных переездов, пыли и ежедневных боев в августовско-сентябрьский сезон ферий.

А еще есть сифилис. Боксеры, тореро и солдаты подхватывают сифилис по тем же причинам, по которым они пришли в свою профессию. Так, в боксе неожиданная и необъяснимая потеря физической формы, большинство случаев быстрого перехода в состояние гроги и т. н. «ходьба на пятках» — это все следствия сифилиса. Привести конкретные имена в книге не получится, потому что тут попахивает клеветой, но любой, кто занят в этой профессии, назовет с дюжину свежих примеров. Они всегда найдутся. В Средние века сифилис был болезнью крестоносцев. Считалось, что они и занесли его в Европу; им страдают все те, кто ведет жизнь, где главенствует пренебрежение к последствиям. Это производственная травма, которую следует ждать любому, кто ведет беспорядочную половую жизнь и по своей психической конституции склонен скорее рисковать, нежели предохраняться; это конец в духе «а-чего-еще-ты-ожидал», или, вернее, этап жизни всякого прелюбодея с достаточно дли-

тельной карьерой. Несколько лет тому назад мне выпал шанс наблюдать за эволюцией и превращением в повес кое-каких лиц; в колледже они были великими моральными авторитетами, но, выйдя в большой мир, обнаружили утехи безнравственности, которым, будучи верующими в существование йейля на территории Китая, никогда не позволяли себе предаваться в юности, и, отдавшись этим радостям, решили, что стали первооткрывателями, если не сказать изобретателями, полового акта. Они полагали, что обнаружили нечто грандиозное и новое, и с упоительным восторгом предавались распущенности вплоть до первого знакомства с болезнью, которую, как им казалось, они тоже открыли и изобрели. Ведь понятное дело, никто до них не знал о таком безобразии, никто на него не нарывался, иначе бы люди приняли меры к недопущению — и вот они вновь на какое-то время становились проповедниками и адептами величайшей беспорочности в жизни, или, по крайней мере, хотя бы ограничивали свою деятельность более узким социальным кругом. Общественная мораль претерпела существенные изменения, и многие из тех, кого в свое время ждало учительство в модных воскресных школах, нынче

оказались самыми оголтелыми греховодниками. Как те тореро, чье первое ранение поставило на них точку, эти люди не обладают призванием к приключениям, но вы бы посмотрели, в кого они превращаются, обнаружив у себя то, что Ги де Мопассан причислял к болезням юности и, к слову сказать, от чего сам помер, обосновав право на такое мнение. Говорят, над шрамами смеется тот, кто ни разу не получал рану. Но особенно хорошо смеется над шрамами тот, кто ими испещрен, или, по меньшей мере, так оно когда-то было, хотя нынче наши весельчаки склонны шутить в первую очередь за чужой счет, а стоит чему-то коснуться их самих, как они тут же бросаются в крик: «Вы ничего не понимаете! Это же серьезное дело!», и становятся великими моралистами, а то и махают рукой на все скопом, пойдя на пошлое самоубийство. Может статься, венерические заболевания должны существовать неизбежно — как рога у быков, — чтобы все было в гармонии, не то казановы и матадоры так расплодятся, что кроме них никого не останется. Но я бы многое отдал, чтобы избавить от этого Испанию, как раз ради великих матадоров. Впрочем, даже если бы мы отделались от этой напасти в Испании, ее можно подхватить где-то еще, да и народ, чего доброго,

отправится в крестовый поход и притащит подарок назад.

Нельзя ждать от матадора, чтобы он, пойдя на риск днем и одержав блестящую победу, не был готов пойти на риск ночью, к тому же «más cornadas dan las mujeres».[9] Три вещи удерживают мальчишек от беспорядочных совокуплений: религия, робость и страх перед венерическими заболеваниями. Именно последний фактор чаще всего служит основанием для призывов Молодежной христианской организации к чистоплотной жизни. В случае боя быков против этого влияния работает, во-первых, традиция, согласно которой у тореро должна быть масса любовных интрижек, во-вторых, склонность к ним, в-третьих, тот факт, что на него всегда будут охотиться женщины: одним он нужен сам, другим — его деньги, а огромному число прочих — и то и другое сразу.

Однако пожилую даму интересует, многие ли тореро заражаются.

— Сударыня, они заражаются ими, как и все прочие мужчины, которые думают о женщинах, а не о своем будущем здоровье.

Пожилая дама: Отчего же они об этом не ду-

---

[9] Примечания: 9

Испанская пословица: «Сильнее всего рогами ранят женщины».

мают?

— Оттого что это трудно, сударыня. Воистину, когда мужчина наслаждается, ему в голову лезут совсем другие мысли. Пусть даже женщина потаскуха, если она славная потаскуха, мужчина хорошо думает о ней в ту минуту, а иногда и впоследствии.

Пожилая дама: А эти недуги, получается, все от продажных женщин?

— Нет, сударыня, часто ими обзаводятся через друзей, знакомых или, если на то пошло, от кого угодно, с кем довелось переспать тут, там или сям.

Пожилая дама: Выходит, опасно быть мужчиной?

— Золотые слова, сударыня. Мало кому удается уцелеть. Тяжкий труд, а в конце могила.

Пожилая дама: Разве не лучше бы всем мужчинам жениться и спать только со своими женами?

— Ради душевного здоровья — да, и телесного тоже. Но если тореро женятся, многим из них приходит конец как раз оттого, что они искренне любят своих жен.

Пожилая дама: Кстати, об их женах. Как им живется?

— Да кто сумеет об этом рассказать, кроме них самих? Если у мужа нет контрактов, в семье нет денег. Но каждый контракт грозит ему гибелью, и никто не может выйти на арену, заявляя, что обязательно уйдет живым. Это даже не похоже на жизнь солдатки, потому что ее муж получает денежное довольствие и в мирное время; у морячки тоже по-другому, так как пусть мужа долго нет, его корабль — ему защита; да и боксеры не смотрят смерти в лицо. Не получается тут сравнение с ролью чьей-то еще жены, и имей я дочь, не хотел бы ей подобной участи.

Пожилая дама: Получается, дочери у вас нет?

— Нет, сударыня.

Пожилая дама: Что ж, нам хотя бы не надо за нее волноваться. Впрочем, мне жаль, что тореро страдают теми болезнями.

— Ах, сударыня, не сыскать на свете мужчины — если он мужчина, — у кого бы не было тех или иных свидетельств былых невзгод. То ему куда-то заехали, то что-то такое поломали или чем-то заразили; с мужчин много чего слетает как с гуся вода, мне даже знаком один гольфист, который особо ловко кладет шары только с гонореей.

Пожилая дама: Выходит, нельзя вам помочь?

— Сударыня, в жизни вообще ничему нельзя

помочь. Смерть — вот панацея от любых злоключений, и нам лучше оставить рассуждения да заняться ужином. Может статься, мы с вами еще увидим, как ученые разделаются с этими старыми язвами, и мы доживем до кончины всех моральных принципов. Меж тем я охотнее отужинаю поросенком в «Ботэне», чем возьмусь размышлять об утратах, понесенных среди моих друзей.

Пожилая дама: Тогда давайте ужинать. Рассказ о боях быков продолжите завтра.

Глава одиннадцатая

Боевой бык против быка домашнего все равно что волк против собаки. Домашний бык может иметь вспыльчивый, коварный нрав, да и собаки встречаются злые и опасные, но домашнему быку так же далеко до подвижности, качества мышц, сухожилий и в целом до телосложения боевого быка, как дворняжке до волка с его силой, хитростью и широченным прикусом. Быки, что используются на арене, неодомашненные животные. Их вывели из породы, которая является прямой наследницей диких туров, некогда населявших весь полуостров, а выращивают быков на ранчо площадью в тысячи акров, где они свободно пасутся как самые настоящие неприрученные животные. На этих фермах специально следят, чтобы те экземпляры, которым предстоит появиться на арене, как можно реже сталкивались с человеком.

Для боевого быка характерны толстая и чрезвычайно прочная шкура с лоснящимся ворсом; небольшая, но широколобая голова; крепкие, развернутые вперед рога; короткая толстая шея с мощным мускульным пластом, который вздыб-

ливается, когда бык разозлен; широкие плечи, очень маленькие копыта, длинный и тонкий хвост. Самки не столь мощно сложены, голова у них поменьше, рога тоньше и короче, шея длиннее, подгрудок развит менее выражено, грудь поуже, а вымя не то что не бросается в глаза, оно просто незаметно. Мне нередко доводилось видеть этих телок на любительских боях в Памплоне, где они швыряли людей как кукол, а заезжие иностранцы в один голос называли их «бычками», поскольку у них не видно характерных для самок признаков. Именно в самке боевого быка ярче всего проявляется разница между диким и домашним животным.

Когда речь заходит о корриде, часто слышится утверждение, что самки куда более опасны во время атаки, потому как, дескать, самцы при этом закрывают глаза, а самки держат их открытыми. Уж не знаю, от кого это повелось, но правды тут нет ни на грош. Самки, которых используют в любительских боях, практически всегда охотятся за человеком, а не за тканью, срезают углы в его сторону, а не носятся по прямой, и склонны выбирать себе конкретную цель, будь то мужчина или мальчишка, и гонять его среди полусотенной толпы, однако это они делают вовсе не потому,

что превосходят самцов умом вследствие самой своей женской природы, как могла бы решить Вирджиния Вулф; нет, это оттого, что молодые тореро отрабатывают свою технику работу с плащом и мулетой как раз на телочках, поскольку тех никогда не выпустят на настоящий бой, к тому же никакой закон не запрещает самкам набираться опыта во всех фазах корриды. Не важно, бычок это или телочка: после нескольких «сеансов» знакомства с плащом или мулетой животное все усваивает, запоминает и, если речь идет о самце, теряет пригодность для боя, где все строится из расчета, что бык впервые встречается с пешим человеком. Когда бык не знаком с плащом или мулетой и атакует в лоб, человек сам формирует уровень опасности, работая насколько возможно близко к быку; он получает шанс испробовать различные пассы, самостоятельно выбирая их для создания эмоциональной связки, а вовсе не исключительно для самозащиты. Если бык уже бывал в бою, он будет упорно срезать углы в сторону человека, бодать ткань, намеренно целясь в стоящего за ней тореро, а что касается опасности, то теперь создавать ее будет уже бык, вынуждая человека непрерывно отступать, обороняться, смазывая тем самым четкость исполнения пассов

и делая зрелищный бой невозможным.

Вся история и внутренняя организация корриды привели к тому, что быку, который совершенно не знает, что такое пеший человек, едва хватает времени научиться не доверять его трюкам и стать для него максимально опасным: в этот-то момент и происходит убийство. Бык на арене обучается до того быстро, что, если бой затянется еще хотя бы минут на десять, он вообще станет неубиваемым — во всяком случае, по предписанным правилам. Именно по этой причине тренировки и обучение проходят на телочках, которые через несколько сезонов становятся такими «образованными», что, как выражаются тореро, могут изъясняться по-латыни или на греческом. После такой школы их выпускают на любительские арены; иногда с открытыми рогами, иногда с насаженными кожаными мячиками; как бы то ни было, эти телочки стремительны и ловки как лани, они охотятся за новичками и любителями поупражняться с плащом на капеях; они расшвыривают, рвут, гоняются, пускают кровь и в целом внушают ужас дилетантам, пока наконец не устанут, и тогда на арену выводят быков-вожаков, чтобы с их

помощью отвести этих vacas[10] на скотный двор, отдыхать до следующего представления. Судя по всему, боевым коровам, или вакильяс, по душе такие развлечения. Их никто не подгоняет, не клеймит *дивизами*, не дразнит; похоже, им столь же нравится кидаться в атаку и всех расшвырять, как и боевому петуху сражаться. И конечно, их никто не мучает, в то время как у быка храбрость определяется тем, как он держится под градом болезненных уколов.

«Маневрировать» боевым быком становится возможно благодаря стадному инстинкту, который позволяет погонять группой из шести и более животных, но стоит одного быка отделить от стада, как он тут же примется атаковать не важно что: человека, лошадь, любой движущийся предмет, хоть автомобиль, хоть телегу, пока его не прикончат; а подманивают боевых быков и вновь сгоняют их в стадо посредством специально обученных вожаков, или кабестрос, подобно тому, как диких слонов ловят с помощью укрощенных. Это одна из наиболее любопытных картин: видеть, как работают кабестрос при погрузке животных, при их сортировке, разводу

---

[10] Примечания: 10
Коровы. *(исп.)*

по коридорам, что ведут к транспортным клеткам, и во всех прочих операциях, сопряженных с выращиванием, доставкой и разгрузкой боевых быков.

В старое время, когда их еще не перевозили в клетках по железной дороге или грузовиками, как сейчас, коль скоро Испания обзавелась отличными шоссе — это замечательный и куда менее утомительный способ транспортировки, — боевых быков окружали вожаками, а периметр получившегося стада охраняли верховые пастухи, вооруженные копьями под стать тем, которыми пользуются пикадоры. Вздымая клубы пыли, стадо двигалось по проселочным дорогам, заставляя деревенских кидаться в дома, захлопывать двери, запираться на все засовы, а потом таращиться в окна на широченные, пыльные спины, громадные рога, смышленые глазки и мокрые рыла, на обвязанные колокольцами шеи кабестрос, на куцые курточки, бурые от солнца физиономии и широченные серые шляпы погонщиков, трясущихся в седле по улице. Когда быки вместе, в едином стаде, они ведут себя спокойно, чувствуя уверенность благодаря своей численности, а стадный инстинкт заставляет их следовать за лидером. В провинции,

вдали от железнодорожных путей, быков до сих пор перегоняют этим дедовским способом, и порой кто-то из животных может отбиться от стада (desmandarse). Однажды в нашу бытность в Испании это и случилось в одной из мелких деревушек под Валенсией. Бык споткнулся, упал на колени и сумел подняться, лишь когда все стадо успело пройти мимо. Первое, что увидел этот бык, был домишко с распахнутой дверью, где стоял человек. Бык тут же кинулся в атаку, снес мужчину с места и перекинул себе за спину. Никого не увидев внутри, он принялся метаться по дому. В спальне в кресле-качалке сидела женщина. Она была стара, глуха и не заметила шума. Бык разнес кресло в щепки и убил старуху. Вышвырнутый из дверей мужчина вернулся с ружьем, чтобы защитить свою жену, которая уже лежала в углу, куда бык ее закинул. Мужчина выстрелил в упор, но лишь вырвал кусок мяса из плеча. Бык подцепил мужчину, убил его, увидел зеркало, атаковал, затем накинулся на высокий, старомодный гардероб, после чего выскочил на улицу. Понесся по ней, по пути встретил телегу с лошадью, убил лошадь, перевернул телегу. Погонщики к тому времени уже скакали обратно, взметая громадные облака пыли. Они пригнали

с собой двух вожаков, которые взяли быка в «коробочку», и тот, уронив голову, опустив загривок, мирно поплелся обратно к стаду, конвоируемый с двух сторон своими соплеменниками.

В Испании не редкость, когда быки атакуют автомобили, а порой, выскакивая на рельсы, останавливают даже локомотивы. Оказавшись на путях, они зачастую не желают уступать дорогу или вообще сходить с места, а когда машинист, отчаянно орудуя гудком, начинает медленно надвигаться, бык бросается в слепую атаку на паровоз. Настоящий торо браво не боится ничего на свете, и в кое-каких городах Испании устраиваются особенные, варварские зрелища, — сводят вместе быка и слона; известны случаи, когда боевые быки расправлялись со львами и тиграми, атакуя этих зверей с той же свирепостью, с которой они накидываются на пикадоров. Боевой бык не боится никого и ничего; по-моему, не найти более зрелищного животного, что в схватке, что в покое.

В беге с места боевой бык опережает лошадь на двадцати пяти ярдах, хотя на пятидесяти лошадь его уже обгонит. Бык умеет менять направление почти как кошка, во всяком случае, намного быстрее, чем это делает пони для игры в поло,

и к четырем годам накапливает такую силищу в шейных мускулах, что способен зашвырнуть коня вместе со всадником себе за спину. Я много раз видел, как бык атакует доски барреры рогами; вернее, одним рогом, потому что предпочитает либо левый, либо правый, — раскалывая дюймовой толщины древесину. В валенсийском музее корриды экспонируется тяжелое железное стремя, в котором бык с фермы дона Эстебана Эрнандеса сделал дырку, загнав рог на целых десять сантиметров. Это стремя сохранили вовсе не потому, что какой-то бык умудрился пробить его насквозь: чудом сочли то, что пикадор при этом не получил даже царапины.

В Испании вышла книжка, ныне библиографическая редкость, которая называется «Toros Célebres»,[11] где в алфавитном порядке приводятся биографии знаменитых быков: триста двадцать две страницы достижений с описанием гибели. Откроем ее наугад. Эчисеро (то бишь Колдун): уроженец фермы Конча-и-Сьерра, масть серая, в 1844 году принял бой в Кадисе, где отправил в лазарет всех пикадоров от всех трех матадоров, принимавших участие в той корриде,

---

[11] Примечания: 11
«Знаменитые быки». *(исп.)*

то есть минимум семь человек, да еще убил семь лошадей. Вибора, он же Гадюка: ранчо дона Хосе Буэно, масть черная, бой в Виста-Алегра 9 августа 1908 года; оказавшись на арене, перескочил ограждение-барреру и распорол правое бедро местному плотнику Луису Гонзалесу. Матадор не сумел убить быка, пришлось возвращать его на скотный двор. Вообще-то это не тот случай, чтобы его долго помнить — за плотника не ручаюсь, — и Гадюку внесли в почетный список скорее потому, что своей выходкой он как раз поспел к появлению книги из печати и мог впечатлить ее потенциальных покупателей, нежели по каким-то иным, существенным мотивам. История умалчивает, через что пришлось пройти матадору по имени Хакета, который больше никогда нигде не появлялся. Не исключено, что бык стяжал бы себе куда более яркую славу, чем довольно пошлое пускание крови какому-то плотнику. Да я сам дважды видел, как это происходит с плотниками, но не написал о том и строчки.

Бык Сарагоса, выращенный на ранчо Лесиреяс, во время доставки на арену в португальской Моетии 2 октября 1898 года вырвался из клетки и покалечил множество народу. Местный мальчишка забежал в мэрию, и бык сумел преодолеть

лестницу на первый этаж, где, как утверждает книга, «причинил великие разрушения». Охотно верю.

Комисарио с фермы дона Викториано Рипамилана, масть красная, глаза пестрые, рога широкопоставленные, был третьим по счету быком на барселонской корриде 14 апреля 1895 года. Перескочил через барреру, понесся по рядам и, давя по пути зрителей, произвел, как сообщает книга, «вполне ожидаемый беспорядок». Гвардеец по имени Исидро Сильва ткнул в него саблей, а капрал Убальдо Вигерас выстрелил по быку из карабина. Пуля пробила шею навылет и, угодив в сердце рабочего арены по имени Хуан Рекасес, уложила бедолагу на месте. В конечном итоге на Комисарио накинули лассо и закололи штыками.

Ни одно из этих происшествий, кроме самого первого, не имеет прямого касательства к собственно бою быков; то же самое относится и к инциденту с быком по имени Урон, то есть Бирюк. Выведенный на ранчо дона Антонио Лопеса Плата, он 24 июля 1904 года вступил в бой с тигром на сан-себастьянской пласа. Схватка проходила в стальной клетке. Бык всыпал тигру по первое число, причем во время одной из атак умудрил-

ся развалить клетку, и оба зверя выскочили на арену, набитую зеваками. Полиция, пытаясь прикончить уже умиравшего тигра и быка-триумфатора, произвела несколько залпов, которые «причинили тяжелые раны многочисленным зрителям». Судя по тому, как развивались другие встречи боевых быков и диких зверей, я бы сказал, что от таких зрелищ желательно держаться подальше или, по крайней мере, следить за ними из верхних лож.

Бык Офисьял, уроженец ранчо братьев Арриба, 5 октября 1884 года держал бой в Кадисе, где насадил на рог одного из бандерильеро, перескочил через барреру и троекратно прободал пикадора Чато, пустил кровь какому-то гвардейцу, сломал ногу и три ребра местному полицейскому, а ночному сторожу — руку. Вот идеальное оборонительное оружие для манифестантов, когда полиция дубинками отгоняет их от городской управы. Если б его не прикончили, можно было бы, наверное, вывести целую породу быков-антиполицаев, а то после исчезновения брусчатых мостовых утратил былое значение булыжник. На коротких дистанциях брусчатка гораздо эффективнее дубинок или даже сабель. Исчезновение булыжников и брусчатки с мостовых куда силь-

нее сказалось на удушении госпереворотов, чем пулеметы, слезоточивый газ и многозарядные пистолеты. Потому что правительства свергают как раз в ходе уличных стычек, когда власти не хотят убивать своих сограждан, а всего лишь намерены вбить им в голову послушание с помощью дубинок, лошадиных копыт и фухтелей. Любое правительство, которое слишком часто применяет пулеметы против граждан, падет автоматически.

Пожалуй, ярче всего любителям боев — с быками, а не с полицейскими — запомнится Эчисеро, чьи подвиги имели место на арене, где он сражался против профессионально подготовленных матадоров и вопреки получаемым ранам. В этом-то и заключается разница с уличными драками, которые, как правило, бесконечно увлекательнее, куда более зловещи и полезны (но в нашей книге совершенно ни к месту), и чемпионатом по боксу. Любой бык, затеявший побег, способен перебить множество народу и натворить бед, однако в суматохе, пока он носится по трибунам, зритель находится в куда меньшей опасности, чем тореро в момент завершающего удара, потому что очумевший бык атакует толпу слепо, не целясь. Перепрыгнувший барреру бык — если

только он не гонится за кем-то — вовсе не храбр и не свиреп. Наоборот, он малодушен и всего лишь хочет удрать. По-настоящему смелый бык приветствует бой, принимает вызов на дуэль, сражается не потому, что загнан в угол, а потому что хочет этого, и эта смелость измеряется тем (ее вообще больше нечем измерить), насколько часто он по собственному хотению, без рытья песка копытом, без делан ых угроз или ложных атак принимает бой с пикадором и способен ли противостоять боли, когда стальное жало ники погружено в мышцы плеча или шеи, продолжает ли атаковать под уколами, пока не собьет лошадь вместе с ее всадником. Храбрым быком считается тот, который без колебаний и в пределах одного и того же участка арены атакует пикадоров четыре раза, не обращая внимания на боль, и всякий раз, невзирая на сталь в ране, опрокидывает лошадь с пикадором.

О храбрости быка можно судить лишь по его поведению под уколами пик, именно она лежит в основании всей испанской корриды. Храбрость настоящего торо браво — это нечто неземное и невероятное. Тут не просто свирепость, злоба и замешанная на панике смелость загнанного в угол животного. Боевой бык — зверь именно что

боевой, и там, где воинственная жилка дикой породы сохранена, а вся трусость искоренена, такой бык вне боя зачастую ведет себя как самое тихое и миролюбивое животное на свете. Лучшие бои получаются отнюдь не с самыми своенравными быками. Первейшие боевые быки обладают качеством, которое испанцы именуют словом «благородство»; оно-то и есть самое удивительное. Бык, дикое существо, находит наивысшее удовольствие в сражении, принимает бой по любому поводу и без повода, и тем не менее лучшие боевые быки частенько узнают и признают майораля, то есть пастуха, который отвечал за них на ранчо и который сопровождает их до арены, порой даже позволяя себя похлопать и погладить. Я видел быка, который на скотном дворе разрешал майоралю погладить нос, мало того, дал тому усесться себе на спину, словно был конем; на арену он выскочил без каких-либо понуканий, раз за разом атаковал пикадоров, прикончил пять лошадей, приложил все силы, чтобы расправиться с бандерильеро и матадором, вел себя безжалостно, как кобра, и храбро, как львица в запале.

Конечно, не все быки благородны; на одного, с кем майораль может подружиться, найдется пол-

сотни таких, кто атакует даже тех, кто их кормит, если по характеру движений они вдруг решат, что им бросили вызов. Точно так же далеко не все быки храбры. В двухлетнем возрасте им на ферме устраивают испытание: встречу с верховым пикадором либо в загоне, либо на открытом пастбище. За год до этого быкам ставят тавро; для этого их опрокидывают всадники, пользующиеся затупленными шестами; и к двум годам, когда они проходят проверку пикадорами, которые на сей раз орудуют копьями со стальными наконечниками, эти быки уже обладают именами и номерами, так что хозяин ранчо может отмечать в своих списках проявления храбрости по каждому животному. Если на ферме работают добросовестные люди, трусливых быков отдадут на мясо. Остальных регистрируют в учетной книге согласно проявленной храбрости, и когда приходит время отправить очередную шестерку быков в какой-то город на корриду, хозяин фермы может составить эту партию так, чтобы получился любой букет качеств по собственному усмотрению.

Клеймение выполняется во многом так же, как и на животноводческих фермах американского Запада, хотя телят, предназначенных для кор-

риды, заранее отнимают от матерей, к тому же принимаются все меры, чтобы не повредить им рога или зрение, да и сами клейма усложнены. Они состоят из эмблемы конкретной фермы; обычно это некое сочетание букв или геометрических фигур и цифр от нуля до десяти. Клеймящие прутки имеют с одного торца деревянную рукоятку, противоположные концы раскаляются в огне докрасна. Телят держат в одном загоне, костер и орудия для клеймения находятся в другом, проход перекрывается распашной дверью. Скотники-вакьеро по одному отводят телят в клеймовочный загон, где их сбивают с ног. Чтобы удержать годовалого зеленка боевой породы, надо четырех, а то и пятерых мужчин, которые к тому же должны следить, чтобы не испортить животному незрелые рога, в противном случае быка не допустят к церемониальным боям, и хозяину фермы придется продавать его на новильяды, выручая лишь треть от цены, если не меньше. Кроме того, надо заботиться и о зрении животного, потому что даже простая соломинка может повредить глаз, опять-таки делая быка непригодным для арены. Во время простановки тавра один человек удерживает голову, остальные — ноги, туловище и хвост. Обычно под голову теленку подкладыва-

ют набитый соломой мешок, ноги спутывают, а хвост просовывают вперед, между связанными ногами. Эмблема фермы ставится на правый кострец, а цифры — вдоль пашины. Клеймят как бычков, так и телочек. После простановки тавра одно ухо пломбируют маркой фермы, а волосы на конце хвоста у бычков состригают, чтобы потом здесь выросла длинная шелковистая кисточка. Теленка отпускают, он вскакивает в полнейшем негодовании, бросается на все и вся, что только попадется ему на глаза, и, наконец, выскакивает в распахнутую дверь. Эррадеро, или клеймение, самая шумная, пыльная и суматошная операция во всей корриде. Когда испанцу хочется описать хаос и неразбериху неудачного боя, он сравнивает его с эррадеро.

А вот проверка храбрости, которая по большей части проводится в загоне, самая тихая из операций. Телят испытывают по достижении двух лет. В годовалом возрасте они еще слишком юны и недостаточно сильны, а к трем годам, наоборот, слишком могучи, слишком опасны И запомнят случившееся слишком хорошо. Если проверка устраивается в загоне, то он имеет круглую или квадратную форму, в нем возведены бурладеро, или дощатые кабинки-укрытия, за которыми

прячутся люди с плащами. Это могут быть тореро-профессионалы или же любители, которых приглашают попрактиковаться на телочках, так что тренировки они проводят поочередно.

Загон обычно имеет в ширину порядка тридцати ярдов,[12] что вполовину меньше первоклассной арены; двухлеток держат в соседнем загоне и запускают по одному. Их встречает пикадор в кожаных чапсах-«наштанниках» и куцей пастушьей курточке, с пикой длиной порядка двенадцати футов,[13] увенчанной треугольным стальным наконечником, который лишь ненамного короче того жала, что применяется в реальном бою. Пикадор сидит в седле спиной к воротам, через которые запускают теленка. Окружающие хранят гробовое молчание, да и пикадор не делает ничего, что могло бы встревожить животное, потому что самое важное здесь — это проверить склонность теленка нападать без какой-либо сторонней провокации.

При атаке бычка все подмечают его стиль: с дальнего ли расстояния, не роет ли сначала землю копытом, не издает ли рев; насколько сильно

---

[12] Примечания: 12
Около 27 метров.

[13] Примечания: 13
Около 4 метров.

выбрасывает задние ноги, набирая полный ход, продолжает ли напирать, когда сталь впивается ему в мышцы, прогибается или выгибается в пояснице, подрабатывая ногами; а может, он склонен выносить передние ноги далеко перед собой и всего лишь бодается, отмахиваясь головой от пики, или, скажем, при уколе сразу разворачивается и прекращает атаку. Если бычок вообще отказывается атаковать, то добросовестный хозяин обрекает его на кастрацию и скотобойню, выкрикивая «буйе!», то есть «вол!»; выкрик «móro!» означает, что бык годится для боя.

Когда животное опрокидывает лошадь со всадником, и на это иногда способен даже бычок-двухлетка, в дело вступают тореро, которым поручается увести его с помощью своих плащей, но в принципе быки вообще не должны видеть плащи. Если после первой, максимум второй атаки на пикадора не получается выявить стиль и возможную степень храбрости, распахивают ворота на пастбище, и бычку разрешают уйти. То, как он примет этот шанс на свободу, с радостью или неохотой, побежит ли не оглядываясь или будет останавливаться, разворачиваясь обратно к воротом, желая поквитаться, — все это ценные свидетельства того, как бык может повести себя

на арене.

Большинство хозяев неохотно позволяют бычкам атаковать два раза и более. Они считают, что допустимое число уколов пикой ограничено. Если, к примеру, его два или три раза укололи на испытании, на арене он сможет принять, соответственно, на два или три удара меньше, и вот почему хозяева полагаются на родословную быка, проводя настоящие проверки лишь на тех самцах, которые станут быками-производителями, а также на самках. Заводчики уверены, что потомство исключительного племенного быка и храброй телки гарантированно дает боевую породу, и поэтому всякого бычка-двухлетку они склонны называть «торо» без каких-либо проверок, лишь бы у животного были идеальные рога и внешний вид без изъянов.

Телкам, идущим на расплод, позволяют атаковать пикадоров по двенадцать, а то и пятнадцать раз; работа с ними ведется как с плащом, так и с мулетой, чтобы выявить запальчивость и склонность следовать за тканью. Очень важно, чтобы телки обладали исключительной храбростью и упорно преследовали кусок материи, потому что эти качества передадутся потомству. Племенная телка должна быть сильной, муску-

листой, крепкого сложения. С другой стороны, на рога с изъянами внимания не обращают, так как подобные недостатки, в общем-то, не передаются по наследству. А вот длина рогов передается, и хозяева, которые хотят, чтобы за их продукцией гонялись матадоры и в своих контрактах указывали названия именно таких ферм, часто пытаются вывести породу с рогами укороченной длины, лишь бы они укладывались в государственный стандарт; еще одна уловка животновода-селекционера — это получение породы с невысоким углом наклона рогов, чтобы они опускались ниже колена, потому что бык атакует, уронив голову; в противном случае рог пронесется выше, что гораздо опаснее, когда человек идет на резкое сближение перед завершающим ударом.

Племенных быков проверяют с величайшим тщанием. Их всегда можно распознать, если по истечении нескольких лет они все же попадают на арену. Возникает впечатление, что про пикадоров им известно все. Атакуют смело и часто, порой способны рогом выбить пику из рук человека, а однажды я видел, как бык, не обращая внимания ни на пику, ни на лошадь, намеренно подкинул голову и сдернул всадника с седла. Если

над ними поработали и с мулетой, то такие быки вообще становятся неубиваемыми, и матадор, подписавший контракт на двух новильос-торос, вправе отказаться выходить на бой со столь обученным животным — или же убить его любым доступным способом. Закон требует немедленно убивать быка, если тот побывал на арене, чтобы не допустить повторного использования. Но в провинциях на это частенько смотрят сквозь пальцы и уж во всяком случае закон нарушают на капеях, или любительских боях, которые давно запрещены. Племенной бык, прошедший строжайший отбор, не обладает хитростью этих законопреступников, зато он, конечно же, бывал в боях, и любой мало-мальски сведущий зритель немедленно видит разницу. При отборе важно не спутать энергичность и силу молодости с храбростью. Если, скажем, пика соскользнет, бык вполне может инерцией атаки сбить лошадь со всадником, показав великолепное зрелище, а вот если пика вопьется прочно, тот же самый бык, может статься, притихнет, бросит упорствовать и вообще отвернется. В Кастилии, под Саламанкой, Наваррой и Эстремадурой быков испытывают в загонах, а в Андалусии это обычно происходит в открытом поле.

Те, кто ратуют за проверку в поле, заявляют: истинная храбрость быка может проявиться лишь на свободе, так как на скотных дворах бык чувствует себя загнанным в угол, а ведь сражается любое загнанное в угол животное. С другой стороны, в открытом поле за быком гоняются на лошадях, пока он не развернется навстречу; или же всадники его поддевают и опрокидывают шестами; или злят любым иным способом, пока бык не набросится на пикадора, в то время как в загоне быков оставляют в полном покое, там их никто не трогает. Словом, у обоих методов есть свои плюсы и минусы; проверка в поле, где собирается толпа верховых гостей, более зрелищна, ну а испытание в загоне по своим условиям приближается к реальному бою на арене.

Для того, кто любит корриду, чрезвычайно увлекательны все операции по выращиванию и подготовке быков, а на испытаниях царит атмосфера праздника: тут много едят, пьют, шутят, дружатся, устраивают розыгрыши, смеются над неумелыми пассами любителей из аристократии или восхищаются великолепной работой заезжих чистильщиков сапог, которые, тренируясь здесь с плащом и **мул стой**, мечтают переквалифицироваться на матадоров; дни стоят долгие, в

воздухе пахнет прохладой осени, пылью, кожей, взмыленными лошадьми, а совсем неподалеку пасутся быки, которые в поле смотрятся колоссами.

Боевых быков выращивают в провинциях Наварра, Бургос, Паленсия, Логроньо, Сарагоса, Вальядолид, Самора, Сеговия, Саламанка, Мадрид, Толедо, Альбасете, Эстремадура и Андалусия, хотя основными регионами являются Андалусия, Кастилия и Саламанка. Самых крупных и боевитых быков поставляют Андалусия и Кастилия, а в Саламанке их выращивают с характеристиками чуть ли не под заказ. Наварра до сих пор дает множество быков, но их породистость (каста) и храбрость за последние двадцать лет сильно сдали позиции.

Всех торо браво можно разбить на два класса: тех, кого разводят, выращивают и готовят для тореро, и тех, кого выращивают ради удовольствия хозяев фермы. На одном конце шкалы Саламанка, на другом — Андалусия.

Но, говорите вы, в этой книге слишком мало разговоров. А почему здесь почти нет диалогов? Мы хотим, чтобы в книге этого гражданина люди говорили; автор только это и умеет, хотя сейчас манкирует. Этот типчик вовсе не философ, не

ученый муж, он зоолог-дилетант, слишком много пьет, пунктуация у него хромает на обе ноги, а сейчас он вздумал покончить с диалогами. Ижицу ему надо прописать, вот что. Совсем рехнулся на этих быках… Читатели, пожалуй, вы правы. Ладно, пусть у нас будет небольшой диалог.

— У вас есть какое-нибудь пожелание, сударыня? Вы бы хотели что-то узнать про быков?

— Да, сударь.

— А что бы вы хотели узнать? Я готов раскрыть все подчистую.

— Так сразу и не скажешь…

— Пожалуйста, не тревожьтесь; поговорите со мной откровенно, как со своим врачом. Или с подругой. Не бойтесь, спрашивайте, что вам по-настоящему интересно.

— Сударь, я бы хотела побольше узнать об их любовной жизни.

— Сударыня, вы попали по адресу.

— Вот и расскажите.

— Ну конечно, сударыня. В конце концов, это тема ничем не хуже любой другой. Она интересна массам, в ней изрядный намек на секс, куча полезнейших сведений, и ее можно запросто вставить в диалог. Итак, сударыня, быки ведут сногсшибательную половую жизнь.

— Я так и думала. Однако не могли бы вы привести кое-какую статистику?

— С удовольствием. Телятки появляются на свет в зимние месяцы.

— Нам бы все же не про теляток.

— Сударыня, следует быть терпеливей. Все эти вещи ведут как раз к появлению теляток, а коли так, начинаться они должны тоже с них. Телятки рождаются в течение трех зимних месяцев и, отсчитывая назад на пальцах подобно тому, кто, сочетавшись браком, не так уж часто отсчитывал на пальцах девять месяцев вперед, вы обнаружите, что раз телята рождаются в декабре, январе и феврале, быков, надо думать, выпускали погулять с коровами где-то в апреле, мае и июне, как оно, собственно, и происходит. На доброй ферме содержится от двухсот до четырехсот коров, и на каждую полусотню из них есть по быку. В типичном случае хозяин держит двести телок и четырех племенных быков в возрасте от трех до пяти лет и старше. Когда быка впервые подпускают к коровам, никто не знает, как он себя поведет, хотя пустите туда букмекера, и он заявит, что бык, скорее всего, заинтересуется предложенными подругами. Однако порой бык их на дух не переносит, как, впрочем, и они в

ответ, и тогда раздается такой треск рогов, что его слышно с другого конца пастбища. Иногда такой бык вдруг меняет свое отношение к одной из коров, но это редкость.

А бывает, что племенные быки, невозмутимо попасясь бок о бок с коровами, уходят в компанию боевых быков, которые, будучи предназначены для арены, вообще лишены женского общества. Впрочем, типичный результат, на который поставит букмекер, состоит в том, что один бык способен оприходовать не то что полсотни, а даже больше коров, хотя если их слишком много, он в конечном итоге ослабнет и завершит свои дни импотентом. Вы эти факты хотели услышать, или я взял на себя слишком большую смелость?

— Никто вас не винит, сударь, вы излагаете факты без обиняков, как и подобает христианину, и мы находим их весьма поучительными.

— Позвольте, я, окрыленный, расскажу вам кое-что удивительное. Бык, будучи животным, полигамен, однако порой встречается и моногамный экземпляр. Иногда племенной бык настолько увлекается одной из пятидесяти телок, что остальных просто не замечает, все внимание ей одной, а та рада-радешенька не покидать его компанию. Так и пасутся бок о бок. Когда это

вскрывается, хозяева изгоняют телку из стада, а если бык не образумится, не вернется к многоженству, его отправляют к другим быкам, кого ждет арена.

— Я нахожу эту историю весьма прискорбной, сударь.

— Сударыня, все истории, дай им только время, завершаются смертью, а тот, кто прячет от вас сей факт, недостоин зваться правдивым рассказчиком. В особенности все истории про моногамию кончаются смертью, и мужчина-однолюб, пусть он и живет зачастую счастливо, умирает в страшном одиночестве. Нет в смерти более одинокого человека — за исключением самоубийцы, — нежели тот, кто, проведя много-много лет с доброй женой, переживет ее. Когда двое любят друг друга, это добром не кончается.

— Я не понимаю, сударь, что вы имеете в виду под словом «любовь». В ваших устах оно звучит не очень привлекательно.

— Сударыня, хотя слово древнее, каждый берет его и собственное пользование новехоньким и изнашивает самостоятельно. Это слово заполнено смыслом, как надутый бычий пузырь, и теряет его столь же быстро. Его можно проткнуть как пузырь, затем заклеить и вновь надуть, а если

его у вас нет, то для вас оно и не существует. Все толкуют о любви, но те, у кого она есть, ею помечены, и не хочу я о ней говорить, потому что из всех тем для разговора она самая смехотворная, только дураки проходят через нее по нескольку раз. Да я лучше сифилис подцеплю, чем влюблюсь в новую женщину, пока у меня кто-то есть.

— Но какое отношение это имеет к быкам, сударь?

— Никакого, сударыня, ровным счетом никакого, я лишь треплю языком, отрабатывая ваши денежки.

— Меня заинтересовал предмет нашего разговора. Чем же любовь помечает своих владельцев? Или это была просто фигура речи?

— Те, кого действительно посетила любовь, после ее ухода оказываются помечены своего рода безразличием. Я говорю это как натуралист, не из желания подпустить романтики.

— Ужасно неприятно такое слышать.

— Я не нарочно, сударыня, за что купил, за то и продал.

— Впрочем, я частенько слушаю вас с удовольствием.

— Смею надеяться, сударыня, что я вновь доставлю нам радость.

Глава двенадцатая

Разглядывая боевого быка на скотном дворе, никто не может сказать заранее, будет ли он храбрым на арене, хотя, как правило, чем бык спокойней, чем невозмутимей, чем меньше нервничает, тем больше шансов за то, что он проявит себя храбрецом. Дело в том, что чем бык храбрее, тем он уверенней в себе и тем меньше блефует. Все внешние признаки угрозы, которые подает бык, как то: роет копытом землю, выставляет рога или ревет — это все разновидности блефа, формы предостережения, которое делается с тем, чтобы, по возможности, избежать схватки. Действительно храбрый бык ничем не показывает, что вот-вот ринется в атаку, исключая пристальный взгляд на врага, вздыбленный пласт мышц на загривке, подергивание уха и в момент непосредственной атаки вскинутый хвост. Стопроцентный храбрец, если он в идеальной форме, никогда не открывает пасть, даже язык не высовывает на протяжении всего боя, а в конце, с уже вонзенной шпагой, он будет нападать на человека, пока его носят ноги, да и то с захлопнутой челюстью, чтобы удержать кровь внутри.

Что делает быка храбрым, так это кровь боевой породы, которую можно сохранить в чистоте лишь за счет добросовестных тиентас, то есть испытаний и отбора, а во-вторых, его собственное здоровье и физическая форма. Здоровье и физическая форма не заменят тщательной селекционной работы, но их нехватка испортит природную, врожденную храбрость животного, его тело не сможет поддержать боевой задор или даст храбрости вспыхнуть как пук соломы, которая, выгорев дотла, оставит быка опустошенным, полым внутри. Если животные на ферме не подхватили какую-то болезнь, их здоровье и физическая форма определяются качеством пастбища и воды.

Пастбища и вода в разных частях Испании отличаются между собой вследствие разницы в климатических условиях и состава почвы, причем то расстояние, которое скот должен преодолевать от луга до водопоя, радикально сказывается на породе. С климатической точки зрения, Испания скорее континент, нежели просто страна, так как климат и растительность, скажем, Наварры не имеют ничего общего с характеристиками Валенсии или Андалусии, и все три провинции, разве что отдельные части

Наварры, и близко не напоминают высокое плоскогорье Кастилии. Так что быки, взращенные в Наварре, Андалусии и Саламанке, сильно разнятся, и не от того, что вышли из разных пород. Наваррские быки — чуть ли не другая раса; они меньше, обычно красноватой масти, но когда хозяин-наваррец берет племенных быков и телок с андалусийской фермы и пытается скрестить их с наваррской породой, потомство непременно обзаводится нынешними недостатками северных быков — нервозность, неуверенная атака и отсутствие подлинной храбрости, — утрачивая исходный характер и при этом не приобретая гой подвижности, смелости и оленеподобной прыти, что столь характерны для старой наваррской крови. Наваррский бык стоит на грани исчезновения вследствие узкородственного разведения исходной наваррской породы и активной продажи телок во Францию некоторое время тому назад для использования их в course landaise,[14] французской разновидности тавромахии, и неспособности андалусийских и кастильских по-

[14] Примечания: 14

Курсландез — бескровный, зрелищный, особенно популярный в Гасконии вид спорта, где участниками, с одной стороны, являются акробаты-вольтижеры, а с другой — специально обученные телки от четырех до четырнадцати лет, из тех пород, что в Испании используются для корриды.

род сохранить свой тип и храбрость на северных пастбищах, хотя предпринимались многочисленные дорогостоящие попытки вывести новую и храбрую наваррскую породу. Лучших боевых быков дают Андалусия, Кольменар, Саламанка и, в качестве исключения, Португалия. Типичный торо браво — уроженец Андалусии. Андалусийские породы перенесли в Саламанку, где извратили, намеренно добиваясь уменьшенного роста и укороченных рогов, чтобы понравиться тореро. Саламанка — идеальная провинция для разведения быков. Пастбища и вода там безупречны, и тамошние быки отличаются крепким телом, не успев достигнуть и четырех лет от роду; нередко, чтобы они смотрелись крупнее и старше, их некоторое время держат на зерне, придавая напускную массивность за счет жировых подушек на мышцах. Выглядят они здоровыми, но быстро устают и страдают одышкой. Многие саламанкские быки таковы, что, если бы их отдавали в бой в возрасте от четырех с половиной до пяти лет, когда они обладают своими природными габаритами и не нуждаются в зерне для достижения предписанного весового стандарта, да если б еще дать им с годик просто попастись и тем самым прибавить зрелости, получились бы идеальные

боевые быки, за исключением, правда, одной склонности: перевалив за четвертый год, они начинают терять простодушие и храбрость. Иногда такую корриду действительно можно видеть в Мадриде, но реклама столь великолепных быков, попустительство, а то и прямое пособничество со стороны тореро приводят к тому, что те же хозяева, которые разок за сезон направили в столицу партию исключительных быков, в провинцию доставят пятнадцать-двадцать партий из животных ниже допустимого возрастного порога, выдержанных на зерне, чтобы смотрелись внушительнее, а риск создавали минимальный, коль скоро у них отсутствует опыт использования рогов; словом, всем, чем можно, выхолащивая саму суть зрелища — боевого быка — и тем самым способствуя упадку корриды.

Третьим фактором, помимо породы и физической формы, является возраст. Ущербность в любом из упомянутых факторов не позволит получить настоящего боевого быка. Он достигает зрелости не ранее четырехлетнего возраста. Согласен, даже трехлетка выглядит зрелым, но на деле это не так. Со зрелостью приходит и настоящая сила, выносливость и, самое главное, знания. Знания у быка состоят в первую очередь

из воспоминаний о личном опыте, он ничего не забывает; а также из умения пользоваться рогами. Именно рог стоит во главе угла корриды, так что идеальный бык тот, чья память девственно чиста, не запятнана воспоминаниями о схватках с человеком, и учиться ему придется прямо на арене; он будет укрощен, если тореро работает с ним правильно, в противном случае укрощенным окажется тореро, когда его работа ошибочна или труслива; а для того, чтобы этот бык представлял собой нешуточную опасность и тем самым действительно проверил навыки матадора, он обязан знать, как пользоваться рогами. Так вот, в четыре года бык обладает такими знаниями, он приобрел их в схватках на пастбище: это единственный доступный ему способ набраться опыта. Видеть, как сражаются два боевых быка — это нечто бесподобное. Они пользуются своими рогами не хуже фехтовальщиков. В их арсенале выпады, тычки, уколы, финты, уклонения, а точность прицела ошеломляет. Когда они оба знают, как пользоваться рогами, схватка обычно заканчивается так же, как и встреча двух опытных боксеров: все опасные удары парированы, кровь не пролита, друг другу почет и уважение. Им не надо биться до смерти. Проигрывает тот бык,

кто разрывает дистанцию и отворачивается, тем самым признавая превосходство соперника. Мне доводилось видеть, как они схватываются раз за разом по каким-то поводам, в которых я так и не разобрался; сшибаются в лобовой атаке, наносят отвлекающие удары ведущим рогом, раздается сухой стук и скрежет кости о кость, выпады блокируются и парируются, и вдруг кто-то из быков разворачивается и галопом бросается прочь. Был, правда, случай, когда после одной из схваток в загоне бык отвернулся, признавая поражение, а второй стал его преследовать, догнал и ударом в бок перевернул. Не успел бедолага подняться на ноги, как победитель принялся его охаживать, отчаянно бодая, к тому же непрерывно наваливаясь всем телом. Побежденный бык сумел разок встать, развернулся, чтобы встретить противника в лоб, но получил рогом в глаз и свалился при очередной атаке. Короче, тот забил его насмерть, уже не дав подняться. Кстати сказать, за два дня до этого побоища тот же бык убил еще одного соперника, а на арене показал себя одним из лучших животных, как для тореро, так и для зрителя, из всех мною виденных. Его навыки работы рогами были отточены по первому разряду. Никаких хитростей и коварства, он попросту знал, как ими

пользоваться, так что матадор Феликс Родригес показал образцовую работу с плащом и мулетой, после чего классно убил.

Есть быки-трехлетки, умеющие пользоваться рогами, но это исключение. Обычно у них попросту не хватает опыта. Быки старше пяти лет слишком хорошо разбираются в собственном вооружении. У них так много опыта, они настолько умелы, что необходимость постоянно быть начеку практически лишает тореро шансов показать что-то сногсшибательное. Сами по себе такие схватки вполне любопытны, но надо отлично разбираться в корриде, чтобы по достоинству оценить работу матадора.

Чуть ли не у всякого быка есть рог, которым он предпочитает орудовать; такой рог называется ведущим. Можно сказать, быки право- или левороги, как и люди, которые делятся на правшей или левшей, хотя явного преобладания праворогости не наблюдается. Шансы оказаться ведущим одинаковы у обоих рогов. Понять, какой именно рог ведущий, можно, понаблюдав затем, как бандерильеро «ведут» быка плащом в начале боя, хотя есть еще один способ, который часто срабатывает. Непосредственно перед атакой бык дергает ухом, в редком случае обоими. Так вот,

дергающееся ухо обычно находится на той же стороне, что и ведущий рог.

Быки сильно отличаются друг от друга в манере использования рогов; некоторых именуют «убийцами», потому что во время атаки на пикадоров удар наносят, лишь когда уверены в дистанции, а уж когда окажутся близко, то вонзят свой рог в уязвимое место лошади с такой же точностью и неизбежностью, что и кинжал. Как правило, таким быкам уже доводилось на пастбище набрасываться на пастуха или даже убивать лошадь, и они помнят, как это было проделано. Они не делают длинный разбег, не пытаются опрокинуть лошадь со всадником, а хотят лишь каким-то образом подобраться к пикадору, частенько отбивая его пику движением рога, чтобы потом нанести удар. Количество убитых лошадей не служит подлинным показателем храбрости или силы быка, потому что хотя бык-«убийца» действительно убивает лошадь, более храбрый, более сильный бык может всего лишь опрокинуть се вместе с пикадором и в запале вообще не будет целиться рогом.

Бык, разок пустивший кровь человеку, практически наверняка сумеет проделать это вновь. Большинство из погибших на арене матадоров

уже летали прежде в воздухе по милости того же быка. Конечно, неоднократное ранение в течение одного боя можно объяснить тем, что после первого подкидывания человек уже ошеломлен, утратил подвижность или глазомер, но верно и то, что бык, сумевший отыскать человека за приманкой или после получения уколов бандерильями, повторит успешный процесс. Скажем, он может боднуть вбок, пробегая мимо человека вслед за плащом или мулетой, или вдруг резко затормозит на полном ходу, или повернет прочь от ткани в сторону человека — не важно, каким бы ни было то действие, благодаря которому он добрался до человека в первый раз, он его повторит. Более того, существуют породы, обладающие особо развитой способностью мгновенно ориентироваться на арене. Таких быков надо убивать как можно раньше, ибо они учатся куда быстрее, нежели предусмотрено темпом обычного боя, с каждой секундой усложняя работу.

Именно такими являются боевые быки старинной касты, то есть породы, выращиваемой сыновьями дона Одуардо Миура из Севильи, хотя следует отметить, что потомки этого ответственейшего и достойнейшего скотовода попытались-таки сделать своих быков не столь

опасными и более приемлемыми для тореро за счет скрещивания с быками вистаэрмосской породы, самой благородной, храброй и простодушной из всех. В итоге им удалось вывести быка, обладающего впечатляющими габаритами, рогами и всеми прочими атрибутами грозных миура, но без их исключительной агрессивности и способности все схватывать на лету, что и сделало их подлинным проклятием любого тореро. Существует порода — выведена она в Португалии усилиями дона Хосе Палья, — которая обладает внешностью, кровью, статностью, мощью и свирепостью подлинных миура, и если вам когда-либо доведется попасть на бой с этими животными, вы увидите, что такое бык на пике агрессивности и физической силы и до чего он может быть опасен. Рассказывают — сам я за верность этих слухов не ручаюсь, — так вот, рассказывают, что пастбище Палья, на котором выгуливают зрелых быков, отстоит на двенадцать километров от водопоя и что его быки потому такие могучие, выносливые и упрямые, что вынуждены далеко ходить по воду. Об этом я узнал от одного из двоюродных братьев Пальи, однако лично проверить не удосужился.

Подобно тому, как определенные породы бо-

евых быков особенно тупы и храбры, а другие умны и храбры, Имеется разница и в прочих особенностях, чрезвычайно индивидуальных, но все же характерных для большинства быков той или иной породы. Для примера можно назвать быков, которых раньше разводил герцог Верагуа. В начале текущего столетия они считались одними из самых храбрых, сильных, проворных и красивых из всех быков полуострова, но то, что раньше было всего лишь незначительными тенденциями, через пару десятков лет превратилось в доминантные признаки всей породы. В ту пору, когда их причисляли чуть ли не к идеалу боевого быка, одной из первейших характеристик была исключительная проворность в течение первой трети боя, зато к третьему терсьо животные выдыхались и становились неповоротливыми. Еще они славились тем, что стоило быку-верагуанцу ранить человека или лошадь, как он уже не оставлял свою жертву в покое, атака шла за атакой, возникало впечатление, что бык хочет стереть противника в порошок; но они были очень храбрыми, охотно нападали, хорошо следовали за плащом и мулетой. Через двадцать лет от славных первоначальных качеств почти ничего не осталось, если не считать стремительности

в нападении, зато склонность наливаться тяжестью по мере боя выпятилась до такой степени, что после стычки с пикадорами верагуанец едва переставлял ноги. «Прилипчивость» к жертве сохранилась, даже усилилась, а скорость, сила и храбрость сошли до минимума. Вот как некогда отличные породы теряют свою ценность для корриды, несмотря на всю заботу и добросовестность скотовода. Он будет пробовать скрещивание с другими породами, ничего иного ему все равно не остается, и порой результат окажется успешным, но чаще всего упадок породы лишь ускорится, и она окончательно утратит все те положительные качества, которыми некогда обладала.

Бессовестный хозяин может приобрести быков отменной породы и нажиться за счет их репутации — мол, они дают великолепное зрелище, удивительно храбры, — но сам будет продавать все, что носит рога, разве что телками не станет торговать, в итоге за несколько лет сколотит себе некий капиталец, а по ходу дела изрядно подпортит доброе имя породы. Полностью уничтожить ценность породы ему не удастся до тех пор, пока кровь не испорчена, а быки имеют доступ к пастбищам и воде хорошего качества. Добросовестный скотовод может взять точно

таких же быков и, продавая на бои только те экземпляры, которые демонстрируют храбрость, за короткое время восстановит породу. Но когда кровь, снискавшая славу, оказывается слишком разбавленной, когда мелкие огрехи становятся превалирующими характеристиками, тогда порода заканчивает свой век, если только ее не возродят удачным и порой парадоксальным скрещиванием. Я видел, как уходит добрая порода, видел упадок и конец верагуанцев… Прискорбно. Нынешний герцог их наконец продал, и новые владельцы пытаются сейчас воскресить породу.

Полукровки, то есть быки с небольшой долей боевой крови, по-испански называются моручо; они очень храбры в телячьем возрасте и демонстрируют лучшие черты боевой породы, однако, достигнув зрелости, утрачивают всю свою храбрость и стиль, теряя пригодность для арены. Такая утрата храбрости и стиля по достижении полной зрелости присуща всем быкам, в которых течет смесь боевой и обычной крови, именно это вызывает головную боль скотоводов Саламанки. Тут дело даже не в смешении пород; складывается впечатление, что эта особенность вообще является врожденной у тех быков, что разводят в той местности. В результате фермер из Саламан-

ки вынужден продавать быков молоденькими, если он хочет, чтобы их храбрость была на пике. Эти незрелые бычки нанесли корриде урон, который перекрывает любые другие отрицательные влияния.

Вот перечень основных пород, которые дают лучших на сегодняшний день быков, как непосредственно, так и путем скрещивания: Васкес, Кабрера, Вистаэрмоса, Сааведра, Лесака и Ибарра.

Поставщики лучших на сегодняшний день быков: сыновья Пабло Ромеры (Севилья), граф де Санта Колома (Мадрид), граф де ла Корте (Бадахос); донья Консепсьон де ла Конча-и-Сьерра (Севилья), дочь знаменитой вдовы Конча-и-Сьерра; донья Кармен де Федерико (Мадрид), нынешняя владелица породы Мурубе; сыновья дона Эдуардо Миура (Севилья); маркиз де Вильямарта (Севилья); дон Архимиро Перес Табернеро, дон Грасиалано Перес Табернеро и дон Антонио Перес Табернеро, все трое из Саламанки; дон Франсиско Санчес (Кокилья, провинция Саламанка); дон Флорентино Сотомайор (Кордова); дон Хосе Перейра Палья (Вила-Франка-ди-Шира, Португалия); вдова дона Феликса Гомеса (Кольменар-Вьехо); донья Энрикета де ла Кова (Севилья);

дон Феликс Морено Арданyи (Севилья); маркиз де Альбайда (Мадрид); и дон Хулиан Фернандес Мартинес (Кольменар-Вьехо), который владеет старейшей породой дона Висенте Мартинеса.

— В этой главе ни словечка разговоров, сударыня, и все же мы подошли к концу. Весьма сожалею.

— Не больше, чем я.

— А чего бы вам хотелось? Побольше крупных откровений о страстях бычьего племени? Диатрибу против венерических заболеваний? Щепотку гениальных мыслей о смерти и разложении? Вам интересно было бы послушать о приключениях с дикобразом, имевших место в юные годы автора в округах Эмметт и Шарлевуа, что расположены в штате Мичиган?

— Прошу вас, сударь, на сегодня хватит про животных.

— А что вы скажете об одной из тех назидательных проповедей по поводу жизни и смерти, за которые с таким восторгом берутся авторы?

— Пожалуй, этого тоже не надо. Нет ли у вас чего-то развлекательного и в то же время поучительного? Что-то мне сегодня нездоровится.

— Сударыня, у меня есть как раз то, что вам нужно. Не про диких зверей или быков. Вещица

написана доходчивым языком и с таким расчетом, чтобы стать «Занесенными снегом» нашего времени, а в конце прямо-таки ломиться от разговоров.

— Если там есть разговоры, я бы хотела ее почитать.

— В таком случае, за дело! Итак, она называется… ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ МЕРТВЫХ!

Пожилая дама: Ох, не нравится мне такое заглавие.

Автор: Да я на это и не рассчитывал. Очень может статься, вам вообще ничего не понравится. И все же, вот она,

«Естественная история мертвых»

Мне всегда казалось, что война выпала из поля зрения натуралистов. У нас есть восхитительные и солидные отчеты покойного У. Г. Хадсона о флоре и фауне Патагонии; преподобный Гилберт Уайт чрезвычайно интересно писал об удоде, когда тот эпизодически, редким гостем залетал в Сельборн, ну а епископ Стенли дал нам полезную и доступную массам «Семейную историю птиц». Так нет ли у нас шанса снабдить читателя некоторыми рациональными и любопытными фактами о мертвых? Надеюсь, да.

Когда отважный первооткрыватель Мунго

Парк в одном из странствий падал в обморок средь необъятной дикости африканской пустыни, когда, голый и одинокой, он полагал свои дни сочтенными, и, казалось, остается лишь рухнуть наземь да помереть, ему на глаза попался крошечный цветок плодоносящего мха неизъяснимой красоты. «Хотя все растеньице, — сообщает Парк, — размером не превышало моего перста, я не мог созерцать изящное устройство его корней, листьев и споровых коробочек без восхищения. Так способно ли то Существо, что заботливо укореняло, омачивало водою и довело до совершенства в сем глухом уголке мира вещь столь ничтожную, глядеть безучастно на жалкое состояние и муки тварей, созданных по Его же образу и подобию? Воистину нет. Подобные рассуждения не дали мне отчаяться; я воспрянул и, пренебрегая голодом и утомлением, двинулся вперед, уверовав, что облегчение близко. И я не был разочарован».

Обладая, как выражался епископ Стенли, сходственной предрасположенностью к восторгу и благоговению, можно ли изучать какую бы то ни было ветвь Естественной Истории, не умножая ту веру, надежду и любовь, в которых и мы, до последнего человечка, нуждаемся в нашем

странствии по дикой пустыне жизни? Так давайте посмотрим, что за вдохновение мы можем почерпнуть из мертвецов.

На войне мертвые, как правило, представляют собой самцов, хотя, в отличие от человеческого рода, это утверждение не распространяется на животных, и среди убитых лошадей я часто видел кобыл. Еще один любопытный аспект войны состоит в том, что только на ней натуралист получает возможность обозреть мертвых мулов. За двадцать лет наблюдений в условиях гражданской жизни я ни разу не видел мертвого мула и начал даже питать сомнения в смертности сего животного. Были случаи, когда на глаза попадалась тварь, напоминавшая мертвого мула, но при ближайшем рассмотрении то оказывалось живое существо, которое лишь напоминало мертвого вследствие пребывания в полнейшем покое. Однако на войне эти животные уступают смерти с той же готовностью, что и более привычная и менее выносливая лошадь.

Пожилая дама: Вы ведь обещали ни словечка о животных!

Автор: Ничего, это ненадолго. Потерпите, ладно? Нелегко писать такие вещи.

Большинство из мулов, которых я видел мерт-

выми, располагались вдоль горных троп или лежали у подножия круч, куда их спихнули, дабы освободить дорогу. Трупы казались вполне уместным зрелищем в горах, где привыкаешь к их присутствию и где они смотрятся не столь дико, как позднее, в Смирне, где греки, перебив ноги своим вьючным животным, столкнули их с пристани, чтобы те захлебнулись. Покалеченные мулы и лошади, утопавшие на мелководье, своим числом взывали к талантам Гойи. Хотя, если подходить формально, вряд ли можно утверждать, что они-де взывали к Гойе, коль скоро имелся лишь один Гойя, к тому же он давно умер, да и крайне сомнительно, чтобы эти животные, умей они взывать, требовали бы проиллюстрировать свое злосчастье живописью; гораздо вероятнее, что, обладай они способностью изъясняться, позвали бы кого-то облегчить их участь.

Пожилая дама: Вы уже писали об этих мулах.

Автор: Да, я знаю и приношу извинения. Хватит перебивать. Больше писать о них не буду. Обещаю.

Что же касается пола мертвых, то, по сути дела, ты настолько привыкаешь видеть среди мертвых лишь мужчин, что зрелище убитой женщины потрясает до основания. Впервые я стал свидете-

лем инверсии всегдашнего пола мертвых после взрыва на военном заводе, что размещался мод Миланом, в Италии. До места бедствия мы добирались на грузовиках по дорогам в тени тополей, вдоль которых тянулись канавы, где кишела мелкотравчатая животная жизнь, которую я не мог наблюдать в подробностях вследствие изрядных облаков пыли, поднятых грузовиками. По прибытии туда, где раньше стоял военный завод, часть из нас отправили патрулировать громадные склады, которые по какой-то причине еще не взорвались, в то время как остальным поручили тушить траву на прилегающем поле, а по завершении сего задания приказали прочесать ближайшие окрестности и соседние поля на предмет обнаружения трупов. Таких находок мы сделали и доставили в импровизированный морг немало. Вынужден чистосердечно признаться, было потрясением видеть, что вместо мужчин мертвыми оказались женщины. В те дни женщины еще не приступили к ношению коротких причесок, как это имело место несколько лет спустя в Европе и Америке, так что самым неприятным — наверное, с непривычки — было присутствие, а уж тем более отсутствие, длинных волос. Покончив с весьма тщательным

поиском мертвых в целом виде, мы принялись за сбор фрагментов. Многие из них были сняты с массивного, опутанного колючей проволокой забора, что окружал территорию фабрики; мы собрали изрядное число разрозненных кусков, поучительно иллюстрирующих потрясающую энергию бризантных взрывчатых веществ. Помнится, на обратном пути в Милан кто-то из нас обсуждал происшествие, выдвинув тезис, что сюрреализм картины и полнейшее отсутствие раненых во многом лишили катастрофу того ужаса, который мог быть намного острее. К тому же взрыв произошел недавно, и, как следствие, перетаскивание мертвых еще не причиняло таких хлопот, как на полях сражений. Приятная, хотя и пыльная поездка вдоль прелестных ломбардских полей также служила компенсацией за непривлекательность задания, и, обмениваясь по пути впечатлениями, мы все пришли к выводу об изрядном везении, что пожар удалось столь быстро взять под контроль, не дав ему добраться до громадных складов, полных не сдетонировавших боеприпасов. А еще мы сошлись во мнении, что сбор фрагментов — дело чрезвычайного свойства; поразительно, отмечали мы, с какой охотой человеческое тело разрывается на куски,

игнорируя все анатомические линии, дробясь с той же капризной причудливостью, что и артиллерийский снаряд.

Пожилая дама: Мне неприятно это читать.

Автор: Тогда не читайте. Можно подумать, ее кто-то заставляет… И пожалуйста, хватит перебивать.

Натуралист, желающий придать наблюдениям точность в мелочах, вправе ограничиться каким-то конкретным отрезком времени, и я возьму тот, что шел непосредственно за итальянским наступлением австрияков в июне 1918 года, коли именно в нем мертвые приняли участие своим наибольшим числом. Поспешное отступление, а затем контрнаступление привели к тому, что покинутые позиции были взяты вновь, так что все осталось как прежде, за исключением появления мертвых. Если их не закопать, они ежедневно меняют свой внешний вид. Белая раса меняет цвет с белого на желтый, затем на желто-зеленый, после чего на черный. Если достаточно долго держать труп на жаре, он становится похожим на деготь, в особенности там, где что-то поломалось или разодралось. Каждый день мертвец толстеет; наконец, его распирает так, что униформа порой того и гляди лопнет. Отдельные члены

могут увеличиваться в обхвате до невероятности, лица округляются и натягиваются подобно надувному шарику. Помимо прогрессирующей тучности, вторым удивительным свойством мертвых является количество разбросанной вокруг них макулатуры. Последняя принятая ими поза — оставляя в стороне вопрос захоронения — зависит от местоположения карманов в их обмундировании. В австрийской армии они наличествуют с казенной стороны штанов, и все мертвецы вскорости переворачиваются ничком, с обоими вывернутыми карманами на седалище, а трава кругом оказывается засыпанной теми бумажками, которые находились в этих карманах. Зной, мухи, красноречивые позы тел в траве и количество разбросанной бумаги — таковы запоминающиеся впечатления. Запах поля боя в жаркую погоду в памяти не воскресить. В ней остается лишь тот факт, что да, был такой запах, но ничто происходящее с тобой о нем уже не напомнит. Он не похож на казарменный душок, что вдруг доносится в трамвае, и ты оглядываешься и видишь мужчину, который его принес. А вот тот запах пропадает подчистую, как угасшая любовь; что было, помнишь, зато чувство не вернуть, сколько ни тужься.

Пожилая дама: Мне нравится, когда вы пишете о любви.

Автор: Благодарю вас, сударыня.

Интересно, что на поле боя в жаркую погоду сумело бы вдохнуть новые силы в отважного первооткрывателя Мунго Парка? С конца июня по июль в хлебах алеют маки, шелковицы принарядились, стоят в полном облачении, а над орудийными стволами, когда их жарит солнце сквозь прорехи в листве, струится призрачная зыбь; почва желтая-прежелтая по краям воронок от мин с горчичным газом, да и разбитые домики интересней разглядывать, чем нетронутые обстрелом, но мало кто из путешественников, вдохнув тем летом полную грудь воздуха, обрел бы мысли Мунго Парка в отношении тех, кто был создан по Его образу и подобию.

Первое, что обнаруживаешь насчет мертвецов, это их склонность умирать подобно животному. Кое-кто умирает быстро от крошечной ранки, которая, думаешь ты, разве что кролика свалит. Другие умирают с трудом: череп раскроен, в мозгах железо, а он лежит живой еще двое суток, будто кошка, которая ворочается в угольном ящике с пулей в голове и отказывается издыхать, пока ей башку не оттяпаешь. И вообще, кошки,

может, даже после этого не дохнут, говорят же, что у них девять жизней, пес их знает.

Единственная естественная смерть, что мне довелось увидеть, если не считать кровопотери, которая не так уж страшна, случилась из-за гриппа-испанки. При нем ты тонешь в собственных соплях, давишься ими; а под конец пациент засирает всю свою койку. Сейчас мне хочется увидеть смерть кого-либо из самопровозглашенных гуманистов; может статься, стойкий первооткрыватель ироде Мунго Парка или ваш покорный слуга дотянет до дня, когда станет свидетелем всамделишной кончины членов названной литературной секты и понаблюдает за тем величием, которым они обставят свой уход. Рассуждая как натуралист, я сделал вывод, что в то время кик внешние приличия — вещь превосходная, некоторые попросту обязаны вести себя неблагопристойно, чтобы человеческая раса не сошла на нет, коль скоро поза, предписанная для продолжения рода, неблагопристойна. А еще мне пришло в голову, что эти люди являются, или являлись, детьми благопристойного существования. Впрочем, не важно, как они начали; я хочу видеть кое-чей конец и прикинуть на досуге, как черви возьмутся за давно забальзамированное

бесплодие; и впредь их писанину обойдут молчанием, а вожделения сведутся к примечаниям.

Пожилая дама: Насчет вожделений просто замечательно.

Автор: Да, знаю. По мотивам Эндрю Марвелла. Этому я научился, почитывая Т. С. Элиота.

Пожилая дама: Элиоты были старинными приятелями нашей семьи. Кажется, они торговали пиломатериалами.

Автор: У меня дядя женился на дочери владельца лесопилки.

Пожилая дама: Забавно.

В то время как найдутся, пожалуй, законные основания разбираться с гражданами-самоназначенцами в «Естественной истории мертвых», пусть даже к моменту публикации сего труда их гуманистическое поприще станет значить ровным счетом ничего, это будет несправедливо по отношению к другим мертвецам — умершим в пору своей юности не по личному выбору, не являвшихся владельцами журналов, и вообще многие из них в жизни не прочитали ни одного литературного обзора, — которых автор видел в жаркую погоду с полупинтой червей, вовсю трудившихся там, где раньше были рты. Погода для мертвецов не всегда была жаркой, порядочное

время приходилось на дождь, который обмывал их и размягчал землю, а порой дождь упорствовал до тех пор, пока земля не превращалась в грязь, мертвецов из нее вымывало и приходилось закапывать их заново. Или, скажем, зимой в горах ты был вынужден класть мертвецов в снег, так что когда весной снег сходил, кому-то еще выпадало их хоронить. В горах имелись для этого красивейшие места, горная война вообще самая красивая из всех, и вот в одном из этих мест — называлось оно Поколь — похоронили генерала, кому Снайпер прострелил голову навылет. Так что врут те писатели, чьи книжки называются «Генералы убирают в постелях», потому что этот генерал умер в снежном окопе, высоко в горах, в тирольской шляпе с перышком сбоку, дырочкой во лбу (в которую и мизинец не пролезет) и во-от такой дырищей на затылке (куда можно было засунуть кулак, если, конечно, он у тебя маленький и ты бы хотел туда его засовывать), на сильно заляпанном кровью снегу. Чертовски славный был генерал, как, впрочем, и генерал фон Бер, который в битве при Копоретто командовал баварским Альпийским корпусом и, въезжая в Удину впереди солдат, был убит в своем штабном автомобиле огнем итальянского арьергарда. Так

что называть такие книжки надо бы «Обычно генералы умирают в постелях», если мы желаем добиться хоть какой-то достоверности в изображении подобных вещей.

Пожилая дама: Когда же начнется сам рассказ?

Автор: А прямо сейчас и начнется, сударыня. Скоро все узнаете.

В горах снег засыпал мертвых возле перевязочного пункта, устроенного на обратном склоне, чтобы не накрыло артиллерией. Трупы сносили в землянку, которую успели выкопать до промерзания грунта. В этой землянке день, ночь и еще один день пролежал парень, чья голова — с куском рваной стали в искромсанных мозгах — была расколота подобно цветочному горшку и не рассыпалась лишь благодаря мозговым оболочкам да искусно наложенной повязке, уже заскорузлой. Санитары, таскавшие носилки, позвали военврача проверить состояние бедолаги. Они видели этого парня при всяком своем возвращении или хотя бы слышали, как тот дышит.

Глаза у военврача были красными, веки от слезоточивого газа опухли так, что остались только щелочки. Раненого он проверил дважды: днем и еще раз с фонариком. Тоже неплохая тема для гравюр Гойи; в смысле, медосмотр с фонариком в

землянке для трупов. Врач взглянул разок, взглянул другой и поверил словам санитаров, дескать, парень-то до сих пор жив.

— И чего вы от меня хотите? — спросил он.

Санитары от военврача ничего не хотели. Впрочем, поразмыслив немного, они спросили разрешения вынести его наружу и положить к тяжелораненым.

— Нет-нет-нет! — бросил врач. Он был очень занят. — Да в чем дело-то? Вы что, его боитесь?

— Так ведь лежит, хрипит среди трупов. Не по-людски как-то.

— А вы не слушайте. И вообще, сейчас вы его унесете, а потом опять потащите обратно.

— Ничего, господи капитан медицинской службы. Мы потерпим.

— А почему бы не вколоть ему побольше морфину? — спросил офицер-артиллерист, поджидавший свою очередь на перевязку руки.

— Как будто мне морфин девать некуда!.. У вас вон пистолет есть, так пойдите да застрелите его сами.

— Его разок уже застрелили, — заметил артиллерист. — Вот из вас бы, докторишек, кое-кого пострелять, навели б тогда порядок в вашем хозяйстве.

— Ну, спасибо, — сказал военврач, беря в руку хирургические щипцы. — Премного благодарен. А вот это у вас что? — Он щипцами едва не ткнул артиллеристу в глаз. — Что с глазами?

— Слезогонка. У нас говорят, дикое везенье.

— Вот именно. Потому что вы тогда с позиций бежите, — сказал военврач. — К нам, сюда со своей слезогонкой, лишь бы вывезли с переднего края… Глаза себе луком натерли, я считаю.

— Плевал я на ваши оскорбления. Несете черт-те что. Полоумный.

Появились санитары.

— Господин капитан медицинской службы… — начал один из них.

— Пошли вон отсюда! — рявкнул военврач.

И они ушли.

— Ладно, — сказал артиллерист. — Пристрелю бедолагу. Чтоб не мучился. Я человек гуманный.

— Вот и пристрели, — кивнул военврач. — Давай-давай. Бери на себя всю ответственность. А я подам рапорт. Мол, лейтенант-артиллерист застрелил раненого на пункте срочной медпомощи. Иди. Иди и застрели его.

— Нет в тебе ничего человеческого.

— Моя работа — лечить раненых, а не добивать их. Этим пусть джентльмены от артиллерии

занимаются.

— Что ж вы его тогда не лечите?

— А я уже полечил. Сделал все, что можно.

— А почему не отправили вниз по канатной дороге?

— Да кто ты такой меня расспрашивать? Ты что мне, начальство? Командир моего перевязочного пункта? Уважишь ответом?

Лейтенант-артиллерист отмолчался. Кроме них с врачом, других офицеров на медпункте не было, сплошь рядовые да унтера.

— Что? — сказал военврач, вскинув зажатую в щипцах иглу. — Язык проглотил?

— Да иди ты *****! — сказал артиллерист.

— Вот, — кивнул врач. — Все слышали? Ладно. Хорошо. Об этом тоже доложу.

Лейтенант поднялся и пошел на врача.

— Ах ты сука, — сказал он. — И мать твоя сука. И сестра. И сам ты г…

Врач плеснул ему в лицо из блюдца, полного йода. На миг ослепнув, лейтенант зашарил рукой в поисках пистолета. Врач ловко нырнул ему за спину, сбил с ног и, когда тот упал, несколько раз наподдал ногой, после чего поднял выроненный пистолет, не снимая резиновых перчаток. Сидя на полу, лейтенант тер глаза неизреченной рукой.

— Убью гада, — пообещал он. — Вот прозрею и убью.

— Хозяин здесь я, — сказал военврач. — И раз ты теперь это знаешь, я тебя прощаю. А убить ты меня не можешь, потому что твой пистолет у меня. Эй, сержант! Дежурного ко мне!

— Он сейчас у канатной дороги, — сообщил сержант.

— Протрите лейтенанту глаза спиртоводным раствором, а то у него там йод. Да, и принесите мне тазик обмыть руки. Когда закончите, лейтенанта ко мне, я им займусь.

— Вот только дотронься!

— Держите его покрепче, он бредит.

Вновь заглянул один из санитаров.

— Господин военврач…

— Ну чего тебе?

— Тот парень, в поленнице который…

— Я тебе сказал: уйди.

— Он помер, господин военврач. Я просто подумал, вы захотите узнать…

— Ну, мой дорогой лейтенант? Все понятно? Спор наш был ни о чем. На войне все споры ни о чем.

— Сволочь ты, — сказал артиллерист. Он по-прежнему не видел. — Глаза мне выжег, гадюка.

— Ерунда, — сказал военврач. — Все пройдет. Ерунда. Спор ни о чем.

— А-а! а-а! — вдруг завизжал лейтенант. — Ты мне глаза выжег, глаза выжег!

— Так, держите крепче, — скомандовал врач. — У него болевой шок. Держи крепче, говорю!

Пожилая дама: И что, на этом все? А мне казалось, вы обещали чуть ли не «Занесенных ветром» Джона Гринлифа Уиттьера.

— Сударыня, опять я оплошал. Целим-то высоко, да все промахиваемся.

Пожилая дама: Знаете, чем больше я вас знаю, тем меньше вы мне нравитесь.

— Ах, сударыня, извечная ошибка: узнавать писателя ближе.

Глава тринадцатая

Все в корриде построено на храбрости быка, его бесхитростности и нехватке опыта. Есть свои способы сражаться с трусливыми быками, с опытными, с очень умными, — но главный принцип корриды, корриды идеальной, постулирует храбрость быка и девственную чистоту его мозга, свободного от воспоминаний о предыдущей работе на арене. С трусливым быком трудно справляться; получив уколы, он не будет атаковать пикадоров повторно, и, стало быть, его скорость не замедлится от боли и усталости, а потому не получится следовать обычному плану боя, раз уж к третьему терсьо бык придет полный сил и прыти. Невозможно сказать, в какое мгновение трусливый бык вдруг ринется в атаку. Он может отойти от человека подальше, но рассчитывать на это нельзя; блестящий бой показать не получится, если только матадор не обладает исключительной техникой и доблестью для такого сближения с быком, что тот становится уверен в себе и уступает собственным инстинктам, несмотря на неохоту биться. Тогда, заставив быка сделать несколько атак, матадор утверждает над

ним господство и, можно сказать, гипнотизирует мулетой.

Трусливый бык расстраивает порядок боя, потому как нарушает правило трех этапов, через которые должен пройти любой бык в процессе стычки с человеком; тех трех этапов, которые определяют порядок проведения корриды. Каждое действие в бою быков является одновременно процессом и конечным продуктом одного из этапов, на котором находится бык, и чем ближе он к норме, чем более естественно его состояние, тем ярче бой.

Три состояния, через которые проходит бык во время корриды, по-испански именуются левантадо, napádo и апломадо. В состоянии левантадо, т. е. в приподнято-высокомерном, он находится сразу после появления из ториля: голову держит высоко, бросается на любой предмет без особого прицеливания и в целом просто хочет разогнать врагов. Именно в этот период он наименее опасен для тореро, и тот может испробовать такие, например, пассы, как поддразнивание плащом широко откинутой левой рукой из стойки на обоих коленях, а когда подбежавший бык уронит голову, чтобы поддеть плащ, тореро перекидывает его вправо, не меняя положение правой руки,

и бык, который был готов проскочить слева от коленопреклоненного человека, вместо этого проскакивает справа, следуя за плащом. Такой прием, называемый камбио де родильяс,[15] невозможен, вернее, смертоубийственен, когда бык изранен и все сильнее разочаровываясь в собственном могуществе, он начинает целиться гораздо точнее, тем самым переходя из левантадо в ñapado.

Когда бык в состоянии ñapado, он настороже и не столь прыток. Он уже не бросается в атаку на любое движение; утратил иллюзии в собственной способности уничтожить или прогнать с арены любого, кто бросает ему вызов; и, получив ушат холодной воды по собственной задиристости, он наконец различает врага или видит приманку, которую враг подставляет вместо собственного тела, и бросается в ту сторону, желая рвать и метать. Сейчас он целится, да и атакует чуть ли не с места, без предварительной пробежки. Это можно сравнить с разницей между кавалерийской атакой, когда весь эффект строится на ударе кулаком, потрясении за счет массированного импульса, а уж как там поведут себя индивидуальные ка-

[15] Примечания: 15
Дословно, «смена колен».

валеристы — дело десятое, и оборонительными действиями пехоты, ведущей беглый огонь по разрозненным мишеням. Именно когда бык оказался в ñapado, то есть замедленно до сих пор полон сил и воинственных намерений, тореро способен продемонстрировать самую яркую работу. Он может предпринять те или иные суэрте — и здесь под суэрте понимаются любые приемы, носящие преднамеренный характер, в отличие от вынужденных действий во время самозащиты или из-за ранения, — которые невозможны с быком, находящимся в левантадо, так как бык, которого еще не «окоротила» боль, по-прежнему полный сил и самоуверенности, будет менее внимателен к маневрам тореро. Все равно что сесть за ломберный столик с человеком, которому это неинтересно, да и денег он никаких не поставил, правила не знает, словом, не дает играть. Либо взять в противники того, кто усваивал навязанные правила на собственной шкуре, через личные проигрыши, и вот сейчас, когда на кону его судьба и сама жизнь, он очень внимателен к игре и чужим правилам, предельно серьезен. Тореро как раз и должен заставить быка играть, именно он навязывает правила. А бык играть не хочет, только убивать.

Апломадо — третье и последнее состояние, через которое проходит бык. Когда он в апломадо, это значит, его «отяжелили», он будто свинцом налился; как правило, успел выдохнуться, в том смысле, что сила-то осталась, а скорости никакой. Голова уже не поднята высоко; он атакует, если его провоцируют, но при этом дразнить его приходится все ближе и ближе. А все потому, что в этом состоянии бык не хочет атаковать, пока не будет уверен в поражении цели, потому как и зрителю, и ему самому уже понятно, что все его потуги пошли прахом; однако он все равно в высшей степени опасен.

Обычно быка убивают именно в этом состоянии, в апломадо; особенно в современной корриде. До какой степени он окажется измотан, зависит от интенсивности его атак на пикадоров и полученных ран, от количества пробегов за плащами, от того, насколько сильно бандерильи подорвали его задиристость, а также от того эффекта, который над ним возымела работа тореро с мулетой.

С практической точки зрения все эти фазы были своего рода регулятором посадки его головы, замедлителем прыти, компенсатором тенденций к предпочтению того или иного рога. Если «ре-

гулировка» и «тонкая настройка» произведены правильно, бык достигает финальной стадии боя в следующем состоянии: шейные мышцы утомлены, и поэтому голова не слишком высоко и не слишком низко; подвижность упала более чем вдвое по сравнению с началом схватки; внимание приковано к предмету перед глазами; и устранена предпочтительная склонность бодать каким-то одним рогом, в особенности правым.

Таковы три основных состояния быка в ходе боя; они представляют собой естественный процесс его последовательного утомления, когда оно вызывается надлежащим образом. Если же работа с быком выполнена небрежно, то к завершающему моменту в его поведении нельзя быть уверенным. Голова животного качается, его невозможно остановить в строго определенном месте, настроен он исключительно на оборону; воинственный дух быка, столь важный для славного боя, оказался растрачен впустую. Он уже не хочет атаковать и в целом непригоден для яркой работы. Или, к примеру, в ходе схватки его мог покалечить пикадор, воткнувший жало копья в лопатку или угодивший в середину хребта, а не в шейные мышцы; или бандерильеро угодил бандерильей прямиком в рану, оставленную

пикадором, и тогда этот дротик будет стоять торчком вместо того, чтобы свешиваться, зацепившись зубцом наконечника лишь за шкуру, как оно и полагается. Кроме того, любая более-менее яркая работа становится невозможна, если бандерильеро переусердствуют с плащами. Если они раз за разом вынуждают быка резко разворачиваться на сто восемьдесят, тем самым круто изгибая хребет, чрезмерно напрягая жилы и мышцы ног, отчего он порой даже защемляет себе мошонку, бык может потерять силы и изрядную долю храбрости; так портят быка резкими пируэтами и закрутками вместо того, чтобы утомлять за счет его собственных усилий бесхитростными атаками в лоб. А вот если быка обрабатывают правильно, он последовательно проходит эти три этапа, пусть с определенными модификациями, в зависимости от его индивидуального запаса сил и темперамента, так что он замедленным, но в целости и сохранности достигнет последней трети боя, когда уже матадор возьмется мулетой изнурять его дальше, до нужной кондиции, прежде чем прикончит.

Быка замедляют, во-первых, для того, чтобы с ним можно было поиграть при помощи мулеты, когда человек заранее планирует пассы,

управляет ими и повышает их опасность по собственному желанию, когда он непрерывно атакует, а не просто вынужден обороняться, а во-вторых, чтобы быка можно было убить шпагой по всем правилам. Единственный способ, позволяющий осуществить подобное замедление как полагается, без вреда для храбрости животного, без повреждения его костно-мышечной системы из-за непрерывного поддразнивания и отдергивания плаща, — это дать быку нападать на лошадей, чтобы он сам себя изнурял, атакуя досягаемый предмет, тем самым вознаграждая его смелость в отличие от нескончаемого ведения за нос. Бык, который удачно нападал на лошадей, убил или ранил нескольких своих противников, продолжает бой, полагая свои атаки успешными; он рассчитывает, что и в дальнейшем будет вонзать свой рог во врага. С такими быками тореро может показать игру, где максимально раскроется его артистизм: он словно церковный органист, для которого бригада помощников мехами накачивает воздух в инструмент. Церковный орган — а для тех, кто находит такой символизм чересчур утонченным, балаганная каллиопа — представляют собой, как мне кажется, единственные музыкальные инструменты, при игре на которых

музыкант использует уже имеющуюся внутри них силу, попросту направляя ее в нужное русло. Получается, что матадора можно уподобить только органисту или каллиоиисгу. Бык, который не хочет атаковать, похож на орган без мехов или на каллиопу без пара; в результате зрелище по своей яркости и прозрачности сравнимо разве что с игрой, когда органист вынужден сам подкачивать воздух мехами, а каллиопист — бегать с дровами для парового котла.

Помимо рассмотренных общих психофизических этапов, через которые проходит всякий бык на арене, каждое индивидуальное животное в ходе боя претерпевает специфические изменения в своем психическом состоянии. Наиболее частым — а с моей точки зрения, и наиболее любопытным — феноменом, происходящим в бычьем мозгу, является формирование так называемых кверенсий. Кверенсией называется место на арене, которое облюбовал бык, его предпочтительное местоположение. Существуют естественные кверенсии, такие места хорошо известны и фиксированы, зато для спонтанной кверенсии характерно кое-что еще. Спонтанная кверенсия образуется в ходе конкретного боя; эту точку на арене бык начинает считать своим

домом. Обычно она проявляется не сразу, а формируется в его мозгу по мере развития схватки. В этом месте ему кажется, что тыл как бы прикрыт; находясь в кверенсии, бык неизмеримо опаснее и почти что не убиваем. Матадор, идущий на убийство в кверенсии, практически наверняка прольет собственную кровь. Дело в том, что бык, занимая кверенсию, тем самым уходит в глухую оборону, его удары рогом не атака, а напротив, контратака, он парирует выпад противника вместо того, чтобы развивать собственную инициативу, и, как это бывает в фехтовании, при равенстве скорости реакций и дистанций выпада обоих противников встречный укол всегда побивает укол атакующий. Нападающий в этот момент вынужден раскрываться, и его соперник определенно выиграет очко, поскольку контратакует в уже раскрытую область, в то время как чужая атака еще должна пробить брешь. Так, в боксе искусством ответного удара отлично владел Джин Танни; те боксеры, кто держался на ринге дольше и получал по шее меньше, все были мастерами встречного боя. Бык в кверенсии собственным рогом парирует выпад шпаги, словно боксер, пробивающий встречный в челюсть, и многие тореро поплатились жизнью или увечи-

ем, потому что не выдернули быка из кверенсии, прежде чем идти на сближение и ставить точку.

Естественные кверенсии всех быков — это дверь ториля, из которой они выскочили на арену, а также баррера. К двери они тянутся оттого, что она им знакома; это последнее место, которое они помнят; а баррера дает им ту стену, к которой они могут прижаться, тем самым обезопасив себя от атаки с тыла. Таковы известные кверенсии, и тореро использует их самыми разными способами. Он знает, что после окончания пасса или серии пассов бык склонен возвращаться в естественную кверенсию, по пути ни на что не отвлекаясь. Стало быть, тореро может выполнить заранее спланированную и внешне чрезвычайно эффектную композицию, пока бык бежит себе мимо в «домик». Такие композиции смотрятся просто великолепно: человек замер статуэткой, ступни вместе, ему будто все равно, что в его сторону несется бык, он пропускает мимо себя его тушу, сам при этом не отшагивая, не отступая ни на пядь, так что рога порой проскакивают едва ли не в сантиметре от его груди. Однако для настоящего знатока корриды эти штуки — не более чем забавный трюк. С виду опасные, а на деле нет, потому что бык хочет добраться до своей кверенсии,

а человек не стоит у него на дороге, только сбоку. В этой ситуации лишь бык управляет своим направлением, скоростью и постановкой рога, а посему в глазах настоящего любителя подобные фокусы не имеют никакой ценности, коль скоро в реальном, не цирковом бою именно человек должен вынуждать быка к нападению, причем так, как сам того хочет; он должен «выписывать» им дуги, а не позволять носиться просто по прямой, должен управлять его движениями, а не быть их пассивным участником, замирая в эффектной позе, пока бык шествует мимо. Испанцы говорят: «Torear es parar, templar y mandar».[16] То есть в реальном бою матадору следует оставаться как можно более неподвижным, контролировать скорость быка собственными руками и запястьями, что удерживают ткань, и утверждать господство, управляя движениями быка. Любой иной стиль, скажем, принятие эффектных поз вдоль естественных траекторий животного — это не коррида, какими бы зрелищными ни были эти трюки, потому что тут первую скрипку играет не человек, а бык.

Спонтанные кверенсии, возникающие у живот-

---

[16] Примечания: 16

«Коррида означает остановить, обуздать и возобладать».

ного в голове во время боя, чаще всего представляют собой те точки на арене, где ему удалось добиться некого успеха; скажем, убить лошадь. В жаркий день бык предпочитает любое место на арене, где пролита вода и, стало быть, здесь прохладнее, например, возле горловины водораздаточной трубы, куда подсоединяют шланг, чтобы разбрызгиванием во время антракта осадить пыль; словом, там, где от песка под бычьими копытами веет прохладой. Кроме того, бык может выбрать себе кверенсию по запаху крови, в районе гибели лошади в ходе предыдущего боя; или там, где ему удалось подкинуть тореро, или вообще в любом месте арены без всякой видимой причины, просто оттого, что здесь он чувствует себя как дома.

То, как по ходу боя в голове быка формируется кверенсия, можно наблюдать собственными глазами. Сначала он сходит туда «на пробу», потом сделает это более сознательно и, наконец, если только тореро не выявит эту склонность и не станет намеренно удерживать его от полюбившегося места, бык будет упрямо возвращаться в ту же точку, где, развернувшись задом или боком к баррере, так и будет стоять, не желая двигаться. Вот когда тореро начинают всерьез обливаться

потом. Быка надо выманить, но тот полностью ушел в защиту, не реагирует на плащ, а от самих тореро просто отмахивается рогами, категорически отказываясь идти в атаку. Единственный способ вытащить его из кверенсии — это подойти настолько близко, чтобы он категорически уверовал в удачу, и затем, короткими подергиваниями плащом на весу или же таская его по песку, соблазнить быка на несколько шажков вперед. Ничего красивого тут нет, присутствует лишь опасность и, чувствуя, как истекают отпущенные четверть часа, матадор становится злее с каждой минутой, бандерильеро начинают работать с повышенным риском, а бык тем временем «окапывается» еще глубже. Но если матадор теряет наконец терпение — «А-а, он хочет умереть именно там? Ладно! сейчас я ему это устрою!» — и в самом деле сближает дистанцию, эта секунда, скорее всего, будет последней перед полетом, из которого он вернется на землю с дыркой от рога. Потому что бык за ним следит; боднувшись, он отобьет и шпагу, и мулету, добираясь до человека. Если не удается выманить быка из кверенсии ни плащом, ни мулетой, иногда прибегают к бандерильям-хлопушкам: их втыкают быку в загривок прямо из-за барреры, они горят и взрываются как

петарды, разбрасывая вокруг себя вонючие облака порохового дыма и горелого картона. Впрочем, я видел быка с такими бандерильями, так он, путаясь шума, выбегал из своей кверенсии футов на двадцать, а затем опять в нее возвращался, и никакой силой его нельзя было оттуда извлечь. В такой ситуации матадор имеет право убить быка любым сподручным способом, лишь бы обеспечивалась личная безопасность. Он может приблизиться сбоку и, пока бандерильеро плащами отвлекают внимание, описать полукруг перед мордой быка, на ходу вонзив свою шпагу; или он может убить его каким-то другим методом, который, будучи примененным к храброму быку, заставит толпу чуть ли не линчевать матадора. Тут задача не в том, чтобы убить филигранно, а в том, чтобы убить быстро, потому что бык, знающий, как пользоваться рогами и не желающий покидать свою кверенсию, становится опасным как гремучая змея и столь же непригодным для боя.

С другой стороны, человек не должен допускать формирования столь прочной кверенсии. Надо тормошить быка, вытаскивать на середину арены, прочь от барреры с ее уютным ощущением обезопасенного тыла, выводить быка в другие

позиции, лишь бы не дать ему окончательно и бесповоротно замереть в выбранном месте. Лет десять тому назад я присутствовал на корриде, где шесть быков все до единого занимали прочнейшие кверенсии, отказывались их покидать и в них же умирали. Дело было в Памплоне, а быки были миурскими. Здоровенные, чалой масти, с высоким длинным крупом, широченной грудью, мощнейшей шеей и потрясающими рогами. В жизни не видал таких красавцев — и вот представьте: каждый из них уходил в оборону, едва оказывался на арене. Да и трусами их не назовешь, потому что защищали они спои жизни всерьез, отчаянно, мудро и свирепо. Коррида продлилась до темноты, а за все время ни единого изящного или артистичного момента; весь бой можно свести к фразе, дескать, как-то под вечер быки отбивались от человека, а тот с громадным риском и трудностями все порывался их убить. Зрелищности здесь было столько же, сколько в битве при Пашендейле, уж извините за такое сравнение: коммерческий спектакль и война. Там и был со знакомыми, кто пришел на бой быков впервые, кому я уши прожужжал, до чего коррида-де великолепна, какое это удивительное искусство, насколько в ней… В общем,

понятно. Соловьем заливался, разгорячив собственное красноречие двумя-тремя стопками абсента в кафе «Куц», так что на бой мои приятели отправились с большим интересом. Когда все закончилось, никто из них не перекинулся со мной и словечком, причем двоим сделалось дурно; мало того, среди этих двоих была персона, на которую я рассчитывал произвести особо благоприятное впечатление. Сам я от этого боя получил немалое удовольствие, так как выяснил кое-что новое о психике нетрусливого быка, который, как выяснилось, временами отказывается атаковать; за один тот вечер я узнал об этом больше, чем за целый сезон, но хотелось бы надеяться, что на следующем представлении в таком роде я окажусь все-таки один. А еще я надеюсь, что не буду ни поклонником, ни тем более приятелем участвующих в нем тореро.

Вообще говоря, есть три основных способа покалечить быка и лишить его сил: загонять плащом, обескровить повреждением кровеносных сосудов или же всадить пику слишком далеко от загривка, чтобы она повредила хребет, или сделать это не по центру, чтобы наконечник угодил в лопатку. Эти приемы выполняются подчиненными матадора на том быке, которого он

боится. Например, из-за его громадного размера, прыти или могучести, так что под влиянием страха матадор может приказать своим пеонам, то бишь пикадорам и бандерильеро, «сломать» быка. Впрочем, зачастую такой приказ излишен, и пикадоры по собственному почину всей сворой берутся ломать быка, если только матадор не решит, что с быком он вполне может справиться и тот ему нужен в целости и сохранности, чтобы показать всю гениальность мастерства к вящей личной славе, и тогда он кричит своим людям: «Эй! вы там, поаккуратней! Не вздумайте мне его испортить!» С другой стороны, пикадоры и бандерильеро еще до боя могут отчетливо понять, что должны всеми силами поломать быка и что на запреты матадора не стоит обращать внимания: все эти окрики, обычно сопровождаемые забористыми проклятиями, лишь для видимости, игра на публику.

Однако кроме преднамеренных увечий, наносимых быку физически, вследствие чего он теряет свои качества для зрелищного боя и передается в руки матадора как можно более замученным и близким к гибели, неизмеримый вред может быть нанесен животному психически по вине небрежных бандерильеро. Главное, что от них

требуется — это как можно быстрее вонзить бандерильи, потому что любые неудачные попытки, которые в восьмидесяти случаях из ста объясняются трусостью, делают быка более нервным и менее предсказуемым, нарушают ритм боя и, давая животному шанс поохотиться на пешего человека, уничтожают тщательно пестуемое преимущество, а именно отсутствие опыта таких схваток.

Как правило, бандерильеро-бракоделу от сорока до пятидесяти лет. В квадрильи он занимает положение наиболее доверенного лица матадора. Этого он достиг благодаря знаниям, а также своей честности, ну и приобретенной с годами мудрости. Он выступает представителем матадора при сортировке быков, составлении лотов и является его надежным советником по всем техническим вопросам. Но как раз потому, что ему за сорок, ноги уже слабоваты; они вряд ли помогут, если бык решит за ним погоняться; и вот, когда наступает пора всаживать бандерильи в трудного быка, ветеран становится ну до того осмотрительным, что тут невозможно провести границу с трусостью. Неуклюжестью с бандерильями он разрушает весь тот эффект, которого сам же добился утонченной и мастерской работой с плащом; коррида

сильно выиграла бы, если бы этим седовласым, по-отечески мудрым, но хромоногим ветеранам запретили браться за бандерильи, а оставляли бы в квадрильях лишь за их ловкость с плащом и багаж накопленных знаний.

Из всех терсьо именно вонзание бандерилий требует от человека наибольших физических усилий. Одну-две пары может воткнуть даже тот тореро, кто не способен пробежать арену от стенки до стенки: ему всего-то надо, чтобы кто-то другой подготовил быка и вывел его в нужную точку. А вот вонзать их безошибочно и по всем правилам раз за разом, идя на быка, самостоятельно его обрабатывая, — это требует быстрых ног и отличной физической формы. С другой стороны, речь может идти о матадоре, и тут бандерильи, вообще говоря, дело не первой важности; главное, надлежащим образом обработать быка плащом и мулетой, затем сравнительно грамотно убить, что доступно даже с искалеченными ногами, да и сам он при этом может находиться на последней стадии туберкулеза. Матадору вообще не следует бегать кроме как при работе с бандерильями, он должен организовать бой так, чтобы бык чуть ли не сам в себя втыкал шпагу. Когда Эль Галло уже перевалил за сорок, на вопрос о физических

упражнениях он ответил, что курит кубинские сигары.

«Hombre,[17] ну зачем мне физкультура? Зачем мне сила? Бык упражняется за нас обоих, вся сила у него! Мне-то уже, сорок, а быкам всегда по четыре с половиной или пять».

Он был великим тореро и первым, кто открыто признался в собственном страхе. До него это считалось верхом позора, но когда Эль Галло боялся, он отшвыривал мулету со шпагой и рыбкой нырял через барреру. Матадорам возбраняется бегать, а Эль Галло бегал, если вдруг замечал, что бык нацелил на него особенно хитрый, всепонимающий взгляд. Именно он стал изобретателем приема «подмигивающий-бык-остается-жить», а однажды, угодив в каталажку, заявил, что так оно даже лучше — дескать, можно пересидеть черную полосу; и вообще, «у всех нас, артистов, есть неудачные дни, но меня простят при первой же удаче».

Он столько раз официально покидал профессию, что по числу прощальных выступлений уступает разве что Патти, и сейчас, когда ему под пятьдесят, Эль Галло до сих пор прощается с пуб-

---

[17] Примечания: 17
Мужик. *(исп.)*

ликой. Первый раз он это сделал в Севилье. Очень расчувствовался, и когда пришло время назвать имя человека, которому он посвятит последнего быка в своей жизни, он решил, что им будет его старинный приятель сеньор Фулано. Эль Галло снял шляпу и, сверкая смуглой лысиной, сказал: «Тебе, Фулано, другу детства и заступнику на ранних этапах моей карьеры, принцу среди всех афисьонадо, посвящаю сего быка, последнего в моей матадорской жизни». Не успел он договорить, как увидел физиономию еще одного старинного знакомого, на сей раз композитора, и, пройдя вдоль барреры, остановился напротив, вскинул лицо и с увлажненными очами промолвил: «Тебе, о чудесный друг, чье искусство сияет славой в небесах испанской музыки, посвящаю сего быка, которого убью последним в моей торерской жизни». И тут, разворачиваясь, он заметил, что чуть поодаль сидит папаша Альгабеньо, один из величайших истребителей быков, когда-либо рождавшихся в Андалусии. Эль Галло еще немножко прошелся вдоль барреры и сказал: «Тебе, старый товарищ, кто всегда следовал сердцем за собственной шпагой, тебе, лучшему из лучших, посвящаю сего быка, последнего в моей жизни, и да будет моя работа достойна твоего

внимания!» С этими словами он величественной походкой направился к быку, который все это время стоял как вкопанный и не сводил с него глаз. Внимательно приглядевшись, Эль Галло вдруг повернулся к брату Хоселито и заявил: «Хосе, убей его. За меня. А то взгляд у него уж больно нехороший».

Так что «последнего быка в жизни» на первом по счету и величайшем прощальном выступлении Эль Галло прикончил его же брат Хоселито.

Последний раз я его видел в Валенсии, после чего Эль Галло оставил Испанию ради Южной Америки. В возрасте сорока трех лет в нем было больше изящества и обаяния, чем в любом ином тореро, даже из молодых. Внешность у него не была фотогеничной, на снимках он никогда не смотрелся красавцем. Изящество Эль Галло ничего общего не имело с юношеской гибкостью; это было нечто куда более живучее, и, наблюдая за его работой с серым великаном от Конча-и-Сьерры, с которым он разыгрывал пьесу, как на пианино, становилось ясно: если удастся попасть на корриду, где бык убьет Эль Галло, на все прочие бои ходить уже не стоит. Хоселито пришлось собственной смертью доказать, что на арене никто не заговорен от гибели, к тому же он успел

растолстеть. Если Бельмонте ждет смерть в бою, так это оттого, что он занят в трагедии, а потому винить может лишь самого себя. Все новильеро, погибшие на твоих глазах, — жертвы экономики, а твои лучшие друзья в этой профессии мрут от профзаболеваний, которые вполне понятны и логичны, но вот гибель Рафаэля «Эль Галло» уже нельзя будет выдать за насмешку судьбы или даже трагедию, потому что здесь нет величия; Эль Галло слишком бы испугался этого; он никогда не признавал идею смерти, даже не ходил прощаться с Хоселито в ту часовню, где было выставлено его тело; гибель Эль Галло просто стала бы образчиком плохого вкуса, доказывая, что коррида не достойна существовать — причем не с моральной, а с эстетической точки зрения. С корридой он сделал то же самое, что и с каждым из нас, его поклонников; пожалуй, в чем-то даже испортил, хотя и не в такой степени, как Гверрита. Он, вне всякого сомнения, дедушка современной школы, в то время как Бельмонте — ее отец. В отличие от Каганчо, Эль Галло не лишен чести, ему лишь не хватает смелости, к тому же он чересчур простоват; но ведь каким великим тореро он был, какой твердостью обладал! Даже паникующий Эль Галло стоял к быку ближе, чем большинство

прочих тореро, демонстрирующих свое трагическое господство над животным, а изящество и филигранность его работы столь же изысканны, что и удивительные коллажи из птичьих перьев доиспанской эпохи, вывезенные из Мексики и ныне хранящиеся в Эскориале. Представляете, какой это грех: повыдирать перья из ястребиной шеи и не суметь вставить их обратно? Вот таким же грехом стало бы убийство Эль Галло.

Глава четырнадцатая

Извечная мечта тореро — это бык, который атакует в лоб, а в конце каждой атаки самостоятельно разворачивается и вновь мчится строго по прямой; бык, словно катающийся по рельсам. Увы, такие быки встречаются разве что один на три, а то и четыре десятка. Их называют повсякому: и «челнок», и «таран», и «дрезина». Те тореро, которые так и не научились утверждать господство над трудными быками или компенсировать их недостатки, попросту уходят в оборону, поджидая, пока не появится один из идеальных противников, на котором можно будет показать гениальную работу. Эти «гении» никогда и не учились сражаться с быками, они перепрыгнули через ученичество за счет ускоренного посвящения в полные матадоры лишь потому, что как-то под вечер в Мадриде — или на серии боев в провинции — им достались быки, чей стиль атаки вписался особенно удачно. У них есть определенные искусные навыки, индивидуальность (пока ее не вытеснил испуг), но не metier,[18] а

[18] Примечания: 18
Здесь: мастерство. *(франц.)*

поскольку смелость ходит рука об руку с уверенностью, они часто пугаются просто оттого, что не владеют собственным ремеслом. Их нельзя назвать прирожденными трусами, в противном случае они не пошли бы в матадоры; нет, в трусов их превращает стычка с трудным быком, для работы с которым им недостает знаний, опыта или надлежащей подготовки. Поскольку на каждый десяток быков вряд ли встретится хотя бы один идеальный, тот самый, с которым они знают, как совладать, чаще всего они будут демонстрировать скучную, оборонительную, безграмотную, трусливую или как минимум неудовлетворительную технику. Увидев такого тореро с животным его мечты, можно решить, что перед тобой изысканный, отважный, артистичный тореро, чья невозмутимость, несмотря на столь близкую опасность, потрясает воображение. Но когда наблюдаешь за ними изо дня в день и видишь, что они не способны показать компетентный бой с мало-мальски трудным быком, начинаешь тосковать по былой эпохе, когда выступали действительно обученные тореро, и к черту всех этих феноменальных вундеркиндов и артистов.

Беда современной техники боя быков в том,

что она чересчур совершенна. Матадор работает настолько близко к животному, настолько медленно, незащищенно и неподвижно, что добиться такого можно разве что с быком, выращенным чуть ли не под заказ. Таким образом, если подобный эффект необходимо демонстрировать раз за разом, надо либо иметь сверхгениального матадора вроде Хоселито или Бельмонте, которые способны покорить любого быка за счет глубоких познаний, защититься благодаря собственной исключительной реакции и применить технику при всяком благоприятном случае, либо выращивать быков под строго специфические требования. Современные тореро, за возможным исключением трех имен, или просто ждут быка своей мечты, или вовсе отказываются иметь дело с трудными породами, а переключаются на быков «под заказ».

На ум приходит коррида с вильярскими быками, что имела место в Памплоне в 1923-м. Идеальные были быки, храбрецы хоть куда, прыткие, свирепые, непрерывно атакующие, никогда не сидящие в обороне. Крупные, но не до тяжеловесности, с рогами на загляденье. Вильяр разводил великолепных быков, но у матадоров они были не в чести. Все качества

отменные, слов нет, но как-то даже чересчур. Племенных быков и телок продали кому-то еще, и этот человек взялся выращивать экземпляры «заниженной качественности», чтобы они лучше подходили матадорам. В 1927-м я увидел первые образчики его продукции. Быки смотрелись как вильярские, только поменьше росточком, не такие рогатые, хотя вполне себе храбрые. Через год они вновь уменьшились, изрядно потеряли в рогатости и храбрости. К прошлому году еще больше скукожились, рога почти прежние, зато от храбрости не осталось и следа. Исходная изумительная порола боевых быков, намеренно доведенная до дефектности, вернее, ослабленная ради обретения популярности среди матадоров и конкуренции с «заказными» саламанкскими быками, была, по сути, сознательно истреблена.

Проведя известное время на корриде, увидев, какими бывают бои, человек рано или поздно занимает в их отношении строго определенную позицию. Либо ты голосуешь за настоящих быков, за бой на всю катушку и надеешься, что вырастут-таки тореро, умеющие драться технически, как, например, Марсиаль Лаланда, или явится миру великий матадор типа Бельмонте, позволяющий себе поломать старые правила, — либо ты при-

емлешь нынешнее состояние этой профессии, знакомясь с тореро и перенимая их точку зрения; в жизни всегда найдутся веские оправдания для неудачи. Поставь себя на место тореро и, как они, смирись с их провалами, вслед за ними жди быка-мечту. Однако стоит лишь пойти на это, и ты разделяешь вину со всяким, кто живет за счет корриды и уничтожает ее; мало того, ты виновен вдвойне, ибо платишь денежки, чтобы ее уничтожили. Ну хорошо, и что же делать? Плюнуть и вообще больше не появляться на трибунах? Можно, конечно, но это во вред себе. До тех пор, пока извлекаешь удовольствие из праздника, у тебя есть все права на него ходить. Можешь протестовать, агитировать, убеждать других, до чего они тупы, но это мартышкин труд, хотя протесты необходимы и полезны на арене. Есть, правда, одна вещь, которую ты можешь сделать, и это проведение границы между хорошим и плохим, приветствие нового, только не в ущерб твоим принципам. Ты можешь по-прежнему ходить на бои, пусть они и далеко не совершенны; главное, никогда не аплодируй плохому. Ты, будучи зрителем, должен демонстрировать уважение к доброй, честной работе, которая нужна как фундамент, пусть в ней и нет филигранности. Ты

должен быть признателен за грамотного подготовку и каноническое убийство быка, с которым в принципе невозможно показать гениальный бой. Тореро лишь недолго может стоять выше своего зрителя. Если публика предпочитает трюки, вскоре она их получит. Если мы хотим видеть по-настоящему славного тореро, да чтоб он еще оставался честным, искренним, без всякого трюкачества и мистификаций, то среди зрителей должно найтись ядро, ради которого он и будет выкладываться. Если это звучит уж слишком в духе программы «Общества христианских усилий», то позвольте добавить, что я твердо верую в метание подушечками всех весов и размеров, кусками хлеба, апельсинами, овощами, трупами мелкой живности в ассортименте, включая тухлую рыбу, и, буде возникнет такая надобность, даже бутылками (только не в голову тореро); а заодно я верую в поджог всей арены, если протест чисто декоративными средствами не возымеет действия.

Одна из острейших напастей испанской корриды — это не продажность обозревателей, кто хотя бы на время может сделать имя матадору, разместив соответствующие заметки в ежедневных мадридских газетах, а тот факт, что, получая

деньги от матадоров, они отражают только их взгляды. В Мадриде им не разойтись столь уж сильно в пользу того или иного матадора, так как читающая газеты публика, или хотя бы важная ее часть, сама видела эти бои, чего не скажешь про сообщения из провинции, которые могут подвергаться изрядной правке. Все свое влияние, все свои толкования, весь свой критицизм в адрес быков и тореро эти газетчики подстраивают под точку зрения матадора, который через ассистента-шпажиста прислал им конвертик с сотенной или двухсотенной бумажкой, не забыв вложить и визитку. Такие конверты заносят «коридоведам» от каждой без исключения газеты в Мадриде, ну а суммы варьируются в зависимости от значимости издания и автора заметок. Их принимают даже самые честные и грамотные критики, от которых никто и не ждет, что они возьмутся превращать катастрофу в триумф или искажать истину в пользу какого-то матадора. Это просто комплимент от тореро. В конце концов, не будем забывать, что речь идет о стране чести. Но поскольку львиная доля денег на жизнь этих критиков поступает от матадоров, они придерживаются их точки зрения, стоят на страже их интересов. Очень простая арифметика, тем

более что жизнью рискует-то матадор, а не зритель. Хотя если публика перестанет настаивать на игре по правилам, на сохранении стандартов качества, на борьбе со злоупотреблениями, а уж тем более перестанет платить, в самом скором времени профессиональная коррида исчезнет вместе с матадорами.

Бык — это та составляющая часть всей фиесты, которая определяет уровень ее здоровья. Если публика, в лице индивидуального платящего зрителя, потребует славных быков, которые достаточно крупны, чтобы бой получился серьезным, которым от четырех до пяти лет, чтобы Они были зрелыми и могли выдержать все три акта корриды; совсем не обязательно, чтобы они были огромными, тучными или с гигантскими рогами; нет, пусть это будут просто физически здоровые и зрелые животные; так вот, тогда скотоводы будут выпасать быков на лугах столько, сколько надо, а уж матадорам придется самим подстраиваться и учиться, как совладать с такими быками. Возможно, в течение этого периода будут иметь место неудачные бои, которые приведут к отсеву плохо подготовленных тореро, однако сама фиеста только выиграет. Бык — основной элемент этого праздника, и самые высокооплачиваемые

тореро непрерывно пытаются просаботировать именно быков: хотят, чтобы их выращивали поменьше размером, с рогами покороче, и чтобы на бой их посылали как можно моложе. Такие условия могут налагать лишь те, кто занимает самую вершину. Крупные быки, от которых отказываются «звезды», достаются неудачливым и начинающим тореро. Вот чем объясняется непрерывно возрастающая смертность среди матадоров. Чаще всего погибают середнячки, новички и несостоявшиеся артисты. А гибнут они оттого, что пытаются применить — ведь этого требует публика! — технику «звезд». На жизнь-то надо зарабатывать. Но это они вынуждены делать с быками, от которых отказались — или наверняка откажутся — первые имена из-за слишком высокой опасности и невозможности показать класс. Вот из-за чего мы видим столь много ранений и катастрофических неудач среди наиболее многообещающих новильеро, хотя в конечном итоге обязательно появятся великие мастера, нельзя только прерывать и выхолащивать период их обучения. Молодой тореро, который выучился сражаться с годовалыми телятами, кого тщательно оберегали, подставляли лишь совсем юных животных, может оказаться

совершенно беспомощен против крупного быка. Все равно что научиться стрелять по мишеням, а потом выйти на охоту против опасного хищника — или оказаться на войне, когда в тебя самого палят почем зря. С другой стороны, ученичество с годовалыми быками прививает чистоту стиля, после чего можно заняться полировкой техники, а затем и узнать настоящего быка в ходе адской игры с громадинами, с забракованными, порой действительно некондиционными, жутко опасными быками, с которыми ученик сталкивается на новильядах, если только не находится под крылом одного из мадридских импресарио; подобная школа была бы идеальной для тореро, если только энтузиазм и храбрость не вытекут из него вместе с кровью.

Мануэль Мехьяс, Бьенвенида, тореро старой школы, воспитал трех сыновей-матадоров именно на однолетках; он сделал из них до того умелых, универсальных тореро в миниатюре, что на ум приходит сравнение с вундеркиндами, а ведь работали они только с бычками. Пока старшим сыновьям, в силу их несовершеннолетия, закон запрещал выступать в Испании, они собирали полные арены Мехико, Южной Франции и Южной Америки; а своего младшего,

Маноло, Бьенвенида сделал полным матадором уже в шестнадцатилетнем возрасте, чтобы сын от выступлений с двухлетками перескочил через ад ученичества в ранге новильеро.

Первый год Маноло показывал неудачу за неудачей. Переход от бычков к зрелым животным, разница в скорости их атаки, новый уровень ответственности, появление в жизни вечно нависшей опасности — все это отняло у него былой стиль и мальчишескую элегантность. Уж очень бросалось в глаза, как он решает проблемы на арене и до чего сильно подавлен возросшей ответственностью, чтобы показать славный вечерок с быками. Однако уже на следующий год, обладая прочным техническим фундаментом — ведь его натаскивали с четырех лет, — зная нюансы всех суэрте, что применяются в корриде, Маноло наконец решил загадку зрелого быка и три раза подряд снискал грандиозный успех в Мадриде, блестяще выступал в провинциях с быками любых пород, размеров и возрастов. В нем не читался страх перед быками из-за их громадности, он знал, как исправить их недостатки, как возобладать над ними, и работал порой с удивительно крупными животными, демонстрируя филигранную технику, на которую были способ-

ны лишь звезды из числа тореро-декадентов, да и то с быками поменьше, послабее, помоложе и не столь рогатыми. А вот чего он даже не пробовал делать, так это канонически убивать, хотя во всем остальном показывал отличные результаты. В 1930 году все газеты называли Маноло новым мессией; не хватало лишь одного, чтобы о нем судить по-настоящему: первой серьезной раны. Рано или поздно все матадоры получают опасную, болезненную рану, близко подводящую к смерти; и пока матадор ее не получит, нельзя сказать, чего он стоит в долгой перспективе. Никогда не знаешь, как такое ранение скажется на рефлексах. Храбрости в человеке может быть не меньше, чем в быке, и при этом он не умеет встречать опасность хладнокровно. Когда тореро теряет способность сохранять уравновешенность после начала схватки, уже не в состоянии спокойно следить за атаками быка, его успешной карьере приходит конец. Тореро с напускной невозмутимостью производят очень неприятное впечатление. Зритель не хочет такое видеть; он заплатил деньги, чтобы посмотреть бычью, а не человеческую трагедию. Убив тысячу пятьсот пятьдесят семь быков, Хоселито был тяжело ранен лишь трижды, зато на четвертый раз погиб.

Бельмонте серьезно доставалось каждый сезон, да по нескольку раз, однако ни одна из этих ран не сказалась на его храбрости, пылкости или рефлексах. Надеюсь, юный Бьенвенида никогда не прольет собственную кровь, но если к выходу нашей книги из печати это все же случится и при этом на нем не скажется, тогда, пожалуй, можно будет говорить о появлении наследника Хоселито. Я лично в это не верю. Пусть у него совершенный стиль, пусть он обладает талантами во всем, кроме закалывания, от его выступлений слишком уж попахивает театром. Работа Маноло по большей части трюкачество; согласен, оно намного тоньше, чем у других, и наблюдать интересно; все выглядит ярко и непринужденно. Но, боюсь, первая же крупная рана похитит эту легкость, и тогда его фокусничество проявится куда резче. Бьенвенида-отец спекся при первой ране подобно Ниньо де ла Пальма, а воспитание тореро в чем-то сродни разведению боевых быков: отвага наследуется от матери, а форма от отца. Хотя не очень-то красиво предвещать утрату смелости, в последний раз, когда я ходил на разрекламированного Бьенвенида, его улыбка была весьма натянутой, и сказать я могу лишь одно: конкретно в этого мессию я не верю.

Маноло Бьенвенида был Искупителем от корриды в 1930-м, зато уже в следующем, 1931 году, появился новый претендент на это звание: Доминго Лопес Ортега. Газетные критики в Барселоне, где потратили уйму денег на его раскрутку, писали, мол, Ортега начал с того, чем закончил Бельмонте; что он сочетает в себе лучшие качества Бельмонте и Хоселито, что за всю историю корриды не было такого мастера, как Ортега, в коем слился воедино гений артиста, доминатора и убийцы. Сам он не столь впечатляет, как его панегирики. Ему тридцать два, несколько лет подвизался матадором в кастильских селениях, особенно в районе Толедо. Уроженец крошечного городка Борокс, что расположен в засушливой местности между Толедо и Аранхуэсом, он получил прозвище «Борокский мужлан». Осенью 1930-го Ортега показал отличные вечера на второсортной мадридской арене Тетуан-де-лас-Викториас; организатором и импресарио-рекламодателем боев выступил Доминго Гонзалес, он же Домингин, матадор в отставке. Домингин перевез свою «звезду» в Барселону и, когда сезон завершился, снял арену напрокат, чтобы показать корриду с участием Ортеги и мексиканца по прозванью Карничерито

де Мехико.[19] Сражаясь с молодыми бычками, они оба проявили себя успешно, три раза подряд добившись аншлага на этой барселонской арене. Умелая рекламная кампания Домингина, организованная зимой и до отказа заполненная газетной шумихой, позволила Ортеге стать полным матадором к открытию сезона 1931 года в Барселоне. Я прибыл в Испанию сразу после революции и обнаружил, что за столиками кафе его обсуждают наравне с политиками. Он еще не сражался в Мадриде, а столичные газеты каждый вечер публиковали заметки про его триумфальное турне в провинции. Домингин вложил огромные деньги в рекламу, и, если верить всем вечерним листкам, Ортега каждодневно получал бычьи уши и хвосты. Свой последний бой перед появлением в столице он дал в Толедо, и я обнаружил, что те афисьонадо, которые были свидетелями его выступления, не соглашались с газетным мнением. Никто не отрицал, что отдельные приемы выполнены блестяще, но самые знающие ценители говорили, что в целом его работа неубедительна. 30 мая мы с Сидни Франклином, который только что прибыл в Мадрид после мексиканского турне,

[19] Примечания: 19
Дословно «Мексиканский мясничок».

нарочно съездили в Аранхуэс, чтобы поглядеть на великий феномен. Одно расстройство. Рядом с Марсиалем Лаландой и Висенте Баррерой Ортега смотрелся настоящим посмешищем.

Да, в тот вечер он продемонстрировал способность медленно и точно водить плащом, удерживая его в нижнем секторе, хотя бык подчинялся не всегда. Ортега доказал, что умеет подрезать естественный ход животного, закручивая его мулетой с двух рук, что чрезвычайно эффективно для усмирения, и, кроме того, провел блестящий пасс одной рукой, правой. Убивал шпагой быстро, занимая эффектную, очень стильную стойку-«обрисовку» в профиль, хотя в тот вечер не оправдал надежд после довольно небрежной, если не сказать нахальной, подготовки к закланию, когда он пошел на сближение для завершающего удара. Во всем же остальном это была ода невежеству, неуклюжести, неспособности владеть левой рукой, обману и фанфаронству. Было видно, что человек читает про самого себя в газетах и искренне верит собственной пропаганде.

Что касается внешности, такую физиономию редко когда увидишь вне обезьянника; телосложение крепкое, зрелое, пусть и несколько затяжеленное; самодовольство популярного ак-

тера так и сочится из всех пор. Сидни, который знал, что может показать бой гораздо лучше, всю обратную дорогу плевался в его адрес. Мне же хотелось дать Ортеге непредвзятую оценку, потому что нельзя судить о матадоре по одному-единственному выступлению; я просто обратил внимание на его сильные стороны и недостатки, в целом стараясь относиться к нему объективно.

Вернувшись в гостиницу, мы заглянули в газеты и узнали, что прошедший вечер вновь стал для Ортеги триумфальным. Если по-честному, то во время возни с последним быком его попросту освистали, однако в «Эральдо де Мадрид» мы прочли, что ему дали отрезать этому быку уши, а засим вынесли с арены на плечах ликующей толпы.

Следующий раз я увидел его уже в Мадриде, на первом церемониальном выступлении в ранге полного матадора. Ортега был точно таким же, как и в Аранхуэсе, разве что успел утратить навык быстрого убийства. В столице он сразился дважды, вновь ни разу не подтвердив собственную пропаганду; в довершение всего начал выказывать признаки трусости. В Памплоне проявил себя до омерзения паршиво. Платили ему по двадцать три тысячи песет за бой, а ко всем его

действиям вполне подходили слова невежество, вульгарность и низость.

Хуанито Квинтана, один из лучших афисьонадо на севере страны, как-то раз написал мне в Мадрид, дескать, уж мы так рады, что Ортега вот-вот пожалует к нам в Памплону, жаль только, что его импресарио заломил несусветную цену. Очень он хотел увидеть этого матадора и просто отмахнулся от моего рассказа о катастрофических неудачах Ортеги в столице и ее окрестностях. Впрочем, однажды увидев его воочию, Квинтано был чрезвычайно разочарован, а после третьего выступления уже не мог слышать его имя.

Тем летом я еще не раз ходил на Ортегу, и лишь единожды он выступил более-менее прилично, хотя бы и в собственной манере. Дело было в Толедо, с нарочно подобранными быками, до того крохотными и робкими, что любые его приемы можно было принимать лишь с усмешкой. Хотя когда он в ударе, в нем действительно есть кое-что феноменальное, а именно, спокойствие и строгая неподвижность. Наилучшие пассы проводит с двух рук, подрубая быка и резко его разворачивая, но в том-то и беда, что он об этом знает, вот и повторяет одно и то же на каждом быке, не обращая внимания, к месту это или нет,

а в результате бык становится негодным для каких-либо прочих действий. Выполняя правосторонний пасс мулетой, Ортега наклоняется к быку всем телом, и это у него выходит отменно, однако он не подхватывает движение связкой, не развивает его, к тому же до сих пор не выучился проводить результативный левосторонний натураль. Ортега эффектно проворачивается между рогами — глупейшее занятие — и вообще собаку съел на пошлых уловках, выдаваемых за опасные маневры, когда уверен, что невежественный зритель не заметит подвоха. Храбрости, физической силы и здоровья в нем хоть отбавляй, и мои друзья, которым я доверяю, настаивают, что он и впрямь показывал класс в Валенсии. Будь он помоложе и не столь тщеславен, из него вышел бы великолепный матадор, вот только пусть научится работать и левой рукой; может статься, он, словно Роберт Фицсиммонс, нарушит все возрастные стандарты и сумеет-таки занять вершину, однако мессия из него никакой. Я бы не стал уделять ему столько места, кабы не тысячи проплаченных газетных колонок, поющих ему осанну, порой в чрезвычайно искусной манере, так что, не живи я в Испании, принял бы все за чистую монету.

Один тореро унаследовал качества Хоселито, после чего утратил их из-за сифилиса. Второй скончался от другого профзаболевания, третий превратился в труса при первом же ранении. Из двух новых мессий я не вижу убедительности ни в Ортеге, ни в Бьенвениде, хотя болею за Бьенвениду. Это хорошо воспитанный, приятный и не тщеславный парень, только дела у него в последнее время не складываются, и я желаю ему удачи.

Пожилая дама: Вот вы всегда так: желаете человеку удачи, а сами перечисляете его ошибки, злобно критикуете. И как же получилось, сударь, что вы столь много говорите и пишете про корриду, а сами вовсе не матадор? Отчего же вы не пошли в эту профессию, если она вам так глянулась, и вы считаете себя большим знатоком?

— Сударыня, я пробовал кое-что делать, самые простые вещи, но безуспешно. Слишком я для этого старый, тяжелый и неуклюжий. Да и фигура у меня ненадлежащая — толстая там, где надо быть жилистым, — и на арене от меня толку как от боксерской груши.

Пожилая дама: Разве быки вас не поранили самым преужасным образом? Почему вы до сих пор живы?

— Сударыня, у них рога были обмотаны или затуплены, не то из меня и вправду все вывалилось бы, как из перевернутой корзинки для рукоделия.

Пожилая дама: А-а, так вы против обмотанных рогов сражались? Признаться, я была о вас лучшего мнения.

— «Сражался» — это преувеличение, сударыня. Я не сражался; меня швыряло.

Пожилая дама: Но вам довелось-таки столкнуться к быками, чьи рога не были прикрыты? Вас сильно изранило?

— Я был на арене с такими быками, однако не пострадал, хотя и покрылся синяками, когда сам себя скомпрометировал неповоротливостью. Я падал быку на морду, вцепившись в рога, словно грешник над бездной, и с такой же пылкостью. Что и возбуждало в зрителях изрядное веселье.

Пожилая дама: И как затем поступал такой бык?

— Если он обладал достаточной силой, то отшвыривал. Если нет, то я какое-то расстояние проезжал у него на голове, которой он нещадно тряс, пока другие энтузиасты тянули его за хвост.

Пожилая дама: У вас отыщутся свидетели сих

подвигов? Или вы их просто выдумали как писатель?

— Тысячи свидетелей, сударыня, хотя многие, пожалуй, уже скончались от надорванных диафрагм или животиков.

Пожилая дама: Так вот почему вы решили не ходить в эту профессию! Вас осмеяли!

— Я принял решение с учетом моих физических несоответствий, совета добрых друзей, а также того факта, что с течением лет становилось все труднее выходить на арену, если только не пропустить перед этим три-четыре стопки полынной водки, которая хоть и разжигала смелость, несколько притупляла рефлексы.

Пожилая дама: В таком случае могу ли я предположить, что вы покинули арену даже в качестве дилетанта-любителя?

— Сударыня, нет таких решений, которые нельзя отменить, но чем дальше летит время, тем острее я чувствую, что должен посвятить себя искусству письма. Мои тайные агенты докладывают, что благодаря тонкой работе господина Уильяма Фолкнера издатели нынче готовы публиковать что угодно, лишь бы не заставлять тебя вычеркивать лучшие пассажи, и я с удовольствием возьмусь описывать те дни моей юности, что

были проведены в наилучших домах терпимости, среди избраннейшего тамошнего общества. Нарочно оставил эту тему про запас, чтобы заняться ею на склоне лет, когда расстояние позволит рассмотреть ее получше.

Пожилая дама: А этот ваш господин Фолкнер хорошо писал о таких местах?

— О да, сударыня, просто блестяще. Его описания достойны всяческих похвал. Давненько я такого не читывал.

Пожилая дама: Непременно прикуплю его книжек.

— С Фолкнером все без осечки. А уж плодовитый!

Едва успеваешь заказать одну, тут же появляется другая.

Пожилая дама: Не страшно. Хорошего мало не бывает.

— Совершенно с вами согласен, сударыня.

Глава пятнадцатая

Изначально плащ выполнял роль средства защиты от животного. Позднее, когда фиеста оказалась формализована, плащом полагалось вести быка, выбегающего из ториля; уводить его от сбитого пикадора к тому, чья очередь выдерживать атаку; ставить быка в нужную позицию для бандерильеро, а затем и для матадора; и наконец, отвлекать его от тех тореро, кто попал в сложную ситуацию. Конечной целью и кульминационной точкой всего боя был завершающий удар шпагой, а плащ, по идее, только придатком, который помогал подготовить быка к моменту истины.

В современной же корриде важность плаща несравненно возросла, приемы работы с ним стали куда более опасны, так что момент истины — убийство — превратился в чрезвычайно запутанное дело. Матадор по очереди с другими тореро принимает на себя ответственность за отведение быка от пикадора с лошадью, а также за их защиту после бычьей атаки. Это действие — вывод быка на середину арены, а затем и помещение его в позицию для атаки на следующего пикадора — называется китэ, то есть «отвлече-

ние». Матадор стоит в очереди слева от лошади со всадником, и тот тореро, который отводит быка от упавшего пикадора, после завершения китэ занимает конец очереди. Хотя по своей сути китэ является всего лишь защитным действием, в последнее время стало не просто модно, а прямо-таки обязательно проводить этот прием с максимально возможной быстротой, дерзостью и элегантностью. От матадора ждут, что он будет «водить» быка (не важно, каким стилем, но, как правило, все выбирают связки из вероник) не менее четырех раз и как можно ближе к себе, с предельной неподвижностью и, следовательно, риском. Нынче работу тореро оценивают и оплачивают в первую очередь по его способности вести быка плащом близко от себя, спокойно и без суеты, а навыки обращения со шпагой отошли на второй план. Возросшая важность и спрос на стиль работы с плащом и мулетой, который был изобретен (или просто доведен до совершенства) Хуаном Бельмонте, неписанное требование, чтобы каждый матадор водил быка элегантными китэ-связками, и взгляд сквозь пальцы на огрехи при убийстве, если только матадор показывает артистизм с плащом и мулетой, — вот основные изменения в современной корриде.

Если на то пошло, китэ в нынешнем виде стало едва ли не таким же моментом истины, как и собственно убийство. Современные китэ несравненно изящней любых былых приемов с плащом, да и по накалу эмоций ничуть им не уступают. Именно оттого, что требуется раздобыть животное, с которым можно проделывать такие вещи, до предела сблизившись с рогами, тореро и молятся на «прямолинейных» быков; именно современная манера работы с плащом — восхитительно прекрасная, опасная и нахальная — и поддерживает популярность корриды, не говоря уже о ее растущей прибыльности, на протяжении всего периода, когда царствует упадничество, и лишь плащ подводит к неподдельному моменту истины. Матадоры «тореарят» плащом как никогда прежде. Настоящие мастера переняли манеру Бельмонте работать на территории быка, они держат плащ низко, у них двигаются лишь руки; да они самого Бельмонте перещеголяли, вернее сказать, перещеголяют, если достанется подходящий бык. В части работы с плащом упадка не было. Как не было и Ренессанса, одно лишь постоянное, непрерывное и полномасштабное усовершенствование.

Я не буду пускаться здесь в описания различ-

ных приемов с плащом, как-то гаонера, марипоса, фарол, или, возвращаясь к старой школе, камбио де родильяс, гальео или серпентина, с той же степенью детализации, с какой изложил сущность вероники, так как заочная словесная картинка, в отличие от фотографии, все равно не позволит опознать эти приемы в действии. Мгновенная фотография нынче достигла таких высот, что глупо с ней тягаться, пытаясь что-то объяснить. Как бы то ни было, важно помнить, что вероника — это лакмусовая бумажка всей работы с плащом. Вот где сливаются воедино и великий риск, и великая красота, и чистота линий. Именно при веронике бык полностью минует человека, а в корриде величайшим достоинством обладают как раз те маневры, где бык во время атаки проскакивает мимо тореро. Практически все прочие пассы с плащом представляют собой живописные варианты того же самого принципа или более-менее жульнические фокусы. Единственное исключение мы находим в китэ дела марипоса, приеме, изобретенном Марсиалем Лавандой. Марипоса, кстати, означает «бабочка». Здесь — и фотоснимки ясно это доказывают — больше заимствовано от мулеты, нежели от плаща. Сей прием ценится, когда его выполняют медленно и когда складки

плаща, напоминающие крылья бабочки, перекидываются плавно, а не хлестким отдергиванием, в то время как человек пятящимся маятником встает от животного то с одной стороны, то с другой. При грамотном исполнении каждое перекладывание плаща напоминает натураль с мулетой и столь же опасно. Из всех, кого я видел, лишь Марсиаль Лаланда умеет исполнять марипосу без огрехов. Подражатели, в особенности Висенте Баррера, этот жилистый, горбоносый валенсиец с трясущимися ногами, выдергивают плащ у быка из-под носа до того судорожно, словно их бьют током. Оно и понятно, с чего их так дергает. Ведь медленная марипоса несет с собой смерть.

Первоначально китэ выполнялись пассом типа ларга, дословно, «язык». Для этого матадор сначала собирает плащ в одну руку и затем расправляет его на всю длину перед быком, который, начав следовать за тканью, вынужден остановиться, когда человек вдруг забрасывает плащ за плечо и, картинно развернувшись, уходит прочь. Ларгу можно исполнить с превеликой элегантностью. К тому же есть масса разновидностей. Например, в коленопреклоненном положении, с выброшенной над головой рукой, в которой

раскручивается плащ; будто змея, отчего этот вариант и называется ларга серпентина, т. е. «змееподобная ларга»; ну и прочие фантазии, на которые Рафаэль Эль Галло был мастак. Впрочем, для всех ларга принцип един: бык следует за свободно развернутой полой плаща, после чего разворачивается и застывает на месте, когда человек, одной рукой удерживающий противоположный край плаща, выдергивает его из поля зрения животного. Преимущество этого приема заключается в том, что бык разворачивается не столь резко, как при двуручных пассах, и, стало быть, не калечится, не теряет своей кондиционности для атак в последнем терсьо.

Разумеется, объем работы с плащом, которую ведут современные матадоры, крайне отрицательно сказывается на быке, а ведь помимо матадоров есть и другие тореро. Если бы, как оно предусматривалось изначально, конечной целью схватки было убийство быка на вершине его физической формы, то никакими аргументами не удалось бы оправдать двуручные приемы с плащом. Но по мере развития или упадка корриды вышло так, что сейчас на убийство приходится лишь треть боя, в то время как работа с плащом и мулетой занимает уже две трети, отчего

изменился сам тип тореро. Редко, до чрезвычайности редко, встретишь матадора, который одновременно и великий убийца, и великий артист с плащом или мулетой. Не чаще, чем прославленного художника среди чемпионов мира по боксу. Чтобы стать артистом с плащом, чтобы пользоваться им на пределе возможностей, надо обладать тем эстетическим вкусом, который великому убийце будет лишь обузой. Великий убийца должен любить убивать. Должен обладать экстраординарной смелостью и способностью выполнять два принципиально разных действия обеими руками, причем одновременно, что несравненно сложнее того физкультурного упражнения, когда человек одной рукой похлопывает себя по макушке, а второй — гладит себе животик; в нем должно присутствовать стихийное, первородное чувство чести, которое подчиняло бы себе все и вся, уж очень много есть способов смухлевать при заклании быка. Но самое-самое главное: он должен любить убивать. Большинство тореро из числа артистов, от Рафаэля Эль Галло до Чиквело, чуть ли не с сожалением относятся к необходимости убивать. Они именно что тореро, а не матадоры; это высокоразвитые, тонко чувствующие манипуляторы

плащом и мулетой. Не любят они убивать, они боятся убивать и девяносто раз из сотни убивают плохо. Коррида очень много приобрела за счет того искусства, которое они принесли с собой, а один из величайших артистов, Хуан Бельмонте, научился убивать довольно хорошо. Хоть он и не был великим истребителем быков, в нем имелось достаточно от прирожденного убийцы, причем гордостью от идеально выполненного дела он обладал такой, что после продолжительного периода несовершенства стал наконец вполне приемлемым и уверенным убийцей. Впрочем, в Бельмонте всегда читалось что-то волчье, зато ничего волчьего и в помине нет в прочих эстетах, явившихся после его эпохи, а коль скоро они не умеют убивать по-честному, коль скоро им не выжить, если они начнут убивать быков как полагается, публика привыкла ждать и требовать от них лишь максимум по части плаща и мулеты, махнув рукой на финальную доводку быка до убийства; и вот почему структура корриды так сильно видоизменилась.

— Сударыня, вы не заскучали от этой писанины про бычьи бои?

Пожилая дама: Пока нет, сударь. Впрочем, я не могу читать большими кусками.

— Понимаю-понимаю. Технические описания — вещь нелегкая. Взять хотя бы инструкцию к любой механической игрушке: слова вроде простенькие, а ни черта не ясно.

Пожилая дама: Ну, ваша книжка не до такой степени плоха.

— Спасибо, вы меня подбодрили. Но скажите, я ничем не смог бы подхлестнуть ваш угасающий интерес?

Пожилая дама: Он не угасает. Просто я иногда утомляюсь.

— Может, что-то приятное вам сделать?

Пожилая дама: Да вы и так уже делаете.

— Еще раз благодарствуйте, сударыня, но я имел в виду нечто в письменном или, скажем, разговорном жанре.

Пожилая дама: А-а! В таком случае, раз уж сегодня мы закончили пораньше, я бы послушала какую-нибудь историю.

— О чем же?

Пожилая дама: На ваше усмотрение, сударь, лишь бы там больше не было мертвых. Что-то я от них подустала.

— Но сударыня! Мертвые тоже все устали.

Пожилая дама: Уж не сильнее, чем я, когда про них заходит речь. В общем, такова моя воля.

Известны ли вам истории в духе тех, что пишет господин Фолкнер?

— Кое-что знаю, однако в неумелом изложении они, чего доброго, вам не глянутся.

Пожилая дама: В таком случае извольте излагать их умело.

— Слушаюсь, сударыня. Я расскажу вам парочку, и мы посмотрим, насколько мне удастся избежать затянутостей и непристойностей. Чего бы вам хотелось для начала?

Пожилая дама: А у вас есть что-нибудь правдивое об этих… э-э… бедняжках?

— Кое-что найдется, хотя в общем и целом там недостает драматизма, как и во всех повестях о девиантах, потому что все они кончаются одинаково, зато никто не может предсказать, что случится с натуралами.

Пожилая дама: Все равно, я бы послушала. В последнее время кое-что довелось о них почитать, и они меня заинтриговали.

— Ладно. Только учтите: рассказ очень короткий, хотя, если написать его хорошим слогом, он окажется вполне трагичным. Впрочем, писать я его не буду, а просто быстренько изложу своими словами. Итак, пригласили меня однажды в Париже на обед в клуб англо-американских

журналистов, где мой сосед по столу и рассказал эту историю. Был он плохим газетчиком, глупцом, болтливым и скучным товарищем в развлечениях и проживал в гостинице не по карману. С работы его еще не успели выгнать, — обстоятельства, показавшие всю его убогость как журналиста, возникли позже. За обедом он пожаловался, что так и не смог минувшей ночью выспаться по милости скандалистов из соседнего номера. А дело было так. Часа в два пополуночи к нему кто-то постучался, умоляя впустить. Мой приятель-газетчик открыл дверь, и в комнату ворвался некий рыдающий брюнет лет двадцати, в пижаме и новеньком ночном халате. Вначале из-за его истерики было понятно лишь, что по соседству едва не приключилось нечто жуткое. Мало-помалу выяснилось, что сей молодой человек прибыл в Париж дневным поездом в компании друга. Тот был несколько старше, да и познакомились они совсем недавно, зато так подружились, что юный брюнет принял приглашение съездить за границу за чужой счет. Новый друг был при серьезных деньгах, а отношения сложились прекрасные и замечательные — вплоть до сегодняшнего вечера. Мир рухнул. Денег нет, Европу смотреть не на что, но — здесь

он горько всхлипнул — ничто, решительно ничто на земле не заставит его вернуться в тот номер! Эту позицию он занял твердо и сходить с нее не намерен. Скорее руки на себя наложит. Вот честное слово!.. Тут в дверь вновь постучались, и в комнате возник пресловутый «друг», который оказался столь же благовоспитанным, утонченным юношей-американцем в не менее дорогом и изысканном халате с иголочки. На вопрос газетчика, мол, что происходит, он ответствовал, что это все пустяки, просто его младший товарищ переутомился и раскапризничался. При этих словах младший товарищ вновь разрыдался и напомнил, что решительно ничто не заставит его вернуться в тот номер. Лучше я на себя руки наложу, сказал он. Абсолютно, говорит, убьюсь до смерти. Впрочем, вернуться он таки вернулся, после весьма разумных доводов, выдвинутых его более зрелым другом, и после того, как когда газетчик дал каждому из них по стаканчику бренди с содовой шипучкой, а также совет не маяться ерундой, а дать людям выспаться. Газетчик не знал, в чем, собственно, состоит эта ерунда, однако решил, что речь идет о чем-то курьезном, ну и ладно, все равно надо спать. И он заснул, но вскоре его разбудил шум вроде потасовки и

чье-то причитание: «Я не знал, я не знал, что в этом дело! О нет! Никогда!», вслед за чем раздался, как выразился газетчик, вопль безысходности. Он пару раз дал пяткой в стенку, там притихли, хотя кто-то из друзей явно продолжал рыдать. Мой приятель решил, что это, должно быть, тот, первый, который уже плакался.

— Может, чем-то помочь? — спросил газетчик. — Или позвать кого? Что у вас там вообще творится?

Ответа не последовало; лишь один из друзей всхлипывал. И тут второй друг заявил, весьма отчетливо и членораздельно: «Попрошу не лезть в чужие дела».

Это вызвало у газетчика досаду, и ему даже захотелось сообщить в администрацию, чтобы их обоих вышвырнули из гостиницы; он бы так и сделал, если бы от них последовало что-то еще. В итоге он вновь посоветовал утихомириться и вернулся ко сну. Выспаться, впрочем, не удалось, потому что один из друзей еще долго рыдал. Следующим утром газетчик увидел обоих за уличным слишком «Кафе де ля Пэ»: они безмятежно завтракали, болтая и просматривая парижский выпуск «Нью-Йорк геральд». Через денек-другой он показал мне эту парочку в так-

си-ландо, а потом я сам частенько видел их на террасе «Двух маю».

Пожилая дама: И все? А где же «ничего себе номер!», как мы это называли в эпоху моей юности?

— Ах, сударыня, я уже многие годы не делаю концовок в духе «ничего себе номер». Вы уверены, что без такого поворота эта история вам не по нраву?

Пожилая дама: Честно признаться, сударь, я предпочла бы неожиданную развязку.

— В таком случае, сударыня, не буду ее утаивать. Итак, последний раз я видел их сидящими на террасе «Двух маго», одетых в отлично пошитые костюмы, чистеньких и свеженьких, как прежде, если не считать, что несостоявшийся самоубийца выкрасил себе волосы хной.

Пожилая дама: Слабоватый вышел «номер».

— Сударыня, да ведь вся тема слабовата; боюсь, чересчур крепкая концовочка в ней дырку просадит. А хотите еще одну историю?

Пожилая дама: Спасибо, сударь, на сегодня хватит.

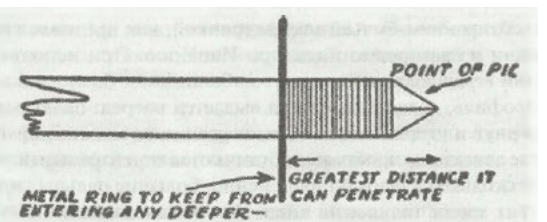
Глава шестнадцатая

Читаешь про быков былой эпохи и видишь, что они выносили по тридцать, сорок, пятьдесят и даже семьдесят уколов пикадорским копьем, в то время как у нас животное считается поразительным, если выдержит семь ударов; такое впечатление, что раньше дела шли совсем по-другому, а тогдашние пикадоры против нынешних все равно что футболисты-старшеклассники против команды первоклашек. Да, времена сильно изменились, сейчас за университетские команды выступают не великие атлеты, а всего лишь дети, и если посидеть со стариками за столиком кафе, станет ясно, что славные тореро тоже повывелись; теперь они все сопляки без чести, навыков или достоинств, ни дать ни взять пацанье, что нынче мяч гоняют, эх, до чего игру попортили, сейчас и близко не встретишь зрелых, видавших виды спортсменов в футболках с брезентовыми налокотниками, пропахших уксусом от взопревших плечевых накладок, и кожаных шлемах и штанах из чертовой кожи, по уши забрызганных грязью, оставлявших после себя дорожку следов от шипованных кожаных подошв — в закатном

свете, давным-давно.

В те дни повсюду были гиганты, а быки действительно выдерживали такую массу уколов, как это доказывают рассказы современников, вот только пики были другими. В старое-престарое время жалом служил небольшой стальной треугольник, да еще замотанный, чуть ли не в чехле, чтобы лишь крошечный кончик погружался в мясо. Сидя в седле, пикадор принимал быка лоб в лоб, колол его и бросал коня влево, уходя с линии атаки, а бык несся дальше. Даже современные животные способны выдержать очень солидное число подобных уколов, потому что сталь не наносила серьезных повреждений, и весь укол был скорее «приветом» от пикадора, нежели сознательно причиняемой глубокой раной.

Теперь, после множества модификаций, пика выглядит как на этой иллюстрации.[20]



[20] Примечания: 20

Vara — «жердь»; пика, используемая в корриде.

Между скотоводами и пикадорами существует вечное разногласие по поводу ее формы, коль скоро именно она определяет смертоносность этого оружия и количество уколов, которые может выдержать бык, чтобы не стать ущербным, как физически, так и с точки зрения храбрости.

Современная пика чрезвычайно опасна даже при правильно наносимом уколе, что объясняется в первую очередь тем, что пикадор делает его (называется лансар ла вара, «метнуть пику») не раньше, чем бык достигнет лошади. Бык подхватывает коня на холку, а человек тем временем налегает своим весом на древко, погружая сталь в шейную мышцу или загривок. Если бы все пикадоры были столь же искусны, как лишь немногие мастера из их числа, не было бы необходимости ждать столкновения быка с лошадью. Однако большинство из пикадоров — потому что их профессия плохо оплачивается, хотя и ведет к сотрясению мозга, — не умеют даже правильно всаживать пику. Они полагаются на удачу и на тот простой факт, что бык, отшвыривая коня вместе со всадником, сам себе утомляет шею, то есть, получается, будет выполнять работу, которую умелый пикадор способен сделать, не потеряв ни своего скакуна, ни собственное место

в седле. Защитные тюфячки для лошадей сделали труд пикадора значительно более трудным и опасным. Без таких попонок бык может насадить коня на рог и затем вскинуть в воздух, хотя порой, видимо, удовлетворившись причиненными повреждениями, бык отходит под уколами; но вот если попонка на месте, рог не способен проткнуть брюхо, так что дело кончается тем, что бык сбивает лошадь с ног вместе с ее всадником в одну большую кучу-малу. С появлением защитного тюфячка коррида обзавелась еще одним недостатком. Коль скоро кони перестали погибать на арене, маклеры получили возможность предлагать одну и ту же лошадь помногу раз. Неудивительно, что эти животные теперь до того боятся быков, тут же впадая в панику, едва уловят бычий запах, что ими практически невозможно управлять. Новые государственные требования разрешают пикадорам отказываться от подобных лошадей, причем предусмотрены даже специальные тавро, чтобы не дать барышникам ловчить, но ведь пикадоры так мало получают, что и эти требования, пожалуй, окажутся слабее, чем пропина, или «чаевые» от маклера, которые образуют собой неотъемлемую часть заработка пикадора за его согласие усесться в седле животного, от

которого он может — и обязан — отказаться, как оно и предусмотрено властями.

Пропина вообще, наверное, есть источник всяческих зол в корриде. Государство предписывает стандарты рослости, выносливости и физической формы лошадей в корриде, так что были бы все они кондиционными, а пикадоры обученными, кони бы гибли чисто случайно и против воли наездника, как это имеет место, например, в стипль-чезе. Однако следовать или нет этим правилам остается делом пикадора, раз уж они предусмотрены для его собственной защиты, ну а пикадор при всей опасности своей работы так мало получает, что за небольшую доплату от маклера готов принять коней, которые делают его труд еще опаснее и тяжелее. Лошадиному маклеру вменено в обязанность поставлять по тридцать шесть голов для каждой корриды. В обмен он получает фиксированную сумму вне зависимости от того, что с этими животными станется. В его же интересах подгонять лошадок подешевле да использовать их как можно дольше.

Это выглядит примерно так: за день до корриды или как минимум утром того же дня пикадоры прибывают на скотный двор арены, чтобы

выбрать и проверить своих лошадей для предстоящего боя. В каменную стену двора вмурована железяка, отмечающая минимально допустимую высоту в холке. Облюбованную пикадором лошадь седлают, он садится на нее и проверяет, как конь отзывается на поводья и шенкеля, как осаживается, поворачивает, после чего гонит его к стенке и на полном ходу упирается древком пики в камень: так становится ясно, насколько устойчив этот скакун. Проделав все это, он спешивается и цедит барышнику:

— Чтоб я вверил свою жизнь этой дохлятине?! Ты мне хоть тыщу долларов посули, ни за что обратно не сяду.

— Да ладно, — отвечает барышник. — Вторую такую лошадку днем с огнем не сыщешь.

— Вот именно. Кляча редкостная, — говорит пикадор.

— А в чем дело-то? Хорошенький такой стригунок.

— На мундштук не реагирует; это раз, — заявляет пикадор. — Осаживаться не умеет, это два. И вообще недомерок.

— Да он рослый! Сам взгляни, ну! Самое оно!

— Самое оно, говоришь? Для чего?

— Чтобы, значит, кататься.

— Только не мне, — говорит пикадор, показывая барышнику спину.

— Лучше все равно не найдешь.

— У тебя-то? Охотно верю.

— Нет, серьезно, чего не понравилось?

— Сап у него.

— Да разве ж это сап? Так немножко, перхоть.

— Ты его дустом посыпь, — советует пикадор. — Чтоб сразу отмучался.

— Давай начистоту. Скажи, что не так?

— Жена и ребятишек трое. На него я за тыщу долларов не сяду!

— Побойся Бога. Ишь, заломил, — говорит барышник. Сейчас беседа ведется негромко. Он протягивает пятнадцать песет пикадору.

— Ладно, так и быть, — кивает тот. — Ставь галочку на своего пони.

И вот под вечер ты уже видишь пикадора на маленькой лошадке, и если та вдруг пострадает, ее не забивают на месте; напротив, служитель в красной ливрее отгоняет ее к скотному двору, где ее подлатают, чтобы барышник мог вновь послать бедолагу на арену, откуда становится ясно, что служитель тоже получил (или хотя бы ему посулили) пропину за каждого коня, которого он сумеет вывести с арены живым, вместо того

чтобы прикончить его на месте из жалости.

Я знаю кое-кого из пикадоров-мастеров, честных, достойных и смелых людей в грязном бизнесе, но вот по поводу знакомых лошадиных маклеров скажу так: глаза б мои их не видели, хотя среди них попадаются неплохие парни. А заодно хотелось бы отделаться от служителей арены. По моим наблюдениям, из всех, кто занят в корриде, только они звереют на своей работе, пусть даже реальная опасность им не грозит. Ох и насмотрелся я на ихнего брата; в особенности запомнилась одна парочка, папаша с сынком, вот уж кого бы я с удовольствием пристрелил! Если у нас когда-либо настанет времечко, чтобы в течение пары-тройки дней разрешали отстреливать кого хочешь, думаю, я первым делом вогнал бы магазин побольше и, прежде чем заняться кое-кем из легавых, итальянских политиков, наших государственных мужей, массачусетских судей, ну и парочки приятелей моей молодости, я бы начал с этих двух служителей арены. Уточнять, кто они такие, мне не хочется, ведь если я и вправду когда-нибудь выбью им мозги, эти строки станут уликой, мол, заранее обдуманное убийство. Даже на фоне всей той жестокости, что я видел, эти двое выделяются. Чаще всего бессмысленные и

безнаказанные зверства творятся при полицейском произволе; это верно для всех стран, где я бывал, особенно у меня на родине. По-хорошему, моносабио из Памплоны и Сан-Себастьяна надо бы устроиться в отряд карателей, однако они и на арене выдают все лучшее, на что только способны. На поясе у них висят пунтильи, т. е. кинжалы с увесистыми рукоятями, которыми они могли бы подарить легкую смерть любой тяжело раненной лошади, но я так ни разу и не видел, чтобы их пустили в ход, если животное еще способно вскарабкаться на ноги и добраться до скотного двора. Тут не только вопрос денег, которые эти типы могут заработать, пропуская лошадей еще живыми через таксидермиста; нет, я сам видел, что, пока их не принуждала негодующая публика, папаша и сынок просто отказывались убивать безнадежно раненное животное лишь оттого, что им было приятно ощущать эту власть, способность как можно дольше оттягивать акт милосердия. Большинство служителей-моносабио — убогие создания, выполняющие грязную, тяжелую работу за мизерные деньги; они достойны если не сочувствия, так хотя бы жалости. Оставляя в живых тех лошадей, которых следовало бы забить, моносабио делают это со страхом,

перевешивающим любое удовольствие, так что денежки свой кровавые зарабатывают с таким же успехом, что и, скажем, собиратель сигарных окурков на улице. Но вот эта парочка, о которой я говорю, вполне себе упитанная и наглая. Мне однажды удалось-таки угодить тяжеленькой, полуторапесетовой кожаной подушечкой в башку того, кто помоложе. Было это в разгар зрительского возмущения на одной из арен на испанском севере. Мало того, я никогда не хожу на корриду без бутылки манзаниллы, которой все же надеюсь когда-нибудь заехать — ладно, пусть даже пустой — в кого-то из них, когда народ разойдется так, что на одиночный удар бутылкой по голове власти просто закроют глаза. Когда человек, пообщавшись с администрацией, уже не очень верит в закон как противоядие от всех злоупотреблений, бутылка становится эффективным средством прямого воздействия. Если не получается запулить в кого-то, можешь из нее хотя бы отхлебывать.

Нынче в корриде хорошей игрой уже не считается та, где пикадор умелыми разворотами полностью уберегает свою лошадь. По идее, именно так и должно быть, но это порядочная редкость. Все, чего можно сейчас ожидать от пи-

кадора — это грамотный укол непосредственно в моррильо, то есть загривок, мощный мышечный пласт, покрывающий шею быка от затылка до лопаток, и что пикадор будет просто отталкивать быка, не станет проворачивать наконечник в ране, не будет ее углублять, чтобы животное начало истекать кровью и слабеть, тем самым уменьшая опасность для матадора.

Плохая игра с копьем та, где жало промахивается мимо моррильо, где возникает крупная рана или где пикадор позволяет быку добраться до лошади, а уж когда рог угодит в скакуна, наездник начинает проворачивать древко, делая вид, что он спасает свою лошадь, хотя на деле лишь вредит быку бессмысленно и беспричинно.

Используй пикадор личную лошадь, да получай он хорошую зарплату, всеми силами оберегал бы своего коня, и вот тогда пикадорский терсьо стал бы одним из самых зрелищных действий. Что до меня, то если надо, чтобы погибали лошади, пусть это будут клячи. С учетом того, как работают нынешние пикадоры, какой-нибудь одер с разношенными копытами размером с тарелку будет куда выгоднее смотреться на арене, чем чистокровный скакун в отличной физической форме. Лошадь в корриде должна быть либо дряхлой,

либо изнуренной. Перемещаясь верхом от арены до гостиницы, пикадор не только обеспечивает себя транспортом, но и утомляет своего коня. В провинциях этим занимаются служители, с утра катаясь в седле. Роль лошади свелась к тому, чтобы дать быку дополнительную мишень для атаки, то есть служить цели утомления шейных мышц, а еще чтобы поддерживать человека, который во время атаки специально вонзает пику для еще большего утомления тех же мышц. Его задача — изнурить быка, а не ослабить ранами. Раны от укола лишь побочный эффект.

С учетом сказанного лучше всего выпускать на арену лошадей, которые уже мало на что годятся, но покамест в состоянии стоять на ногах и слушаться седока. Мне доводилось видеть — и не только в корриде, — как погибают чистокровки в расцвете сил; это всегда горько и больно наблюдать. Коррида означает для коня смерть, так что чем он хуже, тем лучше.

Я уже говорил, что если б пикадоры работали на личных лошадях, все зрелище от этого только бы выиграло. Но я скорее соглашусь увидеть преднамеренное убийство дюжины старых кляч, нежели случайную смерть одного единственного благородного скакуна.

Что-что? Куда девалась Пожилая дама, спрашиваете вы? Так ее больше нет. Мы вышвырнули ее из нашей книжки. Давно пора? Гм. Может, вы и правы. А как вам лошади, кстати? Людям, знаете ли, нравится эта тема, когда заходит речь о бое быков. Что, уже достаточно? Ах, более чем… Вот так сплошь и рядом. Все бы хорошо, да только, мол, лошадки страдают… А не поднять ли нам планку? Как насчет более высоких материй?

Мистер Олдос Хаксли свой очерк «Иль в мерзких низколобых обезьян» начинает так: «В[21] мистер Х. отважился разок упомянуть одного из Старых Мастеров. Там есть фраза, восхитительно экспрессивная,[22] единственная, одинокая фраза про «массу дырок от гвоздей» у мантеньевских Христов; после чего автор, ужаснувшись собственному нахальству, стыдливо перескакивает (как это могла бы сделать миссис Гаскелл, если б ее обманом склонили упомянуть унитаз) вновь на тему Низменных Вещей».

«Было время, и не так давно, когда дураки и невежды домогались, чтобы их считали за умных и культурных. С тех пор общественные порывы

---

[21] Примечания: 21
Следует название книги автора этих строк.

[22] Примечания: 22
Здесь мистер Хаксли вставил комплимент.

сменили свой курс. Сейчас не такая уж редкость встретить умных и культурных людей, всеми силами выдающих себя за глупцов и утаивающих тот факт, что их чему-то обучали…» — и так далее и тому подобное в столь характерной для мистера Хаксли высоколобой манере, а уж высоколоба она хоть куда.

Что с того, говорите вы? Ладно, ладно, здесь мистер Хаксли заработал очко. Что я на это скажу? Отвечу прямо. Прочитав сей пассаж в книжке мистера Хаксли, я раздобыл томик, на который он ссылается, пролистал его и не нашел упомянутой им цитаты. Может, она там и есть, да только у меня нет ни терпения, ни желания се разыскивать, коль скоро книжка закончена и на этом точка. А ведь звучит как одна из тех вещей, которую хочется вымарать из рукописи. Я считаю, это скорее вопрос имитации или сознательного утаивания любых проявлений собственной культуры. Когда автор пишет роман, он должен создавать живых людей; людей, а не персонажи. Персонаж — это карикатура. Пусть в книге нет великих персонажей, но если автор способен сделать людей живыми, не исключено, что его произведение останется в истории цельным, как объективная данность, как роман. Если люди, которых создает

писатель, разговаривают про старых мастеров, про музыку, про современную живопись, про беллетристику или про науку, то в его романе они и должны это обсуждать. Если же они не говорят на эти темы, а писатель их к этому принуждает, значит, он врет, и если он разглагольствует, лишь бы показать собственную эрудицию, то он просто рисуется. Не важно, до чего удачно выходит фраза или сравнительный оборот: если он сует их в место, где в них нет абсолютной необходимости, он портит собственную работу во имя эгоизма. Проза — это архитектура, а не устройство декоративных интерьеров, и эпоха барокко позади. Когда автор вкладывает собственные интеллектуальные сентенции (продающиеся задешево под видом эссе) в уста искусственно составленных персонажей (которые приносят больше доходу, будучи выпущенными как роман), тут, возможно, неплохой экономический расчет, однако не это делает литературу. Люди, а не мастерски составленные персонажи, должны проецироваться в роман из накопленного автором опыта, из его знаний, из его головы, сердца и всего того, что в нем есть. Если повезет и если ему достанет серьезности, если он сумеет вышелушить их из себя в цельном виде, у них будет несколько измерений, и тогда

они продержатся долго. Хорошему писателю, по идее, надо знать все досконально. Естественно, такого не бывает. Достаточно великий писатель, если смотреть со стороны, чуть ли не рождается с нужным знанием. В действительности это не так; все, чем он обладает от рождения — это способность учиться быстрее других, причем без сознательных на то усилий, да плюс еще умение принимать или браковать то, что уже выдается за знание. На свете есть вещи, которые нельзя понять быстро, и за эту науку приходится сполна расплачиваться временем — то есть единственным, чем мы владеем. Речь идет о самых незамысловатых вещах, и поскольку на их постижение уходит вся человеческая жизнь, все те крупицы нового, что каждый находит в жизни, стоят очень дорого, но это единственное наследие, которое он после себя оставит. Всякий по-настоящему написанный роман вносит свой вклад в совокупное знание, которым уже может пользоваться следующий писатель, но тот всегда должен уплатить известный процент из копилки личного опыта, чтобы суметь понять и усвоить то, что ему доступно по праву рождения, и с чего он, в свою очередь, начнет отсчет собственного пути. Если писатель-прозаик достаточно знает

тему, о которой пишет, он может опустить знакомые ему вещи, и у читателя — если, конечно, автор излагает по-настоящему — возникнет столь же сильное чувство об этих вещах, как если бы они были высказаны писателем в явном виде. Величавость движения айсберга оттого и возникает, что он выступает над водой лишь на одну восьмую. Писатель, опускающий что-то от незнания, всего-то создает дырки в своей писанине. Автор, который из кожи вон лезет, лишь бы народ увидел, что он где-то учился, воспитывался, набирался обходительности, ни в грош не ставит серьезность литературного труда; это не писатель, а попугай Попка. И еще на заметку: не надо пугать серьезного писателя с патетическим. Серьезный писатель может быть ястребом, грифом или даже дятлом, а вот патетический был, есть и будет лупоглазым филином.

Глава семнадцатая

Для зрителя-новичка нет более увлекательного зрелища во всей этой фиесте, чем работа с бандерильями. Глаз человека, не знакомого с корридой, не может ухватить тонкости работы с плащом; далее, нападение быка на лошадь сопровождается шоком, и, какой бы ни была реакция зрителя, его взгляд наверняка окажется прикован к лошади, тем самым упуская массу интересного в действиях матадора. Работа с мулетой малопонятна; зритель не знает, какие пассы сложны для выполнения, а какие нет; ему все в диковинку; глаза не приучены отличать одно движение от другого. Он воспринимает мулету просто как нечто живописное, а убийство может произойти настолько внезапно, что без специальной подготовки и навыков у зрителя не получится выделить отдельные фигуры и понять, что же в действительности творится. К тому же убийство частенько выполняется до того коряво и равнодушно, а матадор настолько принижает его важность, что зрителю невдомек, какие богатые эмоции и впечатления дает бой, где заклание быка происходит на должном уровне. А вот за

бандерильями ему следить легко, он все видит ясно, в подробностях, и, если приемы выполняются грамотно, он практически всегда получает удовольствие.

В терсьо с бандерильями он видит, что появляется тореро, который несет две тонкие палки с зазубренными наконечниками; впервые на его глазах к быку приближается человек без какой-либо тряпки в руках. Этот человек вызывает на себя внимание быка (я здесь описываю самый простой метод втыкания бандерилий), бежит навстречу его атаки, они сходятся, и когда бык опускает голову, чтобы впиться в тореро рогом, тот с высоко вскинутыми руками замирает на месте — пятки вместе, мыски врозь, — и одним махом вонзает свои дротики в подставленную бычью шею.

Ну вот, примерно столько ухватывает глаз типичного зрителя.

«Что ж бык его никак не подденет?..» — ворчит кто-то, впервые заявившись на корриду, а то и успев повидать несколько боев. А ответ такой: бык не умеет разворачиваться с радиусом менее длины собственного корпуса. И вот почему, стоит только рогу пролететь мимо человека, как тот, считай, уже в безопасности. Например, тореро

может сблизиться с быком под углом к направлению его атаки с таким расчетом, чтобы в момент предельного сближения поставить ноги вместе, а коли голова-быка уже наклонена, человек лишь проворачивается на месте, вонзая бандерильи в шею, едва лишь рог проскочит мимо. Этот прием именуется подэр-а-подэр, то есть, если угодно, «сила на силу». Или тореро может начать из такой позиции, что, описав четверть дуги окружности, выйдет на точку пересечения с линией атаки быка (аль квартео, самый распространенный прием); или — вершина стиля! — он может просто замереть, поджидая атаку, а как только бык сблизится и вот-вот наклонит голову, чтобы хорошенько боднуть, тореро оторвет правую ступню от песка, качнется влево, бык свернет туда же, следуя за телом-приманкой, а тореро возьми да откачнись обратно; он возвращает правую ступню на прежнее место — и вонзает оба дротика. Это называется «воткнуть аль камбио». Понятное дело, такой прием можно выполнять как влево, так и вправо. В моем описании бык шел влево.

Имеется еще один вариант, именуемый аль кьебро, при котором человек вообще не должен отрывать ступни, а обманное движение выполнять лишь корпусом, удерживая стойку на месте;

но я такого не видел. Вернее сказать, я видел множество случаев, которые критики называли аль кьебро, но ни разу не видел, чтобы человек не оторвал от песка ту или другую ногу.

В какой бы манере ни втыкались бандерильи, в других точках арены при этом дежурят два человека с плащами; как правило, это матадор (в центре) и, позади быка, еще один матадор или бандерильеро, чтобы бык, получив в шею бандерильями, перед своим разворотом и охотой на обидчика мог уже видеть перед собой плащ. На арене есть строго определенные места, где при всех различных методах втыкания бандерилий стоят эти дежурные. Те приемы, что я описал, как то: аль квартео, или «четвертушка», а также «сила на силу» в ее разновидностях (в обоих методах бегут и человек и бык), или аль камбио (когда человек не сходит с места, поджидая атаку) в различных исполнениях — это все типичные способы, в которых тореро стремится показать филигранность техники. Именно их обычно выбирает матадор, когда сам берется за бандерильи, и достигаемый эффект зависит от изящества, чистоты исполнения, решительности и степени господства над животным, которые демонстрирует человек, ну а также от точности попадания

самих дротиков. Втыкать их следует над плечами, ниже собственно шеи быка; погружать вместе, не разносить в стороны; кроме того, они не должны потом помешать удару шпаги. Бандерильи запрещено вонзать в раны, оставленные пикадорами. Грамотно вогнанная бандерилья пронзает лишь шкуру и, зацепившись, висит на боку животного под тяжестью собственного веса. При слишком глубоком погружении дротик торчит, не позволяя провести блестящую работу с мулетой, да и вместо раздражающего укола получается болезненная рана, которая выводит быка из себя, делает его трудным и непредсказуемым. В корриде вообще нет действий, чьей самоцелью было бы причинение боли быку. Та боль, что ему все же причиняется, является побочным следствием. А вот истинной целью всех действий (помимо максимально возможной зрелищности) выступает утомление животного и его замедление как средства подготовки к закланию. Я лично считаю, что наибольшие страдания и боль, которые испытывает бык в корриде — и часть из которых вовсе не обязательна, — связаны как раз с бандерильями, хотя именно эта часть боя вызывает наименьшее возмущение у американского и британского зрителя. Думаю, причина в том, что за

бандерильями проще всего следить и понимать происходящее. Если бы вся коррида была столь же доступна для восприятия и понимания, если бы степень опасности оказалась столь же зримой, что и работа с бандерильями, не исключено, что отношение неиспанского мира к бою быков было бы радикально иным. В свое время мне довелось стать свидетелем того, как изменилось отношение американских газет и массовых журналов, когда корриду в какой-то степени вывели (ну или хотя бы искренне попытались это проделать) в художественной литературе; и это, заметьте, еще до того, как сын бруклинского полицейского стал талантливым и популярным матадором.

Помимо описанных мною трех способов работы с бандерильями, есть еще не меньше десятка других, часть из которых уже принадлежит прошлому, например, когда бандерильеро дразнит быка, держа стул в руке, потом усаживается, а когда бык бросается в атаку, вскакивает и забегает в сторону, чтобы этим обманным финтом заманить быка туда же, вонзает бандерильи, после чего вновь усаживается. Сейчас такого почти не увидишь, не говоря уже про те приемы, которые были кем-то изобретены и редко когда достигали подлинной зрелищности, кроме как в

руках своих творцов, ну а затем канули в Лету.

Быков, встающих в кверенсию у барреры, нельзя «забандерилить» приемом «четвертушка» или, скажем, полукругом, то есть когда человек перебегает линию атаки, потому что когда рог проскочит мимо тореро, тот окажется ровнехонько между быком и ограждением; вот почему таких быков «бандерилят» приемом аль сэсго, то есть «вскользь». В этом приеме, раз уж бык застыл у барреры, кто-то должен стоять в кальехоне с отвлекающим плащом, пока бандерильеро делает разбег, на ходу втыкает бандерильи и мчится дальше что есть мочи. Зачастую ему приходится даже перемахивать через барреру, если бык бросается в погоню. Несколько дальше на арене занимает позицию еще один человек с плащом, который пытается перехватить быка в точке его разворота, но как раз оттого, что быки, вынуждающие прибегать к такому приему, склонны охотиться именно за человеком, а не за приманкой, этот тореро сравнительно бесполезен.

Быков, которые отказываются атаковать, или норовят свернуть в сторону человека, или близоруких — всех их бандерилят так называемой медиавуэльтой, то есть «вполоборота». Здесь бандерильеро заходит сзади, дает о себе знать быку,

а когда животное начинает разворачиваться и наклоняет шею, чтобы поддеть человека, тот — уже в движении — вонзает дротики.

Этот метод можно считать аварийным, так как он единственный во всей корриде, когда нарушается основополагающий принцип: все действия с быком совершаются спереди.

Иногда можно видеть прием, именуемый аль релянсэ, то есть «эстафета»: это когда бык еще несется, заполучив парочку бандерилий, а другой тореро, не вызывая атаку на себя, лишь пользуется этим шансом, чтобы воткнуть свои дротики.

Обычно матадор сам берет бандерильи в руки, когда полагает, что с этим быком можно показать класс. В свое время он это делал, лишь уступая требованиям толпы. Нынче работа с бандерильями стала частью регулярного репертуара всех матадоров, которые обладают необходимыми физическими данными и кто удосужился потратить время, чтобы научиться грамотно «*бандерильеар*-итъ». При одной только подготовке быка — иногда дразня его зигзагообразным бегом (эти внезапные смены направления являются средством защиты пешего человека от быка), словно играя с ним, хотя на деле помещают его в нужную точку, затем следует дерзкий вызов, когда

человек неторопливо и уверенно направляется к нему, а к момент атаки либо замирает на месте, либо кидается навстречу — у матадора есть все возможности проявить свой характер и показать личный стиль по ходу действий в этой трети боя. А вот для бандерильеро, пусть он даже искуснее своего хозяина, ставится лишь одна задача (если не считать указаний, куда именно воткнуть дротики), а именно: сделать это быстро и точно, чтобы передать быка хозяину в наилучшем виде для последнего акта. Большинство бандерильеро умело справляются со своей работой — но только либо справа, либо слева. Крайне редко встретишь такого, кто умеет работать с обоих боков. По этой-то причине матадор держит в своем штате двух бандерильеро: один хорош при заходе справа, другой — при заходе слева.

Лучший бандерильеро, который мне когда-либо встречался, это Мануэль Гарсия Маэра. Заодно с Хоселито и мексиканцем Родолфо Гаоной он был лучшим мастером современности. Вообще удивительно, до чего блестяще работают с бандерильями все без исключения тореро-мексиканцы. Каждый сезон на протяжении последних нескольких лет в Испанию приезжает от трех до шести мексиканских тореро-стажеров, каждый

из которых не хуже, а то и лучше любого из испанских бандерильеро-виртуозов. В них виден собственный стиль, что при подготовке, что при исполнении, а также то эмоциональное качество, возникающее благодаря невероятному риску, на который они идут, и это, если не считать индейской холодности при исполнении всей прочей работы, является отличительным признаком мексиканской корриды.

Родолфо Гаона был одним из лучших тореро, кто когда-либо появлялся на свете. Он вырос при режиме Порфирио Диаса и в те годы, когда у него на родине бои не проводились из-за революционной обстановки, работал безвыездно в Испании. Модифицировал собственный стиль, на первых порах бывший слепком с Хоселито и Бельмонте, после чего соперничал с ними почти на равных в сезон 1915 года, и уж совсем как ровня в 1916-м, но после этого его испанская карьера рухнула из-за ранения и катастрофы в семейной жизни. Как тореро он катился под уклон, в то время как Хоселито и Бельмонте непрерывно росли в мастерстве. Напряженный график выступлений, к тому же он был не столь молод, как эти двое; новый, малоосвоенный стиль и падение духом вследствие домашних неурядиц — все это

оказалось для него непосильным, и он вернулся на родину, где подмял под себя всех местных тореро, став иконой и моделью для подражания у нынешней элегантной мексиканской поросли. Большинство самых молодых испанских тореро никогда не видели Хоселито или Бельмонте, лишь их подражателей, зато все мексиканцы видели Гаону. Кроме того, в Мексике он был наставником Сидни Франклина, так что стиль работы с плащом, которым Сидни так изумил испанцев, был тоже сформирован под влиянием Гаоны. Сейчас, когда в Мексике вновь нет гражданской войны, страна дает миру целую плеяду тореро, которые имеют все шансы стать великими, если только не погибнут по милости быков. Искусства никогда особенно не процветали в военное время, но вот в мирной Мексике искусство корриды сейчас цветет куда более буйным цветом, чем в Испании. Сложность заключена в том, что испанские быки значительно крупнее, у них другой темперамент и нервный склад, так что когда молодые мексиканцы попадают в Испанию, они, показав филигранную работу, все же оказываются на рогах и получают травмы, но не вследствие просчетов в технике, а просто оттого, что сейчас им достаются более нервозные,

сильные и не столь предсказуемые животные. Ни один тореро не станет великим, не получив серьезной раны, но если его травмировать слишком рано, он, возможно, уже никогда не сумеет показать все, на что способен.

Когда выносишь суждение о качестве исполнения приемов с бандерильями, первое, на что следует обратить внимание, это насколько высоко тореро вскидывает руки с дротиками, так как чем выше он их поднимает, тем ближе подпускает быка к себе. Отметить надо также длину дуги окружности, или квартео, которой он перерезает путь атакующего животного: чем длиннее квартео, тем в большей безопасности находится тореро. В действительно удачно вонзенной паре человек занимает стойку «ступни вместе», когда вздымает руки, а в приемах типа камбио или так называемых кьебро следует подмечать, насколько невозмутимо он ждет быка и насколько близко позволяет тому приблизиться, прежде чем сдвинет ногу. Если бандерильи вонзаются, когда бык стоит вплотную к баррере, достоинства этого приема полностью зависят от того, был ли он обманным, то есть когда животное отвлекали трясущимся за оградой плащом. Работая в центре арены, человек направляется к быку, в то время

как еще двое, расположившись в противоположных точках круга, готовы выманить быка на себя, если тот кинется преследовать бандерильеро, который только что воткнул в него дротики. Да, бывает так, что после вонзания бандерилий в быка у барреры приходится вовсю полоскать в воздухе плащом, чтобы защитить человека, если тот оказался в безвыходном положении. Но вот если плащом трясут при каждом броске, это всего лишь значит, что зрителя водят за нос.

Среди матадоров, самостоятельно работающих с бандерильями, лучше всех это делают Мануло Мехьяс (Бьенвенида), Хесус Солорсано, Хосе Гонзалес («Мексиканский мясничок»), Фермин Эспиноса («Армильита II») и Эриберто Гарсиа. Антонио Маркес, Феликс Родригес и Марсиаль Лаланда тоже очень интересны с бандерильями. Лаланде иногда удается вонзить великолепную пару, но он обычно выписывает слишком большую «четвертушку»; у Маркеса плохо получается загонять быка в нужную позицию, а когда он втыкает дротики вблизи барреры, практически всегда обманом вынуждает быка развернуться рогами к ограде, а уж когда вонзит свою пару, один из его пеонов тут же начинает трясти плащом из-за ограды, чтобы отвлечь животное, пока

сам Маркес спасается бегством. Феликс Родригес — восхитительный бандерильеро, но после перенесенной болезни утратил необходимую физическую силу для красивой работы. А вот находясь в ударе, он просто неподражаем.

Фаусто Барахас, Хулиан Саинс («Салери II») и Хуан Эспиноса («Армильита») были некогда превосходными бандерильеро, но сейчас их звезда закатывается. Не исключено, что на момент публикации этой книги Салери уже прекратит выступать. Игнасио Санчес Мехьяс проявил себя отличным бандерильеро и тоже оставил профессию матадора; впрочем, стиль у него был тяжеловесным и лишенным изящества.

Еще есть с полдюжины молодых мексиканцев, которые ничуть не хуже любого из этих матадоров и которые к выходу книги из печати могут оказаться уже в могиле, с позором провалиться или, напротив, прославиться.

Лучшие среди известных мне бандерильеро, что трудятся пеонами на своего матадора, это Луис Суарес «Магритас», Хоакин Мансанарес «Мелья»; Антонио Дуарте; Рафаэль Валера «Рафаэльито»; Мариано Каррато; Антонио Гарсиа «Бомбита IV»; а с плащами лучше всего работают Мануэль Агвилар «Рэрре» и Бонифасио Переа

«Бони», пеон де конфьенца, то есть доверенный бандерильеро Бьенвениды. Величайшим пеоном с плащом из всех, кого я видел, был Энрике Беренгуэр «Бланквет». Зачастую лучшими бандерильеро становятся те, кто мечтал о карьере матадора, но, потерпев неудачу со шпагой, решил довольствоваться местом в квадрильи. Часто бывает так, что про быков им известно поболее своего хозяина, да и в стиле и характере они могут дать ему фору, но, занимая подчиненное положение, они должны внимательно следить, чтобы не отвлекать внимание зрителя на себя. Единственный, кто делает настоящие деньги в корриде, это матадор. И это правильно, хотя бы потому, что именно он берет на себя ответственность и подвергается наибольшему риску гибели, однако хорошие пикадоры, получающие лишь по двести пятьдесят песет, и бандерильеро, кому платят от двухсот пятидесяти до трехсот, зарабатывают смехотворно мало в сравнении с матадором, который за каждый бой кладет в карман от десяти тысяч и более. Если они так плохи в своем деле, значит, являются лишь обузой для матадора и слишком дороги при любом тарифе, но в том-то и беда, что какими бы великолепными мастерами они ни были, их роль на

фоне хозяина никогда не выйдет за рамки труда поденного рабочего. На лучших из лучших среди бандерильеро и пикадоров есть огромный постоянный спрос, и полудюжина из их числа может проводить за сезон до восьмидесяти боев, однако есть множество весьма неплохих и способных пеонов, которые едва-едва сводят концы с концами. Они организованы в профсоюз, так что матадоры обязаны платить им минимальную ставку; это зависит от рейтинга матадора (они все делятся на три категории согласно сумме, получаемой за выступление); но численность бандерильеро намного превосходит количество боев, так что матадор может нанять себе ассистентов по любой цене, какой ему заблагорассудится, если он уж слишком скаредный; а вообще-то он подписывает с ними обязательство уплатить известную сумму и затем выполняет его, когда наступает день расчета. Несмотря на жуткую недоплату в этой профессии, люди за нее держатся даже на краю голода под влиянием иллюзии, мол, я зарабатываю-таки себе на жизнь, а также из гордости за сам факт, что приходится сражаться с быками.

Среди бандерильеро встречаются гибкие, загорелые, молодые, ловкие и самоуверенные люди; такой скорее сойдет за мужчину, чем его хозяин,

которому они к тому же наставляют рога, и вообще им кажется, что жизнь удалась; к другому характерному типу принадлежат уважаемые отцы семейств, великие знатоки бычьего племени, располневшие, но по-прежнему быстрые на ноги, малые предприниматели, отдавшие себя быкам; бандерильеро может быть просто крепким орешком, невежественным, но храбрым и одаренным, держащимся на плаву, пока его самого держат ноги, что сродни игроку в бейсбол; другой отважен, но при этом неумеха и еле-еле пробавляется; и наконец, есть старики, мудрые, но уже «безногие», их услугами охотно пользуется молодой тореро благодаря заработанному авторитету на арене и навыкам безошибочно загонять быка в нужную точку.

Бланквет был коротышкой, очень серьезным и уважаемым, с римским носом и землистым лицом; он разбирался в корриде лучше всех, кого я только видел, а его плащ порхал как волшебный, исправляя бычьи недостатки. Он был доверенным пеоном у Хоселито, Гранеро и Литри; все они погибли на арене, и никому из них в день смерти не помог его плащ, доселе столь счастливый в минуту крайней нужды. Сам же Бланквет скончался от сердечного приступа в комнатушке постоялого

двора, куда вернулся с арены и где даже не успел переодеться, чтобы смыть с себя грязь.

Из ныне работающих бандерильеро самым стильным по части дротиков является, пожалуй, Магритас. А вот мастеров плаща на уровне Бланквета нет ни одного. Он работал с ним одной рукой с тем же изяществом, что и Рафаэль «Эль Галло», хотя держался при этом в тени как искусный, но скромный пеон. Именно наблюдая за действиями Бланквета, когда на арене не происходило ничего особенного, я сумел осознать глубину невидимых сторон схватки с любым быком.

Хотите, поболтаем? О чем? О живописи? Чтобы потрафить мистеру Хаксли? Чтобы сделать эту книжку стоящей? Ладно, все равно уже конец главы, так что можно кое-что добавить. Так вот, когда немецкий искусствовед Юлий Мейер-Грэфе приехал в Испанию, ему захотелось увидеть работы Гойи и Веласкеса, чтобы затем тиснуть про них нечто, преисполненное экстаза, но вышло так, что глянулся-то ему Эль Греко. Да так сильно, что захотелось любить одного лишь Эль Греко, а не наряду с другими, и вот, чтобы возвеличить своего кумира, он написал книгу, где взялся доказывать, до чего убогими художниками были эти

Гойя с Веласкесом, а в качестве мерила выбрал их полотна с изображением распятия Господа нашего Иисуса Христа.

Глупость редкостная, даже не перещеголяешь, ведь из всей троицы только Эль Греко веровал в Бога или по-настоящему интересовался его крестной казнью. Выносить суждение о художнике можно лишь по тому, как он пишет вещи, в которые верит, ради которых печется или которые ненавидит; так что не больно уж умно судить о Веласкесе (веровавшему в костюмы и важность живописи ради самой живописи) по портрету полуголого мужчины на кресте, которого — как наверняка думал сам Веласкес — вполне удовлетворительно рисовали в той же позе до этого и к которому художник не питал ни малейшего интереса.

Гойю можно уподобить Стендалю; при виде священника любой из этих добрых антиклерикалов мог разбуяниться в творческом приступе. Гойевское распятие — это до цинизма романтичная, деревянная олеография, которая вполне сошла бы за афишу распятий на манер рекламных объявлений о корриде. Уважаемая публика! С любезного разрешения властей шестерка тщательно отобранных Христов будет распята в пять

часов пополудни по адресу Монументальная Голгофа, г. Мадрид. В церемонии примут участие нижепоименованные знаменитые, официально уполномоченные и заслуженные палачи в сопровождении личных квадрилий из гвоздобоев, молотырщиков, крестовоздвиженцев, землекопов и прочая и прочая.

Эль Греко любил писать религиозные работы, потому что сам был вполне очевидно религиозен, а также потому, что его несравненное искусство не было ограничено добросовестным воспроизведением физиономий тех благородных аристократов, которые были моделями для его портретов, и он мог как угодно далеко уходить в свой другой мир, так что, осознанно или нет, изображал святых, апостолов, Христов и Богородиц с андрогенными чертами лица и формами, что заполняли его воображение.

Однажды в Париже я разговорился с девицей, которая сочиняла беллетризованную биографию Эль Греко, и я сказал ей:

— Он у вас maricón?[23]

— Нет, конечно, — удивилась она. — С какой стати?

---

[23] Примечания: 23
Педик. *(исп.)*

— А вы его работы хоть видели?

— Разумеется.

— Более классических примеров не найти. Считаете, что случайное совпадение? Или, может, все те граждане поголовно были васильками? Насколько мне известно, единственный святой, которого весь мир изображает с таким телосложением, это св. Себастьян. А у Эль Греко они все такие. Вы на его картины-то взгляните. Не обязательно верить мне на слово.

— Никогда об этом даже не думала…

— А вы подумайте, — сказал я. — Раз уж пишете ему жизнь.

— Слишком поздно, — сказала она. — Книга закончена.

Веласкес верил в живопись, в костюм, в псов, карликов с карлицами и, опять-таки, в живопись. Гойя не верил в костюм, но зато верил в черное и серое, в пыль и свет, в холмы над долами, в мадридские окрестности, в движение, в свои собственные cojones, в живопись, гравюру, а также в то, что сам видел, ощущал, осязал, брал в руки, нюхал, чем наслаждался, что пил, на чем разъезжал, от чего страдал, что изрыгал, с чем спал, что подозревал, наблюдал, любил, вожделел, страшился, чем брезговал, восхищался, чего чурался и

что разрушал. Естественно, ни один художник не умеет все это передавать, но Эль Греко попытался. Он верил в город Толедо, в его местоположение и зодчество, в кое-кого из тамошних жителей, в синее, серое, зеленое и желтое, в красное, в святого духа, в таинство евхаристии и во всеобщую христианскую сопричастность, в живопись, в жизнь после смерти и смерть после жизни, а также в фей. Если он и был одним из них, то, считай, искупил за все ихнее племя ханжескую, эксгибиционистскую, по-стародевичьи занафталиненную, морализаторскую заносчивость Андре Жида; тунеядствующую и самодовольную распущенность Уайльда, который предал целое поколение; мерзкое, сентиментальное лапанье человеческой природы у всякого уитмена и прочих аффектированных господ. ¡Viva el Greco, el rey de los maricones![24]

---

[24] Примечания: 24

«Да здравствует Эль Греко, король педерастов!» *(исп.)*

Глава восемнадцатая

Мастерство тореро с мулетой: вот что в конечном итоге определяет его профессиональный рейтинг, так как это наиболее сложная фаза современной корриды в части утверждения господства человека над животным, к тому же именно здесь гений матадора обретает наиширочайший простор для самовыражения. Мулета создает репутацию матадору; как раз его способность дать полное, художественное, артистичное и эмоциональное зрелище (при условии, конечно, что попался отличный бык) и диктует, насколько много или мало будет он зарабатывать. Заполучить торо браво в Мадриде, довести его до финального акта в идеальном состоянии, а потом из-за ограниченности репертуара приемов не суметь воспользоваться храбростью и благородством животного, чтобы показать филигранную фаэну… Такой тореро может забыть про мечту об успешной карьере. Потому что, как ни странно, нынче все тореро классифицируются, ранжируются и оплачиваются не по тому, что они делают фактически (коль уж бык может расстроить выступление, или они сами разболе-

ются, или еще не восстановились после ранения, или просто в тот день встали не с той ноги), а по теоретически возможным достижениям при самых благоприятных условиях. Если публика знает, что вот этот матадор способен выдать полную, завершенную связку из пассов мулетой, где будут и доблесть, и искусство, и знание дела, и, прежде всего, красота и великие чувства, то зрители примирятся с посредственной работой, с работой трусливой, работой провальной, потому что будут питать надежду, что рано или поздно увидят цельную фаэну; такую фаэну, которая уничтожает в человеке все тленное, заставляет его ощущать собственное бессмертие, пока длится этот прием; которая ввергает его в экстаз, столь же предельный — пусть и мимолетный, — как и любой религиозный восторг; которая увлекает всех на арене в едином порыве и еще больше усиливает эмоциональный накал, захватывая с собой и матадора, когда он, играя чувствами толпы через быка, сам же разжигается се откликом на расцветающее упоение четко продуманным, канонически выверенным, пылким, нарастающим пренебрежением к летальному исходу; которая, вдруг закончившись, оставляет тебя в состоянии такого же опустошения, печали и

внутреннего перерождения, как и при уходе всякого сильного чувства.

Тореро, умеющий выдавать отличную фаэну, занимает вершину профессии до тех пор, пока публика верит, что он по-прежнему на это способен, лишь бы обстоятельства не подвели; но вот если он проявит собственную некомпетентность даже при удачно сложившихся условиях, если ему недостанет артистизма и гениальности с мулетой, несмотря на личную храбрость, честь, мастерство и знание дела, такой тореро всегда окажется среди поденщиков от корриды, ну и зарабатывать будет соответственно.

Трудно поверить, до чего сильным бывает эмоционально-духовный подъем, до чего классически чистую красоту может показать человек с животным и куском алой саржи на палке. Если не хочется в это верить, если все кажется высосанным из пальца, то такие настроения вполне можно оправдать, сходив на бой, где не произойдет ничего волшебного; к тому же их масса; так что всегда можно доказать самому себе, что ты прав. Но вот когда увидишь подлинную вещь, то сразу это поймешь. Либо так, либо ничего подобного в твоей жизни не будет. С другой стороны, нет никакой гарантии, что повезет стать

свидетелем блестящей фаэны, если только ты не завсегдатай боев. Однако стоит увидеть это разок, да еще с концовкой из безупречной эстокады, как сразу узнаешь, о чем речь, и много чего успеет забыться, зато такое останется в тебе надолго.

С точки зрения техники боя, мулета служит для защиты при атаке быка, для регулировки положения его головы, для исправления тенденции к боданию каким-то одним рогом, для утомления животного и помещения его в нужную позицию для убийства; а что касается самого заклания, то при этом мулета используется в качестве мишени вместо тела человека, который в конечный миг резко сокращает дистанцию, вонзая шпагу.

В принципе мулету полагается держать левой рукой, а шпагу — правой, так что пассы, выполненные канонически, ценятся значительно выше тех, где мулета удерживается правой рукой или даже обеими, или расправляется при помощи шпаги, так что перед быком возникает более крупная приманка и он при атаке проскочит на большем удалении от тела человека; к тому же взмах широко развернутой тканью заставляет быка забежать дальше, прежде чем он развернется для повторной атаки, а это дает тореро больше времени, чтобы подготовиться к следующему

пассу.

Вершина из вершин, самый рискованный и самый зрелищный пасс называется натураль. В нем человек занимает позицию лицом к быку, мулета в левой руке, шпага в правой, левая рука прямая, непринужденно откинута в сторону, алая ткань свисает с палки, которую держит человек, как это можно видеть на фото в приложении. Тореро приближается к быку, дразнит его мулетой и, когда начинается атака, человек просто разворачивается вместе с движением быка, ведя тканью перед кончиками рогов, при этом туловище следует изгибу пути атакующего животного, рога всегда напротив открытого живота, ступни вместе, тореро неторопливо вырисовывает плавную дугу левой рукой с тканью, свисающей перед мордой быка, и проворачивается, описывая вместе с ним четверть окружности. Если бык остановится, тореро может вновь его подразнить, вновь описать четвертушку дуги окружности, повторить это снова и снова. Я видел, как это было сделано шесть раз подряд; человек словно по волшебству водил быка на невидимой нити. Если бык вместо того, чтобы остановиться после атаки — а останавливает его резкий взмах нижней кромкой мулеты в конечной точке каждого

пасса, плюс сильный изгиб хребта, сделанный по милости матадора, который заставляет его закручиваться, — так вот, если бык не просто останавливается, а разворачивается к человеку и бросается в атаку, тореро может избавиться от него приемом пасе де печо, дословно, «проход мимо груди». По сути, это натураль в обратную сторону. Вместо атаки спереди, когда человек удерживает мулету перед мордой животного, в пасе де печо развернувшийся бык заходит сзади или сбоку, так что тореро выбрасывает ткань перед собой, позволяет быку пролететь мимо собственной груди, после чего отсылает прочь широким взмахом складок алой материи. «Мимогрудный» пасс особенно впечатляет, когда им завершается связка из нескольких натурален или когда к нему прибегают вынужденно из-за неожиданного разворота и атаки быка, означая тем самым, что человек воспользовался этим приемом лишь для личного спасения, а вовсе не по плану. Способность выполнить связку из натурален и преднамеренно завершить ее мимогрудным пассом — это отличительный знак настоящего тореро.

Во-первых, нужна смелость, чтобы раздразнить быка на подлинную натураль, во-вторых, на

свете сыщется много других приемов, где тореро рискует меньше; необходима выдержка, чтобы поджидать быка, держа еще неразвернутую мулету в левой руке, отлично понимая, что если бык не клюнет на эту невеликую приманку, он доберется до тебя; далее, надо обладать отточенными навыками, чтобы вести мулету в сантиметре от рогов, причем голова животного должна быть по центру ткани, рука тореро выпрямлена в локте, разворачивается жестко, а туловище тем временем следует изгибу траектории атаки без смещения ступней. Этот пасс нелегко сделать без огрехов четыре раза подряд перед зеркалом в гостиной, где быков нет и в помине, а к седьмому повтору уже голова кружится. Есть масса тореро, кто так и не выучились выполнять его презентабельно. Чтобы сделать натураль отменно — не корчась, удерживая такую геометрию движения, когда рогу достаточно сдвинуться едва ли на один-два дюйма, чтобы распороть человеку живот; контролируя ход бычьей атаки рукой и запястьем, удерживая животное по центру ткани, останавливая его хлестким взмахом кисти ровно в нужный момент, да повторить все это три, а то и четыре, пять раз, — надо быть и тореро и артистом.

Фальшивку под видом натурали можно сделать правой рукой: для этого мулету расправляют кончиком шпаги и человек проворачивается на месте так, что бык следует за полуоборотом, который вместе с мулетой совершает тореро, а вовсе не за плавным движением руки и запястья. Есть немало праворуких пассов, которые обладают целым рядом достоинств, однако почти во всех из них ткань расправлена воткнутым в нее кончиком шпаги, чей эфес зажат в той же ладони, что держит и черенок мулеты, поэтому дополнительная ширина позволяет тореро пропускать быка на увеличенной дистанции, если он того захочет. Конечно, он может сделать это и ближе, но, как бы то ни было, у него появляется средство работать с быком на большем отдалении от себя, в отличие от человека, работающего с мулетой левой рукой, который такой возможностью не обладает.

Помимо натурали и печо, к фундаментальным пассам с мулетой относятся аюдадо, которые выполняются с утыканием кончика шпаги в ткань, удерживаемую противоположной рукой. Есть две разновидности, именуемые либо пор альто, либо пор бахо, в зависимости от того, проходит ли мулета, соответственно, над рогами или же

под мордой быка.

Все пассы, в том числе полупассы (то есть когда бык проносится мимо человека не полностью), выполняемые с мулетой, обладают определенной целью. Ничто не изнуряет могучего и яростного быка сильнее, чем связка натуралей, которые, одновременно скручивая и утомляя его, заставляют охотиться за приманкой и тореро левым рогом, вынуждая следовать по траектории, которую выбрал для него человек, планирующий затем сократить дистанцию и убить. Бык, чьи шейные мускулы утомились недостаточно, чья голова по-прежнему посажена высоко, после серии аюдадо пор альто (двуруких пассов, выполняемых с мулетой и шпагой, когда мулета удерживается так высоко, что бык даже взбрыкивает передними ногами) значительно опустит голову. Если же он изнурен и, напротив, голову держит слишком низко, матадор может на время ее поднять тем же пассом, только модифицированным; при этом нельзя затягивать, иначе голова вновь упадет еще до того, как матадор сблизится для всаживания шпаги. Низкие пассы, выполняемые со взмахом и резким скручиванием мулеты, порой с медленным проносом и перекидыванием нижней кромки, а также быстрые возвратно-по-

ступательные подергивания предназначены для быков, которые очень уж выносливы, прытки на ноги или для непосед, которых сложно заставить замереть в нужном месте. Такие пассы выполняют спереди, и мастерство матадора состоит в том, чтобы не потерять свое место возле головы животного, чтобы никогда не отступить дальше, чем требуется, плюс в учет берутся движения мулеты, которой он утверждает свое господство над животным, вынуждая его резко разворачиваться и быстро терять силы, при последующей фиксации в нужной позиции. «Непроскакивающий» бык — в смысле, который отказывается атаковать с известного расстояния достаточно мощно, чтобы, если человек не сходит с места и грамотно ведет мулету, проскочить мимо него на всю длину корпуса — это либо бык трусливый, либо до того изнуренный за время боя, что успел выдохнуться и больше не хочет нападать. Несколькими пассами на близкой дистанции, вкрадчиво, без чрезмерной закрутки быка, не заставляя его вывихивать ноги, искусный матадор способен внушить трусливому быку, что мулета — это не наказание, что он не пострадает, если ринется в атаку; другими словами, может превратить трусливого быка в некое подобие торо браво, подарив

ему уверенность. Точно так же, работая аккуратно и мудро, тореро способен распалить быка, который утратил агрессивность, и выманить его из глухой обороны, заставить вновь перейти в наступление. Но для этого человек должен пойти на больший риск, поскольку единственный путь вдохнуть в обороняющегося быка уверенность и показать свое над ним превосходство, это работать как можно ближе, решительно вторгнуться на территорию быка — оставить лишь клочок под копыта, как выражается Бельмонте, — и, провоцируя атаку со столь близкой дистанции, тореро уже не успеет увернуться в случае просчета, у него не останется времени на подготовку пассов. Его реакция должна быть идеальной, и он должен знать быков. Если при этом он еще и изящен, можно быть уверенным, что это изящество врожденное, в нем нет нарочитости и фальши. Да, возможно принять картинную позу, когда рога к тебе еще несутся откуда-то издали, но ничего не выйдет, если ты стоишь между ними или двигаешься взад-вперед, придерживаясь спасительного пятачка возле загривка, когда выманиваешь быка мулетой, колешь его острием шпаги или черенком мулеты, побуждая развернулся, утомляя или, наоборот, подстегивая, когда

он не хочет атаковать.

В корриде есть целое направление, в рамках которого изящество развивается в такой степени, что становится неотъемлемой стороной боя, где стараются в как можно большей степени устранить «проскоки» рога мимо живота человека; родоначальником и разработчиком этой школы был Рафаэль «Эль Галло». Эль Галло был слишком великим и тонко чувствующим артистом, чтобы стать универсальным тореро, и вот почему постепенно отходил от тех элементов боя, которые имели прямое отношение к смерти или могли ее причинить что быку, что человеку, но в особенности человеку. Следуя этому принципу, он разработал метод работы с быком, где изящество, зрелищность и подлинная красота движения вытеснили собой рискованный классицизм корриды в его личном понимании. Хуан Бельмонте просеял изобретения Эль Галло, взял из них нужное себе и скомбинировал с классическим стилем, в дальнейшем развив свою собственную революционную манеру. По части изобретательности Эль Галло не уступал Бельмонте, был изящнее и, обладай он холодной пылкостью и волчьей отвагой Бельмонте, свет не видывал бы тореро грандиознее. Следующим

по близости к такому сочетанию был Хоселито, его брат, и единственный недостаток Хоселито заключался в том, что все в корриде давалось ему до того легко, что он с трудом находил способы передать эмоции, которые всегда присутствовали у Бельмонте из-за его очевидной физической ущербности, причем не только животному, с которым он имел дело, но и каждому, кто с ним работал, да и большинству из тех, кто за ним наблюдал. Ходить на Хоселито — все равно что мальчишкой читать про д'Артаньяна. За него и беспокоиться-то не надо, потому что он слишком ловок. Хоселито был слишком хорош, слишком одарен. Ему пришлось погибнуть, прежде чем люди сумели увидеть, что риск и в самом деле был. Но в том-то и дело, что суть величайшей эмоциональной привлекательности корриды заключена в ощущении бессмертия, которое испытывает тореро на пике первоклассной фаэны и которое он передает своему зрителю. Он творит искусство, и он же играет со смертью, подманивая ее ближе, ближе, ближе к себе; смерть, которая, как ты знаешь, таится в кончиках рогов, потому что в доказательствах у тебя лошадиные трупы, выложенные на песке и накрытые брезентом. Тореро передает чувство собственного бессмер-

тия, и пока ты следишь за ним, оно становится твоим. И когда оно принадлежит вам обоим, он демонстрирует его истинность ударом шпаги.

Когда коррида для тореро столь же проста, как это было для Хоселито, зритель не сможет ощутить риск, в отличие, скажем, от выступлений Бельмонте. Даже если увидишь смерть такого тореро, погибнешь не ты, это будет скорее смертью богов. А вот Эль Галло был иным. Он был зрелищем в чистом виде. Без трагедийности, хотя ни одна трагедия не могла заменить его выступление. Но оно было блестящим лишь у него одного. Любые подражатели лишь демонстрировали, до чего порочна вся его манера боя.

Одним из изобретений Эль Галло был пасе дела муэрте, или «пасс мертвеца».[25] Им он открывал свои фаэны, и большинство тореро переняли этот прием в качестве начального пасса для практически любой связки. Это единственный пасс в корриде, который может освоить кто угодно, лишь бы имелись стальные нервы, когда стоишь и ждешь приближения быка, и при этом он чрезвычайно зрелищный. Матадор сближается с быком и начинает его дразнить, заняв стойку в

[25] Примечания: 25

Если переводить с испанского дословно, то это «пасс смерти». «Пасс мертвеца» будет пасе дель муэрте.

профиль; мулета расправлена кончиком шпаги и, стало быть, удерживается обеими руками, причем на уровне поясницы; в какой-то мере это напоминает стойку игрока в бейсболе, когда он сжимает свою биту, обернув лицо к питчеру. Если бык отказывается нападать, матадор делает в его сторону два-три шага и вновь замирает, ступни вместе, мулета широко развернута. Когда бык бросается в атаку, матадор не двигается, словно он и в самом деле покойник, пока бык не достигает мулеты, и в эту секунду человек начинает ее медленно приподнимать, а бык проскакивает мимо, причем зачастую аж взбрыкивает передними ногами в воздух, преследуя мулету, так что инерция уносит его в сторону от матадора. Прием несложный и безопасный, так как обычно он проводится в направлении естественной кверенсии быка, вот он и бежит туда как на пожар, а заодно, коли вместо небольшой приманки в виде алой тряпочки для натурали, к которой надо приковывать внимание животного, мулета развернута словно яхтенный парус, бык только ее и видит. Человек его не то чтобы контролирует или демонстрирует свое господство, он просто пользуется удобным случаем, оборачивая бычью атаку к собственной выгоде.

Эль Галло тоже был мастером изящных пассов, выполняемых перед бычьими рогами, обоюдоруких пассов, или с перекладыванием мулеты из руки в руку, порой проделывая это за спиной; пассов, которые начинались на манер натурали, но затем он проворачивался на месте, мулета обвивала его, и бык следовал за кружащейся кромкой; или он мог провернуться, сближаясь с бычьей шеей, после чего обогнуть животное с другой стороны; он делал пассы с колен, ведя мулету обеими руками и вынуждая быка разворачиваться по дуге; в общем, любые пассы, требующие великой уверенности в себе и отличного знания бычьей психологии, чтобы все вышло безопасно, и до же чего великолепно они смотрелись, явно доставляя удовольствие самому Эль Галло, хотя и были отрицанием истинной корриды.

Ныне выступающий Чиквело перенял значительную долю репертуара Эль Галло в части работы перед мордой быка. Висенте Баррера тоже выполняет эти приемы, однако его нервозное перебирание ногами и электрическая скорость исполнения не дают никакого представления об подлинном изяществе Эль Галло или мастерстве Чиквело, хотя надо отметить, что сейчас Баррера изрядно выправил свой стиль и манеру

исполнения.

Вся эта причудливая работа предназначена для «непроскакивающих» быков или же для второй части фаэны, когда матадору предстоит показать свое господство над животным и собственное изобретательное изящество. Работать лишь перед мордой проскакивающего быка, какими бы зрелищными, утонченными или находчивыми ни были такие пассы, означает лишать зрителя подлинной составляющей корриды, когда человек минует рога в как можно более тесном и медленном контакте, не говоря уже о том, что нешуточная опасность самой фаэны подменяется серией изящных трюков, ценных лишь своим украшательством.

Тореро современности, кто целиком и полностью утверждает свое господство над животным посредством мулеты, кто укрощает его быстрее всех вне зависимости от того, смел бык или труслив; кто чаще всего выполняет классические и рисковые пассы, натурали левой рукой и пасе де печо, которые являются фундаментом искреннего боя, и при этом великолепен в живописной и утонченной работе перед рогами, так это Марсиаль Лаланда. В начале карьеры его стиль хромал, с плащом он корчился и скручивался под стать

штопору, его натурали были отнюдь не натуральными, а нарочитыми, выполнялись по косой линии и смотрелись крайне неестественно. Он непрерывно совершенствовался, так что теперешний его стиль с мулетой великолепен, сам он изрядно укрепил здоровье, и сейчас, благодаря замечательному знанию быков и эрудированности, он способен дать адекватное, любопытное зрелище с любым быком, какой только выскочит из ториля. Марсиаль практически полностью избавился от той апатии, которая некогда была его фирменным знаком, перенес три тяжелых ранения, которые не только не сделали его трусом, а напротив, лишь прибавили смелости, так что его сезоны 1929, 1930 и 1931 годов были выступлениями отменного тореро.

Мануэль Хименес, Чиквело и Антонио Маркес: каждый из них способен выдать законченную, чистую и классическую фаэну с мулетой, когда бык не представляет трудности, а самому тореро удается справиться с нервами. И Феликс Родригес и Маноло Бьенвенида мастера мулеты, способны окоротить любого быка и пустить к собственной пользе бесхитростность и смелость несложного животного, однако у Родригеса в последнее время пошатнулось здоровье, а Бьенвениду, как я уже

объяснял в другой главе, можно будет оценить лишь после первой серьезной раны, раз пока что неясно, как она скажется на его рефлексах, да и сможет ли он потом брать себя в руки. Висенте Баррера — компетентный укротитель быков, чей стиль несколько отдает трюкачеством при любых пассах, когда бык полностью проскакивает мимо, однако он упорно совершенствует свой метод работы и, если так дело пойдет дальше, может стать весьма удачным исполнителем. В нем есть задатки великого тореро. Он одарен, обладает врожденным чутьем корриды и способностью видеть картину в целом, у него исключительная реакция, он в отличной физической форме, однако долгое время находился во власти до того всеобъемлющего самоупоения, что для него было проще платить газетчикам, чтобы те превозносили его недостатки, нежели взглянуть правде в лицо и исправить их. Зрелищней всего он смотрится при работе перед мордой быка, особенно в одном из специфических аюдадо пор бахо, где он на манер Хоселито держит шпагу с мулетой опущенными вниз, а затем начинает проворачивать быка немножко смешными, но изящными закрутками, удерживая руки на отлете, будто нераскрытым зонтиком помешивает суп в котле.

Хоакин Родригес по прозвищу Каганчо — цыган и наследник Эль Галло, во всяком случае, когда речь идет об утонченности, зрелищности и склонности паниковать, однако в нем и на гран не найдется тех знаний о быках и принципах боя, которыми обладал Эль Галло. Каганчо умеет эффектно, словно статуэтка, позировать, отличается царственной неторопливостью и вкрадчивостью движений, однако при встрече с быком, который не позволяет ему держать ступни вместе и заранее готовить пассы, он выказывает отсутствие находчивости, так что когда бык не обладает полнейшей механической идеальностью, этот цыган впадает в панику и не подходит к животному ближе, чем на расстояние, когда быка касается лишь кончик черенка мулеты, удерживаемой в максимально вытянутой руке. Он принадлежит к тем тореро, кто, попадись им бык, внушающий уверенность, способен подарить тебе вечер, который никогда в жизни не забудешь, однако на него можно сходить семь раз кряду и увидеть такие ужимки, от которых пробирает омерзение ко всей корриде.

Франсиско Вега де лос Рейес, прозванный «Хи-

танильо де Триана»,[26] приходится двоюродным братом Каганчо и порой показывает отличную работу с плащом. Хотя ему недостает изящества Каганчо с мулетой, он куда более одарен и отважен с ней, пусть даже его стиль грешит фундаментальными оплошностями. Выполняя фаэну, он с трудом отделывается от быка, никак ему не удается отослать его достаточно далеко в конце каждого пасса, чтобы после разворота бык не слишком быстро начинал повторную атаку, и вот почему создается впечатление, что он постоянно вынужден отбиваться, да и неуклюжесть уже стоила ему многочисленных ран. Подобно Чиквело и Маркесу, он не очень-то здоров, силенок у него маловато, и хотя у публики нет никаких оснований давать поблажку высокооплачиваемому тореро по причине его неважного здоровья, раз уж закон не требует от него сражаться с быками, когда он не в состоянии этого сделать, физическая форма тореро — это одна из вещей, которые приходится учитывать при критической оценке его работы, даже если он не имеет права ссылаться на нее, оправдываясь перед платящим зрителем. Хитанильо де Триана

---

[26] Примечания: 26
«Цыганенок из Трианы». *(исп.)*

неунывающе отважен, на арене демонстрирует врожденное чувство чести, однако его откровенно хромающая техника постоянно создает впечатление, что он вот-вот напорется на рог.

Уже после того, как я написал это про Хитанильо, он на моих глазах — случилось это воскресным вечером 13 мая 1931 года в Мадриде — был истерзан быком. До этого я не бывал на его боях более года, и, сидя в такси по пути на арену, я прикидывал, насколько сильно он мог измениться и до какой степени придется мне редактировать ранее написанные строки. Он прошелся на параде-ласео вальяжной, журавлиной походкой, темнолицый, похорошевший, улыбчивый всякому, кого узнавал в лицо, приблизился к баррере, где меняют парадный плащ на боевой. Выглядел образчиком здоровья, кожа смуглая, как табачный лист, без изъянов, шевелюра — что была в пятнах из-за обесцвечивания перекисью водорода, которой ему обрабатывали рану на голове, полученной в серьезной автодорожной аварии в тот год, когда я его видел последний раз, — вновь была черной, как эбеновое дерево, и лоснилась, как смола, на нем был расшитый серебром костюм, выгодно оттенявший всю эту чернявость и смуглость, и он казался очень до-

вольным жизнью.

С плащом он выступил уверенно, работал им красиво и медленно; бельмонтовский стиль, с той лишь разницей, что был реализован длинноногим, узкобедрым и смуглым цыганом. Его первый бык был третьим по счету в той корриде, и, отменно показав себя с плащом, он понаблюдал за вонзанием бандерилий; затем, прежде чем выйти со шпагой и мулетой, знаком приказал своим бандерильеро подвести быка ближе к баррере.

— Ты там поаккуратней; он влево бодается, — сказал ассистент-шпажист, передавая мулету и оружие.

— Пусть бодается сколько хочет, разберемся, — сказал Хитанильо, извлекая шпагу из кожаного чехла, который тут же обмяк, и, выбрасывая в коленях длинные ноги, направился к быку. Он дал ему напасть раз и промчаться мимо в пасе де ла муэрте. Бык прытко развернулся, и Хитанильо встал боком, чтобы пропустить его слева, поднял мулету, после чего сам поднялся в воздух, широко разбросав ноги, так и не отпустив ткань, головой вниз, с левым рогом в бедре. Бык прокрутил его на роге и швырнул к баррере. Тот же рог нашел его, впился вновь, вскинул, опять приложил об доски. После чего, пока он там лежал, бык прободил его

в спину. На все про все ушло менее трех секунд, и уже с того мига, когда бык вскинул свою жертву в первый раз, Марсиаль Лаланда бежал на помощь с плащом. Другие тореро широко развернули свои плащи, хлопая ими на быка. Марсиаль подскочил к его голове, вбил колено в морду, хлестнул по глазам, чтобы тот отстал от человека, и отскочил. Он бежал задом наперед, тряся плащом, бык за ним. Хитанильо попытался встать сам, не сумел, служители подхватили под руки, и он, мотая головой, поплелся с ними в медпункт. Первый бык ранил одного из бандерильеро, и врач возился с ним на операционном столе, когда втащили Хитанильо. Увидев, что сильного кровотечения нет, что бедренная артерия не задета, врач сначала закончил с тем бандерильеро, затем принялся за работу. Обе бедра получили по удару рогом, и в обоих случаях были разорваны четырехглавые и приводящие мышцы. А вот в ране на спине рог насквозь пронзил таз, оборвал седалищный нерв и выдернул его с корнем: так дрозд выдергивает червяка из влажной лужайки.

Когда его навестил отец, Хитанильо сказал: «Не плачь, папуля. Помнишь, какая жуткая была авария? Как они все каркали, мол, нам не выбраться? То же самое сейчас». Позднее он сказал: «Я сам

знаю, что мне нельзя пить, но скажи им, пусть хоть рот мне увлажнят. Хотя бы капелькой».

Тем, кто утверждает, будто охотно готовы заплатить, чтобы увидеть бой, где бык проткнет человека, а не так, чтобы люди всегда убивали быков, надо было побывать на той арене, в том медпункте, а позднее в той больнице. Хитанильо выдержал еще июньскую и июльскую духоту плюс первые две недели августа, и в конечном счете умер от менингита из-за раны в основании спинного мозга. В день боя он весил сто двадцать восемь фунтов, а день смерти — тридцать шесть;[27] за лето он еще перенес трехкратный разрыв бедренной артерии, стенки которой ослабли из-за язв от дренажных трубок в бедре и лопались, когда он кашлял. Пока он лежал в больнице, туда поступили Феликс Родригес и Валенсия II чуть ли не с идентичными ранениями, и оба успели выписаться с заключением «годен», хотя раны даже не успели затянуться, а Хитанильо все держался. Его невезенье состояло в том, что бык швырнул его к доскам и боднул в спину, когда тело Хитанильо уперлось в нечто неподатливое. Лежал бы он на песке посредине

[27] Примечания: 27

Пятьдесят один и четырнадцать с половиной килограммов, соответственно.

арены, тот же удар рогом просто подкинул бы его в воздух, вместо того чтобы насквозь пробить кости таза. Те людишки, которые обещают заплатить, чтобы на их глазах погиб тореро, вполне получили бы искомое за свои денежки, если б видели, как бредил Хитанильо с воспаленным нервом в летний зной. Его было слышно на улице. Казалось преступлением поддерживать в нем жизнь, и, считай, ему куда больше повезло бы, если б он умер сразу после ранения, когда еще мог держать себя в руках и по-прежнему обладал мужеством, вместо того чтобы страдать от нарастающего ужаса физического и морального унижения, которое приносит с собой невыносимая боль, если она длится достаточно долго. Видеть и слышать человеческое существо в таком состоянии вполне, надо думать, способствует состраданию к судьбе лошадей, быков и прочих животных, но ведь для лошади всегда есть резкий рывок за ухо, чтобы натянулась кожа в районе шейных позвонков в основании черепа с последующим ударом пунтильи в эти же позвонки — и все проблемы этого коня будут решены, он даже дернуться не успеет. Бык находит свою смерть не позднее пятнадцати минут после того, как человек заводит с ним игру, и получает все

свои раны, когда он распален, когда в нем кровь кипит, а если уж человек почти не обращает на них внимания, когда сам находится в подобном состоянии, то вряд ли они так уж болезненны. Но до тех пор, пока человека держат за обладателя бессмертной души и доктора не дают ему умереть в обстоятельствах, когда смерть можно считать величайшим даром одного человека другому, именно человек будет подвергаться наибольшей опасности, так как о лошадях и быках уж точно позаботятся, будьте спокойны.

Эриберто Гарсиа и Фермин Эспиноса, он же Армильита Чико — два мексиканца, состоявшихся артиста с мулетой. Эриберто Гарсиа может посоперничать с любым, и в его работе нет той индейской холодности, которая столь характерна для бесстрастных, неэмоциональных выступлений большинства мексиканцев. Армильита же холоден; это смуглый индеец-коротышка со скошенным подбородком, неровными зубами, идеальным телосложением для тореро, когда ноги длиннее туловища, и он один из поистине великих артистов с мулетой.

Никанор Вильялта, заполучив быка, который атакует в лоб Достаточно уверенно, чтобы матадор мог держать ступни вместе, работает рядом с

животным, постепенно распаляясь, входя в раж, сам начинает выписывать дуги, все ближе подставляя живот рогам, а своими удивительными запястьями, что управляют мулетой, заставляет и быка бегать вокруг себя кругами, раз за разом, пропускает его до того близко к груди, что бык порой задевает его плечом, а рога настолько близки к брюху, что после боя, в гостинице, на коже можно видеть следы, и это не преувеличение; я сам их видел, только решил было, что их оставили комельки бандерилий, потому что он пропустил быка так близко, что шкура испачкала ему рубашку кровью; но нет, это были следы оснований рогов, которые летали в такой близи, что мне приглядываться не хотелось. Когда он выполняет фаэну блестяще, это сплошной героизм; героизм и то волшебное запястье, которые заставляют тебя закрывать глаза на непревзойденную топорность, что он демонстрирует со всеми быками, не позволяющими ему держать ступни вместе. Великолепные фаэны Вильялты можно видеть в Мадриде; туда специально для него поставили больше торо браво, чем для кого бы то ни было еще. Всякий раз, когда ему достается сложный бык, можно не сомневаться, что Вильялта будет нескладным как богомол, но тут

нельзя забывать, что эта неуклюжесть обусловлена его телосложением, а вовсе не трусостью. Из-за своих физических особенностей он умеет быть изящным, лишь поставив ступни вместе, и хотя неуклюжесть в случае изящного от природы тореро есть признак его паники, у Вильялты это означает всего лишь, что ему попался бык, для работы с которым он вынужден расставлять ноги. Но если увидишь бой, где у него получается держать ступни вместе, где при атаке быка он гнется словно деревце в бурю, где он заставляет его кружить вокруг себя вновь и вновь; где он входит в такое упоение, что встает на колени перед только что укрощенным быком и кусает ему рог — вот тогда простишь ему и шею, которой его наградил Господь, и мулету размером с простыню, и ноги длиной с телеграфный столб, потому как в странной смеси его телесных черт таится столько доблести и пундонора, что их хватит на дюжину тореро.

Каэтано Ордоньес, он же Ниньо де ла Пальма, был способен в совершенстве управляться с мулетой в любой руке, являлся великолепным исполнителем с великим артистическим и драматическим чутьем в фаэне, но уже не смог повторить былое, когда обнаружил, что быки не

только катают на своей холке пять тысяч песет, но и носят в рогах неизбежную госпитализацию и весьма вероятную смерть. Песеты его интересовали, но он не хотел приближаться к рогам, в чьих кончиках таилась расплата. Чтобы прийти к человеку, смелость преодолевает короткое расстояние: от сердца до головы, но вот как далеко она уходит, не знает никто; может, в кровопускание, или в женщину, но куда бы она ни уходила, в этот период лучше не заниматься корридой. Порой ее возвращает новая рана; первая приносит с собой страх смерти, а вторая может забрать его, или бывает так, что страх смерти забирает какая-то женщина, а другая женщина его возвращает. Тореро остаются в деле, опираясь на свои навыки, знания, умение ограничить риск и надежду, что смелость все-таки вернется, что она порой и проделывает, хотя в большинстве случаев нет.

Ни Энрике Торрес, ни Викториано Роже (Валенсия II) так и не овладели мулетой по-настоящему, и как раз это не пускает их дальше, раз уж оба способны, если оказались в ударе, показать себя замечательными артистами с плащом. Луис Фуенгес Бехарано и Диего Маскарян, он же Фортуна, очень храбры, очень подкованы в своей профессии, способны укротить трудных быков

и показать компетентное выступление с любым животным, но только вот стиль у них тяжеловесный и ничем не выделяющийся. Фортуна более старомоден, нежели Бехарано, чья манера есть всего лишь дурная современная мода на трюкачество, однако оба не уступают друг другу в храбрости, профессионализме, удивительном везении и отсутствии гениальности. Это матадоры, на которых есть смысл ходить в случае заурядных или трудных быков. Там, где стилисты ничего не станут предпринимать, они дадут тебе компетентный бой со всеми дешевыми потугами на сенсационность и театральность, куда будет подмешана пара-другая подлинно эмоциональных моментов. Из тройки наилучших убийц в корриде, а именно, Антонио де ла Аба (Сурито), Мартин Агуэро и Маноло Мартинес, лишь Мартинес способен дать некое подобие фаэны с мулетой, и ее успех целиком продиктован его смелостью и рискованностью, а не подлинным умением обращаться с этим куском саржи.

Из остальных тридцати четырех полных матадоров в строю лишь несколько имен заслуживают упоминания. Среди них Андрес Мерида из Малаги: высокий цыган с отсутствующим выражением лица, гений по части плаща и мулеты,

и единственный тореро из всех мною виденных, кто на арене смотрится совершенно отвлеченно, будто размышляет о каких-то очень далеких и не относящихся к корриде вещах. Он склонен к припадкам ужаса до того полного и всеобъемлющего, что для них не найдется подходящего слова, но если бык не лишает его уверенности, зрелище может выйти чудесным. Из троицы настоящих цыган — Каганчо, Хитанильо де Триана и Мерида — больше всех мне нравится Мерида. Он столь же изящен, что и остальные, но с неким оттенком гротескности, которая в сочетании с характерным рассеянным видом является в моих глазах наиболее привлекательной чертой у всех цыган на арене после Эль Галло. Самый талантливый из них — это Каганчо. Хитанильо де Гриана обладает самой большой отвагой и честью. Прошлым летом я от нескольких человек в Малаге слышал, что Мерида в действительности не цыган. Если это правда, его дар подражания превзошел оригинал.

Сатурио Торон — великолепный бандерильеро, очень храбрый, обладатель наихудшей, самой невежественной и опасной манеры работы в качестве матадора из всех, кого я видел. Поработав в роли бандерильеро, он в 1929-м принял шпагу

начинающего матадора и показал славный сезон благодаря личной доблести и редкостной удаче. В 1930-м был официально переведен в полные матадоры в Памплоне при поручительстве Марсиаля Лаланды, и на третьем же бою получил серьезное ранение. Если его вкус улучшится, он, возможно, сумеет очистить свой стиль от провинциальной вульгарности и поймет, как именно надо сражаться с быками, но, судя по тем его выступлениям, что я видел в 1931-м, его беды непоправимы, так что я могу лишь надеяться, что быки его не погубят.

В этом перечне тех, кто начал, обещая стать замечательным матадором, и закончил неудачами или трагедиями, двумя важнейшими причинами поражения, если не считать злосчастья, являются отсутствие артистизма, которое не восполнить одной лишь доблестью, и страх. Два поистине храбрых матадора, которые тем не менее потерпели фиаско в карьере из-за скудности своего репертуара, это Бернард Муньос, он же Карничерито, и Антонио де ла Аба по прозванью Сурито. Еще один настоящий храбрец, причем с более богатым репертуаром, чем у этих двоих, так что он может чего-то добиться, хотя ему несколько мешает невысокий рост, это Хулио Гарсиа, он же

Пальменьо.

Помимо Доменико Ортеги, о ком я уже писал в другом месте этой же книги, к новым матадорам, обладающим хоть какой-то репутацией, относится и Хосе Амрос с его характерным «резиновым» стилем — позволяющим ему как бы вытягиваться подальше от быка, словно его сделали из эластичных лент — и вечным второсортным рейтингом, если не считать его уникальной «резиновости»; Хосе Гонзалес, прозванный Мексиканским мясничком, тореро-индеец, воспитанник школы бесшабашных сорвиголов, которые едят быков живьем, и хотя он чрезвычайно отважен, неплохо работает с бандерильями, талантлив и очень эмоционален, он не задержится с нами надолго, если с матерыми быками будет идти на тот же риск, какой демонстрирует с молоденькими бычками, а поскольку он приучил своего зрителя к столь ярким сенсациям, то практически наверняка потеряет популярность, когда перестанет отчаянно рисковать; ну и самый многообещающий из всех новых имен — это Хесус Солорсано. Хесус, или Чучо (это уменьшительная форма его имени, если вы не знали), родился в Мексике, но не индеец; он состоявшийся тореро, отважный, артистичный, эрудированный, съевший собаку во всех аспектах

своей профессии, за исключением одной мелочи, а именно дескабельо, то есть добивающего удара, и при этом полностью лишен индивидуальности. Такой недостаток трудно анализировать, но как минимум возникает впечатление, что он состоит из своего рода виноватой, робкой, несовершенной, нахохленной манеры держаться, когда Хесус не имеет дело с быком напрямую. Среди тореро бытует поговорка, что страх лишает характера, в смысле, если тореро дерзок и самонадеян, или же уравновешен и элегантен, страх отбирает эти черты; но Хесусу, похоже, и терять-то нечего. И все же, работая с быком, в котором уверен, он идеален во всем, что делает; так, он вонзил лучшую пару бандерилий, двигаясь к нему медленно, шаг за шагом на манер Гаоны, выполнил лучшую и самую медленную работу с плащом, выдал самую близкую и наиболее эмоциональную фаэну с мулетой из всех, что я видел за весь сезон 1931 года. Отрицательная сторона его манеры заключается в том, что, блестяще отработав с животным, стоит ему отойти от него на шаг, как его тут же охватывает понурая апатия, а лицо застывает маской; как бы то ни было, он чудесный тореро, обладающий эрудицией, великим искусством и доблестью.

К двум другим новым матадорам принадлежат Хосе Мехьяс по прозвищу Пепе Бьенвенида, младший брат Маноло, причем он смелее и более склонен входить в запал, нежели его старший брат, обладает широким и зрелищным репертуаром, очень привлекательной самобытностью, однако уступает Маноло по части артистизма, знаний о безопасном установлении господства над быком, хотя со временем это может к нему прийти; и Давид Лисеага, молодой тореро-мексиканец, который неизмеримо опытен с мулетой, не обладает ни стилем, ни навыками работы с плащом, и, как ни странно для мексиканца, посредственен с бандерильями. Это я пишу заочно, на основе мнения людей, которым доверяю, они-то его видели, а вот я еще нет. В 1931-м он выступил в Мадриде лишь дважды; один раз в качестве новильеро, но в тот день я ездил в Аранхуэс на Ортегу, и еще раз в октябре, при посвящении в полные матадоры, когда я уже покинул Испанию. Но он весьма популярен в Мехико, и желающие узнать его поближе наверняка смогут сделать это в Мексике зимой.

В этот перечень я не включил ни одного «феномена», не рассматривал тех, кто еще не заработал право получить оценку. А феноменов в корриде

всегда предостаточно. К моменту выхода этой книги из печати появятся новые. Орошаемые газетной шумихой, они выскакивают как грибы в каждом сезоне, имея за плечами один-единственный стоящий вечер в Мадриде, да и то с быком, который к ним хорошо отнесся; но облетающий к полудню маков цвет можно считать монументом долговечности в сравнении с этими одноразовыми тореро. Лет через пять, питаясь через раз, хотя тщательно следя за своим единственным чистым костюмчиком для кафе, они будут рассказывать, как однажды в Мадриде обставили самого Бельмонте. И может статься, не соврут. И ты спросишь: «Ну а прошлый-то раз как все прошло?» «Да просто не повезло с последним ударом. Проклятая невезуха», — скажет бывший феномен, а ты ему: «Жаль. Впрочем, никакой удачи не хватит всех быков перебить», а перед глазами у тебя возникнет этот «феномен», взопревший, побелевший, чуть ли не блюющий со страху, не в состоянии ни взглянуть на рог, ни подобраться к нему ближе; на песке пара шпаг, кругом разбросаны плащи, он торопился по косой к быку, молясь, чтобы шпага угодила в нужную точку, на арену летят подушечки с трибун, а ассистенты уже готовы вмешаться, чтобы отвлечь

быка. Вот уж действительно «не повезло с последним ударом». Это случилось года два назад, и с тех пор он ни разу не выступил, кроме как по ночам в постели, когда он просыпается весь в поту и ужасе; не выйдет он вновь сражаться, пока голод не погонит его на арену, да и то, раз уж все знают, что он труслив и никчемен, ему придется согласиться на быков, от которых отказались все прочие, и если он все-таки заставит себя пойти на какой-то приличный прием, то быки — коли он потерял форму от растренированности — его попросту прикончат. А может, ему вновь «не повезет с последним ударом».

В Испании насчитывается под семьсот семьдесят неудачливых тореро, которые до сих пор пытаются выступать со своим искусством; среди них есть одаренные личности, потерпевшие фиаско из-за страха, найдутся и просто бесталанные смельчаки. Если тебе не повезет, то на твоих глазах кто-то из этих смельчаков погибнет. Летом 1931-го я видел корриду с очень крупными, очень быстрыми, пятилетними быками и тремя стажирующимися матадорами. Старшим по продолжительности карьеры был Альфонсо Гомес по прозвищу Финито де Вальядолид, ему было за тридцать пять, с весьма привлекательной

внешностью, полнейший неудачник в профессии, но обладавший достоинством, эрудицией и храбростью, выступавший в Мадриде десять лет кряду и ни разу не заинтересовавший публику, чтобы обосновать перевод из новильеро в полные матадоры. Следующим по старшинству шел Исидоро Тодб, именуемый Алькалареньо II, тридцати семи лет, ростом чуть выше пяти футов,[28] неунывающий крепыш-коротышка и кормилец четырех детей, не считая овдовевшей сестры и собственной жены, которых он содержал на деньги, зарабатываемые на быках. Из всех качеств тореро у него имелась одна только храбрость, да еще та особенность, что низенький рост, не позволивший стать успешным матадором, сделал его своего рода курьезом, который-то и привлекал публику. Третьим шел Мигуель Касьельес, законченный трус. Впрочем, это скучная и мерзкая история, от которой в памяти осталось лишь, как именно погиб Алькалареньо, а было это настолько дико, что, как я сейчас понимаю, писать о его смерти надо только там, где без этого категорически не обойтись. К примеру, я совершил ошибку, рассказав об этом собственно-

[28] Примечания: 28
Около 153 см.

му сыну. Когда я вернулся домой с корриды, он пристал с расспросами, мол, что да как там было, вот я и свалял дурака, рассказал ему, что видел. Он ничего не сказал, только спросил, не погиб ли Алькалареньо потому, что был маленький. Он сам был маленький. Я ответил, да, он был маленький, но еще потому, что не умел делать «крест» мулетой. Если на то пошло, я не говорил сыну, что он погиб, только пострадал, на это-то у меня ума хватило. И тут в комнату вошел кто-то еще, кажется, это был Сидни Франклин, и сказал по-испански: «Он умер».

— Но ты же не сказал, что он умер, — сказал мальчик.

— Я не был уверен.

— Мне не нравится, что он умер, — сказал мальчик.

На следующий день он сказал:

— У меня из головы не выходит тот человечек, которого убили, потому что он был такой маленький.

— Не надо, перестань, — сказал я, в тысячный раз в жизни желая найти способ стереть произнесенные мною слова. — Глупо думать о таких вещах.

— Я не пытаюсь о них думать, только хочется,

чтобы ты мне этого не рассказывал, потому что я его вижу каждый раз, когда закрываю глаза.

— А ты думай лучше про Пинки, — сказал я. Так звали одну лошадь в Вайоминге. В общем, некоторое время мы старательно обходили тему смерти стороной. Зрение у меня было такое, что я не мог читать, и вслух читала моя жена. Это был Дэшиел Хэммет, его самый кровавый роман на ту пору, «Проклятье Дейнов», и всякий раз, тогда господин Хэммет приканчивал персонажей, то поодиночке, то целыми горстями, взамен слов «убил», «перерезал глотку», «вышиб мозги», «размазал по стенке» и так далее, она кхе-кхе-кала, так что вскоре комизм этого кхекхеканья так понравился нашему мальчишке, что однажды он заявил: «А помнишь того дяденьку, которого кхекхекнули, потому что он был маленький? Я про него уже не думаю». И я тогда понял, что пронесло.

За 1932 год в полные матадоры произвели четырех человек, из которых двое заслуживают упоминания в качестве возможных претендентов на что-то стоящее, еще один был просто курьезом, ну а четвертого, пожалуй, можно списать как феномен. Тех двоих зовут Хуанито Мартин Каро по прозвищу Чиквито дела Аудиенсиа, и Луис Гомес,

он же Эль Эстудианте. Двадцатилетний Чиквито вундеркинд: он сражается с быками с двенадцати лет. Элегантный по стилю, очень изящный, грамотный, эрудированный и компетентный, он обладает внешностью хорошенькой девицы, однако на арене с полной серьезностью дает понять, кто здесь хозяин, и ничего женственного в нем нет, если не считать мордашки, да впрочем, оно куда лучше, чем, скажем, понурый, будто кнутом побитый Чиквело. Что касается недостатков, то хотя его работа грамотна и красива, она все же холодна и бесстрастна; он сражается с быками с таких давних пор, что напоминает осмотрительного и благоразумного матадора-ветерана на закате карьеры, а вовсе не мальчишку, который должен ставить на кон все, чтобы взошла его звезда. Однако он полон ума и замечательного артистизма, так что будет любопытно следить за его профессиональным ростом.

«Эль Эстудианте» Луис Гомес — молодой студент-медик с проницательными глазами, смуглым, симпатичным лицом и телосложением, которое можно, наверное, считать модельным образцом для только что состоявшегося матадора, обладатель грамотного модернистского стиля в духе неоклассицизма, когда речь заходит о плаще

и мулете; убивает он быстро и грамотно. После трех сезонов боев в провинции летом и изучения медицины в Мадриде зимой, он дебютировал прошлой осенью в столице в качестве новильеро, добившись большого успеха. В марте 1932-го был произведен в полные матадоры в Валенсии на корридах в Сан-Хосе и, по словам тех афисьонадо, мнению которых я доверяю, он был очень хорош и продемонстрировал многообещающую технику, хотя, говоря о мулете, его отвага и сильное желание показать фаэну порой доводили до крайне опасных ситуаций, о которых он и не догадывался и спасался лишь за счет редкостного везенья и отличной реакции. Со стороны казалось, что он решительно утвердил свое превосходство над быком, но лишь слепая удача выручала его не раз и не два; однако благодаря уму, внутреннему достоинству и хорошему стилю у него есть все шансы стать настоящим матадором, если удача пребудет с ним на протяжении всего первого профессионального сезона.

Альфредо Коррочано, сын Грегорио Коррочано, весьма влиятельного критика монархистской ежедневной газеты «Эй. Би. Си.», представляет собой матадора, созданного по заказу его отца, а воспитателем и наставником выступил Игнасио

Санчес Мехьяс, чьим шурином был Хоселито, которого Коррочано подвергал столь резким и желчным нападкам в сезон, когда случилась его смерть. Альфредо смуглый, худощавый, высокомерный и дерзкий мальчишка с физиономией, где читается что-то бурбонское, словно смотришь на Альфонсо XIII в отрочестве. Образование получил в Швейцарии, учился матадорскому ремеслу на испытаниях телят и племенных экземпляров на фермах близ Мадрида и Саламанки под руководством Санчеса Мехьяса, а также своего отца и всех его лизоблюдов. Около трех лет выступал как профессионал, сначала с ребятами Бьенвениды в качестве вундеркинда, последний год уже как полный новильеро. Благодаря протекции папаши его мадридский дебют вызвал бурю эмоций, и он на себе испытал горечь нападок со стороны врагов отца, которых тот приобрел своим зачастую удивительно метким и хлестким сарказмом, а кроме того, его ненавидели за то, что он был сыном преуспевающего роялиста, и пеняли, мол, выходя на арену, ты отбиваешь хлеб у детей из нищих семейств. Вместе с тем такая шумиха в прессе и любопытство публики были ему только на руку, так что на трех мадридских выступлениях в качестве новильеро он вел себя надменно,

дерзко, совсем как зрелый мужчина. Проявил себя отличным бандерильеро, великолепным доминатором с мулетой, выказал эрудицию и прозорливость в обращении с быками, но провалил работу с плащом, а уж при убийстве вообще ничего не смог сделать, даже дать животному достойную смерть. Альтернативу прошел в 1932-м в Кастельоне-де-ла-Плана, на первой же корриде того сезона, и, по свидетельству моих корреспондентов, ничуть не изменился с тех пор, как я его видел, если не считать попыток избавиться от вульгарной склонности подменять зрелищными трюками подлинные вероники с плащом, которые являются единственным средством проверки хладнокровия и артистизма у тореро. Его карьера настолько курьезна, что за ней будет любопытно проследить, хотя, как мне кажется, если он не научится убивать, публика к нему охладеет, едва иссякнет чувство новизны, которое столь настойчиво эксплуатировал его отец.

Викториано де ла Серна был тем молодым новильеро, кто выполнил необходимое условие, чтобы считаться феноменом, а именно, в сентябре 1931-го показал отличный вечер в Мадриде. Им заинтересовались, принялись рекламировать, демонстрировать под Мадридом на специально

отобранных небольших бычках, с которыми опасность сведена к минимуму, и триумфальное реноме, сделанное ему в основном силами столичных обозревателей, помогло привлечь зрителя; затем, в самом конце сезона, он вторично выступил в Мадриде, на сей раз уже полным матадором. В результате он блестяще доказал, что с церемонией поторопились, что он еще сыроват, недостаточно подкован в профессии, нуждается в шлифовке и большем опыте, прежде чем сможет надежно управляться со зрелыми быками. В текущем сезоне у него есть кое-какие контракты, подписанные в прошлом году, еще до мадридского фиаско, однако, несмотря на безусловный природный талант, чрезмерно раннее выдвижение в полные матадоры, кажется, поставило его на скользкую дорожку, которая и так уже отлично смазана всеми теми феноменами, кто до него прокатился по ней в забвение. На самом исполнителе лежит куда меньше вины, чем на его эксплуататорах, и, как всегда, я надеюсь, что не прав и что он каким-то чудом освоит свое ремесло, пока сам же выступает в нем под видом мастера, но ведь это настолько наглый обман зрителя, что пусть даже матадор и учится своей профессии по ходу дела, публика редко его

прощает, и когда он наконец обзаводится всем, чем нужно, его уже не хотят видеть.

Глава девятнадцатая

Есть только два правильных способа убивать быков шпагой и мулетой, и коль скоро они оба предполагают намеренное создание ситуации, когда человек стопроцентно получит рану, если бык откажется следовать за тканью, матадоры постоянно выискивают лазейки, чтобы схитрить в самый тонкий и опасный момент, доведя дело до того, что из сотни быков девяносто будут убиты в манере, которая лишь пародирует надлежащий метод. Одна из причин заключается в том, что отличный артист плаща и мулеты редко бывает убийцей по складу характера. Отличный убийца должен любить убивать; если он не считает, что убийство — это лучшее, на что он способен, если он не видит, что смерть обладает достоинством, если не чувствует, что смерть есть сама себе награда, он не сумеет пойти на самоотречение, которое требуется при настоящем убийстве. Воистину великий убийца должен обладать чувством чести и влечением к славе, которые ему намного дороже, чем рядовому тореро. Другими словами, он должен быть проще устроен. А еще он должен получать от этого наслаждение, не

только лишь от радости, что глазомер, движения кистей рук, в особенности левой, у него выходят ловчее, чем у всех остальных, что само по себе есть простейшая форма гордости, которой он и будет обладать как человек с упрощенной психической организацией; нет, в миг убийства он должен извлекать еще и духовное наслаждение. Убийство без помарок и способом, который дает тебе эстетическую радость вместе с гордостью, всегда было одним из наиболее ярких удовольствий для определенной части человечества. Потому что другая его часть, которой не нравится убивать, всегда была красноречивей; именно из нее вышли почти все наши славные писатели, у которых почти не найти пассажей про истинное наслаждение убийством. Оставив в стороне чисто эстетическое удовольствие, как, например, перепелиную охоту, а также щекотание собственного тщеславия, в частности, при выслеживании трудного зверя, одним из наиболее ярких наслаждений — где всеми эмоциями ты обязан непропорционально большой важности того мига, когда длится собственно выстрел, — является чувство мятежа против смерти, возникающее вместе с ее причинением. Стоит только принять идею господства смерти, как заповедь «не убий»

становится естественной, ей легко подчиниться. Но когда человек бунтует против смерти, он извлекает наслаждение из того факта, что присвоил себе один из богоподобных атрибутов, а именно, право причинять смерть… Это одно из наиболее сильных чувств, которые испытывают люди, любящие убивать. Подобные вещи осуществляются из гордыни, а гордыня, разумеется, есть христианский грех и языческая добродетель. Корриду создает гордыня, а великого матадора — наслаждение убийством.

Конечно, сами по себе эти необходимые духовные качества не могут сделать умелого убийцу из человека, который не одарен физически для совершения самого действия; верный глазомер, крепкое запястье, мужество и гибкая левая рука для управления мулетой. Всем этим он должен обладать в исключительной степени, не то честь и гордыня отправят его на больничную койку. На сегодняшний день в Испании нет ни одного по-настоящему великого убийцы. Есть успешные матадоры, умеющие — если улыбнется удача — убивать достаточно зрелищно, но без великого стиля, если только сами того не захотят, однако они редко на это идут, потому что привлекают своего зрителя вовсе не этим; есть матадоры,

из которых в старое время вышли бы отличные убийцы, которые начали свою карьеру, убивая быков именно так, как нужно, однако из-за неудачного владения плащом и мулетой вскоре перестали интересовать публику, а посему контрактов у них мало, и, значит, они не только не могут совершенствоваться в искусстве владения шпагой, но даже держать себя в форме; также встречаются матадоры в начале своей карьеры, которые до сих пор убивают хорошо, но еще не прошли проверку временем. Однако нет таких, кто бы изо дня в день убивал хорошо, легко и горделиво. Ведущие матадоры придумали жульнический и упрощенный способ, который лишил корриду самого главного, кульминационного ощущения из всех возможных эмоций, если не считать чувство разочарования. Сейчас эмоции получают от плаща, изредка от бандерилий, почти наверняка от работы с мулетой, ну а лучшее, на что можно надеяться от шпаги, это быстро поставленная точка, которая не отравит впечатление от всего предыдущего. Думаю, мне пришлось побывать на полусотне убийств быков, совершенных с разной степенью незамысловатости, прежде чем я увидел по-настоящему хорошее убийство. Жаловаться не приходилось, мне и

такая коррида была интересна, во всяком случае, в сравнении со всем, что я видел до того момента; но мне казалось, что все эти дела со шпагой были довольно заурядны. Тем не менее, ничего об этом не зная, я полагал, что речь действительно идет о самом банальном антиклимаксе и что все, кто восторженно писал или рассказывал о миге заклания, были самыми обычными врунами. Моя точка зрения была весьма проста; я понимал, что коррида подразумевает убийство быка; мне нравилось, что это происходит посредством шпаги, так как нынче подобные вещи большая редкость; но вот сам способ выглядел будто примитивный трюк и не вызывал у меня никаких чувств. «Вот такая она, коррида, — думал я. — Концовка подкачала, но, наверное, оно так и задумано, и вообще я не во всем еще разбираюсь. Как бы то ни было, это лучшее из всего, что у меня когда-либо было за два доллара». И все же, напоминал себе я, на самом первом бое быков, еще до того, как я научился видеть ясно, вообще замечать происходящее — в совершенно новом окружении, среди толпы, несколько сбитый с толку; перед глазами маячит продавец пива в своей белой форменной куртке; зрению мешают какие-то два стальные каната, протянутые между тобой

и ареной ниже; плечи быка лоснятся от крови, от бандерилий исходит костяной стук, когда он бежит; крестец у него перемазан пылью, рога смотрятся как два гладких, крепких сучка, а толщиной в месте изгиба они будут поболее твоей руки, — так вот, я отчетливо помню, как среди всей этой неразберихи вдруг испытал прилив яркого чувства, когда человек резко сократил дистанцию, сжимая в руке обнаженную шпагу. Но вот разумом я не понимал, что происходит, а когда, при следующем быке, я особо старательно пригляделся, эмоция не пришла, и я увидел, что это просто трюк. Полсотни быков прикончили у меня на глазах, прежде чем вернулось то же чувство. Но к тому моменту я уже разбирался, как это происходит, и понял, что в тот, самый первый раз все было сделано как полагается.

На первом в жизни человека бою быков заклание, скорее всего, произойдет в типичной манере. Бык будет стоять на всех четырех мордой к человеку; тот будет находиться от него примерно в пяти ярдах, ступни вместе, мулета в левой руке, шпага в правой. Человек вскинет ткань левой рукой, проверяя, проследит ли бык за ней глазами; затем он опустит мулету, сблизит ее со шпагой, повернется к быку в профиль, махнет запястьем,

чтобы ткань перехлестнулась поверх черенка, отведет руку со шпагой от мулеты и взглянет вдоль ее кромки на быка, так что его голова, рука и клинок окажутся на одной линии. Он полностью выпрямит спину, шагнет к быку и в следующий миг окажется рядом, а шпага либо очутится в воздухе, вращаясь в полете как мельничные крылья, либо будет торчать вверх рукоятью, обтянутой красной фланелью, то ли между лопатками, то ли из шеи, а толпа зайдется воплями одобрения или осуждения в зависимости от манеры исполнения и точки попадания.

Это все, чем убийство проявляется внешне, а вот механика действия такова; при каноническом заклании быка нельзя убить ударом шпаги в сердце: для этого она слишком коротка, если ее всаживать в предписанное место, то есть высоко на загривке, между лопатками. Лезвие, не задевая хребта, проходит между верхними дугами ребер и, если смерть вышла мгновенной, это означает, что сталь перебила аорту. В этом и заключается идеальный удар шпагой, а для его нанесения человек должен быть везунчиком, чтобы кончик лезвия не уперся ни в позвонки, ни в ребра. Никто не сможет приблизиться к быку, перегнуться через его рога, если он держит голову высоко, и

всадить шпагу между лопатками: в этой ситуации она слишком коротка. Чтобы человек смог угодить шпагой в предписанную для убийства точку, голова быка должна быть опущена, тем самым открывая доступ, да и то приходится сильно подаваться вперед, нагибаясь над опущенной головой и шеей. Далее, если человек не хочет оказаться в воздухе, если в момент удара бык вскинет голову, должна произойти одна из двух вещей: либо бык при этом уже находится в движении, проносясь мимо человека, когда тот направляет его мулетой в левой руке, вонзая шпагу правой, либо сам человек должен двигаться мимо быка, которого отвлекает мулетой, прикрываясь ею крест-накрест перед собой, чтобы оказаться сбоку от бычьего туловища. В момент убийства можно смошенничать, если в движении находятся и человек и бык одновременно.

Таковы механические принципы двух способов правильного заклания быка; или раздразненный, управляемый мулетой бык сам идет на человека и проносится мимо уже с торчащей между лопатками шпагой; или же человек должен поставить быка в нужную позицию — передние ноги вместе, задние вертикальны и параллельны друг другу, голова сидит не слишком высоко и не слишком

низко, — затем проверить, следит ли бык глазами за поднимаемой и опускаемой мулетой, после чего, удерживая мулету в левой руке, которая перекрещивает торс, чтобы бык, следуя за ней, миновал человека слева направо, надо сократить дистанцию, и когда животное, преследуя мулету, опустит голову, проносясь мимо, вонзить шпагу, оставаясь сбоку от бычьего туловища. Когда человек поджидает атаку, то такое убийство называется ресибьендо, дословно, «на приеме».

Когда человек сам сокращает дистанцию, это называется волапье, или «вподскок». Подготовка к резкому сближению — человек становится левым плечом к быку, шпага у туловища, мулета в левой руке и захлестнута наполовину — называется перфиларсэ, «обрисоваться». Чем ближе к животному это делается, тем меньше у человека шансов вовремя отвильнуть, если бык не последует за тканью в миг сближения. Прием, которым левая рука с мулетой прикрывает торс матадора, отсылая быка вправо от него, называется «крест». Если матадор не прикроется этим «крестом», бык окажется под ним и наверняка насадит на рог. Для успешного исполнения креста необходим хлесткий взмах кисти, которым расправляется свернутая мулета, сопровождае-

мый плавным проносом всей руки перед грудью слева направо. Среди тореро бытует поговорка, что быков убивают скорее левой рукой, которая управляет мулетой и быком, нежели правой, которая лишь вонзает шпагу. Сам удар не требует особого усилия, если только кончик не угодит в кость; говорят, при правильной работе мулетой и удачном развороте вслед за лезвием возникает впечатление, что бык сам себя насаживает на шпагу, выхватывая ее из руки матадора своим загривком. А вот при попадании в кость кажется, будто ты ударил в обрезиненный кусок бетона.

В старое время всех быков убивали в манере ресибьендо: матадор провоцировал животное и дожидался последней атаки, а тем быкам, которые были слишком изнурены, чтобы нападать, перерезали поджилки серповидным лезвием на длинном шесте, затем приканчивали ударом кинжала между позвонками. Этот омерзительный обычай остался в прошлом после того, как в конце восемнадцатого века Хоакин Родригес по прозвищу Костильярес изобрел прием волапье.

Убийство быка в манере ресибьендо: человек стоит недвижно, выпрямившись, ступни лишь слегка разведены после того, как он спровоцировал атаку, выставив одно колено вперед и

махнув на быка мулетой; он ждет, чтобы бык к нему подскочил, и тогда они сольются вместе одним силуэтом, в этот момент и будет вонзена шпага; после чего они вновь распадутся на две отдельные фигуры под действием импульса от столкновения; и наступит такой миг, когда они будут соединены вместе лишь лезвием, которое погружается пядь за пядью; это самое бесцеремонное умерщвление и одна из наиболее тонких вещей, что встречаются в корриде. Есть шансы, что вам вообще никогда не доведется это увидеть, потому что хотя в правильно исполненном волапье тоже есть опасность, здесь риск намного меньше в сравнении с ресибьендо, и вот почему современный тореро очень редко «принимает» быков на шпагу. Из более чем полутора тысяч быков, заколотых на моих глазах, лишь четыре были убиты правильно выполненным ресибьендо. Попытки исполнить этот суэрте (его полное название ла суэрте де ресибир) по-прежнему встречаются, однако если матадор не избавляется от быка движением кисти и руки, а всего лишь жульничает, отступая в последний момент вбок, это вовсе не «прием на шпагу». Маэра умел это проделывать, и у Ниньо де ла Пальма както раз это получилось в Мадриде, но потом он

взялся мошенничать; и Луис Фрег тоже убивал ресибьендо. Нынче быки редко добираются до конца боя в надлежащем состоянии, чтобы получилось их «принять», но подлинная беда в том, что умелых тореро еще меньше. Одна из причин упадка этой формы убийства состоит в том, что если бык будет метить не в ткань, а в человека, тот получит рану на уровне груди. При работе с плащом ранения обычно происходят в голень и бедро. Если бык перекинет человека с рога на рог, то место второго ранения будет зависеть от чистой случайности. При работе с мулетой или при убийстве в манере волапье рана почти всегда приходится в правое бедро, так как именно здесь проносится опущенный рог, хотя, когда человек успел изрядно перегнуться, рог может угодить ему под мышку или даже в шею, если бык вдруг вскинет голову. Но если что-то пойдет не так при ресибьендо, удар рогом всегда будет в грудь, так что этот прием уже не часто встретишь, кроме случаев, когда попался на редкость замечательный бык, с которым вышла великолепная фаэна, так что матадор хочет показать теперь суперэмоциональную кульминацию, и вот он рискует пойти на ресибьендо, хотя в итоге выясняется, что он либо успел вконец загонять своего быка

мулетой, либо ему недостает опыта, и вся фаэна заканчивается разочарованием, а то и проникающим ранением.

Волапье при надлежащем исполнении, то есть медленно, в близком контакте, с точным расчетом времени и дистанции, представляет собой весьма тонкий способ убийства. Я видел, как матадоры получали раны в грудь, слышал, как в буквальном смысле трещали ломаемые ребра, видел, как человека проворачивает на роге, после чего он слетает прочь, мулета в одну сторону, шпага в другую, орудия убийства валятся на землю, а бык тем временем вскидывает морду, чтобы стряхнуть человека, а тот не стряхивается, и лишь при повторном вскидывании взлетает в воздух, где его ловят на второй рог; он все же сваливается, пробует встать на ноги, зажимает ладонями отверстие, через которое его грудь теперь дышит напрямую, затем его уносят с выбитыми зубами, а еще через час он умирает прямо в медпункте, не сняв боевого костюма, с такой громадной раной, что с ней ничего нельзя сделать. Я видел лицо этого человека, лицо Исидоро Тодо, когда он был еще в воздухе, висел на роге в полном сознании, а в медпункте нашел даже силы поговорить перед смертью, хотя из-за крови во рту слова выходили

неразборчивыми, так что я понимаю отношение матадоров к заколу в манере ресибьендо, когда они знают, что здесь корнада[29] будет в грудь.

По свидетельству историков, Педро Ромеро, который был в Испании матадором во время американской революции, умертвил пять тысяч шестьсот быков приемом ресибьендо за период между 1771 и 1779 годами и скончался в собственной постели в возрасте девяноста пяти лет. Если это правда, мы живем в чрезвычайно упадочную эпоху, когда за событие можно считать одну лишь попытку «принять» быка на шпагу; с другой стороны, мы не знаем, как долго продержался бы Ромеро, если бы работал с быками в таком близком контакте, как это делает Хуан Бельмонте с плащом и мулетой. Мы также не знаем, скольких из тех пяти тысяч он принял грамотно, спокойно выждав и вонзив шпагу высоко между лопатками, а скольких принял с огрехами, отступая в сторонку и поражая ударом в шею. Историки превозносят всех мертвых матадоров. Когда читаешь про великих мастеров прошлого, создается впечатление, что у них вообще не было неудачных дней и что публика никогда на них

---

[29] Примечания: 29
Удар рогом; рана от удара рогом. *(исп.)*

не злилась. Может и так, во всяком случае до 1873 года, потому что я не успел добраться до более ранней хроники, но с той поры современники постоянно считали корриду упаднической. Скажем, на протяжении самого золотого из всех золотых веков, как это нынче именуют, а именно, в период Лагартихо и Фраскуэло, который в самом деле был золотым веком, бытовало широко распространенное мнение, что дела идут из рук вон плохо, дескать, быки измельчали, выпускают их совсем молоденькими или, напротив, что-то они уж очень здоровенные, хотя трусливые. Убийца из Лагартихо никакой; Фраскуэло — да, этот умеет показывать класс, но квадрилью свою за людей не считает, вообще страшно неуживчивый тип; Лагартихо, кстати, освистали и выгнали с арены во время его последнего выступления в Мадриде. Добравшись до хроники про Гверриту, очередного героя очередного золотого века, который практически совпал с периодом испано-американской войны, можно прочитать, что быки опять-таки мелкие и молоденькие; и куда только канули статные великаны с феноменальной отвагой, прославившие Лагартихо и Фраскуэло? Гверрита и в подметки не годится Лагартихо, читаем мы дальше; чистое кощунство

— сравнивать между собой этих двух матадоров, и теперешнее кричащее, вульгарное обезьянничанье заставляет вертеться в гробу каждого, кто помнит торжественную честность (уже не уродливую злобу) Фраскуэло. Эль Эспартеро? Тьфу! к тому же он это доказал, дав себя убить; но вот наконец Гверрита покидает профессию, и все с облегчением вздыхают; надоел, сил нет. Однако едва великий Гверрито сходит со сцены, коррида вновь оказывается в глубоком застое. Быки — трудно поверить, но это так — опять отчего-то измельчали и помолодели, а если вдруг попадется матерый экземпляр, так обязательно трус; Маззантини никуда не годен; да, он убивает, но только не в манере ресибьендо; при работе с плащом путается в собственных ногах, а с мулетой на него жалко смотреть. Ура, вот он тоже уходит на пенсию; однако стоит великому дону Луису Маззантини удалиться, как быки всем назло вновь мельчают и молодеют, хотя есть и гиганты, но им телеги впору таскать, а не по арене бегать; и раз тот исполин со шпагой, TQT прославленный Гверрита, мастер из мастеров, увы, уже не при деле, все эти выскочки типа Рикардо Бомбиты, Мачаквиты и Рафаэля Эль Галло поголовно мошенники-трюкачи, и они-то нынче заправляют

корридой. Бомбита царит над быками с мулетой, улыбка у него сногсшибательная, но не умеет он убивать как Маззантини; Эль Галло вообще смехотворен, полоумный цыган; Мачаквито отважен, но невежественен, держится только за счет невероятного везенья и того факта, что быки сильно помолодели и измельчали в сравнении с вечно свирепыми громадами эпохи Лагартихо и Сальвадора Санчеса по прозвищу Фраскуэло, ныне именуемого не иначе как «Негр», но только по-дружески, не в обиду, тем более что он прославился своим добрым отношением ко всем и каждому. Висенте Пастор честен и смел на арене, но при заколе делает подскок, а перед боем его тошнит от страха. Антонио Фуэнтес еще элегантен, красиво исполняет приемы с дротиками, убивает в приятном стиле, но это ему не в зачет, потому что кто угодно будет элегантен со столь молоденькими и маленькими бычками, которых никак не сравнить с животными времен тех безупречных колоссов по имени Лагартихо, Фраскуэло, героического Эспартеро, повелителя мастеров Гверриты и виртуоза шпаги, дона Луиса Маззантини.

Кстати, в эпоху, когда дон Индалесио Москвера взялся продвигать мадридскую арену и в корриде

его не интересовало ничего, кроме размера быков, статистика доказывает, что быки в Мадриде были крупны как никогда.

Примерно в то же время в Мексике погиб Антонио Монтес, и народ тут же осознал, что как раз он-то и был подлинным героем своего времени. Серьезный и всемогущий, никогда не подводивший публику, Монтес был убит небольшим, длинношеим мексиканским бычком со впалыми боками, который не стал следовать за мулетой, а взял да вскинул голову, когда в него вонзилась шпага. Когда Монтес развернулся, чтобы выскочить из своеобразного «ухвата» из рогов, правый рог попал ему точнехонько между ягодиц, вскинул в воздух и понес будто сидящего на стуле (рог, кстати, вошел полностью, до основания); бычок пробежал так метра четыре и свалился замертво. Монтес прожил еще четыре дня.

Тут на сцену выходит Хоселито, которого в начале карьеры прозвали Пасос-Ларгос, дословно «Широкие шаги», и на него набрасываются все почитатели Бомбиты, Мачаквиты, Фуэнтеса и Висенте Пастора, которые, к счастью, успели уйти на пенсию и, стало быть, оказались несравнимыми, а заодно и несравненными. А про Бельмонте Гверрита заметил, мол, если хотите посмотреть

на него, делайте это поскорее, так как он-де долго не протянет; никто не может работать столь близко к быкам. Когда тот стал работать еще ближе, все обнаружили, что быки-то, естественно, не что иное, как жалкие пародии на исполинских животных, которых он, Гверрита, убивал в свое время. Газеты признавали, что Хоселито весьма хорош, но при этом указывали, что он умеет втыкать бандерильи только под правую руку (не забывая опять-таки напомнить про быков-недомерков); убивает настолько высоко вскинутой шпагой, что кое-кто утверждал, будто он выдергивает ее из собственного темечка, хотя другие держались точки зрения, что она была продолжением его носа; и еще — ей-богу, не вру! — его освистали и закидали подушечками в последний день мадридских выступлений, 15 мая 1920 года, когда он работал со своим вторым быком, успев получить отрезанное ухо от первого. Так ног, ему заехали в лицо кожаной подушечкой, покамест толпа орала «¡Que se vaya! que se vaya!», что можно перевести как «Чтоб его духу здесь больше не было!». На следующий день, 16 мая, он погиб в Талавера-де-ла-Рейне; рог прободал ему подбрюшье, так что кишки вылезли (и он не смог удержать их обеими руками; скончался от

травматического шока, пока врачи работали над раной; лицо его ни операционном столе было таким безмятежным после смерти; есть снимок с его свояком, склонившимся над изголовьем смертного одра, с носовым платком у глаз; на улице толпа воющих цыган, к которым присоединяются все новые и новые рыдальщики; а вот Эль Галло, в одиночку, весь потерянный, бродит кругами у часовни, страшась зайти и увидеть родного брата мертвым; бандерильеро Альмендро причитает: «Говорю вам, уж если его убили, нас и подавно прикончат! Вот попомните мои слова!»), и пресса тут же объявила его величайшим тореро всех времен; даже выше, чем Гверрита, Фраскуэло, Лагартихо, если верить все тем же людям, которые при жизни на него нападали. Бельмонте вышел на пенсию и немедленно превзошел даже Хосе, а когда вернулся после смерти Маэры, то народ обнаружил, что он, оказывается, лишь наглый, охочий до денег эксплуататор некогда великого имени (не спорю, в тот сезон для него действительно специально отбирали быков), провыступал еще с годик (клянусь, лучший в его карьере), когда сражался со нсеми быками без каких-либо требований к их размеру, показал полный триумф во всем, включая закалывание

(чего раньше никак не мог освоить в полной мере), но весь тот сезон газеты не оставляли на нем живого места. После почти что смертельного ранения вновь ушел на пенсию, и все современники хором сказали: он-то и есть величайший из ныне живущих тореро! Вот такая картина царит у нас в корриде, и я понятия не имею, каким на самом деле был Педро Ромеро, пока не прочитаю о нем отзывы современников до, в течение и после окончания его карьеры, хотя я очень сомневаюсь, что таких отзывов найдется достаточно много (пусть даже в письмах друзьям), чтобы можно было составить по-настоящему объективное мнение.

Судя по различным источникам и мнениям современников, которые я читал, эпоха крупнейших быков и воистину золотой век мадридской корриды пришлись на период выступлений Лагартихо и Фраскуэло, которые считались величайшими тореро за последние шестьдесят лет вплоть до появления Хоселито и Бельмонте. Время Гверриты не было золотым веком, и на него ложится ответственность за внедрение моды на быков помельче да помоложе (я проверил и живые веса и снимки), и за те двадцать лет, что он провел на арене, у него был лишь единственный

по-настоящему отличный год, а именно, 1894-й. Крупных быков вернули в период Мачаквито, Бомбиты, Пастора и Эль Галло, после чего их габариты вновь заметно уменьшились в золотой век Хоселито и Бельмонте, хотя те не раз сражались с действительно крупными животными. В настоящее время матадорам без имени достаются матерые быки, ну а быки поменьше и помоложе, идут для тех, кто достаточно влиятелен, чтобы с их мнением считались при отборе. Зато в Бильбао никто не обращает внимания на матадоров, и тамошние быки всегда крупные; как правило, андалусийские животноводы отправляют свои наилучшие и наимощнейшие экземпляры на июльскую ярмарку в Валенсию. Я своими глазами видел там триумф Бельмонте и Марсиаля Лаланды с быками, крупнее которых, пожалуй, не было за всю историю валенсийской арены.

Этот исторический экскурс начался словами сожаления по поводу отошедшей в прошлое практики убийства в манере ресибьендо, которая, если повторить ту же мысль конспективно, исчезла оттого, что ее ни преподавали, ни практиковали, поскольку этого не требовал зритель; ну а раз эта вещь технически сложна, ее надо отрабатывать раз за разом, в ней надо тщательно

разобраться, мастерски освоить: ведь она слишком опасна, чтобы ее можно было реализовать как импровизацию. Кабы эта техника до сих пор входила в арсенал типичных приемов, то была бы вполне доступна, но только в том случае, когда быков подводят к концу схватки в надлежащей физической форме. Однако любой суэрте, который можно заменить чем-то гораздо менее опасным и в то же время похожим с точки зрения интереса публики, безусловно вымрет, если только зритель не станет его требовать вновь.

Для правильного исполнения волапье необходимо, чтобы бык всем своим весом опирался на ноги, причем его передние конечности должны быть в этот момент сведены вместе и располагаться параллельно друг другу. Если же одна нога окажется вынесена вперед, то соответствующая лопатка тоже подастся вперед, и «окошко», сквозь которое должна пройти шпага — по своей форме оно напоминает сложенные совком ладони со слегка расставленными запястьями, — так вот, «окошко» это закроется точно так же, как сойдутся вместе ладони, если одну из них сдвинуть вперед. Когда ноги у быка стоят не вместе, это «окошко» сужается, так как лопатки сведены ближе друг к другу, ну а при широко расставленных ногах

оно может закрыться полностью. Шпага должна проникнуть в тело именно через это «окошко», к тому же ее погружению не должны мешать ни ребра, ни хребет. Чтобы облегчить проникновение и повысить шансы поражения аорты, лезвие шпаги слегка изогнуто возле кончика. Когда человек сокращает дистанцию и закалывает быка спереди, подавшись вперед левым плечом, то при ударе между лопаток он автоматически попадает в пределы досягаемости рогов; мало того, он вообще должен нависнуть над правым рогом в момент втыкания лезвия. Если при этом его левая рука, крестом перекрывающая туловище мулетой, которая практически касается земли, не сможет вынудить быка опустить голову, человек будет распорот. Чтобы избежать этой чрезвычайной опасности, которой матадор подвергает себя всякий раз, когда совершает закалывание по всем правилам, многие тореро делают «обрисовку» на значительном удалении от быка, чтобы тот, увидев приближение человека, сам бросился в нападение, а матадор, пересекая линию его атаки правым — не левым! — плечом вперед, попытается вонзить шпагу так, чтобы вообще не оказаться в пределах досягаемости рогов. То, что я сейчас описал, есть самая циничная форма неряшли-

вого убийства. Чем ближе к голове оказывается вонзенная в шею шпага и чем она ниже в сравнении с уровнем загривка, тем меньшему риску подвергает себя человек и тем выше вероятность гибели быка, так как лезвие при этом проникает в легкие, перебивает яремную вену или, скажем, сонную артерию да и прочие жизненно важные кровеносные сосуды шеи, до которых можно добраться шпагой, не подвергая себя риску.

Именно по этой причине о качестве убийства судят по месту вонзания шпаги и по манере сближения с быком, а вовсе не по результативности. Успешное закалывание с первого же удара не приносит никаких очков, если только шпага не оказалась между лопатками, а человек при этом находился в пределах досягаемости рогов.

Далеко не раз на юге Франции, а порой и в тех испанских провинциях, где коррида редкость, я видел матадоров, которым рукоплескал зритель за убийство с первого удара, хотя этот Тореро рисковал не больше, чем живодер на бойне: он вообще не подвергал себя опасности, а просто ткнул шпагой в незащищенную и легко ранимую точку. Причина, почему человек должен убивать быка между лопатками, состоит в том, что бык способен защитить эту область, и она становит-

ся доступной лишь тогда, когда тело матадора оказывается в пределах досягаемости рогов, да и то если он сократит дистанцию по правилам. Закалывание в шею или, паче того, в бок, который бык не может защитить, это уже преступное умерщвление.

Убийство между лопатками требует от человека пойти на риск, здесь нужны отработанные навыки, чтобы избежать гибели. Если человек использует эти навыки для грамотного и решительного сближения, подставляет свое тело под удар рогом, но при этом и защищается левой рукой, то он отличный мастер. Если же он применяет свои навыки для мошенничества, лишь бы угодить шпагой в нужное место, не подставляя себя под удар, то, какими бы успешными ни были его результаты, он всего лишь умелый истребитель быков, а вовсе не убийца.

Действительно отличный убийца вовсе не тот, кто отважно бросается на быка и с короткого расстояния вонзает ему между лопатками шпагу, а тот, кто делает это медленно, начиная с движения левой ступней, а левой рукой он работает настолько умело, что, подавшись левым плечом вперед, заставляет быка склонить голову, сам же он при этом перегибается через рог, вонзает

шпагу и, продолжая ее погружать, чуть ли не вскользь пропускает быка мимо себя. Отличный убийца должен уметь это делать решительно и стильно, ну а если шпага, ударившись в кость, ребро, позвонок, сменит направление и погрузится, скажем, лишь на треть, попытка все равно засчитывается, так как человек честно пошел на весь риск, а результат оказался смазанным по воле случая.

Если бык не слишком крупный, то его убьет шпага, вошедшая в нужную точку хотя бы на треть или чуть больше. При половинном погружении будет перебита аорта любого быка, если только не подкачает направление и место приложения удара. В этой связи многие матадоры даже не пытаются налегать на шпагу всем корпусом, а довольствуются лишь погружением наполовину, зная, что при попадании в правильную точку с быком все равно будет покончено, и не желая подвергать себя дополнительному риску, силясь погрузить лезвие еще на один фут. Эта практика умело выполняемой «половинчатой эстокады», впервые разработанная Лагартихо, является настоящим вором эмоций, так как убийство и есть тот миг-вспышка, когда человек сливается с животным в одно целое, и, пока погружает-

ся шпага, человек давит на нее изо всех сил, а смерть объединяет два силуэта в один, формируя эмоциональную, эстетическую и артистическую кульминацию боя. Этот миг-вспышка никогда не проявится при пусть умелом, но все же половинчатом погружении шпаги в быка.

Из всех нынешних матадоров наиболее искусно вонзает полшпаги Марсиаль Лаланда: он поднимает клинок на уровень глаз и, прицеливаясь, делает один-два шажка назад, лишь затем начинает сближение; вскинув кончик шпаги кверху, он проникает на территорию быка, умело избегая рогов, и почти всегда оставляет свою шпагу в идеальной точке, мало что теряя в эмоциональности или степени риска. Вообще говоря, убивать он действительно умеет. Я видел, до чего замечательно он способен исполнить волапье; да и вообще, деньги зрителя он на всю катушку отрабатывает и по другим статьям, без задержек освобождается от быка, чтобы не подпортить впечатление от искусной работы с плащом, бандерильями и мулетой. Впрочем, его обычная манера закалывания, которую я только что описал, лишь бледная тень того, чем может стать убийство. После обильного чтения отзывов современников я пришел к выводу, что Марсиаля

Лаланду — я не имею в виду начальный этап карьеры, а как раз текущее мастерство, — с его философией корриды и манерой исполнения вполне можно сравнить с периодом зрелости Лагартихо, хотя Лаланду, конечно же, нельзя и близко ставить с великим кордованцем в части изящества, стильности и безыскусственности; с другой стороны, никто из современников Лаланды не может побить его в техническом мастерстве. Подозреваю, что лет через десять народ станет называть 1929–1931 годы золотым веком Марсиаля Лаланды. Ну а прямо сейчас у него столько же врагов, сколько их бывает у любого великого матадора, однако он без сомнения стоит над всеми нынешними тореро.

С точки зрения стиля, Висенте Баррера убивает хуже Лаланды, но у него принципиально иной подход. Вместо того, чтобы искусно погрузить хотя бы полшпаги в нужную точку, он делает ставку на удар в любое место в верхней части шеи, тем самым формально соблюдая закон, который требует, чтобы матадор сделал хотя бы одно проникновение на территорию быка, после чего может безо всякого зазрения совести убить его методом дескабельо. Баррера — виртуоз этого приема, который состоит в том, что шпага вты-

кается между шейными позвонками, перебивая спинной мозг; дескабельо применяется в качестве coup de grace[30] к смертельно раненному быку, который уже не в состоянии даже глазами следить за **мул стой**, тем самым лишая матадора возможности сделать новую попытку. Баррера использует свое первое сближение, которое по закону требуется от каждого матадора, вполне в рамках правил, но лишь для того, чтобы, положившись на везение, умудриться воткнуть шпагу, не подвергая себя никакому риску. И не важно, каким выйдет результат: ведь Баррера с самого начала планирует добить быка в затылок приемом дескабельо. Его основной актив — работа ногами; он мулетой заставляет быка склонить голову, открывая шейные позвонки в основании черепа, а сам в это время неторопливо заносит шпагу у себя за спиной, вздымает ее высоко над головой, но так, чтобы она не попала быку на глаза, после чего, прицелившись кончиком вниз, подрабатывая движением запястья, он ловко и быстро, как жонглер, бросает клинок вниз и обрубает спинной мозг, отчего бык валится как подкошенный — словно в нем выключили элек-

---

[30] Примечания: 30
Добивающий удар, наносимый из милосердия. *(франц.)*

тричество, нажав какую-то кнопку. Барреровская манера закалывания, хоть и не нарушающая букву закона, есть полнейшее отрицание духа и традиций корриды. Дескабельо, который применяется, по идее, в исключительных случаях, из милосердия к страдающему животному, уже не способному за себя постоять, в руках Барреры становится средством чуть ли не преступного умерщвления лишь потому, что он не хочет подставлять под удар самого себя, как этого требует каноническое убийство шпагой. Он настолько наловчился с дескабельо, а публика уже так привыкла к тому, что он ни за что на свете не рискнет и волоском на голове, что зритель успел смириться со столь беззастенчивым злоупотреблением; мало того, публика иногда даже рукоплещет. Аплодировать ему за мошенничество, только за то, что он выполнил свой трюк искусно, уверенно и решительно благодаря отработанной технике ног, за то, что вынудил быка склонить голову, словно умирающее животное, — это откровенная низость уже со стороны зрителя.

Маноло Бьенвенида — худший из закольщиков среди именитых матадоров, за исключением Каганчо. Эти двое даже не пытаются сделать вид, что соблюдают правила, а просто выполняют

пробежку по косой линии, лишь бы как-то воткнуть шпагу, подвергая себя меньшему риску, чем даже бандерильеро. Я никогда не видел, чтобы Бьенвенида классно уложил быка, и лишь дважды за двадцать четыре боя в 1931-м он на моих глазах сделал это хотя бы грамотно. Его трусость в момент заклания омерзительна. Но поведение Каганчо в такие минуты даже омерзительным не назовешь. Это не страх, от которого одновременно пробивает пот и сохнет во рту у девятнадцатилетнего паренька, который не умеет убивать, потому что настолько перепуган исполинскими быками, что даже не стал этому учиться, а просто до тошноты боится рога. Нет, это хладнокровное, по-цыгански циничное надувательство публики, выполняемое самым бесстыжим, повергающим в праведный гнев жуликом и самозванцем из всех, кто когда-либо осмеливался казать нос на арене с быками. Беда в том, что Каганчо умеет убивать блестяще; у него достаточно высокий рост, что упрощает дело, и, стоит ему захотеть, он способен свалить быка по всем правилам, грамотно и в хорошем стиле. Но Каганчо никогда не идет на риск, если хоть что-то внушает ему мысль о возможной ране. Никто не спорит, что убийство опасно, даже в случае

великого тореро, вот Каганчо и старается не оказаться в пределах досягаемости рогов, исключая ситуации, когда бык видится ему бесхитростным и предсказуемым, а за мулетой следует так, будто приклеился к ней мордой. Когда Каганчо сам себе доказал, что от быка не исходит опасность, он убьет его стильно, изящно, с выверенной точностью. Но стоит ему решить, что в быке таится хоть малейшая опасность, он ни за что не приблизится к рогам. Его циничная трусость есть самое отвратительное попрание духа корриды; с ней не сравнятся даже панические наклонности Ниньо де ла Пальмы, потому что Ниньо де ла Пальма уже не может даже пассы делать грамотно, как тореро он полностью уничтожен страхом, в то время как практически все, что вытворяет Каганчо, когда он уверен в исходе, можно вставлять в учебник как иллюстрацию идеала артистизма в корриде. Он умеет выкладываться, однако лишь в том случае, если уверен, что при работе с данным быком опасность не грозит; ему мало, когда шансы лишь просто перевешивают в пользу человека. Он должен знать наверняка, что риска вообще нет, иначе он начнет махать плащом, не приблизившись и на пару метров, будет подманивать мулетой издали, а на смертоубийство

пойдет по косой, да и сделает это наспех, на бегу. Это он готов проделывать с быками, которые не то что стервозны, они даже не особенно опасны и для матадора со средненькими способностями, лишь бы тот был отважным. А вот отваги Каганчо не хватит и на вошь, так как его поразительные физические данные, знания и техника позволяют ему — до тех пор, пока он не сближается с быком — находиться на арене в большей безопасности, чем человеку, который вздумает перебежать улицу на красный свет. Даже вошь идет на риск, прячась в швах твоего обмундирования: а вдруг ты сейчас на войне? Стало быть, рано или поздно сдашь одежду в вошебойку; не говоря уже о том, что сам возьмешься давить гнид ногтем большого пальца; но скажите на милость, в какую вошебойку можно сдать Каганчо? Если была бы хоть какая-то комиссия по делам корриды, которая могла бы дисквалифицировать матадоров-проходимцев, как это бывает с профессиональными боксерами, чья политическая протекция уступает арсеналу средств противника, то Каганчо либо вылетел бы с арены, либо, устрашившись такой перспективы, стал бы наконец действительно великим тореро.

Единственный по-настоящему отличный бой,

который Маноло Бьенвенида провел за весь 1931 год, состоялся в последний день в Памплоне, где он больше боялся публики и народного гнева за свои предыдущие трусливые выступления, нежели быков. Перед боем он даже попросил губернатора прислать полицию для защиты, но тот ответил, что никакой защиты не понадобится, если он просто покажет, на что способен. Каждый вечер Маноло висел на телефоне, по межгороду выслушивая новости о том, как бунтующие андалусийские крестьяне разоряют ранчо его отца, как под их топорами гибнут деревья, которые потом пережигаются на древесный уголь, как режут птицу и свиней, как угоняют скот; ранчо, которое даже не успели полностью выкупить — и он сам, кстати, сражался с быками, чтобы помочь погасить долг, — все больше и больше разграбляли в ходе пресловутой Аграрной реформы, а Маноло было на ту пору девятнадцать лет, и новостей о разрушении его мира с излишком хватало для постоянного беспокойства. Но памплонские парни и местные крестьяне тратили свои сбережения, чтобы увидеть бои с быками, а их-то и не было из-за трусости матадора, так что они не желали вникать в экономические причины, отчего да почему этот матадор не может сосредоточиться,

почему он потерял интерес к своей работе; они до того яростно восстали против Маноло, настолько его перепугали угрозой расправы, что в последний день ярмарки он все-таки показал блестящее выступление.

Если бы существовал механизм дисквалификации, способный отлучить Каганчо от его прибыльного бизнеса, он, надо думать, почаще давал бы неплохие вечера. С одной стороны, его оправдание в том, что рискует-то он, а не зрители, но ведь они ему за это и платят соответственно; мало того, публика потому и протестует, что Каганчо отказывается идти на риск. Да, он уже получал ранения, но это всякий раз происходило по чистой случайности, например, из-за внезапного порыва ветра, который оставлял его неприкрытым, когда он работал близко к быку, которого счел достаточно безопасным. Подобные факторы ему не подвластны, и, возвращаясь на арену из больницы, он не подходит даже к безобидному быку, так как не может гарантировать, что очередная игра ветра не подбросит ткань или опутает плащом ноги, или он сам на него наступит, а то и бык вдруг ослепнет. Он единственный тореро, ранение которого меня порадовало; но это тоже не выход, потому что по возвращении из

госпиталя он ведет себя хуже, чем до попадания на больничную койку. И все же он до сих пор получает контракты и грабит публику, потому что та знает, что стоит ему захотеть, как он выдаст безупречную и блестящую фаэну, модель идеального исполнения, и завершит ее великолепным убийством.

Лучший убийца на сегодня — это Никанор Вильялта, кто начинал с мошенничества, пользуясь своим ростом, чтобы перегнуться через быка, которого попутно ослеплял своей широченной мулетой, но сейчас он настолько улучшил технику, что — по крайней мере, в Мадриде, — убивает практически каждого быка в близком контакте, уверенно, грамотно, решительно и эмоционально, усвоив метод, как выиграть от волшебства своей левой кисти, чтобы действительно ею убивать, а не всего лишь показывать фокусы. Вильялта — пример незатейливой личности, о чем я говорил в начале этой главы. По уровню интеллекта, а также в беседе он уступит вашей двенадцатилетней сестренке, учись та в школе для умственно отсталых, зато любовь к славе и вера в собственное величие у него развиты настолько высоко, что на них можно вешать шляпу. В довесок к тому он обладает полуистерической

храбростью, которая даст фору рассудочной отваге. Лично я нахожу его невыносимым, хотя любой, кто не возражает против тщеславной истеричности, найдет его вполне приятным в общении; вместе с тем со шпагой и мулетой в Мадриде он представляет собой самого храброго, надежного, результативного и эмоционального убийцу в современной Испании.

Лучшими шпажистами в мое время были Мануэль Варе по прозвищу Варелито, возможно, лучший убийца в моем поколении; Антонио де ла Аба, он же Сурито; Мартин Агуэро; Маноло Мартинес и Луис Фрег. Варелито был среднего роста, простодушный, искренний и результативный убийца. Как оно бывает со всеми убийцами среднего роста, ему постоянно доставалось от быков. Не успев до конца восстановиться после раны, полученной годом раньше, он оказался не в состоянии убивать в своем прежнем стиле на апрельской ярмарке 1922 года в Севилье, и толпа несколько дней кряду освистывала его неудовлетворительную работу. Он всадил шпагу в быка, но, когда повернулся к нему спиной, тот в ответ всадил ему рог чуть ли не в прямую кишку, разорвав внутренности. Почти такая же рана, какую весной 1930-го получил Сидни Франклин,

но тот хотя бы оправился, а вот Антонио Монтес от таких повреждений погиб. Варелито был ранен в апреле, продержался до 13 мая. Когда его несли по кальехону в медпункт, зрители, лишь минуту назад вопившие оскорбления, взялись перешептываться, как оно всегда бывает после серьезной кохиды,[31] а Варелито, обернув к ним лицо, прокричал: «Что, добились своего? Добились, да? Довольны? Теперь уже все. Теперь точно все». С ним действительно было уже все, хотя сама смерть заняла целых четыре недели.

Сурито был сыном прославленного пикадора старой закваски, последнего в своем роде. Выходец из Кордовы, смуглый, худощавый и серьезный, с печальным лицом в минуты спокойствия и глубокой верой в матадорскую честь, он убивал классически, неторопливо и красиво, а чувство собственного достоинства не позволяло ему прибегать ни к преимуществам, ни к фокусам, ни даже отклоняться от прямой линии, когда он шел на сближение. Это был один из четверки новильеро, которые произвели фурор в 1923 и 1924 годах, а когда остальные трое — которые были более зрелыми, чем он, хотя и ненамного, —

---

[31] Примечания: 31
Удар рогом, ранящий матадора. *(исп.)*

уже были произведены в матадоры, он прошел свою альтернативу в самом конце сезона, хотя его ученичество еще не было формально окончено, в том смысле, что, по идее, учиться надо бы до тех пор, пока не станешь в ремесле полным мастером.

Если на то пошло, ни один из этой четверки не прошел ученичество как подобает. Мануэль Баес, прозванный Литри, самый сенсационный из всех четырех, был вундеркиндом по части доблести и реакции, но храбрость его была безрассудной, а техника боя безграмотной. Это был невысокий, смуглолицый и кривоногий парнишка со смоляной шевелюрой, кроличьей физиономией и нервным тиком, который заставлял его подмигивать набегающему быку; но в течение целого года он успешно восполнял нехватку знаний собственной смелостью, быстрой реакцией и везеньем, а когда быки его подбрасывали — в буквальном смысле сотни раз, — он держался настолько близко к рогу, что у быка не получалось его хорошенько боднуть, так что слепая удача оберегла его от всех серьезных ран, кроме одной. Мы называли его корне де торо, «бычье мясо», и дата альтернативы, в общем-то, не играла особой роли, потому что он все равно сражался под

влиянием нервозной смелости, которая не могла продлиться долго, а его неряшливая техника была залогом приближающейся катастрофы, так что чем больше денег он успеет сделать, пока возможно, тем лучше. Он получил смертельную рану в первом же бою 1926 года, в начале февраля, в Малаге, пробыв в ранге полного матадора лишь один сезон. Может, он и не умер бы от той раны, но у него развилась газовая гангрена, и ногу ампутировали слишком поздно. Как говорят тореро, «если мне суждено пролить собственную кровь, пусть это будет в Мадриде», хотя валенсийцы заменяют Мадрид Валенсией, так как, именно в этих двух городах ведутся самые серьезные бои; отсюда наибольшее количество ранений и, как следствие, наличие самых опытных хирургов. Нет времени ждать, пока приедет специалист из другого города, чтобы выполнить наиболее срочную и важную часть операции, а именно, правильно вскрыть и вычистить рану, чтобы в ней не завелась инфекция, а ведь возможных траекторий у внутренних повреждений может быть сколько угодно. Я однажды видел рану в бедре, где входное отверстие было по размеру не больше серебряного доллара, зато зондирование показало, что травматических каналов там аж

целых пять: это случилось из-за того, что человек несколько раз прокрутился на этом роге. Порой и кончик рога расщепляется прямо в ране, усугубляя дело. И все эти внутренние раневые каналы надо вскрыть и прочистить, причем рассекать ткани надо как можно более скупо, чтобы заживление пошло быстрее, а возможная утрата подвижности была как можно меньшей. Перед хирургом, специализирующимся в корриде, стоят две задачи: спасти человека, что свойственно любому другому хирургу, и как можно скорее вернуть его на арену, чтобы тот мог выполнять заключенные контракты. Так вот как раз умение ставить на ноги побыстрее и позволяет такому специалисту требовать высокие гонорары. Это очень специфическая область хирургии, но в своей простейшей форме, а именно, когда лечится наиболее примитивная рана, которая чаще всего имеет место между коленом и пахом, или между коленом и щиколоткой, так как именно здесь опущенные рога обычно цепляют человека, состоит в скорейшем зашивании бедренной артерии (если она была порвана), после чего зондом — а чаще всего просто пальцем — выщупываются и чистятся все травматические каналы, при этом сердцу пациента не дают остановиться инъ-

екциями камфары, а кровопотерю восполняют обычным солевым раствором, и так далее и тому подобное. Как бы то ни было, нога Литри воспалилась в Малаге, и ее ампутировали, хотя перед подачей наркоза сказали, дескать, просто почистим рану, а когда он пришел в себя и обнаружил, что ноги нет, ему уже не хотелось жить и он был в страшном отчаянье. Я ему очень симпатизировал и потому крайне сожалел, что он не умер до ампутации, потому как он все равно был обречен с той минуты, когда прошел альтернативу, это был лишь вопрос времени, когда удача от него отвернется.

А вот Сурито вообще никогда не везло. После прерванного ученичества его репертуар был самым скудным в части работы с плащом, а приемы с мулетой в основном представляли собой пассы пор альто и молинете (легко осваиваемый трюк), зато великолепие его шпаги и чистота стиля при закалывании оказались в тени из-за сумасшедших выходок Литри и блестящего сезона, который показывал Ниньо де ла Пальма. После смерти Литри у Сурито было два славных сезона, но не успел он воспользоваться шансом занять главенствующие высоты в профессии, так как его техника устарела, потому что он не осваивал но-

вые приемы с плащом и мулетой, ну а поскольку он всегда целился шпагой очень высоко, в самую вершину «окошка» между лопатками, ему было трудно держать мулету в достаточно низком положении из-за чрезмерно вскинутого левого плеча, и вот почему ему так часто доставалось от быков; в особенности те страшные удары дугой рога в грудь, которые сбивали его с ног практически при всяком закалывании. Потом он едва не потерял целый сезон из-за внутренних повреждений и какой-то опухоли, образовавшейся у него на губе после очередного ранения. В 1927-м он сражался в настолько плохой физической форме, что на него было больно смотреть. Он понимал, что стоит матадору потерять один-единственный сезон, как его сбросят со счетов, на следующий год у него будет лишь пара-тройка боев, и заработать на жизнь не удастся, так что весь тот сезон Сурито сражался, как мог; его лицо, обычно покрытое здоровым загаром, было бледным, как выгоревшая на солнце парусина; одышка его мучила такая, что вызывала жалость; и все же он атаковал, как и прежде, по прямой, в близком контакте, в том же классическом стиле и со все той же нехваткой удачи. Когда бык сшибал его с ног или наносил палетасо, то есть удар боковой

частью рога, который, по заверениям тореро, мало чем лучше рваных ран, потому что приводит к внутренним кровоизлияниям, он терял сознание от слабости; его уносили в медпункт, приводили в себя, и он вновь выходил на арену, чтобы убить следующего быка, сам едва держась на ногах. По причине такого своеобычного стиля быки били его почти при всяком закалывании. В тот сезон он провел на арене двадцать один вечер, из них двенадцать раз терял сознание, но убил всех быков, сорок две штуки. Этого, однако, оказалось недостаточно, а виной тому была его недостаточно стильная работа с плащом и мулетой, его общее физическое состояние и тот факт, что публике не нравилось, что он валится в обморок. В одной из сан-себастьянских газет появилась даже передовица, полная гнева и возмущения. Между прочим, в этом городе он выступал удачнее всего, а они даже не стали продлевать с ним контракт, потому что его манера терять сознание вызывала неудовольствие у туристов и сливок местного общества. Так что тот сезон, в который он показал самые душераздирающие подвиги по части личного мужества из всех, что я видел, не принес ему ничего хорошего. В конце сезона он женился. Говорят, она торопилась выйти за него, пока он

не умер, а в результате он только поправился, причем даже внешне; растолстевший и горячо любящий свою жену, он уже с куда меньшей охотой шел на быка по прямой и провел после этого лишь четырнадцать боев. На следующий год вообще выступил только семь раз, включая Испанию и Южную Америку. На закалывание, правда, шел, как прежде, по прямой, но из испанских контрактов ему достались только два, чего никак не хватало на содержание семьи. Разумеется, на обмороки никому не нравится смотреть, но он знал лишь один способ убийства, и если после удара мордой или боковиной рога в грудь он терял сознание, это было простым невезеньем, и он всегда возвращался в бой, едва приходил в себя. Но публике это было не по нраву. Да и мне самому это было неприятно, но, черт возьми, как же я восхищался таким мужеством. Слишком сильное чувство собственного достоинства уничтожает человека быстрее любой иной благородной черты; именно это и произошло с Сурито за один-единственный сезон из-за невезенья.

Папаша Сурито взрастил первого сына матадором и привил ему честь, технику и классический стиль, но из мальчишки мало чего получилось, несмотря на отличные навыки и целостность.

Из второго сына он сделал пикадора, и тот, обладая идеальным стилем, великой смелостью и отличной посадкой в седле, стал бы лучшим пикадором в Испании, кабы не одна особенность. Он слишком мало весил. С какой бы силой он ни наваливался на свою пику, она едва-едва протыкала бычью шкуру. И вот, будучи самым техничным и стильным из всех нынешних пикадоров, он пробавляется на новильядах, зарабатывая от полусотни до сотни песет, хотя, добавь он в весе еще фунтов пятьдесят, смог бы продолжить славную традицию отца. Есть, правда, и третий сын, который тоже пикадор, но я его не видел; говорят, впрочем, он тоже слишком легкий. Что за невезучая семейка!

Мартин Агуэро, третий из убийц, был мальчишкой из Бильбао, который походил скорее не на тореро, а на коренастого, крепко сбитого бейсболиста-профессионала типа третьего бейсмена или, стажем, шорт-стопа. Губастый, с мясистыми чертами американского фолькдойча вроде Ника Альтрока, он не был артистом плаща или мулеты, хотя с плащом управлялся довольно грамотно; порой даже блестяще; он разбирался в корриде; не был невежей; и все приемы с мулетой выполнял на приличном уровне, пусть даже

без какого-либо намека на артистизм и фантазию. Словом, зачтем его как умелого работника с плащом на ближней дистанции и грамотного, но скучного исполнителя пассов с мулетой. Со шпагой он решительный и быстрый убийца. На снимках его эстокады всегда выглядят чудесно, так как фотография не дает ощутить время, однако, когда наблюдаешь за ним воочию, он сокращает дистанцию со скоростью молнии, так что пусть он и закалывает надежнее Сурито и в девяти случаев из десяти вонзает шпагу по самый эфес, одна-единственная эстокада Суриты многократно ценнее работы Агуэро, коль скоро Сурито входит на территорию быка медленно и по прямой, настолько точно выверив момент удара, что бык никогда не получает его как бы исподтишка, неожиданно. Агуэро вел себя как мясник на скотобойне, а Сурито — как священник при благословении.

Агуэро был очень храбр и результативен; в 1925-м, 1926-м и 1927-м он был одним из ведущих матадоров (проведя за последние пару лет пятьдесят и пятьдесят два боя, соответственно), и почти никогда быки его не подкидывали. В 1928-м он был дважды серьезно ранен, причем вторая корнада стала результатом первой, так как он не

успел оправиться после нее полностью, и в итоге два этих ранения уничтожили его замечательное здоровье и физическую форму. Нерв в правой ноге пострадал настолько, что атрофировался, вызвав гангрену пальцев стопы, и в 1931-м их ему ампутировали. Судя по последним долетевшим до меня сведениям, сейчас его нога покалечена до такой степени, что он вряд ли сможет вновь выйти на арену. Двое его младших братьев подвизаются в ранге новильеро, обладают такими же чертами лица, атлетической внешностью и расцветающими навыками работы со шпагой.

Диего Маскарян «Фортуна» из Бильбао — еще один отличный убийца по категории мясников. Фортуна кудряв, широк в запястье, дороден, вышагивает вразвалочку, женат на серьезных деньгах, боями подрабатывает в собственный карман, храбростью не уступает быкам и лишь чуточку не добирает до них по части ума. Это самый удачливый из всех тореро. Ему известен лишь один способ ведения боя, со всеми быками он обращается как с трудными, беспощадно скручивает их мулетой, не делая никакой разницы между требуемыми фаэнами. Если бык в самом деле попадется трудный, зрелище выходит отменное, но если животное так и напрашивается на

изящную фаэну, смотреть на это прямо-таки больно. Как только бык ставит передние ноги вместе, Фортуна разворачивает свою мулету, делает обрисовку со шпагой, бросает взгляд за плечо, чтобы крикнуть своим друзьям: «Посмотрим, что он скажет на это!», и сокращает дистанцию уверенным, быстрым, мощным движением. Он такой редкостный везунчик, что его шпага может порой прободать костный мозг и уронить быка словно ударом молнии. А когда ему не везет, он принимается потеть, шевелюра завивается еще более плотными кудряшками, он жестами начинает объяснять публике стервозность животного, призывая всех в свидетели, что здесь нет его вины. На следующий день, усевшись в личное забронированное место на втором ряду тендидо (он один из тех немногих тореро, кто сам является зрителем-завсегдатаем), Фортуна, завидев действительно трудного быка на арене, вальяжно сообщает всем нам: «Э, тут ничего сложного. Удачный бычок попался. Стыд и срам, ежели этот парнишка не покажет с ним чего-то особенного». Впрочем, сам Фортуна редкостный смельчак, и его храбрость ничуть не уступает глупости. Бой не действует ему на нервы. Однажды я слышал, как он сказал пикадору: «Давай-ка поживее.

Заскучал я тут с вами. Шевелись, ребята». Среди артистов-однодневок он стоит особняком как реликт некой древней эпохи. Но если просидеть рядом с ним сезон, он наскучит до смерти.

Маноло Мартинес из валенсийского баррио Русафа, худощавый, круглоглазый словно птица, с перекошенной физиономией и тонкогубой улыбочкой, выглядит так, словно его место на ипподроме или в бильярдной, где в эпоху моего детства зарабатывали на жизнь очень похожие типы. Многие комментаторы отказываются признавать в нем отличного убийцу, так как ему никогда не везло в Мадриде, а редколлегия французского — и очень неплохого — издания «Ле ториль» вообще не видит в нем никаких достоинств, потому что ему хватило ума не рисковать жизнью на юге Франции, где рукоплесканиями встречают любой удар шпагой, куда бы она ни угодила или каким бы жульничеством ни был проведенный прием. Мартинес столь же храбр, что и Фортуна, но ему никогда не бывает скучно. Он любит убивать, в нем нет тщеславия Вильялты; когда все складывает удачно, он радуется, причем ничуть не меньше за зрителя, чем за себя самого. Ему сильно достается от быков, и однажды в Валенсии он на моих глазах получил

ужасную корнаду. Его работа с плащом и мулетой неряшлива, но если бык бесхитростен и нападает пылко, Мартинес ведет его в очень тесном контакте. Как-то раз ему достался бык, склонный бодаться вправо, но он, похоже, не заметил этого дефекта. Бык толкнул его разок на пробеге с плащом, а второй раз, когда Мартинес пропустил его с той же стороны, не освобождая дорогу, бык прицелился в него рогом и отшвырнул. Ранения не вышло, потому что рог всего лишь скользнул по коже, хотя и разодрал брючину, но Мартинес упал на голову и еще не совсем пришел в себя, когда плащом вывел быка на середину и там вновь попытался пропустить его мимо себя все с того же, правого бока. Ну и конечно, бык до него добрался; его склонность бодаться вправо лишь подкрепилась предыдущим успехом, так что на этот раз рог попал в мясо и Мартинес поднялся на нем в воздух, после чего бык сбросил его на землю, вновь ударил рогом, и еще разок, пока остальные тореро бежали к центру арены, чтобы отвлечь животное. Когда Маноло поднялся на ноги и увидел кровь, хлещущую из паха, он понял, что разорвана бедренная артерия. Зажав дырку обеими ладонями, чтобы не истечь кровью, он бегом кинулся в медпункт. Он знал, что вместе

с этим фонтаном между пальцами уходит его жизнь, поэтому не мог дожидаться носилок. Его попытались подхватить на руки, но он отчаянно замотал головой. Навстречу выбежал доктор Серра, и Мартинес крикнул ему: «Дон Пако, у меня большая корнада!»; доктор Серра надавил на артерию большим пальцем, пережимая кровоток, и они пошли в медпункт вместе. Рог чуть ли не насквозь пробил ему бедро, кровопотеря оказалась столь серьезной, а сам он был таким слабым, что никто не верил, что он выкарабкается; мало того, не сумев через некоторое время уловить пульс, его даже объявили мертвым. Повреждения мышц были до того чрезвычайные, что его списали со счетов как тореро, но, получив ранение 31 июля, он благодаря своей крепкой конституции и искусству доктора Пако Серры уже 18 октября сражался в Мексике. Мартинес получал чудовищные ранения, но лишь редко в момент убийства; обычно все было связано с его желанием работать близко к быку, который этого не допускал, с его фундаментальными огрехами в приемах с плащом и мулетой, а также со стремлением категорически держать ступни вместе, пропуская быка мимо себя. Впрочем, ранения, похоже, лишь разжигали его отвагу. Он провинциальный

тореро. Я никогда не видел у него по-настоящему блестящие бои, кроме разве что в Валенсии. С другой стороны, в 1927-м, на одной из ярмарок, что была построена вокруг выступлений Хуана Бельмонте с Марсиалем Лаландой и куда Мартинеса даже не пригласили, после их выбытия из строя он предложил свои услуги и провел три великолепных вечера, выполнив всевозможные приемы с плащом и мулетой настолько близко и рискованно, что было трудно поверить, как так вышло, что быки его не прикончили; а когда подходил миг закалывания, он делал очень близкую, дерзкую обрисовку, слегка откидываясь на каблуках, чтобы встать попрочнее, левое колено чуть согнуто, вес перенесен на другую ногу, после чего сокращал дистанцию и убивал так, что любой современник обзавидовался бы. В 1931-м он был опасно ранен в Мадриде и даже не успел полностью восстановиться, Когда уже начал выступать в Валенсии. Все комментаторы сходятся в одном: сейчас с ним-де покончено, но он по-прежнему доказывает их неправоту, и я убежден, что, как только его нервы и мускулы вновь начнут подчиняться его сердцу, он станет таким же, как и был, — пока не погибнет. А с его великой храбростью, но хромающей техникой и

неспособностью возобладать над трудным быком это кажется неизбежным. Он мужественен отвагой смельчака из трущоб, Вильялта исполнен тщеславия, Фортуна тупости, ну а Сурито — таинственности.

Мужество Луиса Фрега — никаким искусством, если не считать шпаги, он не обладает — производит наиболее странное впечатление. Оно неуничтожимо, словно океан, но в нем нет соли, если только он не подсолит его собственной кровью, а человечья кровь сладка и тошнотворна на вкус, несмотря на свою солоноватую природу. Если бы Луис Фрег умер в один из тех четырех раз на моей памяти, когда его объявляли мертвым, я смог бы свободнее рассказать о его характере. Он мексиканский индеец, нынче заматеревший и отяжелевший, с негромкой манерой речи, мягкими мясистыми ладонями, несколько горбоносый, косоглазый, губастый, с черной как смоль шевелюрой, единственный из матадоров, кто до сих пор носит косичку, и был произведен в полные матадоры в Мексике в 1910-м, когда еще Джеффриз сражался с быками в невадском Рино. За прошедшие двадцать один год он заработал семьдесят две серьезные раны. За всю историю никому из тореро так не доставалось от быков.

Пять раз, когда смерть казалась неизбежной, над ним проводили соборование. Ноги у него из-за шрамов стали узловатыми и корявыми, будто ветви старого дуба, а грудь и живот исчирканы следами ран, которые давно бы прикончили кого-то другого. По большей части ему доставалось из-за неповоротливости и неумения управлять быками плащом и мулетой. Впрочем, он замечательный убийца; неторопливый, надежный и прямолинейный, и те несколько раз — в незначительной пропорции к числу прочих ран, — когда он попадал на рог, были обусловлены скорее нехваткой скорости при выходе из зоны досягаемости с последующим скольжением вдоль бычьего бока вслед за вонзанием шпаги, нежели с огрехами в технике. Жуткие раны, месяцы на больничных койках, поглотившие все сбережения, ничуть не сказались на его мужестве. Но оно странное, это мужество. Не цепляет. Незаразное. Ты его видишь, ценишь, уважаешь, знаешь, что этот человек отважен, но его отвага словно сироп, а не вино или вкус соли и золы у тебя во рту. Если у качеств человека есть запах, то для меня мужество пахнет дубленой кожей, мерзлой дорогой или морем, когда ветер срывает пену с гребня волны, но мужество Луиса Фрега ничем этим не

пахнет. В нем читается что-то творожистое и тяжелое, поверх протягивает неприятной илистой отдушкой, так что когда он умрет, я расскажу вам о нем, и это достаточно странная история.

Последний раз, когда про него сказали «не жилец» в Барселоне, где его жутко разодрал бык, рана сочилась гноем, а сам он лежал в бреду и, как всем казалось, уже умирал, он вдруг прошептал: «Я вижу смерть. Вижу ясно. Ох, какое уродство…» Он ясно увидел смерть, но она не приблизилась. Сейчас он без гроша в кармане и дает прощальную серию выступлений. Двадцать лет кряду был посвящен смерти, а она его так и не забрала.

Таковы портреты пяти убийц. Если считать, что изучение умелых убийц позволяет сделать общий вывод, то можно сказать, что убийца-мастер нуждается в чести, мужестве, хорошей физической форме, хорошем стиле, великолепном левом запястье и огромной удаче. После чего ему понадобятся блестящие отзывы в прессе и целая куча контрактов. Точки нанесения ударов, результативность различных эстокад и способов закалывания обсуждаются в «Терминологическом словаре».

Если у народа Испании есть одна общая черта, то это гордость, а если таких черт две, то вторая

называется здравым смыслом, ну а третьей будет непрактичность. Обладая честью, они не возражают против убийства; считая себя достойными сделать такой подарок. Обладая здравым смыслом, они интересуются смертью и не тратят свою жизнь, пытаясь увильнуть от размышлений о ней и надеясь, что ее вообще не существует, лишь для того, чтобы в конечном итоге столкнуться с ней лоб в лоб, когда придет время умирать. Этот здравый смысл такой же жесткий и неподатливый, как равнины и высокогорья Кастилии, и чем дальше от Кастилии, тем он больше теряет в твердости и сухости. В своем высшем проявлении он сочетается с полнейшей непрактичностью. На юге он живописен, вдоль побережья становится средиземноморской расхлябанностью; на севере, в Наварре и Арагоне, существует такая традиция мужественности, что это даже романтично; а вдоль атлантического побережья, как и во всех странах, граничащих с холодным морем, жизнь настолько практична, что на здравый смысл не остается времени. Для людей, живущих рыболовством в холодных водах Атлантики, смерть есть нечто, что может прийти в любой момент; что она, собственно, и делает, так что ее полагается избегать словно производственную травму; вот

почему они не забивают ею свои мозги и ничуточки ею не пленяются.

Нужны две вещи, чтобы страна влюбилась в корриду. Во-первых, в ней должны разводить быков, а во-вторых, народ должен интересоваться смертью. Англичане и французы живут ради жизни. У французов существует целый культ почитания мертвых, однако важнее всего считается получать радость от повседневных материальных благ, реализуемых в форме семьи, безопасности существования, социального статуса и денег. Англичане тоже живут ради бренного мира по эту сторону гробовой доски, и смерть не входит в перечень вещей для размышлений или бесед, для сознательного поиска или риска, исключая служение отечеству, а также из спортивного или чисто меркантильного интереса. Иначе она превращается в неприятный предмет, который следует избегать, в крайнем случае допускается морализировать, но ни в коем случае изучать. Нельзя разглагольствовать на тему погибших, наставительно говорят они, и эту фразу я слышал от них очень четко и ясно. Когда англичане убивают, они делают это ради спорта, ну а французы убивают ради супового горшка. Не спорю, горшок отличный, славится на весь белый свет и всяче-

ски достоин, чтобы ради него убивали. Однако если убийство происходит не из кулинарных или спортивных интересов, англичанам и французам оно кажется жестоким. Как и все заявления общего характера, действительность не столь уж прямолинейна, как я попытался ее обрисовать, но я ведь пытаюсь изложить принцип, не затевая список из исключений.

Нынче в Испании коррида уже утрачена в Галисии и большей части Каталонии. В этих провинциях не выращивают быков. Галисия соседствует с морем, а поскольку это бедная провинция, откуда люди эмигрируют или уходят в море, смерть там не воспринимается как некая загадка, достойная размышлений, а считается скорее повседневным риском, который надо всячески избегать; тамошний народ практичен, плутоват, зачастую туп и жаден, а любимейший их досуг — это хоровое пение. Каталония находится в Испании, но ее жители не испанцы, и хотя коррида процветает в Барселоне, она стоит на фальшивом фундаменте, потому что здешний зритель ходит на бои как в цирк, то бишь поахать и поразвлечься, и он почти столь же невежествен, как публика в Ниме, Безье или Арле. Страна у каталонцев богатая, во всяком случае, значи-

тельная ее часть; они трудолюбивые фермеры, умелые предприниматели, удачливые торговцы; коммерческие избранники Испании. Чем богаче страна, тем простодушнее крестьянство, так вот у них деревенская простота сочетается с полудетским языком и высокоразвитым коммерческим сословьем. Для них, как и в Галисии, жизнь чересчур практична, чтобы в ней нашлось много места для самой несгибаемой формы здравого смысла или чувствований по поводу смерти.

В Кастилии крестьянин вовсе не такой бесхитростный плутишка, как каталонец или галисиец. Он живет в жестком климате, но его страна очень крепка и здорова; у него есть — или были — еда, вино, жена и дети, вот только удобств нет, почти полностью отсутствует капитал, к тому же эти вещи не являются самоцелью; они лишь часть жизни, а жизнь — это то, что предшествует смерти. Кое-кто с английской кровью в жилах написал: «Жизнь реальна; жизнь есть подвиг, и могила ей не цель».[32] Ну и в каком месте они его закопали? Что сталось с реальностью и подвигом? У народа Кастилии отличный здравый смысл. Они не способны родить поэта, пишуще-

---

[32] Примечания: 32
«Псалом жизни» Генри Лонгфелло.

го подобные строчки. Им известно, что смерть — неизбежная реальность, единственная вещь, в которой может быть уверен кто угодно; единственная надежная опора; что она превосходит любые современные удобства и что когда есть смерть, ни к чему устраивать ванные комнаты с горячей водой в каждом американском доме или, если на то пошло, обзаводиться радиоприемниками. Кастильцы много думают о смерти, и если у них есть религия, то во всяком случае та, где жизнь намного короче смерти. Обладая таким чувством, они питают сознательный, здравый интерес к смерти и когда понимают, что можно увидеть, как ее причиняют, избегают, принимают или отказывают в ней где-то под вечер за номинальную стоимость входного билета, они выкладывают свои денежки и отправляются на арену, продолжая туда ходить даже тогда, когда по ряду причин — которые я попытался изложить в этой книге — чаще всего переживают разочарование в артистизме и подвергаются эмоциональному грабежу.

Большинство великих матадоров родом из Андалусии, где выращивают лучших быков и где благодаря мягкому климату и мавританской крови люди обладают врожденным изяществом

и склонностью к праздности, которая чужда Кастилии, хотя там тоже есть примесь мавританской крови в жилах тех, кто выдавил арабов и занял эту приятную страну. Среди по-настоящему великих тореро есть Каэтано Санс и Фраскуэло, которые оба из-под Мадрида (хотя Фраскуэло родился на юге), а также Висенте Пастор из плеяды менее великих, и Марсиаль Лаланда, лучший из нынешних тореро. Из-за всяческих проблем, вызванных Аграрной реформой, в Андалусии постоянно падает число боев, и здесь все меньше и меньше появляется первоклассных матадоров. В 1931-м только трое из первой десятки происходили из Андалусии, а именно, Каганчо и оба Бьенвениды, причем хотя Маноло Бьенвенида и является андалусийцем по крови, он родился и вырос в Южной Америке, в то время как его брат, пусть и родившийся в Испании, тоже воспитывался за рубежом. Чиквело и Ниньо де ла Пальма, представляющие Севилью и Ронду, уже сошли со сцены, ну а севильец Хитанильо де Триана погиб.

Марсиаль Лаланда из-под Мадрида, так же как и Антонио Маркес, который вновь собирается выходить на бои, и Доминго Ортега. Вильялта из Сарагосы, а Баррера в компании с Маноло

Мартинесом и Энрике Торресом из Валенсии. Феликс Родригес родился в Сантандере и вырос в Валенсии, а Армильита Чико, Солорсано и Эриберто Гарсия мексиканцы. Почти все ведущие молодые новильеро происходят из Мадрида или его окрестностей, с севера или из Валенсии. После гибели Хоселито и Маэры и окончательного ухода Бельмонте засилью андалусийцев в современной корриде пришел конец. Сейчас центром боя быков в Испании, как с точки зрения подготовки новой смены, так и средоточия величайшего интереса к собственно корриде, является Мадрид с его пригородами. Затем идет Валенсия. Самый универсальный и мастерский тореро в сегодняшней корриде — это, безусловно, Марсиаль Лаланда, а наиболее совершенных молодых тореро с точки зрения доблести и техники поставляет Мексика. Бой быков, без сомнения, сдает позиции в Севилье, которая некогда, в компании с Кордовой, была центром корриды, уступив пальму первенства Мадриду, где в 1931-м, в эпоху финансового кризиса, во время серьезнейших политических неурядиц всю весну напролет и в начале лета арена заполнялась до отказа дважды, а то и трижды в неделю, хотя программа была вполне себе заурядная.

Судя по энтузиазму, который я наблюдал в период Республики, современная коррида останется существовать в Испании вопреки всем намерениям ее нынешних политиков проевропейского толка, которые желают объявить ее вне закона, чтобы не краснеть перед своими коллегами на встречах Лиги Наций, а также на дипломатических и дворцовых приемах. В настоящее время против нее разворачивается жесточайшая атака силами кое-каких газет, субсидируемых правительством, но коль скоро такая масса людей зарабатывает себе на жизнь разведением, транспортировкой, откормом и забивом боевых быков, то я не верю, чтобы правительство действительно запретило корриду, как бы сильно ему этого ни хотелось.

Сейчас ведется подробнейшее изучение фактического и потенциального использования всех земель, ныне отведенных под выпас быков боевых пород. В рамках аграрных нововведений, которые намечены к внедрению в Андалусии, кое-какие наиболее обширные латифундии наверняка будут раздроблены, но поскольку в Испании развито как животноводство, так и растениеводство, а значительная доля выпасных земель не подходит для выращивания сельхоз-

культур, да и от разводимых животных ничего не пропадает понапрасну, раз уж их всех рубят и продают на мясо независимо от места заклания, хоть на арене, хоть на скотобойне, существенная пропорция земли на юге, которая ныне используется под пастбища, наверняка сохранит свое предназначение. В стране, где в 1931-м было решено запретить любые машины для посевных и уборочных кампаний, чтобы обеспечить работой сельхозрабочих, правительство наверняка не станет торопиться переводить огромные новые площади под пашню. Вопрос о переориентации выпасных земель под Кольменаром и Саламанкой даже не стоит. Я ожидаю определенного сокращения площадей под разведение быков в Андалусии и дробление кое-каких ранчо, однако считаю, что радикальных изменений в этой отрасли не будет при нынешнем правительстве, хотя многие из его членов гордились бы запретом корриды и безо всякого сомнения сделают для этого все, что в их силах, ну а быстрейший путь к этому лежит через быков, раз уж талант матадора проявляется сам по себе, как у акробатов, жокеев или даже писателей, и среди них нет ни одного незаменимого; а вот боевые быки суть продукт тщательной селекционной работы на протя-

жении многих поколений, подобно скаковым лошадям, так что если все эту породу отправить на бойню, с ней будет покончено раз и навсегда.

Глава двадцатая

Умей я сделать из этого настоящую книжку, в ней нашлось бы место для всего. Прадо, смахивающий на солидный американский колледж, с дождевальными головками, орошающими лужайку ранним и ярким мадридским летним утром; голые холмы белесой глины на том берегу против Карабанчеля; многодневные путешествия на поезде в августе, когда ветер теребит опущенные жалюзи на солнечной стороне; мы катим сквозь метель из мякины, смахнутой с затвердевших глинобитных площадок для молотьбы; запах зерна; и мельницы, сложенные из камня. Там была бы перемена, которую чувствуешь кожей, оставляя за спиной зелень Альсасуа; был бы Бургос, медленно выплывающий из-за дальнего горизонта, и кусок сыра, уничтоженный тем же вечером в гостиничном номере; был бы паренек, на пробу везущий в Мадрид оплетенные кувшины вина; это была его первая поездка в столицу, и он от избытка чувств принялся всех угощать, а мы взяли да напились, включая парочку офицеров из Гражданской Гвардии, а я умудрился потерять общие билеты, и тогда эти же офицеры вывели

нас через турникет на перроне (под видом арестантов, потому как билетов-то не было, а потом, усадив в такси, они взяли под козырек); была бы Хедли с бычьим ухом, завернутым в носовой платок; ухо жесткое и сухое, как корка, волосы все повылезли, а тот мужчина, который его отрезал, сейчас тоже облысел, зачесывает длинные пряди на затылок, а ведь тогда был щеголем. Красавец хоть куда.

Эта книжка объяснила бы, как все кругом меняется, когда ты на закате катишь на поезде с гор в Валенсию, держа на коленках петуха, которого твоя попутчица везет родной сестре; книжка показала бы деревянную арену в Альсире, где убитых лошадей стаскивают на поле, и ты вынужден пробираться мимо этих туш; а еще был бы уличный шум и гам в Мадриде после полуночи; июньская ярмарка, которая бурлит до утра; а после воскресных боев пешее возвращение домой или на пару с Рафаэлем в такси — «¿Que tal?». — «Malo, hombre, malo»,[33] с его характерным вздергиванием плеч, — или в компании с Роберто — ты ему «дон Роберто», он тебе «дон Эрнесто», — с таким вечно вежливым, таким об-

---

[33] Примечания: 33
«Как дела?» — «Плохо, дружище, плохо». *(исп.)*

ходительным, таким славным товарищем. И был бы дом, где жил Рафаэль (еще до того, как стало почетно слыть республиканцем), где на стене висела голова быка, заколотого шпагой Хитанильо, а на полу стоял исполинский кувшин для масла; дом, где всегда дарили подарки и удивительно вкусно кормили.

Хорошо бы в этой книге передать пороховую гарь, дым, вспышки и треск трака[34] в зелени деревьев, а еще вкус оршада, ледяного оршада, и свежеумытые улицы под солнцем, и дыни, и запотевшие кувшины с пивом; аисты на крышах в Барко-де-Авила, и их кружение в небе; и арены цвета красной глины; и ночные пляски под флейты и барабан в свете лампочек на ветвях; и портрет Гарибальди, увитый листвой. Получись у меня такая книга, в ней была бы натянутая улыбка Лагартихо; когда-то она была настоящей; были бы матадоры-неудачники, плещущиеся с дешевыми потаскушками в Мансанаресе вдоль Пардского шоссе; «по деньгам и удовольствия», как говаривал Луис; игра в мяч на траве у реки, куда приехал женственный маркизик со своим боксером; где мы приготовили паэлью и пешком

---

[34] Примечания: 34
Гирлянды из мелких петард для фейерверка.

вернулись домой уже затемно, пока мимо нас проносились машины; и электрические фонари, просвечивающие сквозь зелень листвы; и роса, сбивающая пыль в прохладе ночи; сидр в Бомбилье, и дорога до Понтеведры из Сантьяго-де-Компостелы с ее крутыми виражами среди сосен и шелковиц, что растут вдоль трассы; и Альгабеньо, самый гнусный очковтиратель из них всех; и Маэра, надевающий боевой костюм в номере Квинтаны в присутствии священника, в тот самый год, когда все так много пили и никто никого не обижал. Да, был такой год, но для книжки этого мало.

Оживи все это заново; вечером с моста сыпани горсть кузнечиков для форели в Тамбре; вставь серьезную смуглую физиономию Феликса Морено в старом пансионе «Агвилар»; не забудь про Педро Монтеса, неуклюжего храбреца с отсутствующим взглядом, который для переодевания к бою сбегал из дому, потому что пообещал матери завязать с корридой, когда его брат Мариано погиб на арене мадридского Тетуана; и Литри, как крольчонок, с его нервным подмигиванием атакующему быку; у него были ужасно кривые ноги и невероятная храбрость; эти трое уже мертвы; и нигде не упоминается о пивной на тенистой стороне улицы

под «Палас-отелем», где он сиживал с отцом, а сейчас там устроили ситроеновский салон; и ничего не сказано о том, как несли Педро Карреньо, мертвого, по улицам с факелами и наконец положили обнаженного на церковный алтарь.

В этой, книге ничего нет про Франсиско Гомеса «Альдеано», кто работал на сталеплавильном заводе в Огайо и вернулся на родину, чтобы стать матадором, а сейчас весь в шрамах и отметинах похуже любого, кроме Фрега, один глаз свернут набок так, что слезы текут по носу. Молчит книга и про Гавиру, вместе с быком рухнувшим замертво от точно такой же корнады, что прикончила Эль Эспартеро. Ничего не рассказывает и про Сарагосу, ночь на мосту с видом на Эбро, ни про того парашютиста, которого мы увидели на следующее утро, ни про Рафаэлевы сигары; ни про конкурс хоты[35] в старом театре с красным плюшем и чудесные юные пары; ни про тот день в Барселоне, когда застрелили Noy de Sucre,[36] ничего этого здесь нет; и про Наварру нет; и про

[35] Примечания: 35

Ха́та — испанский народный танец с кастаньетами, обычно под гитару и один голос.

[36] Примечания: 36

Вернее, Noi del Sucre, «Сахарок», прозвище анархо-синдикалиста Сальвадора Сегу и (1886–1923), который любил пить кофе с сахаром вприкуску.

дурацкий город Леон; и про то, как валяешься с порванной мышцей в гостиничном номере на солнечной стороне улицы в Паленсии в знойный день; никто и понятия не имеет, что такое настоящая жара, пока сам там не побывает; или про ту дорогу от Рекены до Мадрида, где колеса проваливаются в пыль по самые оси; или что такое пятьдесят по Цельсию в тени в Арагоне, когда радиатор закипает через пятнадцать минут на гладком шоссе, хотя с машиной все в порядке, никакого нагара или поломок.

Была бы эта книга посолидней, в ней нашлось бы место для последнего вечера той ферии, когда Маэра подрался в Альфредо Давидом в кафе «Куц»; она показала бы и чистильщиков сапог. Господи боже, как их всех сюда запихнуть-то? а хорошеньких сеньорит, идущих мимо? а потаскух? а всех нас, какими мы тогда были? Памплона нынче изменилась; всю равнину аж до края нагорья настроили жилыми кварталами, так что теперь гор не видно. Снесли старый «Театро Гаджарре», испортили площадь, устроив широкий сквозной проезд к арене, а в старое время наверху в столовой сидел пьяненький чиквеловский дядя и глазел на танцы на площади; Чиквело один-одинешенек в своей комнате, его квадрилья

либо в кабачке, либо шатается по городу. В свое время я об этом написал рассказик, называется «Маловато страсти», но вещица вышла не очень-то удачной, хотя там, где швыряются дохлыми кошками в поезд и когда потом стучат колеса, а Чиквело на своей полке, вновь один, «могу все сам», там более-менее получилось.

Если в ней есть Испания, то должен быть и долговязый парень, семь футов шесть дюймов,[37] он рекламировал «Эль Эмпастре» перед их появлением в городе, и в ту мочь, на ферия де ганадо,[38] потаскухи не желали иметь никакого дела с ихним карликом; вполне полноразмерный мужчина, разве что ножки были всего лишь шесть дюймов,[39] и он заявил: «У меня там ничуть не хуже других», а шлюха ему: «То-то и оно, что нет». Трудно поверить, какая в Испании пропасть карликов и уродцев, что таскаются за всеми ярмарками.

По утрам мы завтракали, затем отправлялись в Аойс, чтобы искупаться в Ирати, вода прозрачная

---

[37] Примечания: 37
229 см

[38] Примечания: 38
Скотоводческая ярмарка *(исп.)*

[39] Примечания: 39
15 см

как свет, меняет температуру, пока ты тонешь все глубже и глубже, прохладно, холодно, студено, и тень от деревьев на песке, когда палит солнце, зрелая пшеница под ветром на том берегу, взбирается по склону на холм. В верховьях лощины, где река вытекает меж двух утесов, стоял старый замок, и мы лежали голые на дерне под солнцем, а затем в тени. Вино в Аойсе оказалось так себе, так что потом мы стали привозить свое, та же история с ветчиной, поэтому в следующий раз мы захватили целую корзинку еды от Квинтаны. Квинтана, лучший афисьонадо и самый верный друг в Испании, да еще с отличной гостиницей, свободного номера не найти. ¿Que tal, Juanita? ¿Que tal, hombre, que tal?[40]

И если это Испания, отчего бы в книжке не вывести кавалерию, форсирующую реку вброд, а кони все пятнистые от солнца в кронах; и отчего бы не заставить маршировать солдатиков по бело-глинистому плацу напротив пулеметного училища, такие маленькие фигурки, так далеко; а из окна Квинтаниллы видны горы. Или рассказать о том, как просыпаешься утром, улицы по-воскресному пустые, только орет кто-то вда-

[40] Примечания: 40
Как дела, Хуанито?» — «Как дела, дружище, как дела?» *(исп.)*

леке, а затем начинается пальба. Такие вещи случаются не раз, если живешь достаточно долго и не сидишь на месте.

А если умеешь держаться в седле и если не подводит память, ты еще сможешь прокатиться верхом по лесу над Ирати, где деревья как в детских книжках со сказками. Сейчас их вырубают. Бревна сплавляют по реке, отчего рыба передохла, а в Галисии ее глушат взрывами и травят; результат тот же самый; так что в конце концов здесь как дома, если не считать желтого дрока на горных лугах и мелкого дождичка. Со стороны моря, через хребты, наползают тучи, но когда ветер южный, вся Наварра золотится пшеницей, хотя она не растет на равнинах, а только на склонах холмов; ее рассекают обсаженные деревьями дороги, пятнают многочисленные деревни с колокольнями, двориками для игры в мяч, с запахом овечьего помета и площадями, где стоят лошади.

Если б только я мог изобразить желтое пламя свечей на солнце; которое сияет на свежесмазанных штыках и желтых портупеях из патентованной кожи тех, кто охраняет святые дары; или охотится парами в зарослях карликового дуба на горных склонах за угодившими в ловушку при

Деве (и что за длинная, горькая дорога выпала от парижской «Ротонды» для того лишь, чтобы тебя удавили в продутой сквозняками комнате под присмотром священника по приказу государства, и это после оправдательного приговора, но бургосский капитан-генерал его отменил); и в том же городе, где Лойола получил свою рану, что заставила его задуматься, изобразить храбрейшего из тех, кого предали в тот год, а он взял и нырнул с балкона на брусчатку двора, головой вперед, потому что поклялся, что его не убьют (мать пыталась взять с него слово, что он не покончит с собой, потому что больше всего беспокоилась за его бессмертную душу, но он прыгнул ловко и мощно со связанными за спиной руками, пока конвойные читали молитву); если б только я смог его изобразить; изобразить епископа; изобразить Кандидо Тиебаса и Торона; изобразить, как тучи быстро заливают тенью пшеницу и маленьких, опасливо ступающих лошадей; запах оливкового масла; ощущение выделанной кожи в руках; крестьянские сандалии с подошвой из плетеной пеньки; связки чеснока; глиняные горшки; переметные сумы через плечо; винные бурдюки; вилы из натурального дерева (зубья были ветками); запахи раннего утра; зябкие ночи в горах и

длинные жаркие дни лета, с вечными деревьями и тенями под кроной: вот тогда бы получился кусочек Наварры. Но в этой книжке этого нет.

А ведь надо бы вывести еще Асторгу, Луго, Оренсе, Сорию, Таррагону и Калатаюд, каштановые рощи на высоких холмах, зеленый простор и реки, красную пыль, узкие полосы тени между высохшими руслами и холмами пропекшейся белой глины; прохладу прогулок под мальмами в старом городе на утесе над морем, прохладу вечернего бриза; комаров по ночам, но по утрам вода чиста, а песок бел; а еще посиделки в дремотных сумерках у Миро, виноградники аж за горизонт, прочерчены шпалерами кустарниковых изгородей и дорогой; железнодорожное полотно, и море с галечным пляжем, и высокие стебли папируса. А еще там были глиняные бочки для вина разных урожаев, уложенные в погребе рядами двенадцать футов высотой;[41] будка на крыше дома, чтобы забираться туда по вечерам и разглядывать виноградники, деревни и горы, и слушать и слышать, до чего кругом тихо. Перед сараем женщина держала в руке утку, которой только что перерезала горло, и ласково

[41] Примечания: 41
Около 4 метров.

ее гладила, а рядом стояла маленькая девочка, подставляя чашку собрать кровь для соуса. Утка выглядела очень довольной, и когда ее опустили на землю (вся кровь в чашке), она сделала пару ковыляющих шажков и обнаружила, что уже мертва. Мы ее потом съели, нафаршированную и зажаренную, и многие другие блюда тоже, с вином нынешнего и прошлого урожаев, и того особо удачного сбора, что выпал четырьмя годами раньше, и вино прочих лет, так что я сбился со счета, а длиннорукий мухогон с заводным механизмом все крутился и крутился под нашу болтовню на французском. Хотя все понимали по-испански лучше.

Таков был *Montroig*, произносится «Монтройч», одно из многочисленных мест в Испании, где есть к тому же улицы Сантьяго под дождем; и вид города в ладони холмов, когда спускаешься домой; и все эти телеги, которые катятся, нагруженные донельзя, по гладкому камню вдоль тракта на Грао, тоже должны быть в этой книге, как и временная деревянная арена в Нойя, пахнущая свежераспиленной древесиной; Чиквито с его девичьей мордашкой, великий артист, «fino, muy fino, pero

frío».[42] Валенсия II с его неудачно заштопанным глазом, так что веко осталось вывернутым, и он уже не мог вести себя дерзко. И тот мальчишка, который вообще промахнулся по быку в момент закалывания, и второй раз тоже промазал. Если не засыпать на поздних представлениях, там можно было увидеть много чего забавного.

В Мадриде один комический тореро, дважды получивший на орехи от Родалито, пырнул того ножом, вдруг решив, что ему опять грозит взбучка. Агуэро усаживал всю семью за свой стол; один копия другого, только возраст разный. Сам он напоминал бейсболиста или футбольного куотербека, а вовсе не матадора. Каганчо питался в номере, брал еду руками, потому что не пользовался вилкой. Не смог этому научиться, так что когда завелись денежки, он уже не ел на публике. Ортега помолвился с «Мисс Испания», вот уж действительно Красавица и Чудовище; ну а кто у нас был самым остроумным? «Деспердисиос» из «Ла гасета дель норте»; остроумнее я не читал.

А наверху, в апартаментах Сидни, целый день проходной двор: одни заявляются в поисках работы, когда он сам будет выступать, другие

---

[42] Примечания: 42
«Изысканный, очень изысканный, но холодный» *(исп.)*

одолжиться деньгами, третьи за старой кружевной сорочкой или костюмом; все до единого тореро, все хорошо известные в том или ином месте в обеденный час; все отменно вежливые, поголовно неудачники; мулеты свернуты и убраны в стопку; плащи все сложены; шпаги в футляре тисненой кожи; все в шкафу; черенки мулет в нижнем ящике, костюмы в дорожном сундуке, ткань в чехлах, чтобы уберечь золото вышивки; мое виски в глиняной баклаге; «Мерседес, подай-ка стаканы»; а та: «Он всю ночь мучился лихорадкой и лишь с час назад вышел из дому». А вот и он. «Ну как самочувствие?» — «Отлично». — «А она говорит, у тебя лихорадка». — «Ерунда, сейчас все отлично. А что, доктор, отчего бы нам не перекусить здесь? Она может сбегать в лавочку и приготовить салат». Мерседес, ах Мерседес…

Потом можно было прогуляться по городу до кафе, где, как уверяют, человек проходит свои университеты, выясняя, кто кому должен, и кто что из кого выцыганил, и почему вон тот заявил вон тому «поцелуй меня в это самое», и кто кому настрогал детей, и кто на ком женился, да после каких событий, и сколько ушло времени на то-се-пятое-десятое, и что сказал врач. И кто места себе не мог найти от радости, когда выяснилось,

что с быками припозднились, их доставят прямо в день боя, стало быть, ноги-то у них будут еще слабоваты; сделаю парочку пассов — *¡pum!*[43] — и дело в шляпе, сказал он, но потом вдруг зарядили дожди, и бой отложили на неделю, и вот тогда-то он получил свое. И кто ни за что не станет драться с кем, и когда, и отчего; а что до нее, то разве она?.. ну конечно, а ты, дурачок, и не знал? разумеется, именно так и никак иначе, она их с потрохами глотает; и прочие ценнейшие сведения, которые почерпываешь в кафе. В кафе, где парни всегда правы; в кафе, где каждый храбрец; в кафе, где тарелки горками, а выпивку подсчитывают карандашом на мраморных столешницах, заплеванных лузгой от креветок невесть какого года вылова, и где всякий отлично себя чувствует, потому что ни у кого нет столь явного успеха, и где к восьми часам у всех и каждого жизнь удалась, если только кто-то другой заплатит за него по счету.

Что еще должна содержать в себе книга о стране, которую так любишь? Рафаэль говорит, что все сильно изменилось и что он в Памплону больше ни ногой. Я нахожу, что «Ла либертад»

---

[43] Примечания: 43
Ба-бах! *(исп.)*

сильно смахивает на французскую «Ле тан». Это уже не та газета, где достаточно было тиснуть объявление, и ты мог быть уверен, что его увидит последний мазурик; нынче в почете республиканцы, и Памплона уже другая, конечно, хоть и не в той степени, как мы, постаревшие. Я обнаружил, что если хлопнуть стаканчик, он совершенно тот же, каким был всегда. Я знаю, что сейчас времена меняются, но мне все равно. Для меня они всегда менялись. Да пусть все меняется. К тому моменту, когда все чересчур поменяется, мы уже уйдем, и если после нас не будет потопа, летом на севере вновь прольются дожди, и соколы будут гнездиться на соборе в Сантьяго и в Ла-Гранха, где мы практиковались с плащом на длинных, усыпанных гравием дорожках между тенями, и какая разница, работают ли фонтаны. Мы уже никогда не вернемся затемно из Толедо, не смоем «Фундадором» пыль из глоток, больше не будет таких июльских ночей, как той неделей в Мадриде. На наших глазах это ушло, и мы вновь увидим, как оно все уходит. Главное остаться самому, сделать свою работу, увидеть, услышать, узнать и понять; и записать, если сумел в чем-то разобраться; но не раньше; но и, черт возьми, не чересчур поздно. Пусть те, кому хочется, спасают

мир, лишь бы сам ты сумел увидеть его ясно и во всей полноте. Тогда любая часть, какую ты изобразишь, отразит собой целое, если только не искажена. Работать надо, вот что, и учиться это делать. Нет. Это еще не книга, но все же имелись вещи для разговора. Кое-какие дельные вещи, о которых надо было рассказать.

Библиографическое замечание

Читатель, желающий изучить историю испанской корриды, может обратиться к перечню из 2077 изданий о тавромахии на испанском (чьим создателям автор этой книги глубоко обязан и приносит свои извинения за вторжение), а именно, «Libros y Folletos de Toros, Bibliografía Taikina, Compuesta Con Vista de la Biblioteca Taurómaca de D. José Luis de Ybarra y Lopez de Calle por Graciano Díaz Arquer», опубликованному в Мадриде по заказу библиографа Педро Винделя.[44]

[44] Примечания: 44

«Книги и брошюры о быках. Библиография корриды, составленная для Библиотеки тавромахии дона Хосе Луиса-и-Ибарры-и-Лопеса-де-Калье силами Грасиано Диаса Аркера».

Пояснительный словарь кое-каких терминов и фраз, используемых в корриде

A

Abanico — раскрытый, как опахало.

Abanto — нерешительный бык, отказывающийся атаковать, но, возможно, уколы его раззадорят.

Abierto de cuerna — широкорогий.

Abrir el toro — вывести быка от барреры на середину арены.

Aburrimiento — скука, основное чувство, вызываемое плохим боем. Может быть слегка скрашена пивом. Но лишь очень холодным, иначе абурримьенто только усугубится, и станет совсем плохо.

Acero — сталь. Общепринятое название для шпаги.

Acometida — атака быка.

Acornear — ранить рогом.

Acosar — один из этапов испытаний телят на ферме. Всадник отбивает бычка от стада и гоняет по полю, пока тот не развернется и не бросится

в атаку.

Acosón — это когда бык гоняется за тореро.

Acostarse — склонность быка атаковать тореро под углом и преимущественно с какой-то одной стороны. В этом случае тореро должен уступить ему дорогу, иначе попадется на рог.

Achuchón — толчок, который тореро получает от проносящегося мимо быка.

Adentro — участок арены между быком и барьерой.

Adorno — любой бессмысленный, но внешне очень эффектный прием, которым тореро желает подчеркнуть свое господство над быком. Подобные украшательства могут быть как безвкусными, так и утонченными, и варьируются от падения на колени спиной к быку до развешивания зрительских шляп на рогах. Самый несуразный адорно из всех, что я видел, подарил нам Антонио Маркес — он укусил быка за рог. А самый филигранный исполнил Рафаэль Эль Галло, когда, вонзив все четыре пары бандерилий, во время работы с мулетой принялся их выдергивать по штучке за раз, устраивая быку передышки, чтобы тот пришел в себя.

Afición — любовь к корриде. Хотя это слово означает также публику на арене, обычно его

используют для обозначения наиболее развитой части болельщиков.

Aficionado — тот, кто разбирается в боях, причем не только в целом, но и в деталях, до сих пор не утратив к ним интерес.

Afueras — участок арены между ее центром и быком.

Aguantar — метод убийства со шпагой и мулетой, заключающийся в том, что если бык неожиданно кинется в атаку в момент выполнения обрисовки, матадор, не сходя с места, проведет быка мимо себя с помощью мулеты, которую низко удерживает левой рукой, а правой вонзит шпагу. Я обратил внимание, что в девяти случаях из десяти этот прием выполнятся смазано, так как матадору не хватает выдержки стоять на месте, чтобы нанести удар в достаточно близком контакте, тем самым угодив в нужную точку, и шпага в результате попадает в шею, куда и так-то легко добраться, не подвергая себя практически никакому риску.

Aguja — то есть «игла», одно из названий бычьего рога. Кроме того, это слово означает верхние передние ребра в районе лопаток.

Ahondar el estoque — вогнать шпагу глубже после того, как она уже вонзилась в тело быка.

Это часто делает ассистент-шпажист, когда бык оказывается близко к баррере, а сам матадор почему-либо не способен его добить. Иногда это выполняют бандерильеро, набросив плащ на рукоять и дернув за полы вниз.

Ahormar la cabeza — приведение головы быка в правильное положение для убийства. Матадор должен выполнять это с помощью мулеты. Он опускает или поднимает голову животного низкими или, соответственно, высокими пассами, хотя в последнем случае бык иногда настолько сильно вытягивает шею вверх, что еще сильнее ее утомляет. Если у матадора не получается заставить быка вскинуть голову, обычно ему на помощь приходит бандерильеро, вскидывая плащ. Объем работы матадора зависит от того, как пикадоры обошлись с быком и насколько удачно были воткнуты бандерильи.

Aire — ветер, злейший враг матадора. Чтобы плащи и мулеты не были слишком уж подвержены прихотям ветра, их намачивают и валяют в песке арены. Впрочем, слишком сильно их утяжелять нельзя, так как это приведет к утомлению запястий матадора, к тому же при сильном ветре их все равно не удержать. Ветер может откинуть плащ или мулету в любой миг, открывая челове-

ка ударам быка. В любом бою на арене найдется местечко, где ветер слабее всего, поэтому тореро должен найти эту точку, встать с подветренной стороны и по возможности именно там выполнять все свои хитроумные пассы с плащом и мулетой — если, конечно, удастся завести туда быка.

Al alimón — весьма дурацкий пасс, при котором два человека держат плащ за кончики и пропускают быка под ним. Здесь нет риска, и увидеть этот пасс можно лишь во Франции или там, где публика на редкость наивна.

Alegrar al toro — раззадорить быка, когда он стал чересчур медлительным.

Alegría — веселость; изящный и живописный севильский стиль в противоположность классически-трагической манере рондской школы.

Alguacil — наездник-распорядитель, действующий согласно приказам президента корриды; возглавляет процессию тореро во время парада, или пасео; одет в костюм эпохи Филиппа Второго; получает от президента ключ для отмыкания двери ториля, а во время боя передает распоряжения президента, адресованные участникам. Обычно эти приказы сообщаются посредством переговорной трубки, которая соединяет пре-

зидентскую ложу с проходом между ареной и передним зрительским рядом. Как правило, на каждом бою присутствуют два альгвазила.

Alternativa — официальное производство матадора де новильос, то есть тореро-стажера, в матадора де торос, то есть полного матадора. На ней старший матадор предстоящего боя передает свое право на убийство первого быка, вручая мулету и шпагу тому тореро, который впервые в жизни подменит — другими словами, станет альтернативой — полного матадора де торос. Собственно церемония посвящения начинается по сигналу горна, возвещающего о предстоящей смерти первого быка. Будущий матадор выходит вперед с плащом, перекинутым через руку, и встречает старшего матадора, который вручает ему шпагу и мулету, в ответ принимая плащ. Они обмениваются рукопожатием, после чего новый матадор убивает первого быка. Затем он возвращает шпагу и мулету старшему матадору (который отныне считается как бы «крестным отцом»), кто убивает второго быка. После этого матадоры чередуются традиционным образом: третьего быка убивает второй по старшинству, четвертого — самый старший, пятого вновь второй по старшинству, и, наконец, новоиспеченный

полный матадор убивает последнего, шестого быка. Если альтернатива состоялась на территории Испании, его новое звание действительно на всех аренах полуострова, за исключением Мадрида. При первом появлении на столичной арене после провинциальных выступлений церемония должна быть повторена. Альтернативы, состоявшиеся в Мексике или Южной Америке, в Испании не признаются; их требуется заново подтвердить боями в провинции, а затем в столице.

Alto: пасе пор альто — это пасс, при котором бык проскакивает под мулетой.

Alto — эн тодо ло альто — удар шпагой или эстокада в правильную точку, то есть высоко между лопатками.

Ambos — оба; ambas manos: обе руки.

Amor propio — amour-propre, самоуважение, редкая вещь в современных тореро, особенно после их первого успешного сезона или когда они уже заручились полусотней контрактов, а то и больше.

Anda — «давай!», «шевелись!». Этот выкрик слышен очень часто; им подгоняют пикадоров, которые неохотно идут на сближение с быком.

Andanada — дешевые верхние места на солнечной стороне зрительского амфитеатра, которые

по своему местонахождению являются антиподами лож на теневой стороне.

Anillo — арена. Кроме того, так называется кольцо в основании рога, по которому можно узнать возраст быка. Первое кольцо означает три года. Затем кольца появляются ежегодно.

Añojo — годовалый бычок.

Apartado — сортировка быков, обычно проводимая в полдень перед боем; животных разводят по отдельным загонам в том порядке, в котором они примут участие в корриде.

Aplomado — «неповоротливый», «затяжелевший» — то состояние, в котором бык часто находится ближе к концу боя.

Apoderado — представитель тореро, его агент-устроитель. В отличие от боксерских импресарио, эти люди редко когда получают больше 5 процентов за каждый бой, на который они подписывают своего матадора.

Apodo — профессиональный псевдоним тореро.

Aprovechar — удачно воспользоваться отличным быком, который достался матадору. Не взять все от несложного и благородного животного, не показать с ним блестящий бой — это самый страшный грех, который может совершить ма-

тадор. Трудные быки достаются намного чаще, и если матадор упустит свой редкий шанс, толпа разгневается на него намного сильнее, нежели в случае, когда он выступает неудачно из-за действительно сложного животного.

Apurado — изнуренный, утративший силы бык из-за плохо организованного боя.

Arena — песок, которым покрыта площадка для боя.

Arenero — служитель, разглаживающий песок после того, как была вытащена туша очередного убитого быка.

Armarse — это когда матадор сворачивает мулету и бросает взгляд вдоль клинка, который должен показывать точно на быка, образуя вместе с вытянутой рукой сплошную линию, идущую от лица.

Arrancada — еще одно название для атаки быка.

Arrastre — вытаскивание туш убитых животных с помощью тройки мулов или лошадьми. Первыми вытаскивают конские трупы. Если бык оказался исключительно храбрым, толпа ему рукоплещет. Иногда его протаскивают вдоль всего ограждения арены, как бы совершая круг почета.

Arreglar las pies — заставить быка сомкнуть

передние ноги перед тем, как матадор резко сокращает дистанцию для последующего закалывания. Если одна нога стоит впереди другой, соответственно сместится лопатка, тем самым закрывая то «окошко», куда полагается вонзать шпагу.

Arrimarse — работать с быком в тесном контакте. Если матадоры arriman al toro [«Прислоняются к быку» (исп.).], коррида будет удачной. Скука возникает, когда они начинают держаться подальше от рогов.

Asiento — сиденье.

Astas — еще один синоним для рогов.

Astifino — бык с тонкими острыми рогами.

Astillado — бык с расщепленным рогом; обычно это следствие удара в стенку клетки или скотного двора после доставки. Такие рога наносят самые страшные раны.

Atrás — позади; задом наперед.

Atravesada — поперек; шпага вонзается под углом, так что клинок прорывает шкуру и его кончик выходит с другого бока. Подобное явление — если только бык не вильнул во время атаки — свидетельствует о том, что человек сократил дистанцию наискосок.

Atronar — забить пунтильей, т. е. кинжалом,

вонзив его между шейными позвонками. Выполняется сзади, когда смертельно раненный бык лежит на земле; при этом происходит разрыв спинного мозга, тем самым мгновенно приканчивая животное. Этот добивающий удар наносит пунтильеро, один из бандерильеро, который, прежде чем подойти к быку, надевает на правую руку брезентовый нарукавник, чтобы не запачкать одежду кровью. Если же бык еще стоит на ногах и добивание проводит сам матадор, причем на этот раз спереди и с помощью либо пунтильи, либо специальной шпаги, то такой удар называется дескабельо.

Avíos de matar — орудия убийства, а именно, шпага и мулета.

Aviso — предупредительный сигнал, который по указанию президента выдувает горнист, когда бык еще жив, хотя матадор уже десять минут как пытается его убить с помощью шпаги и мулеты. Второй авизо звучит через три минуты, а третий и последний — еще через две. Третий авизо означает, что матадор должен вернуться к баррере, после чего на площадку запускают быков-вожаков (их уже держат наготове после первого авизо) для вывода быка с арены. На всех крупных аренах имеются огромные часы, чтобы зрители могли

сами следить за временем, которое матадор тратит на проделывание своей работы.

Ayudado — пасс, при котором мулета дополнительно расправляется кончиком шпаги, вонзенным в ткань; мулете как бы «помогают», отсюда такое название.

Ayuntamiento — муниципальный совет, а также здание городской управы в Испании. На испанских аренах чиновникам аюнтамьенто всегда резервируют ложу.

B

Bajo — низкий. Низкий укол пикой — это попадание в боковую часть шеи возле лопаток. Удар шпагой, угодивший под верхнюю часть лопаток или переднюю половину шеи, также называется бахо.

Bajonazo — как правило, преднамеренное вонзание шпаги в шею или нижнюю часть плеча, когда матадор решил убить быка, не подвергая себя риску. Выполняя бахонасо, матадор хочет перерезать шейные артерии или вены или же проткнуть легкие. Таким ударом он просто закалывает быка как мясник, не сократив дистанцию и не дав рогу пролететь вплотную к телу.

Banderilla — семидесятисантиметровый дротик

круглого сечения, обернутый цветной бумагой, со стальным гарпунным наконечником. Бандерильи вонзаются попарно во втором акте корриды; наконечник цепляется за шкуру. Вонзать их надо высоко, в районе верхней части лопаток и близко друг к другу.

Banderillas cortas — короткие, двадцатипятисантиметровые бандерильи. Нынче почти не в ходу.

Banderillas de fuego — бандерильи с шутихами, применяемые к быкам, которые отказываются атаковать пикадоров; предполагается, что резкий треск взрывающегося пороха заставит быка вздрогнуть, замотать головой и тем самым утомить шейные мускулы — та самая цель, ради которой и стараются пикадоры.

Banderillas de lujo — особо красочные бандерильи, используемые на бенефисах. С ними сложнее работать из-за увеличенного веса и неудобного хвата.

Banderillero — тореро, действующий под началом матадора, который и оплачивает его работу из собственного кармана. Бандерильеро помогает гонять быка плащом и вонзает бандерильи. В команде каждого матадора четыре бандерильеро, которых иногда называют пеонами. Когда-то их

также называли чулос, но это слово больше не в ходу. Бандерильеро зарабатывают от 150 до 250 песет за бой. Работают по очереди — двое вонзают бандерильи в одного быка, двое других — в следующего. Во время турне все — кроме вина, кофе и табака — оплачивает матадор, который в свою очередь берет деньги у агента-устроителя.

Barbas — El Barbas — жаргонное словечко, бытующее среди тореро и означающее крупных зрелых быков в возрасте четырех с половиной лет, которые дают не менее трехсот двадцати кило мяса при разделке, то есть за вычетом рогов, копыт и шкуры. Эти быки знают, как использовать свои рога и как заставить тореро отработать свои денежки.

Barrenar — надавливание на шпагу, когда матадор уже вонзил ее в проносящегося мимо быка. Как только рога его минуют, он может давить на клинок, сам ничем не рискуя.

Barrera — выкрашенное в красный цвет деревянное ограждение, устроенное вокруг песчаной площадки, на которой проводится бой быков. Первый ряд зрительских сидений также называется баррера.

Basto — топорный, неотесанный, лишенный изящества, артистичности и подвижности.

Batacazo — грузное падение пикадора.

Becerrada — бенефисное выступление любителей или тореро-стажеров с молодыми и потому неопасными бычками.

Becerro — молодой бычок (до года).

Bicho — букашка. Жаргонное словечко для быка.

Billetes — билеты на корриду. NO HAY BILLETES [«Билетов нет» (исп.).] — надпись на кассовом окошке, означающая, что все места распроданы; голубая мечта агента-устроителя. Но официант в соседнем кафе практически всегда обеспечит тебя билетиком, если ты готов заплатить спекулянтскую цену.

Bisco — бык, у которого один рог сидит ниже другого.

Blando — бык, не выносящий уколов.

Blandos — мясо без костей. Говорят, что эстокада «угодила в бландос», если шпага вошла в нужную точку без затруднений, не наткнувшись на кость.

Bota — винный бурдюк или дорожная баклажка. На севере Испании ими швыряется восторженная толпа, приветствуя матадора-триумфатора, совершающего круг почета вдоль барреры. По идее, матадор должен отпить глоток и бросить

флягу обратно. Они далеко не в восторге от этого обычая, потому что невзначай пролитое вино может запачкать их дорогостоящие кружевные сорочки.

Botella — бутылка; ими швыряются дикари, пьяницы и разъяренные зрители, желающие выразить свое неодобрение.

Botellazo — удар бутылкой по черепу; противоядие: не лезь в споры с пьяными.

Boyante — нетрудный для работы бык, который бегает за тканью как привязанный, атакует бесхитростно и смело.

Bravo — Toros bravos: храбрые и свирепые быки.

Bravucón — бык, который блефует и на самом деле вовсе не такой уж храбрец.

Brazuelo — плечо, верхняя часть передней конечности животного. Быка можно искалечить и сделать непригодным для последующего боя, если пикадор угодит ему в сухожилия брасуэло.

Brega — собственно работа, которая выполняется с каждым быком, включая все действия, в том числе и убийство.

Brindis — формальное приветствие, а также посвящение быка президенту или любому иному лицу, которое делает матадор перед боем. При-

ветствие президенту обязательно для каждого матадора, прежде чем он сразится со своим первым быком. Поприветствовав президента, он может посвятить быка любому высокопоставленному чиновнику, который присутствует на корриде, любой знаменитости среди зрителей или просто своему другу. Когда матадор посвящает быка какому-то индивидууму, он швыряет ему свою шляпу, и тот сохраняет ее до окончания боя. Когда бык заколот, матадор возвращается за своей шляпой, которая швыряется ему обратно, на этот раз со вложенной визитной карточкой или каким-то сувениром, если, конечно, человек заранее знал, что ему будет посвящен бык, и пришел подготовленным. В таких случаях подарок обязателен, если только речь не идет о коллеге-тореро.

Brio — яркость и живость.

Bronca — шумный, неодобрительный протест со стороны зрителей.

Bronco — свирепый, нервный, непредсказуемый и трудный бык.

Buey — бык-вожак или вол; или бык, который тяжеловесен и своими повадками напоминает вола.

Bulto — «тюк»; собственно человек, а не маски-

рующая ткань. Бык, который охотится за «тюком», не обращает никакого внимания на плащ или мулету, несмотря на все искусство тореро: ему нужен лишь человек. Практически всегда такой бык уже участвовал в боях, например, бычком в бытность на ферме или, в нарушение государственных требований, на корриде в какой-нибудь деревне, после чего его не убили.

Burladero — дощатая кабинка на скотном дворе или возле барреры, где в случае необходимости могут укрыться пастухи или тореро.

Burriciegos — быки с нарушениями зрения. Дальнозоркие, близорукие или попросту подслеповатые. С близорукими можно показать хороший бой, если тореро не боится приблизиться и, проворачиваясь с животным, не дает тому упустить из поля зрения приманку. Дальнозоркие особи крайне опасны, так как бросаются в атаку неожиданно и очень быстро, причем с аномально большой дистанции; для нападения они выбирают самый крупный объект, привлекший их внимание. Подслеповатый бык зачастую обретает такое свойство непосредственно во время боя, когда глаза запорошила пыль либо он слишком тучен, из-за жары или когда он мордой угодил в раненую лошадь, забрызгав себе глаза. С

такими быками практически невозможно показать сколь-нибудь блестящий бой.

C

Caballero en plaza — португальский или испанский тореро верхом на специально обученной породистой лошади, который благодаря помощи со стороны одного или нескольких пеших помощников, плащами загоняющих быка в нужную позицию, вонзает в него бандерильи с одной или обеих рук, после чего убивает копьем, опять-таки не покидая седла. Такого всадника называют также рехонеадор, от слова рехон, то есть копье. Рехон представляет собой острый как бритва, узкий, кинжалообразный стальной наконечник на деревянном древке, которое было заранее подпилено, чтобы после вонзания его можно было обломить; при этом наконечник остается в быке и все глубже проникает в рану по мере того, как животное вскидывает голову и бодается, порой даже убивая его, хотя собственно удар копьем внешне кажется не очень опасным. Для этой формы корриды требуются чрезвычайно развитые навыки верховой езды, маневры сложны и трудны, но, посмотрев несколько таких боев, начинаешь скучать по обычной корриде, так как

здесь человек не подвержен опасности. Рискует лошадь, а не всадник; именно лошадь находится в движении, когда тореро приближается к быку, и любое ранение, которое она может получить из-за просчета или неопытности своего наездника, как раз на нем не сказывается. Да и самому быку часто пускают кровь и быстро изнуряют глубокими ранами от копья в пределах запрещенной территории, то есть в шее. А коль скоро после первых двадцати ярдов лошадь всегда обгонит быка, дело превращается в погоню более медленного животного за более быстроногим, к тому же преследователь получил перед этим удар копьем из седла. Все это находится в полнейшем противоречии с теорией пешей корриды, где тореро полагается не сходить с места при нападении быка и отвлекать животное движением куска ткани в своих руках. При верховой корриде человек использует лошадь как приманку, понуждая быка атаковать, частенько заходя на него с тыла, но, как бы то ни было, приманка вечно в движении, и чем больше подобных боев я вижу, тем скучнее они мне кажутся. Демонстрируемое искусство верховой езды восхитительно, выдрессированность лошадей изумляет, но в целом вся эта затея напоминает скорее цирк, а не церемо-

ниальную корриду.

Caballo — лошадь. Пикадорского коня также называют пенко или, изъясняясь более литературно, росинантэ, ну и множеством других словечек, которые соответствуют нашему обычаю обзывать загнанных скакунов клячами, одерами, маханами и так далее.

Cabestros — специально обученные быки-вожаки, которых привлекают для управления боевыми быками. Чем они старше и опытней, тем полезней в деле и выше ценятся.

Cabeza — голова.

Cabeza a rabo — пасс, при котором бык проходит под мулетой с головы до хвоста.

Cabezada — бодок, т. е. удар головой.

Cachete — иное название для забивки рухнувшего на землю быка с помощью пунтильи.

Cachetero — тот, кто забивает быка с помощью пунтильи.

Caída — падение пикадора, когда бык сбивает его лошадь с ног. Удар шпагой, в отличие от бахонасо случайно пришедшийся ниже правильной точки и ближе к шее, также называется каида.

Calle — улица; как раз здесь чаще всего можно встретить тореро-неудачников. В «Испании принято считать, что если кто-то постоянно

околачивается на улице, ему попросту некуда больше идти; или его не хотят там видеть.

Callejón — кольцеобразный проход между деревянным щитовым ограждением арены, или баррерой, и первым рядом зрительским мест.

Cambio — перемена. Пасс плащом или мулетой, при котором тореро, тканью приняв нападение быка, меняет его направление, перемещая ткань так, что бык, вместо того чтобы проскочить мимо человека с одной стороны, проскакивает с другой. Кроме того, в ходе камбио мулету можно перекладывать из руки в руку, закручивая и «стопоря» быка. Иногда мулету перекладывают за спиной. Это чисто декоративное ухищрение, никак не влияющее на быка. Под камбио в позе со вскинутыми руками для вонзания бандерилий понимается финт туловищем, который вынуждает быка сменить направление атаки; этот прием был подробно разобран в тексте.

Camelo — надувательство; тореро, который жульническими приемчиками пытается создать впечатление, что работает близко к быку, хотя на деле не идет на риск.

Campo — сельская местность. Под фаэнас дель кампо понимаются все операции в ходе выращивания, клеймения, проверки, гуртования, отбора

и отгрузки быков со скотоводческих ферм.

Capa или capote — плащ, используемый в корриде. По своей форме напоминает традиционный зимний плащ испанцев; обычно шьется из плотного, жесткого перкаля на шелковой подкладке, с упрочненным воротником; снаружи светло-вишневый, с изнанки желтый. Качественный боевой плащ обойдется в 250 песет. Весит он вполне ощутимо; кроме того, в кромку матадорского плаща вшивают пробковые бобышки, помогающие собирать плащ в складки перед тем, как махнуть им обеими руками.

Caparazón — защитная попонка, прикрывающая грудь и брюхо пикадорской лошади.

Capea — неформальная коррида или поддразнивание быков на деревенских площадях с участием любителей и стажирующихся тореро. Кроме того, эта пародия на истинную корриду устраивается в отдельных районах Франций или там, где убийство быков запрещено; в этом случае пикадоры не применяются, а собственно заклание лишь имитируется.

Capilla — часовенка на арене, где тореро могут помолиться перед выходом на бой.

Capote de brega — боевой плащ, см. описание выше.

Capote de paseo — роскошный парадный плащ, в котором тореро появляется на арене. С богатой вышивкой золотом или серебром, стоит от полутора до пяти тысяч песет.

Cargar la suerte — первое движение руками, которое производит матадор, когда бык достигает ткани во время атаки: он перемещает приманку вперед и вбок, отсылая быка прочь от себя.

Carpintero — местный плотник, дежурящий в кальехоне на случай срочного ремонта барреры или ворот арены.

Carril — колея, борозда или рельсовый путь; в корриде под каррилем понимается бык, который атакует строго по прямой, словно катается по рельсам, тем самым позволяя матадору показать свое искусство во всей его красоте и полноте.

Cartel — программа корриды. Также может означать репутацию или степень известности, которой обладает тореро в том или ином географическом месте. К примеру, ты спрашиваешь друга-тореро: «А какой у тебя картель в Малаге?», а он в ответ: «В Малаге-то? И не сосчитаешь. Там меня каждая собака знает». И действительно, вполне может статься, что последний раз, когда он появлялся в Малаге, толпа разъяренных и возмущенных зрителей с позором выгнала его

из города.

Carteles — афиши с анонсами корриды.

Castigaderas — длинные шесты, которыми верховые рабочие гуртуют или сортируют быков, разводя их по соответствующим загонам перед боем.

Castoreño — широкополые шляпы пикадоров. Сбоку украшены помпоном.

Cazar — убить быка шпагой обманным и предательским путем, когда человек не подставляет себя удару рога.

Ceñido — впритык к быку.

Ceñirse — идти на сближение. Применительно к быкам означает, что животное проходит настолько близко к человеку, насколько тот позволяет, причем при всякой атаке бык отыгрывает дополнительную дистанцию. Про человека говорят, что он синье, когда тот работает чуть ли не впритирку с животным.

Cerca — рядом; напр., рядом с рогами.

Cerrar — запирать. Сэррар аль торо: подводить быка к баррере; антоним abrir. Про тореро говорят, что он энсеррадо эн таблас [«Приперт к доскам» (реп.).], когда он вызвал атаку быка на себя, находясь вблизи барреры, так что путь к отступлению, с одной стороны, перекрывает ему

бык, а с другой — баррера.

Certeza — пиво; в Мадриде практически где угодно можно найти неплохое бочковое пиво, а вот за самым лучшим надо идти в «Сервесерию Альварес» на улице Виктории. Пиво подают пинтовыми кружками (называются доблес), или полупинтовыми стаканами, именуемыми канья, каньита или медиа. Мадридские пивоварни были основаны немцами, так что их пиво лучшее на континенте, за исключением Германии и Чехословакии. Наилучшее бутылочное пиво в столице — это «Эль Агвила». В провинциях отличное пиво варят в Сантандере («Крус бланка»), а также в Сан-Себастьяне. В этом городе лучшее пиво я нашел в кафе «Мадрид», «Ла марина» и «Куц». В Валенсии лучшее бочковое пиво, что я пробовал, оказалось в отеле «Валенсия», где его подают ледяным в стеклянных кувшинах. Кухня в этой гостинице — которая по части номеров не блещет — изумительна. В Памплоне замечательнейшее пиво можно найти в кафе «Куц» и «Ирунья». Пиво во всех прочих местах недостойно рекомендации. Я пил великолепное бочковое пиво в Паленсии, Виго и Ла-Корунье, но ни разу не встретил что-либо приличное в маленьких испанских городках.

Cerviguillo — верхняя часть бычьей шеи, где мышечный пласт образует собой т. н. моррильо, или загривок.

Chato — курносый.

Chico — маленький; также означает «паренек». Младших братьев тореро обычно именуют по фамилии или псевдониму с прибавлением «Чико», например: Армильита Чико, Аморос Чико и так дальше.

Chicuelina — пасс плащом, изобретенный Мануэлем Хименесом «Чиквело». Тореро предлагает свой плащ быку, а когда тот бросится в атаку и проскочит мимо, человек, покамест бык разворачивается, делает пируэт, закутываясь в плащ. При завершении пируэта он оказывается лицом к быку и готов выполнить следующий пасс.

Chiquero — загон, в котором бык поджидает своей очереди выйти на арену.

Choto — теленок-сосунок; презрительная кличка недорослей и недомерков бычьего племени.

Citar — дразнить быка с целью спровоцировать его атаку.

Clarines — горны, которыми по приказу президента подают сигналы, объявляющие переход к следующему этапу боя.

Claro — бесхитростный бык, с которым легко

работать.

Cobarde — трусливый бык или тореро.

Cobrar — собирать; ла мано де кобрар — правая рука.

Cogida — удар рогом в человека; дословно означает «урожай, улов»; если бык «словил» тореро, значит, тот угодил на рог.

Cojo — хромой; быка, которого в таком состоянии выпустили на арену, полагается заменять. Едва публика заметит, что им подсунули инвалида, как примется вопить «Кохо!».

Cojones — тестикулы; про тореро-храбреца говорят, что у него есть кохонес. У труса их нет. У быка эти анатомические части называются криадильяс, и, приготовленные любым способом, каким готовят «сладкое мясо» [Гастрономический термин, относящийся к зобной и поджелудочной железам], они представляют собой замечательное лакомство. Иногда во время боя с пятым быком в королевскую ложу подают криадкльяс первого животного. Примо де Ривера так любил пересыпать свою речь ссылками на мужские достоинства, что в народе стали поговаривать, мол, криадильи проросли у него в голове.

Cola — бычий хвост; обычно называется рабо. Также кола может означать очередь в билетную

кассу.

Colada — ситуация, в которой оказывается тореро, когда из-за своих ошибочных действий с плащом или мулетой приковал к себе внимание быка, и тот уже не хочет гоняться за тряпкой, а желает добраться до человека. Из такого положения тореро должен выпутываться как можно быстрее.

Coleando — удерживание быка за хвост, заворачивая его к голове животного. Бык при этом испытывает сильную боль, порой даже получает повреждение хребта. Такие вещи допускаются лишь в случае ранения или при угрозе для человека, сбитого на землю.

Coleta — куцая, плотно свитая, загнутая косичка на затылке тореро, куда привязывается монья, своеобразная пустотелая бляха, обтянутая черным шелком, размером с два серебряных доллара, которая закрепляется на шляпе. В старое время все тореро до единого носили такие косички, а вне арены прятали их под шляпами. Сейчас они обнаружили, что и косички и моньи могут быть накладными, их достаточно пришпилить к своей шевелюре непосредственно во время переодевания перед выходом на арену. Нынче такие «свинячьи хвостики» можно увидеть разве что

на головах провинциальных тореро-стажеров.

Colocar — класть, ставить на место; тореро считается бьен колокадо, когда он удерживает правильное местоположение на арене в течение всех этапов боя. Кроме того, этот термин применяется при описании точки попадания шпаги, пики и бандерилий. И наконец, матадор называется бьен колокадо, когда достигает заслуженного места в своей профессии.

Compuesto — собранный; удерживающий прямую осанку во время атаки быка.

Confianza — самонадеянность; пеон де конфьенца — доверенный бандерильеро-представитель, а порой даже советник матадора.

Corfiar — приобретать уверенность и обнадеживаться в схватке с быком.

Conocedor — старший пастух, присматривающий за выращиванием боевых быков на скотоводческой ферме.

Consentirse — близко подобраться к быку, чтобы выманить его на атаку, подставляя либо самого себя, либо приманку в виде плаща или мулеты.

Contrabarrera — второй ряд зрительских мест на арене.

Contratas — контракты, которые подписывают тореро.

Contratista de caballos — барышник; за фиксированную сумму поставляет лошадей для боя.

Cornada — рана от удара рогом; то есть самая настоящая, проникающая, в отличие от, скажем, варетасо, или кровоподтека при ударе плоскостью рога вскользь. Корнада де кабальо — огромная рана у человека, того сорта, которую бык обычно проделывает в лошадиной груди.

Cornalón — бык с огромными рогами.

Corniabierto — чрезвычайно широкорогий бык.

Comiavacado — «коровьерогий». Бык, чьи рога закручены вверх и назад.

Comicorto — короткорогий.

Cornigacho — бык с низколосаженными, прямонаправленными рогами.

Corniveleto — круторогий, то есть с высокопосаженными, прямонаправленными рогами.

Corral — скотный двор, тот загон, что примыкает к арене и где быки содержатся непосредственно перед боем. Там имеются кормушки, соль и вода.

Correr — гонять; используется для обозначения действий бандерильеро в первые минуты появления быка на арене.

Corrida или corrida de toros — испанская коррида.

Corrida de novillos-toros — коррида, на которую

выставляются либо бычки, либо матерые, но в чем-то ущербные экземпляры.

Corta — «короткий удар», эстокада, при которой шпага загоняется лишь ненамного глубже половины длины клинка.

Cortar — резать; тореро часто режут себе ладони, работая с мулетой и шпагой. Кортар ла ореха — отрезать бычье ухо. Кортар ла колета — отрезать косичку, то бишь уйти из профессии.

Cortar terreno — говорят, что бык «подрезает территорию тореро», когда после того, как человек спровоцировал нападение, побежав в сторону быка с таким расчетом, чтобы в точке пересечения их траекторий вонзить бандерильи, бык меняет направление своей атаки; другими словами, бык срезает угол, сворачивая непосредственно на человека.

Corto (torero corto) — матадор с ограниченным репертуаром технических приемов.

Corto — vestido de corto — быть в коротком жакете андалусийских пастухов. Раньше тореро ходили в таких костюмах за пределами арены.

Crecer — расти; бык «растет» по мере того, как распаляется от боли.

Cruz — крест. Место, где линия лопаток пересекает хребет. Именно сюда должна погрузиться

шпага при каноническом заклании. Кроме того, крестом называется положение рук, когда тореро, идя на резкое сближение перед убийством, перекрещивает верхние конечности. Говорят, что тореро отлично перекрестился, если его левая рука, низко держащая мулету, отводит ткань вбок, тем самым отсылая животное прочь от себя и подчеркивая ту крестовидную фигуру, что образована противоположной рукой, которая следует за шпагой. Фернандо Гомесу, отцу братьев Эль Галло, приписывают высказывание, мол, не умеющего креститься матадора ждут лапы дьявола. Или еще: «Что надо сделать, чтобы тут же очутиться на больничной койке?» — «Неправильно перекреститься».

Cuadrar — постановка быка в стойку для заклания; как передние, так и задние конечности сведены вместе, голова сидит не слишком высоко и не слишком низко. При работе с бандерильями: ситуация, когда животное набычивается, чтобы поддеть рогом, а боевую стойку принимает на сей раз человек, ступни вместе, руки работают параллельно, всаживая дротики в быка.

Cuadrilla — группа тореро под началом своего матадора; состоит из пикадоров и бандерильеро, один из которых выполняет функции пунти-

льеро.

Cuarteo — самая распространенная форма вонзания бандерилий, изложена в тексте; если речь идет о заклании, то имеется в виду финт или уклонение корпусом, чтобы отвильнуть в сторону при сближении с быком.

Cuidado — «берегись!», если используется как восклицание. Применительно к быку означает, что в процессе боя животное много чего усвоило и стало опасным.

Cuidando la línea — «держать линию фигуры»; следить, чтобы движения при работе с быком были эстетически выверенными.

Cumbre — кульминация; тореро кумбре: мастер из мастеров среди тореро; фаэна кумбре: вершина из вершин при работе с мулетой.

Cuna — «колыбель», пространство между рогами. То самое пристанище — причем временное — для человека, который очутился в безнадежной ситуации.

D

Defenderse — защищаться; говорят, что бык занял оборону, когда отказывается атаковать, но при этом внимательно следит за обстановкой и норовит боднуть всякого, кто к нему прибли-

жается.

Dehesa — пастбище, выгон.

Déjalo — «хватит!», «не трогайте его!» — кричит матадор своим пеонам, когда они наконец поставят быка в правильную позицию или когда сочтет, что животное уже достаточно утомлено плащами.

Delantal — изобретенный Чиквело пасс, при котором плащ разворачивается перед матадором так, что тот начинает напоминать беременную женщину с повязанным фартуком на ветру.

Delantera de tendido — третий ряд зрительских мест, идущий после контрабарреры и барреры.

Delantera de grada — первый ряд сидений на галерее.

Delantero — пара бандерилий или эстокада, всаженная впереди нужной точки.

Derecho — прямой; мано дэреча — правая рука.

Derramar la vista — «рассеивать взгляд»; бык быстро переводит глаза с одного объекта на другой, затем вдруг останавливает внимание на каком-то одном предмете и атакует.

Derrame — кровотечение, как правило, из пасти; если кровь яркая или пенится, это верный признак, что шпага попала неудачно и пробила легкие. Бывает, что бык истекает кровью из па-

сти даже при точно всаженном клинке, но это большая редкость.

Derribar — валить; всадник, вооруженный длинным шестом, гонится за молодым бычком и, ткнув его в круп у основания хвоста, на полном ходу валит с ног.

Derrote — удар рогами снизу вверх.

Desarmar — обезоружить матадора, вырвав у него из рук мулету — либо случайно, когда бык запутается рогом в ткани, либо нарочно, когда бык специально подбрасывает для этого голову, когда человек идет на сближение перед убийством.

Desarrollador — место, где быков разделывают на мясо после боя.

Descabellar — совершить дескабельо, то есть спереди добить смертельно раненного эстокадой быка, вонзив шпагу между основанием черепа и первым шейным позвонком так, чтобы перебить спинной мозг. Этот добивающий удар наносится матадором, пока бык еще на ногах. Если животное при смерти и уже сильно опустило голову, прием нетруден, так как при таком положении головы место нанесения удара открыто и легкодоступно. Многие матадоры, однако, не хотят вновь приближаться к рогам после первой эстокады, явилась ли она смертельной или нет, и пытаются

совершать дескабельо с еще вполне активным быком, а поскольку животное может вдруг вскинуть голову, заметив шпагу или ощутив боль, в такой ситуации прием становится сложным и опасным. Мало того, он опасен не только для матадора, но и для публики, так как резким ударом головой снизу вверх бык порой выбивает шпагу из рук, и она пролетает метров десять в воздухе. Нередки случаи, когда выбитая шпага убивала кого-то из зрителей на аренах Испании. А во французском Байонне несколько лет тому назад погиб кубинский турист, когда бык выбил шпагу из рук Антонио Маркеса, попытавшегося провести дескабельо. Маркес попал под суд за непредумышленное убийство, но был оправдан. В 1930-м от выбитой шпаги погиб зритель в испанской Толосе, а матадором, кому не удался дескабельо, был Маноло Мартинес. Шпага угодила человеку в спину, насквозь пробив туловище, и потом ее с натугой извлекли двое мужчин, при этом сильно порезав себе руки. Практика выполнения дескабельо на быке, который еще силен и для смертельного ранения требует как минимум дополнительную эстокаду — одна из наиболее отвратительных и постыдных вещей в современной корриде. Большинство скандальных и

позорных фиаско, которые потерпели склонные к трусости тореро вроде Каганчо, Ниньо де ла Пальма и Чиквело, были вызваны попыткой совершить дескабельо на быке, который еще мог защититься от такого удара. При каноническом дескабельо мулета удерживается низко, чуть ли не волочится по земле, чтобы вынудить быка опустить морду. Матадор может также уколоть быка в нос кончиком мулеты или шпаги, заставляя опустить голову. Когда шпага, чей клинок прямой и жесткий в отличие от обычно несколько изогнутой формы, попадает в правильную точку, лезвие перерубает спинной мозг и бык падает на месте, словно в нем какой-то кнопкой выключили электричество.

Descansar — отдыхать; под дескансо понимается антракт между третьим и четвертым быками, когда поливают водой и разравнивают песок на арене. Кроме того, тореро тоже может дать быку отдохнуть в промежутке между двумя связками пассов мулетой, если животное слишком уж запыхалось.

Descompuesto — расстроенный на нервной почве.

Desconfiado — недоверчивый или подозрительный.

Descordando — эстокада, или удар шпагой, случайно угодивший между позвонками и перебивший спинной мозг, отчего бык мгновенно погиб. Не путать с дескабельо или ударом пунтильи, который наносится в спинной мозг сознательно.

Descubrirse — раскрыться; в случае быка опустить голову, открывая доступ к месту, куда должна быть вонзена шпага. Применительно к тореро: лишиться маскировки тканью при работе с быком.

Desgarradura — прореха в бычьей шкуре по вине неопытного или неряшливо работающего пикадора.

Desigual — неровно выступающий тореро; то от него глаз не отвести, то скучища невероятная.

Despedida — прощальное выступление тореро; относиться к нему надо с известной долей здорового скептицизма, как и в случае оперных певиц. Как правило, действительно последнее выступление очень проигрышное, так как тореро, скорее всего, уже в чем-то хромает, отчего, собственно, и покидает профессию; или же он просто решил уйти на пенсию, чтобы сладко пожить на заработанные денежки, так что вряд ли станет всерьез рисковать и давать быкам возможность себя убить в самый последний день.

Despedir — это когда тореро плащом или мулетой отсылает быка прочь в конце пасса. Или отталкивание быка пикадором в конце атаки, когда пикадор разворачивает свою лошадь.

Despejo — освобождение арены от лишних людей перед боем. С некоторых пор зрителям в Мадриде уже не разрешают устраивать парад на арене до начала корриды.

Desplante — любая выходка тореро с потугой на театральность.

Destronque — увечье, понесенное быком вследствие чрезмерного изгиба хребта при слишком крутом «стопорении» плащом или мулетой.

Diestro — искусный; общее обозначение для матадора.

Divisa — цветной вымпел как эмблема скотовода, на зазубренном стальном стебле, который вонзается в морильо быка перед его выходом на арену.

División de plaza — разбивка арены на две части по диаметру для устройства двух боев одновременно. Нынче, когда коррида заорганизована, такого уже не увидишь, разве что крайне редко в ночных боях, где это делается в отсутствие иных способов привлечь публику, а также из уважения к обычаям старины.

Doblar — «перегибать»; бык, который после атаки разворачивается на сто восемьдесят и вновь нападает; добландо кон эль: тореро проворачивается заодно с быком, удерживая плащ или мулету перед мордой животного, чтобы приковать к приманке его внимание, если бык склонен прекращать нападение после первой же атаки.

Doctorado — жаргонное словечко, синоним альтернативы; докторская степень в тавромахии.

Dominio — способность утвердить господство над быком.

Duro — жесткий, крепкий, упорный. Кроме того, жаргонное словечко, которым обозначают костяк, в который может угодить шпага при заклании; а также серебряная монета в пять песет.

E

Embestir — нападать; эмбестир бьен: хорошо следовать за тканью; атаковать бесхитростно и пылко.

Embolado — бык, бык-вожак или телка, чьи рога прикрыты кожаными чехлами с утолщениями, чтобы притупить кончики.

Embroque — пространство между рогами; находиться между рогами.

Enmendar — исправлять или улучшать соб-

ственную стойку или позицию быка, менять место или переключаться на другой пасс, если текущий оказался неуспешным.

Empapar — центрировать голову быка относительно плаща или мулеты на приеме атаки с тем, чтобы животное ничего не видело, кроме складок приманки, которая перед ним перемещается.

Emplazarse — относится к поведению быка: занимать центр арены и отказываться его покидать.

Empresa — компания, занимающаяся организацией боев для данной арены.

Encajonamiento — размещение быков по индивидуальным клеткам для отправки с фермы на арену.

Encierro — перегон боевых быков с фермы, осуществляется при помощи быков-вожаков. В Памплоне это принимает форму гонки преследования, когда быки несутся за толпой горожан от скотного двора в пригороде до скотного двора арены. Быки, которым предстоит выйти на бой вечером, бегут по улицам в семь утра того же дня.

Encorvado — склоненный; тореро сгибается в пояснице, удерживая ткань приманки так, чтобы бык промчался как можно дальше от его тела.

Чем прямее осанка человека, тем ближе бык.

Enfermería — медпункт с операционной, который устраивается при каждой арене.

Enganchar — поднять на рога.

Engaño — любая хитрость для введения в заблуждение как быка, так и зрителя. В первом случае это плащ или мулета, во втором — мошеннические уловки, чтобы совершенно безопасные приемы выглядели рискованными.

Entablerarse — применительно к быку: занять позицию возле щитов барреры и отказываться оттуда уходить.

Entero — полный, целый; бык, подведенный к этапу заклания с полным запасом сил и прыти, несмотря на стычки с пикадорами и бандерильеро.

Entrar a matar — резко сократить дистанцию, чтобы заколоть быка.

Eral — бычок-двухлетка.

Erguido — выпрямленный; тореро, который держит совершенно прямую осанку во время работы с быком.

Espada — синоним шпаги; также может означать собственно матадора.

Espalda — лопатки или спина человека. Про содомита говорят, что он работает со спины.

Estocada — удар шпагой, когда человек резко сокращает дистанцию спереди, чтобы вонзить клинок быку между лопаток.

Estoque — шпага, используемая в корриде. Эфес имеет залитое свинцом и обтянутое замшей навершие, а также гарду в форме прямолинейной крестовины в пяти сантиметрах от навершия, причем рукоять и крестовина обернуты в красную фланель. В отличие от того, что мы читаем в «Девственной Испании», эфес вовсе не украшен самоцветами. Клинок длиной порядка семидесяти сантиметров и в районе острия слегка загнут с тем, чтобы лучше входил между ребрами, позвонками, лопатками и прочими костными структурами, которые ему могут встретиться. Современные шпаги изготавливаются с одной, двумя или тремя канавками или желобками вдоль клинка, чтобы в рану мог подсасываться воздух, в противном случае лезвие словно пробкой затыкает рану. Наилучшие шпаги делаются в Валенсии, и их цена зависит от числа желобков и качества взятой стали. Как правило, матадор имеет целый комплект шпаг, а именно, четыре обычных и одну прямоклинковую со слегка расширенным острием для дескабельо. Кромки всех шпаг (кроме той, что применяется в дескабельо)

затачиваются как бритвы, но только на половину длины клинка, считая от острия. Хранят их в мягких кожаных ножнах, а весь комплект носят в большом кожаном футляре, как правило, с декоративным тиснением.

Estribo — металлическое стремя пикадора; также брус на баррере где-то в полуметре от земли, который опоясывает арену Кольцом и служит своего рода ступенькой, чтобы тореро могли побыстрее сигануть за спасительную ограду.

Extraño — внезапный бросок вправо или влево; относится и к быку, и к человеку.

F

Facultades — физические данные или способности; говорят, что бык бережет свои факультадэс, когда не теряет боевых качеств, несмотря на боль.

Facultativo — Parte Facultativo: официальное врачебное заключение по поводу травм, полученных тореро по время боя. Составляется хирургом после обработки ран или оперативного вмешательства и передается президенту корриды.

Faena — совокупность пассов с мулетой, которые матадор выполняет в третьем и заключительном акте боя; кроме того, может означать

любое выполняемое действие во время корриды; фаэна дель кампо — любая операция при выращивании быков.

Faja — кушак тореро, который тот носит на поясе.

Falsa — фальшивый, неверный, мошеннический. Салидас эн фальса — попытки вонзить бандерильи с проходом мимо головы быка, которые не были реализованы: либо потому, что бык не бросился в атаку, и в этом случае человек поступил правильно, что не стал втыкать бандерильи, либо из-за того, что бандерильеро ошибся в расчетах. Иногда эти салидас выполняются очень изящно и служат для демонстрации глазомера матадора.

Farol — пасс плащом, который начинается как вероника, то есть ткань удерживается обеими руками, а в момент проскакивания быка мимо человека тот разворачивается вслед животному, описывая плащом круг за головой и спиной.

Farpa — длинная, тяжелая бандерилья, которой пользуются португальские тореро, вонзая ее из седла.

Fenómeno — феномен; изначально означал юного матадора с исключительными задатками для этой профессии; сейчас используется в ос-

новном саркастически в отношении тореро, чей карьерный рост обязан скорее газетной шумихе, чем личному опыту и способностям.

Fiera — хищник, зверюга; жаргонное словечко, означающее быка. Также применяется в отношении женщин легкого поведения.

Fiesta — празднество, народное гулянье; фиеста делос торос: коррида; фиеста насьональ: бой быков; имеет издевательский смысл в устах противников корриды, которые считают ее символом отсталости Испании относительно других европейских государств.

Fijar — «стопорение» бегущего быка в конкретном месте.

Filigranas — выкрутасы с быком; или артистически изящные усовершенствования любого пасса или действия в бою с быком.

Flaco — toro flaco: суховатый бык, тщедушный или со впалыми боками. Одним словом, не тучный.

Flojo — слабый, так себе, неубедительный, вялый.

Franco — благородный бык, с которым легко работать.

Frenar — тормозить; бык, который вдруг замедляет ход, пролетая мимо человека, чтобы

поддеть его рогом; это одно из наиболее опасных свойств животного, так как заранее его предсказать нельзя.

Frente por detrás — пасс плащом, при котором человек поворачивается к быку спиной, удерживая плащ обеими руками за спиной, причем ткань смещена либо вправо, либо влево. По сути дела, это та же вероника, только спиной к быку.

Fresco — невозмутимый, бесстыдный, циничный.

Fuera — «прочь!», «убирайся!», «пошел вон!». Все зависит от интонации и степени злобы при выкрике.

G

Gachis — местные потаскушки.

Gacho — с загнутыми вниз рогами.

Galleando — тореро накрывается плащом, словно носит его, и, глядя на быка через плечо, принимается выписывать зигзаги, вынуждая животное следовать за поворотами и взмахами полы.

Gallo — боевой петух; профессиональный псевдоним выходцев из великого семейства цыганских матадоров по фамилии Гомес.

Ganadería — ферма, где выращивают боевых бы-

ков; также все поголовье скота, включая быков, телок, телят и быков-вожаков на такой ферме.

Ganadero — скотовод, разводящий боевых быков.

Ganar terreno — бык вынуждает человека отступать при всякой атаке, тем самым отыгрывая себе территорию.

Garrocha — синоним пики, которой пользуется пикадор; шест для прыжков через быков, применявшийся в старину во время боя.

Gente — люди, народ; хентэ колету до, то есть «люди с косичками», означает тореро.

Ginete [орфография, характерная для старого кастильского диалекта; в современном испанском языке чаще пишется jinete.] — всадник, пикадор; буэн хинетэ: умелый наездник.

Golletazo — удар шпагой в бычью шею с проникновением в легкие, что причиняет почти мгновенную смерть: животное захлебывается собственной кровью; применяется паникующими матадорами, которые боятся приблизиться к рогам; такая эстокада может быть оправдана лишь в том случае, если бык уже получил один или несколько ударов или, по меньшей мере, удачно отбил все попытки их нанести, не подставляет заветный пятачок между лопатками,

выбивает мулету из рук тореро или отказывается нападать, так что человеку ничего не остается, кроме как провести гольетасо.

Gótico — готический; ун ниньо готика в корриде означает тщеславного мальчишку, который любит принимать готические «архитектурные» позы.

Gracia — изящество и элегантность, демонстрируемая перед лицом опасности; грасиа хитана: цыганская грациозность.

Grado — балкон или крытая галерея над рядами открытых мест (тендидос) и лож (палькос).

Grotesca — гротескный; противоположность изящному.

Guardia — муниципальный полицейский; никто не воспринимает его всерьез, даже он сам. Гуардия Сивиль: национальная полиция, с этими шутки плохи; вооруженные шашками и карабинами системы «маузер» калибром 7 мм, они представляют собой — или как минимум представляли — образец беспощадной, дисциплинированной полицейской силы.

H

Hachazo — удар рогом без причинения открытой раны.

Herida — рана.

Herradero — клеймение телят на ранчо.

Herradura — подкова; кортар ла эррадура: «разрубить подкову», умело проведенная экстокада, удар сделан достаточно высоко, и клинок под небольшим наклоном погружается в грудь быка, пробивая плевру и причиняя мгновенную смерть без внешнего кровотечения.

Hierro — железный пруток для клеймения; клеймо скотовода.

Hombre — «мужик»; восклицание, выражающее удивление, удовольствие, потрясение, упрек или восторг в зависимости от интонации. Муй омбрэ: чрезвычайно мужественный, то есть человек не страдает от нехватки huevos, cojones и проч.

Hondo — глубокий; эстокада онда: шпага вонзена по рукоять.

Hueso — кость; на жаргоне означает крутого парня.

Huevos — яйца; на жаргоне синоним кохонэс.

Huir — улепетывать; позор как для быка, так и для матадора.

Hule — клеенка; на жаргоне «операционный стол».

Humillar — склонять голову.

I

Ida — эстокада, при которой клинок не перпендикулярен, а довольно заметно наклонен. Подобная эстокада даже в правильной точке попадания может вызвать сильное кровотечение из пасти, когда клинок заденет легкие.

Ida y vuelta — alter et retour [Туда и обратно (фр.)] — в оба конца; бык самостоятельно разворачивается в конце атаки и вновь нападает в лоб. Мечта тореро, который сможет уделить все внимание эстетике движений, вместо того чтобы возиться с быком, правильно поворачивая его с помощью плаща и мулеты.

Igualar — заставить быка держать ноги вместе.

Inquieto — нервный.

Izquierda — левый; мано искьерда: левая рука, на жаргоне профессионалов от корриды именуется сурда.

J

Jaca — верховая лошадь, кобыла или пони; хака торера — кобыла, настолько выдрессированная португальским тореро Симано да Вэйга, что он мог из седла вонзать бандерильи обеими руками,

не держась за уздечку, а направляя своего скакуна только шпорами и шенкелями.

Jalear — аплодировать.

Jaulones — индивидуальные клетки, в которых быков доставляют с фермы на арену. Они принадлежат владельцу фермы, маркируются его эмблемой, названием и адресом и подлежат возврату после боя.

Jornalero — поденщик; тореро, едва сводящий концы с концами.

Jugar — играть; хугандо кон эль торо — когда один или несколько матадоров без плащей, но с бандерильями в одной руке принимаются играть с быком, практически провоцируя его атаки; выписывают зигзаги или пытаются как можно ближе подобраться к животному, но так, чтобы не вызвать нападение. Игра получается зрелищной лишь при отличном знании бычьей психологии и личной грациозности.

Jurisdicción — момент, когда нападающий бык пересекает границу, внутри которой уже может добраться до человека, и набычивает голову, готовясь нанести удар рогом; говоря более техническим языком, это момент проникновения быка на территорию тореро в том месте, где человек готов принять животное тканью.

K

Kilos — один килограмм составляет два и одну пятую фунта. Взвешивание иногда проводят после заклания быка и перед его разделкой, и всегда после освежевания, обескровливания, удаления голов, копыт и всех мясных частей, которые были повреждены. Такая туша называется эн каналь, и в течение многих лет вес быка определялся именно в разделанном состоянии. Боевой бык четырех с половиной лет должен весить от 295 до 340 кг в состоянии эн каналь. Конкретный вес зависит от размера быка и его породы, а текущий законодательный стандарт предписывает минимальный порог в 285 кг. Вес туши в разделанном состоянии составляет 52 процента живого веса быка. Как и в случае денег, когда законной единицей измерения является песета, а цены в разговорном языке указываются в реалах, или 25 сентимо, т. е. четверть песеты, или же в дуро (пять песет), так и вес быка указывается в арробах, старых единицах по 25 фунтов. Быка оценивают по количеству мяса в арробах, которые будут получены после разделки туши. Скажем, бык весом 26 арробы даст при разделке чуть более 290 килограммов мяса. Это очень немного, так как быков следует

выпускать на бой, когда животное достаточно внушительное, чтобы вышла по-настоящему эмоциональная коррида. Вес от 26 до 30 арроб считается идеальным для боевых быков, которых не откармливали зерном, чтобы те искусственно потучнели. Каждая арроба между 24 и 30 столь же сказывается на силе удара, габаритах и разрушительной мощи, как и разница весовых категорий боксеров. Проводя такое сравнение с точки зрения силы и разрушительной мощи, можно сказать, что быки менее 24 арроб соответствуют боксерам наилегчайшего, легчайшего и полулегкого веса. Быки от 24 до 25 арроб — это легкий вес и полусредний. При 26 арробах они среднего и полутяжелого веса; от 27 до 30 арроб означает тяжелый вес, а все, что выше 30 арроб, приближается к категории Примо Карнеры [Примо Карнера (1906–1967), профессиональный боксер, первым из итальянцев завоевал мировой титул в супертяжелой категории. Его вес на пике физической формы составлял 120–125 кг при росте 205 см. Дистанция удара достигала 216 см. Вплоть до Николая Валуева считался самым тяжелым из чемпионов в истории бокса.]. Корнада, или нанесенная рогом рана, в случае быка весом лишь 24 арробы при точном попадании столь же

смертельна, как при нападении более крупного животного. Это как бы обычный удар кинжалом в сравнении с тем же ударом, но только сваебойной машины. С другой стороны, бык в 24 арробы совершенно незрел; ему едва перевалило за три года; и быки в этом возрасте еще не умеют искусно пользоваться рогами что при атаке, что при обороне. Таким образом, если мы хотим, чтобы коррида сохранила свое эмоциональное воздействие благодаря схватке с действительно опасным противником, быки должны быть действительно зрелыми в возрасте не менее четырех с половиной лет, а их минимальный вес в разделанном состоянии категорически не может быть меньше 25 арроб. Чем больше бык весит, начиная с этой отметки, при условии, что его не откармливали искусственно и он не потерял в скорости, тем драматичнее станет бой и повысится ценность любой работы, которую человек проводит с животным. Чтобы следить за корридой с пониманием дела, надо научиться думать в арробах, как и в боксе, где спортсменов необходимо классифицировать по формальным весовым категориям. Прямо сейчас корриду убивают те бессовестные скотоводы, кто продает незрелых, нечистопородистых быков с заниженным весом,

кто спустя рукава проверяет их на храбрость, тем самым злоупотребляя правом на допустимое отклонение в надежде, что их недостаточно кондиционная продукция вдруг окажется храброй и сможет дать пусть малоэмоциональное, но все же технически блестящее зрелище.

L

Ladeada — с перекосом; в особенности относится к эстокаде.

Lances — любые формализованные пассы плащом.

Largas — пасс, при котором бык подманивается к человеку, а затем отсылается прочь с помощью полностью развернутого плаща, удерживаемого за уголок одной рукой.

Lazar — применять лассо; например, пользоваться арканом (т. н. лариат или риата) как на американском Западе для ловли скота, или, как принято в Южной Америке, бросать ласо с утяжелением на одном конце.

Levantado — первое состояние, в котором находится бык, едва выскочивший на арену: он пытается расчистить территорию от всех и вся, не сосредотачиваясь на строго определенном объекте для атаки.

Liar — забрасывать ткань мулеты на черенок хлестким движением левой кисти, чтобы сделать обрисовку перед резким сокращением дистанции для закалывающего удара.

Librar — освобождать; либрар ла акометида — спасаться от неожиданного нападения либо работой ног, либо импровизированным пассом плащом или мулетой.

Libre de cacho — любые действия, выполняемые с быком вне досягаемости его рогов; либо на расстоянии, либо после пролета рогов мимо; в дословном переводе означает быть свободным от риска угодить на рог.

Lidia — бой; торо делидиа — боевой бык. Также название самого известного и долгоживущего еженедельника о корриде.

Lidiador — тот, кто сражается с быками.

Ligereza — проворство; одно из трех обязательных качеств матадора, по мнению великого Франсиско Монтеса; а именно — проворство или легкость на ноги, смелость и полное знание дела.

Llegar — прибывать, достигать; про быка говорят, что он «достиг», когда его рог касается лошади, несмотря на противодействие пикадора.

Lleno — переполненный, т. е. аншлаг; все сиденья на трибунах заняты.

M

Macheteo — рубка с помощью мачете, то есть тесаком для тростника; мачетэо пор ла кара — это серия рубящих движений мулетой попеременно с обеих сторон морды, когда человек отступает спиной вперед, искусно работая ногами, в то время как бык нападает; прием предназначен для утомления шейных мышц животного и его подготовки к закланию. Это наиболее простой и безопасный способ изнурить быка мулетой, и он применяется теми тореро, которые не желают идти на риск или предпринимать нечто сложное.

Macho — самец, мужской, в изобилии наделенный мужскими репродуктивными органами; тореро мачо — тореро, чья работа основана скорее на храбрости, нежели на идеальной технике и стиле, хотя стиль может проявиться позднее.

Maestro — мастер в чем-либо; порой пеоны так обращаются к своему матадору. Дело в том, что эта практика приобрела саркастический оттенок, особенно в Мадриде. Так что титулом маэстро ты называешь того, в чей адрес хочешь выказать минимум уважения.

Maldito или maldita — проклятый(-ая); используется как ругательство, напр., в отношении быка: «Да будет проклята та телка, из которой ты выпал!»

Maleante — мелкий уголовник, шпана; из всех мапеанте при посещении корриды чаще всего встречается картериста, то есть вор-карманник. Эти граждане многочисленны, но стражи порядка относятся к ним лояльно, в том смысле, что у мадридской полиции есть весь их список, так что если у тебя подрежут кошелек, а ты увидишь, кто именно это сделал, всех этих мазуриков сгонят с улиц или выдернут из их домов и выстроят перед тобой многосотенной шеренгой. Впрочем, они очень ловки, так что лучший способ избежать огорчений — это никогда не садиться в трамвай или метро, так как именно там им сподручней всего работать. У них есть одно похвальное качество: они не уничтожают чужие документы, напр., паспорта, и не хранят их у себя, как делают карманники в других странах; вместо этого, забрав из бумажника деньги, они бросают его вместе со всеми документами в почтовый ящик какой-нибудь табачной лавки или в передвижной контейнер, который устанавливают в трамваях. Получить свой бумажник можно будет

на центральном почтамте. По личному горькому опыту и со слов моих пострадавших друзей, могу засвидетельствовать, что эти ребята сочетают в себе те же качества, которые Монтес счел обязательными для любого тореро: проворство, смелость и полное знание дела.

Maleta — в буквальном переводе «чемодан»; жаргонное словечко для обозначения скверного или дешевого тореро.

Malo — плохой, несовершенный, дурной, нездоровый, порочный, вредный, предосудительный, непригодный, гнилой, грязный, вонючий, гнилостный, жуликоватый, «сукиносынистый» и так дальше в зависимости от обстоятельств. Торо мало — бык со всеми перечисленными качествами и прочими врожденными дефектами, как то: склонность перемахивать через барреру прямо в гущу зрителей, паническое улепетывание при виде плаща и проч.

Mamarracho — оскорбление, выкрикиваемое тореро-неумехе; в Америке мы бы назвали его пугалом, чучелом, шутом гороховым или трусливым уродом.

Mancornar — сбивание бычка с ног, когда человек хватается за его рога и пригибает их к земле, наваливаясь при этом всем телом.

Mandar — приказывать, повелевать; в корриде означает заставить быка повиноваться движениям ткани; с ее помощью утверждать над животным свое господство.

Manejable — управляемый, податливый; бык, с которым можно работать.

Mano — рука; мано баха — с опущенной рукой; канонический способ перемещения плаща в верониках. Кроме того, слово манос может также относиться к конечностям быка.

Mansedumbre — воловьеподобная мягкость, кротость в быке.

Manso — смирный, благодушный и невоинственный; бык без капли боевой крови — это и есть мансо; точно так же именуют и быков-вожаков (кабестрос) во время их обучения.

Manzanilla — манзанилла, легкий сухой херес природной ферментации, произносится мансанилъя. Некрепленый. Поглощается в обильных количествах в Андалусии и теми, кто связан с корридой. Монсанилью заказывают стопками чато и, как правило, подают ее с тапас, крошечными порциями закуски, например, с фаршированными анчоусом оливками, сардинкой, кусочком тунца с красным сладким перцем или ломтиком хамона. Один чато поднимает настроение, после

трех-четырех чувствуешь себя новым человеком, но если выпивку заедать тапас, опьянеть не заставит и дюжина стопок. Кстати, мансанилъя означает также «ромашка», но риска получить ромашкового чаю не будет, если только при заказе не забыть сказать ун чато дэ мансанилъя.

Marear — укачивать; вызывать морскую болезнь у быка, вертя им из стороны в сторону взмахами мулеты, кружить ему голову, заставляя вращаться вокруг оси. Это делается для того, чтобы уронить его на колени после неудачной эстокады. Уродливое и позорное зрелище.

Maricón — содомит, гомик, педик, василек, незабудка и т. д. В Испании они тоже имеются, но из сорока с лишним матадоров де торос мне лично известны лишь двое таких. Впрочем, нет гарантии, что те заинтересованные личности, вечно доказывающие, что Леонардо да Винчи, Шекспир и другие были мужеложцами, не отыщут новых. Из упомянутой парочки матадоров один чуть ли не патологически несчастен, страдает нехваткой смелости, но чрезвычайно искусен и грациозен с плащом, являясь своего рода дизайнером-оформителем внешней отделки корриды, а другой обладает репутацией отчаянного, но неуклюжего храбреца и не сумел сберечь в кармане и

песету. В кругах, связанных с корридой, это слово используется как насмешка или оскорбление. Есть множество очень забавных анекдотических историй про испанских голубков.

Mariposa — бабочка; серия пассов с плащом на плечах, когда человек обращен лицом к быку, медленно отступает зигзагом спиной вперед, увлекая быка за собой сначала взмахом одной половины плаща, затем другой, как бы имитируя движения крыльев бабочки. Этот китэ, изобретенный Марсиалем Лаландой, требует великолепного знания быков.

Mariscos — «дары моря», поедаемые в кафе под пиво до или после корриды; среди них лучше всего морские уточки персебэс, небольшие ракообразные со стебельком очень тонкого и восхитительного вкуса; лангостинос — крупные и толстенькие средиземноморские креветки; сигалас — длинненькие, бело-розовые представители семейства омаров с узкими вытянутыми клешнями, которые — так же как и хвосты — надо щелкать либо щипцами для орехов, либо молотком; кангрехос де рио: écrevisse [Рак (фр.).], то есть речные раки, готовятся после фарширования хвоста цельными горошинами черного перца; а также гамбас, или обычные креветки,

подаваемые неочищенными, чтобы брать их руками и вышелушивать из панциря. Персебэс, которые растут на утесах атлантического побережья Испании, появляются в Мадриде с апреля по сентябрь, когда заканчивается сезон. Под пиво или вино очень вкусны; стебелек этой морской уточки обладает более нежным и привлекательным вкусом в сравнении с любыми устрицами, гребешками и прочими моллюсками из всех, которые мне доводилось пробовать.

Marronazo — промах пикадора во время атаки быка, когда наконечник пики просто соскальзывает со шкуры, не прорывая ее.

Matadero — скотобойня. Место для отработки ударов пунтильей и шпагой.

Matador — официальный титул убийцы быков, в то время как мата торос всего лишь забойщик.

Mayoral — старший пастух на скотоводческой ферме; также может обозначать вакьеро, то есть тех скотников, которые сопровождают быков при их доставке с фермы на арену; они спят возле клеток на железнодорожных платформах, следят, чтобы быки были накормлены и напоены, помогают при их разгрузке и сортировке перед боем.

Media-estocada — эстокада, при которой шпага погружается в быка лишь наполовину. При над-

лежащем исполнении на быке среднего размера даже эта «половинчатая» эстокада убивает столь же быстро, как и эстокада на всю длину клинка. Но вот если бык очень крупный, половины длины лезвия может не хватить, чтобы шпага перерезала аорту или какие-либо иные крупные сосуды, чье повреждение и вызывает быструю смерть.

Media-luna — серповидное лезвие на длинном шесте, некогда применявшееся для подрезания поджилок быкам, которых не удалось прикончить матадору. Затем, когда неубитое животное стали выводить с арены с помощью быков-вожаков, медиалуну все же выносили на всеобщий показ как символ позора и сигнал для подачи быков-вожаков, но даже и эта практика уже канула в прошлое.

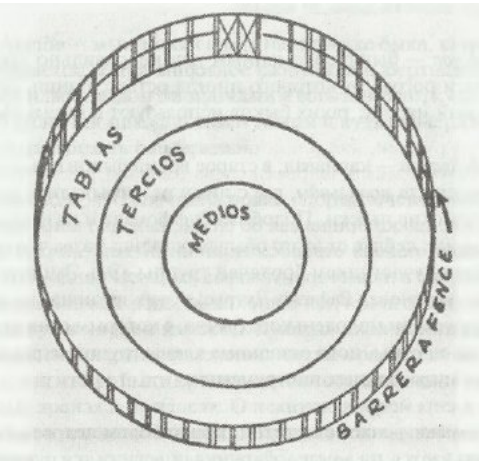
Medias — чулки, которые носят тореро.

Media veronica — прием рекортэ, или «стопорение» атакующего быка, которым завершается серия пассов плащом, известных под названием вероникас (см. объяснение). Медиавероника выполняется с удержанием плаща обеими руками, как и при обычной веронике; когда бык проносится мимо человека слева направо, тот перемещает свою левую руку ближе к бедру, а правой собирает складки, также придвигая

ее ближе к бедру, тем самым сокращая размах вероники вполовину и разворачивая быка в обратную сторону, чтобы зафиксировать его на месте, после чего тореро спокойно удаляется, повернувшись спиной к животному. Собственно фиксация производится взмахом плаща поперек траектории движения быка с таким расчетом, чтобы вынудить его развернуться с радиусом меньше длины корпуса. Этот лансэ с плащом был доведен до совершенства Хуаном Бельмонте и сейчас является обязательным элементом, завершающим любую связку из вероник. В свое время под медиавероникаами понимались полупассы, когда матадор держал плащ обеими руками и бежал задом наперед, делая взмахи то в одну сторону, то в другую, чтобы выманить быка из какой-то точки арены, однако в настоящее время медиавероника означает лишь тот прием, что описан выше. Медиавуэльта: метод вонзания бандерилий в плохо атакующих быков, когда человек занимает место позади быка и бежит к его голове, чтобы тот развернулся и погнался за ним… Быки, которых не удается прикончить спереди, также закалываются шпагой приемом медиавуэльта.

Medios — центральный участок арены, которая

делится на концентрические круги в целях исполнения различных суэрте с быком; центр, или медиос; затем идет кольцо терсьос и, наконец, кольцо таблас, примыкающее к баррере.



Mejorar — улучшать; мехорар су эстило — совершенствовать свой стиль; мехорар эль террэно — это когда тореро оказывается слишком близко к баррере, чтобы завершить подготовленный пасс без риска угодить на рога, вследствие чего вынужден с помощью плаща или мулеты переместиться в более выгодную или безопасную точку.

Meter el pie — дразнить быка, выставляя полу-

согнутое колено и затем выпрямляясь и делая обрисовку в сторону быка, после чего выполняется заклание атакующего животного способом ресибьендо (см. текст).

Metisacas — «вставить-вынуть»; эстокады, в которых матадор выдергивает уже слегка вонзенную шпагу, передумав довести дело до конца.

Mogón — бык с обломанным или неправильно закрученным рогом, от которого иногда остается лишь скругленный нарост; таких быков используют в новильядах.

Mojiganga — карнавал; в старое время быков выводили на арену для новильяды, где с ними разыгрывались юмористические пьески. Подобная буффонада и называлась мохиганга; сейчас от этого обычая остались разве что подражатели участникам бродячей труппы «Эль Эмпастрэ», которую основал Рафаэль Дутрус; в этих зрелищах на арену выпускали молоденького бычка, с которым сражались тореро-клоуны, пока остальные члены труппы играли на своих музыкальных инструментах.

Molinete — пасс с мулетой, при котором человек проворачивается на месте, закручивая мулету вокруг себя. Этот прием достигает наибольшей зрелищности, когда выполняется между рогами

или совсем рядом с ними; в последнем случае бык сам делает полный оборот, следуя за развернутым краем ткани.

Moña — обтянутая шелком бляха в основании косички тореро.

Monerías — обезьянничанье; шаловливые выходки, проделываемые с быком.

Monosabios — служки в красных ливреях, которые помогают упавшим пикадорам, подсаживают их в седло, подводят лошадей к быкам, расседлывают и забивают раненых лошадей, накрывают туши брезентом и т. п. Назвали их так потому, что в 1847 году в Мадриде показывали ученых обезьян (монос сабиос) в красных костюмчиках, очень напоминавших униформу, в которую незадолго до этого администрация столичной арены приказала нарядить своих рабочих.

Morillo — мышечный пласт на загривке быка, который вздымается, когда животное раздражено. Верхняя часть этого пласта рядом с лопатками и есть то место, куда должен целиться пикадор своей пикой и куда бандерильеро должны вонзать бандерильи.

Morucho — бык-полукровка, порой очень смелый, свирепый и опасный, но не обладающий

породистостью, или кастой, подлинно чистокровного боевого быка. Во многих частях Испании выращивают быков, в чьих жилах частично течет кровь диких туров, причем такие скотоводы могут и не принадлежать к каким-либо ассоциациям профессиональных заводчиков чистопородистых животных, так что их быки продаются для новильядных боев на малых аренах и на капеях. О нехватке доброй крови прежде всего свидетельствует толщина хвостов, размер рогов и копыт, а также уменьшенный морильо, ну а в остальном они выглядят в точности как настоящие боевые быки.

Movido — подвижный; торео мовидо — суетливое перебирание ногами при работе с быком.

Mozo de estoques — личный слуга и ассистент-шпажист матадора. На арене готовит мулеты и передает холодное оружие своему хозяину по мере необходимости, обтирает клинки губкой и просушивает их, прежде чем убрать на хранение. Пока матадор занят закланием, ассистент следует за ним вдоль кальехона, чтобы всегда быть рядом и, если понадобится, сразу же передать через барреру то ли новую шпагу, то ли другую мулету. В ветреную погоду он смачивает плащ и мулету водой из кувшина, который носит с

собой, а также выполняет различные личные поручения матадора. В промежутках между боями заносит газетным критикам конверты с визитной карточкой хозяина и энной суммой денег, помогает матадору при переодевании, следит за тем, чтобы все снаряжение доставили на арену в целости. После боя рассылает телефонемы, то ест» телефонограммы, которые надиктовываются и доставляются адресату по телефону, напоминая обычные телеграммы в Соединенных Штатах — или, что бывает реже, передает словесные сообщения семье или друзьям матадора, прессе, различным клубам энтузиастов от корриды, которые могли быть организованы почитателями этого тореро.

Mucho — много; де мучас пьернас — «многоногий», очень крепкий на ноги; мучас арробас — очень тяжелый. Де мучо квидадо — очень подозрительный; другими словами, бык, с которым крайне тяжело работать.

Muchacho — подросток; юноша.

Muerte — смерть; также та точка, куда должна вонзиться шпага, чтобы правильно убить быка. Тореро говорят, что бык открывает свою муэрте, когда опускает голову. Пасе дела муэрте — пасс мулетой, разобранный в тексте.

Muleta — алый кусок саржи или фланели в форме сердца, который крепится к сужающемуся деревянному черенку со стальным острием на узком конце и ребристой рукоятью на более широком; острым наконечником прокалывают складки ткани и закрепляют барашковым винтом на рукояти. Мулетой человек защищается; утомляет быка и управляет положением его головы и ног; осуществляет более-менее эстетичные связки пассов; и, наконец, мулета помогает человеку при убийстве.

Muletazo — пасс мулетой.

Multa — пеня, налагаемая президентом корриды или местными гражданскими властями на тореро, скотовода или собственно администрацию арены. Штрафование тореро — чистейший фарс, так как у всех матадоров в контракте есть оговорка, что любые штрафы будет оплачивать агент-устроитель. Этой оговорке уже больше тридцати пяти лет и ввели ее для устранения той практики, когда агент нанимает матадора по запрошенной им ставке, после чего президент корриды просто налагает на матадора штраф в размере разницы между контрактной ценой и той меньшей суммой, которую на самом деле хотел бы видеть агент-устроитель. В настоящее

время, когда матадоры, пикадоры и бандерильеро организованы и поэтому могут устроить бойкот любой арене, с которой сотрудничает не оплативший свои долги агент — вплоть до того, что профсоюз не позволит устраивать бои на этой арене даже другому агенту, пока их требования не будут удовлетворены, — отпадает сама необходимость в подобной оговорке, призванной защищать интересы тореро. Так что сейчас ее единственный эффект состоит в том, что тореро-мошенники знают, что любые налагаемые на них штрафы за бесчестную и халтурную работу, какими бы справедливыми они ни были, не ударят по их карману. Вот пример злоупотребления, которое следует исправить, когда будет разрабатываться новое правительственное постановление о правилах устроения корриды.

N

Nalgas — ягодицы; типичное место для ран от удара рогом из-за того, что матадор поворачивается спиной к быку, не зафиксировав его надлежащим образом, чтобы избежать атаки. Могучий огузок нарушает изящность линии силуэта, которую стремится показать тореро в работе с быком, что мешает всерьез воспринимать

этого матадора как стилиста, поэтому склонность толстеть в ляжках служит источником изрядного беспокойства в современной корриде.

Natural — пасс мулетой, когда она удерживается низко левой рукой; человек дразнит быка спереди; его правая нога выставлена в сторону быка, мулета развернута посредине черенка в левой руке, которая выпрямлена и ткань тем самым находится перед человеком; мулета слегка разворачивается в сторону быка, чтобы спровоцировать его на атаку, причем это движение почти незаметно для рядового зрителя; когда бык бросается в нападение и достигает мулеты, человек неторопливо разворачивается вместе с ним, удерживая руку полностью выпрямленной, чтобы ткань находилась непосредственно перед мордой быка, заставляя того описать четверть круга вокруг человека; а затем хлестким движением левой кисти тореро взмахивает мулетой, останавливая быка на месте, чтобы провести очередной прием. Натураль полностью разобран в тексте. Это основа основ корриды, самый незамысловатый пасс, способный дать наибольшую чистоту линии — и при этом самый опасный в исполнении.

Navarra — провинция на севере Испании;

название уже устаревшего пасса плащом, при котором матадор сначала взмахивает тканью как при веронике, а затем, когда бык вот-вот выскочит из-за плаща, человек делает полный оборот в сторону, противоположную направлению только что проделанного взмаха, пронося плащ перед мордой быка и ниже его носа.

Nervio — энергичность и напористость быка.

Niño — ребенок или парнишка; в последнее время на корриду как чума обрушилась: сплошные ниньо в noms de guerre [Псевдонимы (фр).] матадоров. На волне успеха Эль Ниньо де ла Пальма появилось свыше трехсот тореро, прозвавших самих себя Ниньо такой-то или сякой-то, от Ниньо-из-вставить-название-скотобойни до Ниньо-из-Сьерра-Невады. В свое время встречались дуэты или трио из матадоров-детей, названных в честь родных городов, скажем, Ниньос Севильянос, Ниньос Кордобесэс и так дальше. Выходцы из этих юниорских бригад, однако, уже не называли себя ниньо, а взяли такие имена, как Галлито, Мачаквито и т. п.; прославив их и оставив в прошлом детские прозвища, когда повзрослели, хотя и сохранили ласково-уменьшительные окончания в своих боевых псевдонимах.

Noble — бык, который бесхитростен в своих

атаках; он храбр, простодушен и очень доверчив.

No Hay Derecho — «права не имеешь!»; обычная форма протеста против нарушения какого-либо правила или прав личности.

Noticiero — хроника; «Эль нотисьеро дель лунэо — официальный бюллетень правительственных новостей, выходящий по понедельникам и содержащий короткие отчеты о воскресных боях, так как вечерних воскресных и утренних понедельничных газет уже не бывает из-за того, что несколько лет назад типографские рабочие провели закон о запрете на работу в воскресенье.

Novedad — нечто новенькое; новое имя, привлекающее именно что своей новизной.

Novillada — в настоящее время под новильядой понимается коррида, в которой участвуют либо быки-недоросли или переростки, то есть моложе четырех и старше пяти лет, либо инвалиды по зрению, а также с дефектными рогами. С такими быками сражаются те, кто еще не прошел посвящение в полных матадоров де торос, или же отрекся от этого титула. Если не считать качества быков и неопытности или откровенной неудачливости тореро, новильяда, то есть коррида с участием новильос-торос, ничем не отличается от обычного боя. В былые времена новильядой

являлась любая форма зрелища с быками, кроме церемониальной корриды, однако современная новильяда возникла из желания устроить бой по более низкой цене благодаря дешевым быкам, а что касается тореро, то раз они хотят сделать себе имя или уже провалились в профессии, их аппетиты по части гонораров куда меньше, чем у полных матадоров. Сезон новильяд в Мадриде длится с начала марта по Пасху и с июля по середину сентября. В провинциях они проходят на протяжении всего сезона коррид и устраиваются в тех малых городках, которым церемониальный бой быков не по карману. Стоимость билета на новильяду обычно вдвое ниже, чем на корриду. Быки частенько более крупные и более опасные, нежели в коррида де торос; тореро-новильеро вынуждены соглашаться на животных, которых забраковали «звезды» их профессии. Основная доля ежегодной смертности среди тореро приходится именно на новильяды, так как малоопытные матадоры сражаются с особо опасными быками, да и происходит это в заштатных поселениях, где арены оснащены лишь самым примитивным хирургическим инструментом и нет специалистов, набивших руку на специфичной технике оперирования ран от удара рогом.

Novillero — матадор, сражающийся с новильос-торос, теми быками, которые были описаны выше. Он может быть просто новичком, мечтающим о карьере, или состоявшимся матадором, не сумевшем заработать себе на жизнь в более высокой категории и отказавшемся от своей альтернативы в погоне за контрактами. Потолок заработка новильеро в Мадриде составляет 5000 песет за бой, а если он еще и дебютант, то гонорар может упасть до тысячи песет. Если из этой суммы вычесть теперь стоимость проката костюма, зарплату двум пикадорам, двум бандерильеро и ассистенту-шпажисту, да еще надо раздавать конверты с полусотней или сотней песет для газетных критиков, получится, что после боя этот новильеро еще и окажется должен. Тем новильеро, которым покровительствует администрация арены, могут доставаться только быки-недоросли, с которыми они демонстрируют великий успех, но с треском проваливаются, став наконец полными матадорами, что объясняется разницей в уровне опасности, силы и скорости между незрелыми и зрелыми быками. Нет смысла судить об уровне мастерства тореро, глядя на его работу с незрелыми особями, поскольку какой бы совершенной ни была его техника, каким бы

полным ни было его обучение, он может напрочь утратить мужество, столкнувшись с настоящим быком.

Novillo — бык, используемый на новильядах.

Nuevo — новый; нуэво эн эста maca — добавление после имени тореро, проставляемое в программе выступлений и означающее, что он впервые появляется на этой арене.

Nulidad — ничтожество, полный нуль; про тореро, который скорее отталкивает, нежели привлекает зрителя в программе выступлений.

O

Ojo — глаз; когда матадор хочет намекнуть толпе, мол, бык подслеповат — что вовсе не обязательно может быть правдой — и заодно оправдать собственную неряшливость в технике, он показывает на собственный глаз. Буэн охо означает либо хороший глазомер, либо прозорливость.

Olivo — олива; томар эль оливо — «забежать за оливковое дерево», то есть смотать удочки; фраза, которой описывается поведение паникующего или просто загнанного в угол матадора, когда тот рыбкой ныряет за спасительную барреру. Матадору не пристало бегать спиной к быку, не

говоря уже про подобные прыжки.

Oreja — ухо; когда матадор показал высший класс как с мулетой, так и шпагой, убил быка быстро и точно после отличной фаэны — или когда работа с мулетой удалась не очень-то, но ее недостатки были скомпенсированы блестящим закланием — толпа принимается махать носовыми платками, прося президента, чтобы тот распорядился вручить бычье ухо матадору в качестве почетного приза. Если президент на это соглашается и считает просьбу публики обоснованной, он подает знак собственным платочком, после чего один из бандерильеро отрезает у быка ухо и передает его матадору. В действительности же кое-какие матадоры, кому не терпится заработать себе длинный список отрезанных ушей ради саморекламы, заранее приказывают бандерильеро резать ухо при первом же появлении платочков. Заметив такие настроения среди публики, пеон отсекает ухо и бегом доставляет его матадору, который вскидывает руку с трофеем и, улыбаясь, смотрит на президента. А тот, столкнувшись с уже свершившимся фактом, скорее всего смирится с ним и достанет свой собственный платок. Вот так жульничество с ушами, которые некогда были символом очень

высокой чести, лишило этот обычай всяческой ценности, так что нынче, если тореро показывает более-менее приличный бой и заодно повезет с убийством, ему, скорее всего, достанется ухо. Мало того, с легкой руки профессиональных пеонов-ухорезов пошел новый, еще более тошнотворный обычай, а именно, если президент в самом деле подает сигнал отрезать ухо, хотя матадор об этом его и не просил, пеон отсекает оба уха и хвост, чтобы вручить их матадору под предлогом даже самого незначительного энтузиазма. А матадоры — сейчас мне на ум приходит особенно характерная парочка: один низенький, горбоносый, чернявый и самовлюбленный валенсиец, а второй — тщеславный, самонадеянный, туповатый, длинношеий телеграфный столб из Арагона — описывают круг почета по арене с ушами в одной руке и унавоженным хвостом в другой, ухмыляясь и веря, что показали триумф и абсолютный апофеоз, хотя на деле всего лишь отработали добросовестно и под рукой у них оказался искусный обрезчик выступающих бычьих частей, которыми можно подольстить. Первоначально отрезанное ухо означало, что убитый бык стал собственностью матадора, который отныне мог распоряжаться его мясом к

личной выгоде. [Традиция дарить матадорам убитого быка восходит к XVIII веку, когда это стали практиковать в Ронде и Севилье. С течением времени обычай попытались модифицировать, заменив ухо унцией чистого золота, однако матадоры оскорбились, назвав это «милостыней» и «подачкой». Тогда вернулись к прежней системе, но на сей раз одно ухо означало четверть бычьей туши, два уха — половину, ну а с добавлением хвоста матадор получал право забрать себе тушу целиком. Первое ухо на мадридской арене было вручено матадору Чикорро в октябре 1876-го в присутствии короля Альфонсо XII; первый хвост заработал новильеро Валенсия I в августе 1918-го.] Этот символизм уже давно утрачен.

P

Padrear — покрывать самку.

Padrino — крестный отец или покровитель; в корриде им является более старый матадор, который уступает шпагу и мулету юному матадору, и тот впервые в жизни замещает собой убийцу быка, т. е. альтернирует, на церемониальной корриде де торос.

Pala — лопата, бита или лопасть весла; в корриде наружная плоскость рога; удары этим местом

называются палетасо или варетасо, и они зачастую очень серьезны, приводят к внутренним кровоизлияниям и прочим повреждениям органов, хотя внешне выглядят не больше, чем синяк или кровоподтек.

Palitroques — веточки; синоним бандерилий.

Palmas — ладони; аплодисменты.

Palos — палки; жаргонное словечко для бандерилий.

Pañuelo — платок, косынка; белый носовой палаток, которым президент подает сигнал к завершению или началу акта работы с пиками, бандерильями или шпагой; зеленый — для удаления быка с арены; красный — для использования бандерилий с шутихами. Белым платком подается сигнал о предупреждении, или авизо, в адрес матадора, отмечающий ход времени перед закланием.

Par — пара бандерилий.

Parado — замедленный, но не потерявший сил; второе состояние, в котором находится бык в ходе корриды, именно та фаза, когда с ним можно проделывать наиболее блестящие вещи. Тореар ñapado означает работать с быком при минимальном задействовании ступней. Единственная манера боя, которая заслуживает аплодисментов

при сражении с храбрым быком без склонности предпочитать какой-то один рог.

Parar — стоять неподвижно и спокойно, наблюдая, как к тебе несется бык; парар лос пьес — не перебирать ногами во время атаки быка. Парар — стоять как вкопанному; темплар — неторопливо водить тканью; и мандар — утверждать свое господство и управлять животным с помощью ткани: вот три главнейшие заповеди корриды.

Parear — вонзать пару бандерилий.

Parón — современный термин, означающий пасс плащом или мулетой, при котором тореро держит ступни вместе и не шевелит ими на протяжении всей атаки быка, пока не доведет прием до конца. Такие пассы, когда человек замирает статуэткой, являются великолепным дополнением репертуара, но их невозможно осуществить, если бык не атакует в лоб, по прямой; в противном случае тореро окажется в воздухе. К тому же они нарушают одну из заповедей корриды; тут есть и парар, и темплар, но нет и следа от мандар, поскольку человек с обездвиженными ступнями не может достаточно далеко вынести ткань, чтобы бык все время повиновался движению складок, так что если бык не идеален, не разворачивается всякий раз «автоматически»,

чтобы вновь броситься в атаку, у человека не получится удерживать животное в складках мулеты так, чтобы вертеть им для соединения пассов в единую связку. А вот в случае идеального быка пароны весьма драматичны и производят огромное впечатление, так что всем тореро следовало бы их проделывать, когда достается такой бык, но при этом они не должны забывать и про подлинное искусство доминирования, когда животное вынуждают сойти с линии атаки за счет перемещения приманки; вместо этого, однако, тореро возвели в обычай просто поджидать быка, который разыграет всю фаэну чуть ли не в одиночку, пока человек знай себе стоит статуэткой. Коловращательные пассы Вильялты и его подражателей, когда человек прокручивается на мысках, описывая полукруги вместе с быком, также именуются паромами.

Pase — пасс, проводимый либо плащом, либо мулетой; движение приманки, направленное на провоцирование атаки, при которой рога животного проносятся рядом с телом человека.

Paseo — парад тореро при появлении на арене.

Paso atrás — отшаг назад, выполняемый матадором после обрисовки, чтобы увеличить дистанцию до быка; производит впечатление,

что обрисовка делается близко, но при этом позволяет выиграть время для отвиливания в сторону при резком сближении перед закалыванием, если бык отказывается опускать голову к мулете.

Paso de banderillas — сближение перед закалыванием, но не по прямой, а по дуге мимо рогов быка, на манер бандерильеро. Допускается только с теми животными, которых невозможно заколоть любым иным способом.

Pecho — грудь; пасе де печо — пасс мулетой в левой руке при завершении натурали, когда бык, развернувшись в конце натурали, повторяет атаку в обратную сторону, а человек позволяет ему пролететь мимо собственной груди, после чего отсылает прочь взмахом мулеты перед собой. Приемом пасе де печо следует заканчивать любую связку из натурален. Он также высоко ценится как средство освобождения тореро от неожиданной атаки или внезапного возвращения быка. В этом случае его принято называть форсадо де печо, т. е. принудительный грудной пасс. А вот если он выполняется сам по себе, без предшествующей натурали, то тогда его называют препарадо, т. е. заранее подготовленный. Этот же пасс возможно выполнить и правой рукой, но в таком случае он уже не будет подлинным пасе

де печо, так как канонические натурали и пасе де печо полагается делать только левой рукой. Когда любой из этих пассов выполняется правой рукой, шпага, которая должна всегда находиться в правой руке, расправляет ткань и создает гораздо более крупную приманку, тем самым позволяя матадору удерживать быка на большем расстоянии от себя, да и отсылать его дальше при всякой атаке. Работа, выполняемая мулетой в правой руке, когда ткань дополнительно расправлена шпагой, зачастую выглядит блестяще и похвальна, однако ей недостает сложности, риска и прямоты, что свойственны приемам, проводимым мулетой в левой руке и шпагой в правой.

Pelea — драка; бой, который дает бык.

Peón — бандерильеро; пеший тореро, работающий под началом матадора.

Pequeño — маленький; малолетний.

Perder el sitio — тореро, который из-за болезни, неуверенности, трусости или нервозности утратил свой стиль и даже понятие о том, когда и как делать те или иные вещи.

Perder terreno — утрачивать превосходство при работе с быком; полагаться лишь на работу ног, вместо того чтобы управлять быком с помощью ткани; также сдавать позиции в профессии.

Perfilar — делать т. н. «обрисовку» перед резким сокращением дистанции для закалывания ударом шпаги в правой руке; обрисовка выглядит следующим образом: правое предплечье со шпагой находится горизонтально поперек груди, мулета в левой руке, левое плечо повернуто к животному, взгляд вдоль клинка на быка.

Periódicos — периодические издания, газеты; наиболее точные и объективные отчеты о боях в столице и провинциях дают ежедневная мадридская «Ла либертад» и специализированная на корриде «Эль эко таурино». Барселонская «Ла фиеста брава», хотя ее отчеты о боях далеки от беспристрастности, публикует великолепные статьи и обзоры.

Periodistas — те, кто пишут для газет; журналистская братия.

Perros — бульдоги, которые в старину использовались вместо бандерилий с шутихами, чтобы расшевелить быка, когда он отказывается атаковать пикадоров; эти псы вынуждали его бодаться и тем самым утомлять шейные мышцы, подменяя собой эффект от уколов пикой.

Pesado — тяжелый; гнетущий; надоедливый.

Peso — вес.

Pesuña — бычье копыто. Глосопеда, т. е. ящур,

настоящий бич для боевых быков; при этой болезни копыта трескаются или даже отваливаются.

Peto — защитная попонка, прикрывающая грудь, правый бок и брюхо пикадорской лошади. Начала применяться при покойном диктаторе Примо де Ривера по настоянию бывшей испанской королевы, которая родилась в Англии.

Pica — пика, используемая в корриде. Состоит из шеста длиной от 255 до 270 сантиметров, вытесанного из древесины ясеня, со стальным наконечником длиной 29 миллиметров. Конец шеста под наконечником обмотан шнуром и имеет круглую металлическую гарду, чтобы пика в любом случае не могла погрузиться глубже, чем на 108 миллиметров. Нынешняя модификация пики очень сильно сказывается на быках, и те особи, которые действительно склонны атаковать и сопротивляться, редко когда выдерживают более четырех уколов без ущерба для своих сил. Это тем более верно, коль скоро пикадоры, которым теперь мешает попонка-исто, часто попадают пикой за морильо, то место, куда им полагается целиться и где толстый пласт мышц способен выдержать подобные уколы; вместо этого они попадают прямиком в незащищенный хребет, по сути дела калеча быка и почти полностью его

обессиливая. Рана, нанесенная современной пикой слишком низко, то есть в бок, может достичь легких или как минимум плевры.

Такая неряшливость частично преднамеренна и объясняется распоряжениями матадора, который хочет, чтобы бык оказался сильно изнурен, но по большей части все вызвано тем, что пикадору настолько мешает пето, т. е. защитная попонка, что он вынужден целиться в набегающего быка сильно издали, когда точка попадания не гарантирована; вместо того чтобы ударить прицельно, он бьет наудачу. А причина в том, что, если пикадор будет ждать, чтобы животное подбежало ближе и прицел тем самым оказался вернее, бык, какого бы размера он ни был, врежется в плотную стену из попонки, выбьет человека из седла, а лошадь свалит с ног еще до того, как пика войдет надежно. Попонка не дает быку впиваться рогом в цель, в результате он ничего не может подкинуть в воздух и утомить при этом мускулы. Именно поэтому, когда бык, видя нерезультативность своего нападения, отказывается атаковать попонку вновь, пикадоры придумали разворачивать лошадь другим боком, чтобы бык мог ранить ее в неприкрытый круп и, вскидывая жертву в воздух, утомить шею.

Поскольку удары в попонку почти всегда несмертельны и внешне малозаметны, если только не приглядываться специально, вы увидите, как все ту же лошадь раз за разом подставляют рогам; в перерывах между боями раны зашивают, а кровь смывают, в то время как до внедрения пето быку позволяли добраться до лошади, насадить ее на рог и подкинуть, а все для того, чтобы утомить ему мускулы шеи, но, как бы то ни было, лошадь при этом однозначно погибала. Благодаря пето лошади сейчас куда реже гибнут на арене, но практически все получают ранения в заднюю часть крупа или между ног в вышеописанной манере. Открыто признаваемая необходимость гибели лошадей ради корриды уступила место лицемерной уловке, из-за которой лошади стали намного больше страдать, но, раз уж эта практика укоренилась, попонку не станут отменять, потому что она сберегает деньги барышникам, агентам-устроителям, да и властям теперь есть чем утешиться, мол, коррида становится более цивилизованной. С технической, а отнюдь не моральной точки зрения следует также помнить о том, что замедление быка без утраты им сил или воинственности — что достигается атакой на лошадь, когда он, упираясь всеми четырьмя

ногами и сопротивляясь пике, которая вонзилась в загривок, вскидывает коня в воздух мощным движением шеи, в результате чего скакун гибнет — так вот, именно такая манера замедления переводит быка в наиболее желательное состояние для последующих актов корриды, чего нельзя добиться, когда пикадор попросту колет быка почем зря, вынуждая его терять и силы, и кровь, и все желание атаковать. Вот что происходит с быком, когда ему попадают пикой в лопатку, в хребет или между ребер, так что, вместо того чтобы перейти к следующему терсьо в боевом состоянии, после такого увечья и быка-то не остается, с которым можно было бы сражаться.

Picador — всадник, который по приказу матадора колет быка пикой. Ему платят от ста до двухсот пятидесяти песет за бой, его правая нога и ступня защищены поножами под замшевыми бриджами, он носит короткополый жакет, рубашку и галстук подобно другим тореро, а также широкополую шляпу с обвислыми полями и помпоном сбоку. Пикадоры редко получают раны рогом, так как матадоры обязаны защищать их, когда те сваливаются быку под ноги. Если же пикадор падает в противоположную сторону, между ним и быком оказывается лошадь. Зато пикадоры часто

ломают себе руки, челюсти, ноги и ребра, порой дело доходит и до разбитого черепа. В сравнении с матадорами они погибают гораздо реже, но многие навсегда зарабатывают себе хроническое сотрясение головного мозга. На мой взгляд, среди всех низкооплачиваемых гражданских профессий именно на долю пикадоров выпала самая жесткая работа, к тому же они постоянно подвержены риску смерти, который, к счастью, почти всегда устраним благодаря плащу матадора.

Picar arriba — вонзать пику в верхнюю часть бычьего морильо.

Picar atrás — вонзать пику позади морильо.

Picar corta — вонзать пику, ухватив древко рядом со стальным наконечником. При этом человек менее защищен, так как может свалиться между лошадью и быком, однако сам удар становится намного более точным.

Picar delante — вонзать пику впереди морильо, попадая в шею.

Piernas — ноги. Тьене мучас пьернас — так говорят про быка или человека с очень крепкими ногами.

Pinchazo — прокол; пинчасо — это эстокада, при которой клинок вошел совсем чуть-чуть. Пинчар эн эль дуро — угодить в кость. Пинчасо, при кото-

ром матадор сокращает дистанцию правильно, вонзает шпагу в нужную точку, но при этом попадает в кость, не засчитывается в минус, так как угодит ли шпага в ребро или наткнется ли на позвонок, решает чистый случай. Если человек идет на закалывание по прямой и направляет шпагу как полагается, он достоин аплодисментов даже тогда, когда клинок упирается в кость и отказывается погружаться дальше. С другой стороны, трусливые матадоры делают множественные пинчасо, даже не пытаясь дослать шпагу до рукояти, лишь бы не приближаться к рогам; им хочется просто обескровить быка этими проколами, после чего решить все проблемы с помощью дескабельо. Заслуживает ли пинчасо похвалы, определяется тем, как и с какими намерениями человек идет на закалывание.

Pisar — наступать; писар эль теренно дель торо — работать близко к быку, на его территории.

Pisotear — топтать — когда бык топчет упавшего человека, пытаясь поддеть его рогом.

Pitillo — сигарета, папироса.

Pitón — кончик бычьего рога; а иногда рог целиком. Пасес де питон а питон — это рубящие движения мулетой от одного рога к другому, чтобы утомить быку его шейные мышцы. Питонес

— оба рога.

Pitos — свистки; выражение неудовольствия. Порой, когда предстоит коррида, где выступит трусливый, переживающий черную полосу или просто Непопулярный в этом конкретном городе тореро, зрители приходят на арену, заранее прихватив полицейские или собачьи свистки, чтобы звучать погромче. Если такой свистун окажется у тебя за спиной, можно временно оглохнуть. Противоядия нет, остается лишь затыкать пальцами уши. Подобные свистки широко используются в Валенсии, где сделать человека глухим считается отличным розыгрышем.

Plaza — площадь; Пласа де торос — арена для корриды.

Poder a poder — «сила на силу»; метод вонзания бандерилий, изложен в тексте.

Pollo — цыпленок; также желторотый прожигатель жизни. Юный тореро, мнящий себя пупом земли.

Polvo — пыль; вздымается ветром, поэтому арену сбрызгивают. Когда ветер поднимает пыль на арене, зрители голосят: «Аква! аква!», пока не привезут машину-поливалку или не пустят в ход шланг.

Pomo — навершие рукояти.

Presidencia — президиум, возглавляющий проводимую корриду.

Prueba — испытание, проверка или доказательство; пруэба де кабальос — проверка лошадей пикадорами. Пруэбой также называется один из тех боев, которые ежегодно устраиваются в Памплоне по демократическим ценам за входной билет и на которых предположительно проверяются боевые качества местных пород. Раньше для этого брали четырех быков, сейчас выступают шесть матадоров, каждый из которых по очереди убивает по одному животному.

Punta de capote — «край плаща»; беготня быка за плащом, который удерживается одной рукой за кромку так, что ткань волочится по земле; канонический способ работы с быком, едва тот выскочит на арену.

Puntazo — небольшое повреждение от удара рогом, в то время как корнада — это серьезная рана.

Puntilla — кинжал для забивки смертельно раненного быка или коня (см. cachete).

Puntillero — человек, забивающий быка с помощью пунтильи (см. cachetero).

Puro — гаванская сигара; их курит большинство тех, кто так или иначе связан с корридой

— если они могут себе это позволить.

Puta — шлюха, потаскуха, шленда, блудница, шалава или проститутка; ихо де пута — сын любой представительницы женского пола из вышеприведенного перечня; популярное оскорбление, выкрикиваемое в адрес тореро и соответствующее нашему «сукиному сыну». В испанском оскорбление считается более грубым, когда упоминаются родители, нежели сам человек.

Puya — синоним пики; также означает собственно острие.

Puyazo — укол быка пикой.

Q

Quedar — оставаться на месте; кедар син торо — применительно к тореро: остаться без врага, потому что бык раздавлен физически и морально теми ранами, которые ему нанес пикадор.

¡Qué lástima! «какая жалость!» Восклицание, которым встречают новость о том, что твой друг либо угодил быку на рог, либо подхватил сифилис, либо женился на потаскухе, или что-то приключилось с его женой или детьми — или когда бестолковому тореро достается великолепный бык, и наоборот.

Querencia — та точка на арене, которую пред-

почитает бык, где он чувствует себя как дома.

Querer — желать; но кьерэ — в корриде означает, что матадор не хочет ничего пробовать, его все устраивает, он не желает напрягаться в этот вечер; применительно к быку означает, что он не хочет атаковать лошадь или ткань.

¡Que se vaya! означает, что ему надо убраться отсюда к чертовой матери и больше не возвращаться. Адресуется тореро.

Quiebro — любой наклон, особенно с изгибом поясницы в ту или иную сторону, чтобы избежать удара; и вообще любое телодвижение или финт туловищем, когда бык рядом, чтобы не попасться ему на рог.

Quiebro de muleta — наклон с разворотом муле́ты вправо, выполняемый в нижней плоскости левой кистью в момент вонзания шпаги, чтобы вынудить быка проскочить мимо; как раз потому, что именно левая рука управляет животным и позволяет от него избавиться, пока правая втыкает клинок, среди тореро и бытует поговорка, что быка убивают скорее левой рукой, нежели правой.

Quinto — пятый; но ай кинто мало — «пятый не может быть плохим»; старинное поверье, что пятый бык всегда отличный. Возможно, оно роди-

лось в те дни, когда сами скотоводы принимали решение, в каком порядке будут выходить на бой их быки; это было еще до того, как появилась нынешняя практика устраивать жеребьевку. Если раньше знание повадок всех быков позволяло ставить пятым отличный экземпляр, нынче под этим номером может оказаться что угодно.

Quite — от глагола quitar «устранять»: прием для отвлечения быка от участника корриды, которому грозит непосредственная опасность. В особенности относится к случаям, когда быка отвлекают от лошади с ее всадником во время работы пикадоров; китэ выполняют матадоры, вооружившись плащом, причем поочередно; каждый из них берет на себя быка после каждой атаки. Матадор, которому предстоит заколоть этого быка, делает первый китэ, за ним по порядку следуют остальные матадоры. В свое время под китэ понималось сближение с быком и отвлечение его от упавшей лошади с всадником при помощи плаща, после чего быка ставили в нужную позицию для следующего пикадора, однако сейчас характер китэ изменился, так что всякий раз, когда матадор вытащит быка в сторону, он прямо-таки обязан выполнить еще и связку пассов с плащом; такое впечатление,

что они соревнуются между собой, кто ближе и артистичнее всех сумеет пропустить мимо себя быка. Когда кто-то ранен или упал, а бык над ним нависает, то в китэ принимают участие сразу все матадоры, и как раз в такие моменты удается в полной мере оценить их доблесть, знание быков и степень самоотверженности, так как китэ в подобных обстоятельствах чрезвычайно опасен и труден для исполнения, коли к быку надо подобраться совсем уж близко — ведь как иначе его можно отвлечь от уже доступной жертвы? — и вот почему, когда бык все же бросается на отвлекающего матадора, отступление становится очень рискованным.

R

Rabioso — взбешенный; про матадора говорят рабиосо, когда он довел себя до исступления, до истерической храбрости в отличие от расчетливой, хладнокровной отваги, характерной для действительно смелого человека; тореро, который по своему характеру хладнокровно отважен, приходит в состояние рабиосо лишь под воздействием насмешек толпы либо из-за быка, который его неоднократно сшиб с ног.

Rabo — бычий хвост.

Racha — полоса везения; мала рача — черная полоса; тореро раз за разом вытягивает себе дрянных быков; серия неудачных боев.

Ración — порция; например, в кафе, когда заказываешь себе креветок, персебэс или что там у них есть. В случае ракообразных расьон обычно составляет сто граммов, то есть чуть меньше половины фунта. Именно по этой причине один раз могут достаться две королевские креветки, а в другой — четыре поменьше, хотя обойдутся они в одну и ту же сумму, так как продают их на вес.

Rebolera — декоративный пасс, при котором плащ удерживается за краешек и описывает вокруг человека полный круг.

Rebotado — отскочить после удара головой быка; подвергаться сильным толчкам, но не падать.

Rebrincar — отскакивать вбок; иногда такие антраша выкидывают быки, впервые увидев плащ.

Recargar — бык бросается в повторную атаку, хотя его отталкивают пикой.

Receloso — вяло атакующий бык, но не потому, что его изнурили, а потому, что ему недостает воинственности, хотя, если его дразнить настойчиво, он все же кинется нападать.

Recibir — убить быка шпагой спереди, дождав-

шись его атаки и при этом ни разу не сойдя с места; мулета удерживается низко в левой руке, а шпага в правой, правое предплечье находится поперек груди и указывает на быка, а когда тот подскочит к человеку и уткнется носом в мулету, матадор вонзает в него шпагу, заодно проворачиваясь вместе с мулетой, как в пасе де печо, не сдвигая ступней вплоть до момента контакта клинка с быком. Самый сложный, рискованный и драматический способ закалывания; большая редкость в наше время. Я видел этот прием доведенным до конца лишь три раза, хотя к тому моменту побывал на трех сотнях боев.

Recoger — повторно ранить рогом; бык подбрасывает что-то с земли и ловит на рог или перебрасывает человека с одного рога на другой.

Recorte — любой пасс плащом, который резко выдергивается из поля зрения быка; или иное быстрое движение человека, которым он останавливает атакующего быка на полном ходу; разворачивает его настолько резко, что тот может вывихнуть себе ноги или хребет.

Recursos — ресурсы; тореро с большими рекурсос — это мастер с козырями в рукаве и навыками борьбы с осложнениями, которые могут возникнуть в ходе боя.

Redondel — синоним арены, где устраивают бой быков.

Redondo — En redondo — связка пассов, например, из натуралей, при выполнении которой человек и бык описывают полный круг; любой круговой пасс.

Regalo — ответный подарок или сувенир для матадора, который посвятил быка кому-то из зрителей. Используется саркастически при обозначении трудного быка.

Reglamento — правительственное постановление, регламентирующее порядок проведения корриды в Испании. Поначалу предполагалось включить перевод текущего постановления в приложение к этой книге, но поскольку ныне действующее регламента восходит к эпохе правления Примо де Риверы, было принято решение дождаться выхода новой редакции этих правил, и уже затем включить их перевод в последующие издания этой книги, если, конечно, они появятся.

Regular — обычный, нормальный или так себе, когда относится к работе матадора или результатам корриды.

Rehiletes — метательные стрелки; синоним бандерилий.

Rehilitero — бандерильеро.

Rejón — копье, которым убивают быка в конной корриде.

Rejoneador — всадник, который пытается убить быка копьем-рехоном.

Relance — al relance — неожиданно вонзить еще одну пару бандерилий в атакующего быка, когда он только что получил предыдущую пару.

Reloj — часы; по закону все арены оборудованы часами, чтобы зрители могли следить за временем, которое тратит матадор на закалывание быка.

Rematar — завершать; выполнить заключительный пасс связки с плащом; сделать нечто, что явится эмоциональной или артистической вершиной боя. Применительно к быку говорят рематар ен таблас, то есть «очутиться на досках», когда он вынудит человека сигануть за барреру, а сам вопьется рогами в щит этого деревянного ограждения.

Remojar — смачивать плащи и мулеты в ветреный день, чтобы они отяжелели.

Remos — передние и задние конечности быка или лошади.

Rendido — замученный; сдавшийся на милость человека.

Renovador — обновитель, новатор в искусстве и т. п. Об их появлении в корриде кричат чуть ли не ежегодно, хотя настоящим новатором и первопроходцем в современном бою быков был лишь Хуан Бельмонте.

Renunciar — отступаться или сдаваться; тореро отрекается от своей альтернативы, когда отказывается от титула полного матадора де торос, меняя его на возможность получать контракты в качестве новильеро.

Reparado de vista — подслеповатый на один глаз. Дефекты зрения часто возникают из-за попадания соломинки или колючки в глаз пасущемуся быку.

Res — промысловый зверь; голова скота на ранчо, где разводят боевых быков.

Resabio — дурная привычка; торо де ресабио — норовистый бык.

Retirada — уход из профессии; тореро иногда покидают свою профессию, если у них мало контрактов (или они слишком любят своих жен), и возвращаются на арену через несколько лет, надеясь — в первом случае, — что новизна их появления принесет им контракты, а во втором случае они возвращаются оттого лишь, что нуждаются в деньгах или когда семейные отношения

стали менее яркими.

Revistas — журналы или печатные обозрения; ревистас де торос — периодические издания на тему корриды. Большинство из них в настоящее время представляют собой пропагандистские листки с фотографиями и цветистыми рассказами о тех тореро, которые платят редактору известную сумму. Тореро, задолжавшие за опубликованные материалы, или те, кто вообще отказался от предложений — как правило, за обложку с их фотоснимком или, вариант подешевле, за снимок внутри, — подвергаются в дешевых изданиях более-менее оскорбительным нападкам. «Ле ториль», выходящий в Тулузе, Франция — это объективный тематический журнал, держащийся за счет подписчиков и не идущий на проплаченную пропаганду, как явную, так и скрытую. Искренность и беспристрастность этого издания страдают из-за того, что издатели могут позволить себе посетить лишь ограниченное число боев, кроме того, им недоступны ни первый, ни второй абонементный сезоны в Мадриде, так что каждый бой они воспринимают как нечто обособленное, а вовсе не как составную часть сезона или кампании. «Эль эко таурино», выходящий в Мадриде, содер-

жит наиболее полные и точные обзоры боев в Испании и Мексике.

Барселонская «Ла фиеста брава» хоть и является пропагандистским еженедельником, печатает великолепные снимки, а заодно и определенное количество новостей и фактов. Ни одно из прочих изданий нельзя считать серьезным, хотя кое-какие, например, «Торерос и торос», довольно любопытны. Валенсийский «Эль кларин» славится своими превосходными фотографиями, но во всем остальном это просто проплаченная реклама. «Торерияс» всегда чем-то удивляет, ее интересно читать, но она самая оскорбительная из всех газетенок-шантажисток. В свое время «Ла лидиа», «Солисомбра» и — в течение короткого периода — «Зигзаг» были настоящими энциклопедиями корриды, из чьих переплетенных подшивок можно было узнать историю боев каждой эпохи, хотя ни одно из этих изданий никогда не было полностью независимым от финансового влияния кое-каких матадоров.

Revistero — газетный обозреватель, ведущий колонку корриды.

Revolcón — опрокидывание под ударом быка, хотя и без получения раны; чаще всего происходит, когда рог цепляется за складки одежды,

попадает между ног или в подмышечную впадину.

Revoltoso — бык, который быстро, чрезвычайно быстро разворачивается, чтобы вновь броситься на человека, когда тот провел его мимо себя плащом или мулетой.

Rodillas — колени.

Rodillazos — пассы, выполняемые на одном или обоих коленях. Их достоинство зависит от того, на чьей территории они проделываются — на территории быка или же матадора, — и когда именно матадор принимает коленопреклоненную позу: до или после пролета рогов.

Rondeño: Escuela rondeña — Рондская школа корриды, то бишь рондский стиль боя быков — рассудительный, ограниченный в репертуаре, без ухищрений, классический и трагический — в противоположность более разнообразному, игривому и грациозному севильскому стилю. Скажем, хотя Бельмонте и был новатором, он по сути дела принадлежал к эскуэла ронденья, пусть даже родился и вырос в Севилье. Хоселито можно считать примером так называемой севильской школы. Как и в большинстве случаев, когда обсуждаются стили в искусстве или литературе, деление людей на ту или иную школу является

искусственным и целиком зависит от прихоти критика; стиль в корриде больше чем где бы то ни было формируется привычными действиями, отношением к бою и физическими данными. Если тореро очень серьезен по своему темпераменту, на арене скорее рассудителен, нежели игрив, и обладает ограниченным репертуаром вследствие нехватки воображения, скверной подготовки или телесных изъянов, которые, к примеру, мешают ему вонзать бандерильи, то его норовят причислить к рондской школе, хотя сам он может считать иначе и не придерживаться мнения, что торжественная манера корриды лучше игривой. Он просто серьезен, вот и все. С другой стороны, многие тореро, которые совсем не игривы и не склонны шутить на арене, применяют все севильские штучки, так как выросли и обучались именно там; они могут принимать легкомысленный вид, заставлять себя улыбаться и в целом держаться с небрежным изяществом и вычурностью, хотя на самом деле в их сердце царит холодок страха. Севильская и рондская школы корриды действительно имели место на начальном этапе развития профессиональной корриды, выступая скорее как противостоящие друг другу философии, когда между великими

матадорами и их учениками из этих двух городов существовало соперничество, однако сейчас рондский стиль просто означает серьезную и трагическую торжественность при ограниченном репертуаре, в то время как под севильским стилем понимается легкомысленная (хотя бы внешне) и цветистая манера с богатым репертуаром приемов.

Rozando los alamares — когда рога цепляют и раздирают украшения на жакете тореро.

Rubios — блондины; применительно к быкам означает пятачок между вершинами лопаток, куда должна входить шпага. Рубиас — блондинки.

S

Sacar — извлекать; сакар эль эстоке — вытащить шпагу, чтобы рана кровоточила обильнее; или просто потому, что удар пришелся в неправильное место. Обычно это делает бандерильеро: он догоняет быка и набрасывает плащ на торчащую рукоять, чтобы, зацепив за нее, выдернуть шпагу тканью. Если бык при смерти, матадор может самостоятельно выдернуть шпагу рукой или же подцепив ее бандерильей, а иногда и тем клинком, которым выполняется дескабельо. Сакар эль торо: вытащить быка на середину аре-

ны, когда он встал в кверенсию возле барреры. Сакар эль корчо: вытащить пробку из бутылки. Сакаркорчос: штопор. В корриде под штопором понимается неэстетичная манера работы с плащом, когда быка вызывают на веронику слишком издалека и сбоку.

Salida en hombros — матадора выносят с арены на плечах ликующей толпы. Может означать что угодно, в зависимости от того, раздавали ли по его поручению бесплатные билетики или же реакция зрителей была действительно спонтанной.

Salidas — выходы; в корриде дар салида означает отослать быка от человека при помощи куска ткани при завершении пасса. В каждом пассе салида — это та точка, через которую бык покидает территорию человека в тех случаях, когда полностью проносится мимо. Соответствующие выходы, которые делают человек и бык при вонзании бандерилий и при заклании, именуются салидас.

Salir por pies — при завершении любого маневра улепетывать от быка со всех ног, чтобы не угодить ему на рога.

Salsa torera — сальса дословно означает «соус», в то же время под сальсой понимается то неуловимое качество, отсутствие которого делает

скучной даже самую блестящую в техническом плане работу.

Saltos — в свое время прыжки через быка выполнялись либо с шестом, либо безо всяких приспособлений. Нынче же прыжки можно увидеть лишь тогда, когда тореро вынужден рыбкой нырять через барреру.

Sangre torera — «матадорская кровь», скажем, когда человек родился в семье профессиональных тореро.

Sano — здоровый; перед боем ветеринар должен признать быка годным. Ослабленные копыта как следствие ящура, называемого по-испански *глосопеда*, не так-то легко выявить, и вот почему такой дефект зачастую проявляется лишь во время схватки.

Santo — святой; эль санто де эспальдас — так говорят про тореро, кому выпал неудачный денек; «святой повернулся к нему спиной». Индивидуальный тореро считает личной покровительницей местную Виргену, т. е. Богородицу, своего родного города, района или деревни, в то же время Вирген де ла соледад, или Матерь Скорбящая, является заступницей всех тореро, и вот почему в часовне мадридской арены помещено ее изображение.

Seco — сухой; резкий; тореро секо — тот, кто работает в дерганой, а не в вкрадчивой манере. Валор секо: природная, не напускная храбрость; гольпе секо: резкий удар головой, который иногда проделывает бык, силясь освободиться от вонзенной пики. Именно от таких ударов получаются самые страшные раны, что у человека, что у лошади. Вино секо: несладкое вино.

Sencillo — простодушный, благородный и доверчивый в своих атаках бык.

Sentido — понимание; бык, который не обращает внимания на ткань, а охотится на человека, причем во время боя учится быстрее, чем тореро, которым не удается даже правильно работать с плащом и бандерильями. Если тореро бегает и работает с большого расстояния, вместо того чтобы искусно обманывать быка, встав к нему настолько близко, что тот может сосредоточиться лишь на ткани, то животное, видя человека и приманку по отдельности, быстро учится их различать. Вот как получается, что под влиянием страха люди сами делают быка трудным, работая вдали от него и оказываясь не в состоянии вонзить бандерильи в нужный момент, в то время как тореро, работающий близко, так что бык видит лишь ткань, с большей легкостью над ним

доминируют и втыкают бандерильи, не давая ему сообразить, что и как следует делать, чтобы поймать человека.

Señorito — молодой джентльмен; сеньоритос: так в корриде именуют тореро, которые ведут себя как молодые прожигатели жизни; порой это относится к выходцам из состоятельных семейств, которые решили пойти в матадоры.

Sesgo — под углом; аль сэсго: метод вонзания бандерилий, разобран в тексте.

Sevillano — Escuela sevillana: севильская школа или манера боя; веселая, пышная, с большим разнообразием приемов — в отличие от сумрачно-классической рондской школы с ее ограниченным репертуаром. Севильяно: монета в пять песет, которую чеканили на юге и какое-то время в ней было столько же серебра, сколько и в обычной монете этого же достоинства, хотя на севере ее отказывались признавать в качестве средства платежа за определенные долги. Советую вообще не брать пятипесетные монеты с изображением детской головки покойного короля, чтобы не попасть впросак. Надо лишь попросить, и такие монеты заменят.

Silla — стул; бандерильи иногда вонзают, сидя на стуле; сидящий человек дожидается атаки

быка, вскакивает, когда тот оказывается рядом, делает финт в одну сторону, чтобы туда последовал бык, маятником откачивается обратно, вонзает бандерильи и, когда бык промчится мимо, вновь усаживается.

Simulacro — имитация; бои, которые устраиваются там, где запрещено убивать быков, например, во Франции и Португалии; в таких боях акт заклания имитируется с помощью розетки или бандерильи, которая заменяет шпагу.

Sobaquillo — подмышечная впадина, обычное место при ранении рогом, когда человек, резко сокращая дистанцию для убийства, не смог мулетой заставить быка опустить голову.

Sobreros — запасные быки, на случай, когда публика протестует против животного, уже выпущенного на арену.

Sobresaliente — когда два матадора сражаются с шестью быками, то к ним может присоединиться новильеро, т. е. стажирующийся матадор, который будет играть роль собресальентэ, сиречь, дублера; ему поручается убить быков, если оба матадора получат раны и не смогут продолжить бой. Обычно собресальентэ получает лишь двести-триста песет, кроме того, он должен помогать своим плащом при работе с бандерильями. Как

правило, матадоры дают ему возможность выполнить один-два китэ ближе к окончанию боя.

Sol y sombra — «солнце и тень»; места на зрительских трибунах, которые в начале схватки находятся на солнце, но затем уходят в тень. Билет стоит где-то посредине между местами в тени и на солнце; это позволяет существенно экономить средства тем, кто вынужден тщательно следить за своими расходами.

Sorteo — жеребьевка перед боем для определения, какой матадор будет убивать какого быка. Кроме того, так называется розыгрыш в испанской лотерее.

Suertes — все заранее продуманные маневры в бою; любое действие в корриде, для которого существуют правила исполнения. Кроме того, суэрте в единственном числе означает удачу.

Sustos — испуг, тревога, потрясения.

T

Tablas — доски; ограждение-бадреда, которая окружает арену, где проходят бои быков. Энтабладо говорят про быка, который занимает позицию возле щитов ограждения и отказывается покидать это место.

Tabloncillo — самый высокий ряд открытых

сидений под крытыми галереями.

Tacones — каблуки; таконэс де гама — резиновые каблуки; их продают бродячие торговцы, которые подкрадываются, пока ты сидишь в кафе, и как бы состригают у тебя каблуки при помощи своего рода ножниц мгновенного действия, после чего предлагают купить резиновую, низкокачественную дрянь на замену. А когда начинаешь возмущаться по поводу столь дикой наглости, отвечают, мол, сеньору все равно нужны каблуки. Настоящий рэкет. Если какой-нибудь «каблукорез» без разрешения отхватит у вас каблук, когда вы не заказывали себе резиновую пару, врежьте ему под дых или в челюсть и попросите, чтобы кто-то другой занялся починкой. Закон вроде бы на вашей стороне, но если все же угодите в каталажку, то штраф так и так не превысит стоимость резиновых каблуков. Чуть ли не на каждой ферии можно было видеть одного зловещего каталанца-каблукореза со шрамом на правой щеке. Большой умелец в этом деле, спорить не буду, хотя в последнее время он вроде бы пустился в бега и на глаза попадается не столь часто. Если заметите приближение этого урода (вот где годится выражение ихо де пута), снимайте свои башмаки и прячьте их за пазуху.

Если же он вздумает прибить резиновые каблуки к вашим голым ступням, зовите американского или британского консула.

Tal — такой, подобный, некоторый и проч. Кэ таль? — этого выражения достаточно, чтобы спросить «Как дела?», «Ну, что нового?», «Как оно там?», «Что скажешь, старина?», «Как тебе это нравится?», «Чем дышишь с нашей последней встречи?». А если к кэ таль прибавить да фамилий, то окажется, что ты интересуешься, как поживает семья собеседника: вещь в испанском этикете совершенно незаменимая; ла мадре — о его матери; су сеньора: «ваша супруга»; эль негосио: его бизнес (в ответ обычно слышишь фаталь); лос торос: быки (обычно муй мало), эль мовимьенто: общественное движение — анархическое, революционное, католическое или монархистское (чаще всего дела идут неважно); или просто лас косас, что включает все вышеперечисленное и многое-многое другое. Интересно, что обычно лас косас не так уж плохи; так через гордость проявляется личный оптимизм, в каких бы подробностях и масштабах человек не делился с тобой своим пессимизмом.

Taleguilla — короткие панталоны тореро.

Tanteo — прикидка; лансес де тантео — первые

пассы, которые матадор выполняет плащом издали, чтобы понять, как бык атакует, лишь после чего начинает работать по-настоящему близко.

Tapar — накрывать; manando ла кара кон ла мулета («набросив мулету на морду») — манера закалывания, когда всю морду быка накрывают тканью, чтобы он ничего не видел, а затем перегибаются над головой и наносят последний удар; мошеннический прием, часто применяемый матадорами, чей рост позволяет легко выкидывать подобные штуки (вместо того, чтобы опустить мулету, чтобы бык последовал за ней в сторону от человека).

Taparse — накрыться; это когда бык, вскинув голову, «закрывает» тот пятачок, куда полагается вонзать шпагу или бандерильи; или когда по этой же причине делает недоступным место между шейными позвонками, где матадор должен провести дескабельо. Вставший в оборону бык с быстрой реакцией иногда вскидывает голову, ощутив боль от вонзаемой шпаги, тем сам не позволяя погрузить ее глубже.

Tapas — «крышки»; они потому так и называются, что изначально ими накрывали стопки с выпивкой, а не как нынче, когда их подают на отдельной тарелочке.

Тапас — это закуска: кусочки копченого лосося, тунец со сладким красным перцем, сардины, анчоусы, хамон, ломтики колбасы, дары моря, обжаренный миндаль, фаршированные анчоусами оливки, которые подаются бесплатно к манзанилле или вермуту в кафе, барах или кабачках-бодегас.

Tarascadas — внезапный бросок или атака быка.

Tarde — день от полудня и до сумерек, также собственно вечер; муй тарде: очень поздно.

Tardo — медлительный; торо тардо: бык, атакующий с запозданием.

Taurino — относящийся к корриде.

Tauromachia — искусство боя быков, как пешим порядком, так и в седле. Самыми известными книгами о правилах стариной корриды являются «Тавромахии» Хосе Дельгадо (Пепе Ильо), Франсиско Монтеса и, ближе к нашим дням, Рафаэля Гверры (Гверриты). За Пепе Ильо и Гверриту сочинял кто-то другой. А вот про Монтеса говорят, что он все написал сам. Его-то книга и есть самая понятная и толковая.

Tela — ткань, материал; мае тэла в корриде означает, что быку дают еще одну порцию трясущихся плащей; тэла всегда используется в

уничижительном смысле, как «тряпка»; ларгандо тэла означает слишком широко расправленный плащ; разворачивать ткань, чтобы держать быка как можно дальше от человека; устраивать навес.

Temeroso — боязливый бык, который трясет головой и отходит от предмета, иногда вдруг делает отскок и отворачивается, или медленно пятится, тряся головой, вместо того чтобы атаковать.

Templador — небольшая деревянная будка с четырьмя дощатыми стенами и входом на каждом углу, которую устраивают в центре некоторых южноамериканских арен как средство дополнительной защиты для местных тореро.

Templar — вести плащ или мулету неторопливо, вкрадчиво и спокойно, тем самым продлевая пасс, а вместе с ним и риск, придавая особый ритм всей картине, где действуют человек, бык и плащ или мулета.

Temple — то качество, которое отвечает за неторопливость, вкрадчивость и ритм работы тореро.

Temporada — сезон корриды; в Испании длится с Пасхи по первое ноября. В Мексике с первого ноября по конец февраля.

Tendido — ряды открытых зрительских сидений

вокруг арены, которые амфитеатром взбираются от барреры до крытой галереи, или грады. Эти трибуны делятся на сектора, в каждом из которых устроен свой вход, и нумеруются от одного до десяти: тендидо 1, тендидо 2 и так дальше.

Tercio — треть; бой делится на три части: терсьо де варас, то есть с пиками, терсьо де бандершъяс и терсьо де муэрте, или терсьо смерти. Если же вести речь о разбивке арены, то под терсьос понимается внутреннее концентрическое кольцо, если поделить диаметр арены на три части. Внешнее кольцо именуется таблас, оно примыкает к баррере, а кольцо между ними называется медиос.

Terreno — территория; в самом широком смысле бычьей территорией называется тот участок, что простирается от точки местонахождения быка до центра арены; в случае тореро это участок между ним и баррерой. Предполагается, что в конце пасса бык направится к центру арены, так как именно там у него наибольшее пространство и свобода. Однако в действительности это не всегда так, поскольку уставший или трусливый бык обычно тяготеет к баррере. В таком случае территории участников боя могут поменяться с точностью до наоборот. Идея в том, чтобы остав-

лять быку незакрытым его естественный выход после каждой стычки с человеком или серии пассов. Территорией также является та треть арены, которая была выбрана тореро для исполнения любого маневра или связки, идет ли речь о центре, среднем концентрическом круге или том, что ближе всех расположен к баррере. Под территорией тореро понимается также тот участок грунта, который ему нужен для успешного исполнения того или иного приема, в том числе их сочетания. При Типичном заклании, когда бык находится на своей территории, а матадор — на своей, бык будет стоять правым боком к баррере, а левым — к центру арены, так что в момент сокращения дистанции тореро будет двигаться к ограждению, а бык — к середине арены. В случае быков, которые продемонстрировали, что у них естественный выход направлен в сторону барреры, матадор при сокращении дистанции перевернет свое положение на противоположное — это называется «брать быка террэнос камбиадо», т. е. обернув территории, заранее поставив животное левым боком к баррере, а правым — к центру арены. При такой расстановке человек после встречи выйдет к центру, а бык — к ограждению. Гарантированный способ угодить на рога

— это не понимать принципа расположения территорий или естественных выходов, особенно в индивидуальных, нестандартных случаях, так что в конце суэрте человек может оказаться прямиком на пути быка, вместо того чтобы освободить ему дорогу, направив как раз в ту сторону, которую предпочитает само животное. Естественный выход при завершении любого пасса всегда должен находиться в направлении кверенсии, т. е. того места, которое себе облюбовал конкретный бык.

Tiempo — эстокадас а ун тьемпо: эстокады, при которых бык бросается в атаку ровно в тот миг, когда человек идет на резкое сокращение дистанции для закалывания. Для успешного выполнения таких эстокад матадор должен обладать особым хладнокровием.

Tienta — испытание телят на храбрость, проводимое на скотоводческой ферме.

Tijerillas — «ножницы»; пасс, при котором плащ удерживается в перекрещенных руках; встречается редко, хотя в последнее время наметилась тенденция вернуть этот пасс в репертуар типовых приемов.

Tirones — пассы мулетой, когда нижним концом ткани трясут сначала под мордой быка, после

чего мулету отдергивают в сторону, чтобы бык последовал за ней; используются для перемещения быка из одной точки арены в другую.

Tomar — брать; про быка говорят, что он «хорошо берет мулету», когда активно за ней охотится; про человека говорят, что он «берет быка де корта», когда провоцирует атаку с близкой дистанции, в то время как «брать де ларго» означает вызвать нападение с дальнего расстояния.

Tonterías — глупости; вздорные декоративные выходки, совершаемые с быком, вроде навешивания шляп на рога и прочее.

Toreador — офранцуженный вариант слова «тореро». В Испании не в ходу, за исключением пренебрежительного отзыва о французских матадорах.

Torear — сражаться с быками в замкнутом пространстве пешим или в седле.

Toreo — искусство боя быков. Торео де салон — отработка приемов с плащом и мулетой без быка; необходимая составляющая подготовки любого матадора.

Torerazo — великий тореро, «торерище».

Torerito — незначительный тореро, «тореренок».

Torero — профессиональный участник боев

с быками. Матадоры, бандерильеро, пикадоры — все они тореро. В качестве прилагательного означает «относящийся к корриде».

Torete — молодой бычок.

Toril — загон, из которого быков выпускают на арену.

Toro — бык. Todo эс торо: «Это все бык [виноват]»; насмешливая ремарка в адрес бандерильеро, который совершил какой-нибудь смехотворный промах. Лос торос дан и лос торос китан: «Быки дают и быки забирают»; они приносят тебе деньги и отнимают твою жизнь. Торо де паха: «соломенный бык»; не воинственный; простодушный до такой степени, что даже не опасен. Торо де лидиа: боевой бык. Торо браво: храбрый бык. Торо де бандера: исключительно храбрый бык. Торасо: бык-исполин, бычище. Торито: бык-малышок. Торо де фуэго: макет быка из папье-маше в натуральную величину, который ставится на колеса и начиняется фейерверком; его катают по ночным улицам в период фиесты на севере Испании; на баскском языке называется «сесэнсуско». Торо дель агвардьенто: бык, которого за привязанную к рогам веревку водят по улицам потехи ради.

Traje de luces — костюм матадора.

Trampas — уловки, мошеннические приемчики; способы имитировать риск, на самом деле не подвергая себя опасности.

Trapío — «статность», общее состояние боевого быка. Буэн трапио — объединение всех желательных качеств — тип, физические данные и габариты — в быках той или иной боевой породы.

Trapo — «лоскут, тряпка»; мулета.

Trasera — эстокада, угодившая слишком близко к задней части быка.

Trastear — работать мулетой.

Trastos — инструментарий, в корриде это шпага и мулета.

Trinchera — траншея; де тринчера: пасс мулетой, когда человек находится на безопасном отдалении от быка; или спасается, держась за рогами возле шеи, когда бык поворачивается.

Trucos — уловки, трюки.

Tuerto — одноглазый; с быками, слепыми на один глаз, сражаются на новильядах. Встретить на улице туэрто, т. е. слепого, считается дурной приметой. Что касается одноглазых быков, то они не то чтобы сложны в бою, просто с ними невозможна показать сколь-нибудь блестящую работу.

Tumbos — резкие толчки или тряска; падения пикадоров.

Тито — очередь; в порядке очередности, например, по старшинству во время выступления матадоров; все в корриде делается по очереди, чтобы бой проходил без задержек и споров.

U

Ultimo — последний; ультимо терсьо: последняя треть боя, когда быка закалывают шпагой при помощи мулеты.

Uretritis — гонорея; широко распространенное заболевание на Иберийском полуострове. На эту тему есть испанская пословица: Мае корнадас дан лас мухерэс: женщины ранят сильнее, чем быки.

Urinario — писсуар.

Utrero — бычок между двумя и тремя годами. Утрера: телочка того же возраста. Многие быки, продаваемые для испанских арен, мало чем отличаются от утреро. Зачастую оказывается, что быки смешанной породы очень храбры в возрасте утреро, но к четырем годам постепенно становятся трусливыми. Это особенно верно в случае быков, разводимых в провинции Саламанка. В результате многие скотоводы пытаются выдать своих утреро за настоящих, зрелых быков;

откармливают их зерном, чтобы те потучнели и набрали необходимый вес. Как раз оттого, что сражаться приходится с такими быкам, коррида теряет весь свой драматизм и серьезность, лишается своей фундаментально необходимой предпосылки; подобные быки больше, чем любой иной фактор, дискредитируют корриду.

V

Vaca — телка.

Vacuno — относящийся к корриде.

Valiente — доблестный, храбрый.

Valla — стена, деревянная изгородь или барьера.

Valor — отвага, храбрость, мужество. Первейшее качество, которым должен обладать матадор.

Vaquero — скотник или пастух, присматривающий за боевыми быками на ферме; ковбой, погонщик.

Vaquilla — телочка от полутора до двух лет.

Vara — «жердь»; пика, используемая в корриде.

Varetazo — удар боковиной рога; любой удар рогом, который не наносит проникающего ранения. Последствия варьируются от простой ссадины и синяка до обширных внутренних кровоизлияний.

Ver llegar — «смотреть, как приближается»; способность невозмутимо наблюдать за приближением атакующего быка, оценивая его повадки и мысленно прорабатывая те действия, которые понадобятся для проведения запланированного маневра. Умение хладнокровно следить за нападающим быком есть необходимейшая и наиболее сложная вещь во всей корриде.

Verguenza — стыд или чувство собственного достоинства; ун тореро сын вергуэнса — это человек, не ведающий разницы между честью и позором. Кэ вергуэнса! какой позор! стыд и срам!

Veronica — пасс плащом, который удерживается обеими руками, и получивший свое название по схожести с канонической позой, в которой изображают св. Веронику, утиравшую лик Христу. Не имеет ничего общего с обтиранием бычьей морды тряпкой, как предположил один из авторов книжек про Испанию. При исполнении вероники матадор стоит либо лицом к быку, либо в профиль, левая нога слегка выдается вперед; плащ развернут и удерживается обеими руками за нижний край, где вставлены пробковые шишечки; хват нейтральный, за несколько складок одновременно, большие пальцы смотрят вверх, остальные вниз. Во время нападения быка че-

ловек невозмутимо его поджидает, а когда тот нагибает голову, чтобы подцепить плащ, тореро начинает неторопливо перемещать ткань перед бычьей мордой невысоко вскинутыми руками так, чтобы и голова, и тело быка пронеслись мимо поясницы человека. В конце движения, слегка проворачиваясь на мысках, он как бы отсылает быка прочь, а когда тот развернется для очередной атаки, тореро уже будет стоять в позиции для повторения приема, на сей раз со слегка выставленной правой ногой; тореро вновь перемещает плащ, чтобы пропустить быка в обратном направлении. Жульничество в веронике тоже встречается, например, тореро может сделать отступ в момент сближения с атакующим быком, чтобы оказаться подальше от рогов, или, когда рог уже проскочит мимо, он может поставить ступни вместе и перегнуться или вовсе шагнуть ближе, делая вид, будто рог пронесся совсем близко. Матадор, не идущий на мошенничество при вероникаx, порой пропускает быка настолько близко от себя, что рога срывают золотые розетки, украшающие его жакет. Иногда матадоры дразнят быка, удерживая ноги вместе, и проводят целую связку вероник так, словно их ступни приколотили к земле. Это

возможно лишь с теми быками, которые разворачиваются и вновь атакуют без понуканий, да еще в лоб и по идеальной прямой. Если же в конце пасса его надо развернуть, то ноги придется удерживать слегка расставленными, чтобы бык следовал за взмахами плаща. Как бы то ни было, успех вероники определяется не постановкой ступней — вместе или врозь, — а тем, насколько они были неподвижны с момента начала атаки до ее завершения, а также близостью рогов до человека. Чем медленней, вкрадчивей и ниже ведет тореро свой плащ, тем лучше вероника.

Viaje — поездка; направление атаки быка или движения человека при вонзании бандерилий или шпаги.

Viento или aire — ветер, злейший враг матадора.

Vientre — живот; место частых ранений при попытке закалывания, когда человек неудачно перегибается над рогами, как этого требует каноническая эстокада. Раны брюшной полости и груди, полученные во время корриды, чаще всего смертельны, причем не только из-за собственно ранения, но также из-за травматического шока от удара головой и рогом. Самое обычное место для ранения рогом — это бедро, так как именно

сюда угодит ранее опущенный во время атаки кончик рога, когда бык вскидывает голову, чтобы боднуть свою жертву.

Vino — вино; вино корриэнте: ординарное или столовое вино; вино дель пайс, местное вино, всегда есть смысл его заказывать; вино Риоха: вино провинции Риоха на севере Испании; есть и красное и белое. Лучшие из них «Бодэгас Бильбаинос», «Маркэс де Муррьета» и «Маркэс де Рискаль». «Риоха кларете» или «Риоха альта» — изысканнейшие и тончайшие из всех красных вин. «Диамантэ» — неплохое белое под рыбу. «Вальдэпеньяс» более полнотелое, чем риохские марки, но тем не менее великолепно как в белом, так и розовом вариантах. Испанские виноделы выпускают также шабли и бургундское, но их я рекомендовать не берусь. «Кларетэ Вальдепеньяс» очень славное. Столовые вина под Валенсией очень хороши; но в Таррагоне еще лучше, хотя они плохо выдерживают перевозку. В Галисии есть неплохое столовое вино. В Астурии пьют сидр. Местные наваррские вина замечательны. Любой, для кого Испания означает лишь херес и малагу, Переживет настоящее откровение, познакомившись с великолепными легкими и сухими красными винами. Ординар-

ные испанские марки сплошь и рядом дают фору французским винам той же категории, потому что туда никогда ничего не подмешивают, не хитрят, к тому же они в три раза дешевле. Лично я считаю, что в Европе им нет равных. Что же касается категории лучших марок, так называемые «ван гран», то в Испании такой классификации нет и с французами сравнивать нечего.

Vista — зрение; дэ муча виста: обладающий отличной проницательностью и знаниями о корриде.

Vividores — трутни, захребетники; те самые паразиты, которые присосались к корриде и живут за ее счет, ничего не привнося взамен. Испанский проныра неплохо устроится там, где его армянский или греческий собрат будет едва сводить концы с концами, а там, где американский ловкач будет умирать с голоду, испанский захребетник скопит капиталец, которого хватит для выхода на пенсию.

Volapié — «полет на бегу»; способ закалывания, изобретенный Хоакином Родригесом (Костильяресом) в эпоху американской Декларации независимости от Англии; предназначен для тех быков, которые из-за усталости не могут дать уверенную атаку в манере ресибьендо, другими

словами, когда человек дожидается нападения и «принимает» набегающего быка на свою шпагу. Для исполнения волапье человек ставит быка так, чтобы его ноги были параллельны; затем делает обрисовку на короткой дистанции с низко опущенной мулетой в левой руке; бросает взгляд вдоль клинка, который является продолжением его предплечья, лежащего горизонтально перед грудью, и левым плечом вперед бросается к быку, вонзает шпагу правой рукой между бычьими лопатками; отсылает быка на выход движением мулеты в левой руке, при этом втягивая живот, чтобы избежать рогов; свой выход из стычки делает вдоль бока животного. Если не считать того, что нынешние матадоры редко идут на настоящее сближение в момент погружения клинка и практически никогда не держат шпагу на уровне груди, а скорее возле подбородка или вообще у переносицы, вышеописанный способ выполнения волапье в том виде, как его изобрел Костильярес, до сих пор в ходу.

Volcar — опрокидывать, переворачивать; волькандо собрэ эль морильо: так говорят про матадора, который с такой пылкостью и серьезностью кинулся закалывать быка, что едва не перелетел через холку, следуя за шпагой.

Voluntad — желание или охота, добрая воля; про матадора говорят, что он проявил буэна волюнтад, если сделал все, что мог; ну а если результат оказался все-таки неважным, то в этом повинны либо недостатки быка, либо неумение самого человека, но отнюдь не отсутствие намерений.

Vuelta al ruedo — круг почета, который делает матадор по настоянию рукоплещущей публики. Его сопровождают бандерильеро, которые собирают брошенные на арену сигары и швыряют обратно в толпу шляпы и прочие предметы одежды.

Z

Zapatillas — туфли-лодочки с плоской подошвой, в которых тореро выходят на арену.